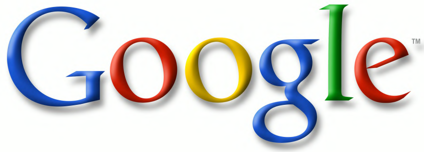

COMMENTATIONES PHILOLOGICAE

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ЧЕСТЬ

ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

ПОМЯЛОВСКАГО

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

КЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНѢ ЕГО УЧЕНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТЪ УЧЕНИКОВЪ И СЛУШАТЕЛЕЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1897.

COMMENTATIONES PHILOLOGICAE

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ЧЕСТЬ

ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

ПОМЯЛОВСКАГО

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

КЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНѢ ЕГО УЧЕНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТЪ УЧЕНИКОВЪ И СЛУШАТЕЛЕЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1897.

Глубокоуважаемый

Иванъ Васильевичъ!

Чествуя нынѣ исполнившееся тридцатилѣтіе Вашей ученой и педагогической дѣятельности, мы просимъ Васъ принять посвященный имени Вашему посильный трудъ Вашихъ бывшихъ учениковъ и слушателей, какъ знакъ глубокаго уваженія и признательности дорогому наставнику и руководителю.

При широкомъ пониманіи задачъ избранной Вами отрасли знанія, Вы ознаменовали Вашу плодотворную научную дѣятельность многими выдающимися трудами въ различныхъ областяхъ филологіи, намѣчали задачи, подлежащія разработкѣ, указывали и ученикамъ Вашимъ методы и пріемы научнаго изслѣдованія; и въ то же время Вы съ неизмѣннымъ участіемъ слѣдили за успѣхами другихъ наукъ, входящихъ въ программу историко-филологическаго факультета, и выказывали ревнивую заботу объ ихъ болѣе правильной

постановкѣ въ Университетѣ, вникая живо въ интересы различныхъ каѳедръ.

Ваша всегдашняя отзывчивость и сердечное отношеніе къ Вашимъ бывшимъ слушателямъ, какой бы спеціальности они себя ни посвятили, даютъ и имъ смѣлость присоединиться къ Вашимъ непосредственнымъ ученикамъ въ составленіи настоящаго сборника, лучшимъ украшеніемъ котораго является посвященіе имени Вашему.

De nostris annis augeat tibi Deus Omnipotens annos!

14 Декабря 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Портретъ И. В. Помяловскаго печатанъ въ фотографіи Е. Мрозовской на средства князя С. С. Абамелекъ-Лазарева.

Пасхальная служба Коптской церкви.

Среди богатыхъ восточными рукописями петербургскихъ собраній по счастливой случайности находится нѣсколько коптскихъ литургическихъ кодексовъ, заключающихъ въ себѣ службы страстной седмицы и перваго дня св. Пасхи. О томъ, какъ празднуетъ коптская церковь эту важнѣйшую для христіанина недѣлю, мы до сихъ поръ знали изъ описаній туристовъ и видѣвшихъ рукописи, или самые обряды ученыхъ[1]); весь чинъ, на сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не изданъ даже римской пропагандой; между тѣмъ его глубокій интересъ заслуживалъ бы лучшей участи особенно въ настоящее время, когда коптскій языкъ начинаетъ вытѣсняться арабскимъ даже изъ богослужебнаго употребленія и когда западная пропаганда начинаетъ обнаруживать все большіе и большіе успѣхи въ своей истребительной войнѣ противъ восточныхъ церквей. Упомянутыя петербургскія рукописи представляютъ для подобнаго изданія то удобство, что дополняютъ другъ друга и вмѣстѣ даютъ полный богослужебный чинъ. Какъ извѣстно, въ коптскихъ и эѳіопскихъ церковныхъ книгахъ проведенъ принципъ отдѣленія чтеній отъ пѣснопѣній; въ нашемъ случаѣ первыя составляютъ содержаніе такъ называемой «пасхальной книги» (البسخة المقدسة)[2]), два прекрасныхъ экземпляра которой составляютъ украшеніе библіотеки Института восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ и описаны въ извѣстномъ изданіи «Collections Scientifiques» etc. VI, 113—127. Слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ описанія не далъ при этомъ случаѣ болѣе полнаго содержанія рукописей, не привелъ in extenso перечня библейскихъ

---

1) Наиболѣе извѣстныя описанія: Vansleb, Histoire de l'église d'Alexandrie, Paris, 1678, стр. 145. Butler, The ancient Coptic Churches. Oxford. 1884, стр. 353. Долганевъ, Страна эѳіоповъ. СПБ. 1896, стр. 137.

2) Vansleb, l. c. 62, 1. Butler, l. c. 260.

чтеній, составляющихъ ихъ главное содержаніе; эта работа, помимо своего глубокаго интереса для литургистовъ, была бы непосредственнымъ продолженіемъ извѣстной статьи de-Lagarde[1]). Со временемъ я надѣюсь восполнить этотъ пробѣлъ, равно какъ и издать, по возможности, цѣликомъ другой, главный источникъ настоящей работы — коптскую рукопись № 5 Азіатскаго музея Императорской Академіи Наукъ. Она происходитъ изъ той же сухтеленовской коллекціи, что и двѣ предыдущихъ и, подобно имъ, первоначально принадлежала копто-эѳіопскому уніатскому подворію св. Стефана въ Ватиканѣ. Здѣсь мы находимъ уже не чтенія, а гимны, пѣснопѣнія и, что особенно важно, полныя литургическія предписанія относительно порядка службы и обрядовъ. Къ сожалѣнію, эта важная часть рукописи, написана по арабски и притомъ безъ вокализаціи, въ виду чего мнѣ пришлось для перевода ея обратиться къ многоуважаемому П. К. Коковцову, который былъ на столько внимателенъ, что удѣлилъ на это нѣсколько часовъ среди массы своихъ сложныхъ занятій. Считаю долгомъ тутъ-же выразить ему за это глубочайшую благодарность не только отъ себя, но и отъ лица всѣхъ, интересующихся исторіей и состояніемъ литургики и восточныхъ церквей.

Кромѣ этихъ трехъ рукописей, мнѣ удалось еще во время моего пребыванія въ Парижѣ въ августѣ 1897 г. на XI конгрессѣ оріенталистовъ познакомиться съ двумя подобными же кодексами Національной Библіотеки. Изъ нихъ № 36 (по новому рукописному каталогу, составленному Амелинò и доступному только для занимающихся въ рукописномъ отдѣл.) содержитъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ тоже, что главный источникъ нашей работы рукопись № 5 Азіятскаго музея, тогда какъ № 134 представляетъ огромный но очень поздній (1886 г.) фоліантъ «пасхальной книги», подобный экземплярамъ библіотеки Института восточныхъ языковъ. Варіанты первой изъ этихъ рукописей у насъ приводятся подъ сиглой P.

Настоящая работа имѣетъ своимъ предметомъ пасхальную службу въ нашемъ смыслѣ, т. е. службу на день Воскресенія Христова; коптская церковь, слѣдуя въ данномъ случаѣ древнему обыкновенію, называетъ св. пасхой все время, начиная съ недѣли Ваій до вечерни перваго дня свѣтлаго Воскресенія. Такимъ образомъ, мы даемъ пока только послѣднія части рукописей[2]), имѣя твердое намѣреніе познакомить со временемъ интере-

---

1) Die koptischen Handschriften der goettinger Bibliothek (Orientalia I, 3—62=Götting. Abhandl. 44).

2) Въ рукописи Азіатскаго института эта часть начинается съ 395 листа и заканчивается на гимнахъ пасхальной литургіи, слѣдующихъ за Евангеліемъ. Вечерни, такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ. Въ рукописи Азіатскаго музея она начинается съ 190 листа.

сующихся и съ остальными. Въ виду того, что «радость Воскресенія», какъ въ православной церкви и въ латинской, такъ и восточной начинается, уже съ великой субботы (по коптски = ⲉⲟⲟⲩ ⲙ̀ⲡⲥⲁⲃⲃⲁⲧⲟⲛ ⲙ̀ⲡⲓⲣⲁϣⲓ «суббота-радости»), я счелъ умѣстнымъ присоединить вкратцѣ службу и этого дня, начиная съ литургіи, причемъ въ этомъ случаѣ я нашелъ излишнимъ дѣлать полный переводъ, а далъ лишь обозрѣніе. Вообще, полагая самое существенное въ текстѣ коптскихъ пѣснопѣній и въ переводѣ службы, я не предавалъ особеннаго значенія строгой буквальности въ переводѣ арабскихъ рубрикъ.

Литургія въ день субботы радости[1]).

Начало безъ аллилуіа. По ⲥⲱⲑⲓⲥ ⲁⲙⲏⲛ[2]) *съ его гласомъ — поклонъ и читаетъ іерей отпустительную молитву сполна. Обходятъ церковь съ ѳиміамомъ, но не принимаетъ его никто*[3]) *и читается апостолъ*[4]).

Коринѳ. I, 15, 1—11.

Соб. Петр. I, 1, 1—5.

Дѣяній 3, 12—16.

И поется Трисвятое съ прибавленіемъ о ⲥⲧⲁⲩⲣⲱⲑⲓⲥ. *Три поклона. Слѣдуетъ молитва Евангелія*[5]) *и псаломъ:*

Азъ уснухъ, и спахъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя.

Воскресни Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ.

Первая половина — печальнымъ напѣвомъ; вторая — по способу годичной литургіи. Также и Евангеліе отъ Матѳея 28 (Въ вечеръ субботный) *на двѣ половины.*

Не прикладываются къ Евангелію послѣ перевода его (по арабски), но поется на гласъ ⲡⲓⲕⲉⲃⲉⲣⲛⲓⲧⲏⲥ: «Господи мой Іисусе Христе, положивыйся во гробѣ»[6]). *Слѣдуютъ ектеніи, а послѣ нихъ Сѵмволъ вѣры до словъ:* «погребеннаго» *и слѣдуетъ прямо:* «И въ Духа Святаго».... *И не поется* ἀσπασμός[7]), *а заупокойная ектенія и заканчивается литургія по обычаю.*

---

1) Заглавіе по рукописямъ Азіатскаго института: ϯⲥⲩⲛⲁⲝⲓⲥ ⲙ̀ⲡⲓⲉⲟⲟⲩ ⲙ̀ⲡⲥⲁⲃⲃⲁⲧⲟⲛ ⲙ̀ⲡⲓⲣⲁϣⲓ (№ 239, 390).

2) См. Bute, The Coptic Morning Service (London 1882), стр. 42 и примѣч.

3) Имѣется въ виду существующій на востокѣ обычай предстоящихъ принимать руками кадильный дымъ.

4) Указанія чтеній по рукописи Азіатскаго института.

5) См. Bute l. c. 57. Русскій переводъ въ «Собраніи древнихъ литургій» III, 94.

6) Bute, l. c. 74 примѣч.

7) Въ рукописи 238 Инстит. В. яз. (*Ин*) слѣдуетъ воскресный антифонъ, изданный и переведенный въ Collect. scientif. VI, 116—117.

И поется: «Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ; пробави милость Твою вѣдущимъ Тя».

Свѣте истинный.... [1]). Предстательствомъ.... Поклоняемся Тебѣ Христе.

И совершаютъ поскору, чтобы причащеніе было до заката солнца, дабы не вкусить дважды въ ту же ночь. Послѣ принятія — пророчество Исаіи: ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ [2]) *и при раздаяніи св. Даровъ — псаломъ 21-й по коптски и по арабски.*

Если не кончилось раздаяніе св. Таинъ, то читаются пророчества, положенныя пасхальной книгой на ночь Пасхи [3]), *по коптски и по арабски, пока не кончатъ. И не долженъ говорить священникъ отпуста.*

Въ ночь на Воскресенье.

Начинается чтеніе Евангелія отъ Іоанна по коптски и поклоны, а народъ бодрствуетъ со смиреніемъ и со страхомъ, ожидая Господа своего [4]). *Затѣмъ читаются пророчества по пасхальной книгѣ по коптски и по арабски и, по окончаніи ихъ, начинаютъ молитву полунощи* [5]) *слѣдующими словами:*

ⲕ̅ⲉⲗⲉⲏⲥⲟⲛ ⲕ̅ⲉⲗⲉⲏⲥⲟⲛ ⲕ̅ⲉⲩⲗⲟⲅⲓⲥⲟⲛ ⲁⲙⲏⲛ. ⲁⲗ (Κύριε ἐλέησον β′. Κ. εὐλόγησον). ⲇⲟⲝⲁ. ⲡⲉⲛⲓⲱⲧ ÷ (Слава, Отче нашъ).

ⲁⲅⲓⲟⲥ ⲟ̅ⲑ̅ⲥ̅ ⲁⲅⲓⲟⲥ ⲓⲥⲭⲩⲣⲟⲥ ⲁⲅⲓⲟⲥ ⲁⲑⲁⲛⲁⲧⲟⲥ ÷ ⲟ̀ ⲁ̀ⲛⲁⲥⲧⲁⲥ ⲕ̀ ⲧⲟⲛ ⲛⲉⲕⲣⲟⲛ ⲉ̀ⲗⲉⲏⲥⲟⲛ ⲏⲙⲁⲥ ÷ *Трижды.*

ⲇⲟⲝⲁ. ⲁⲅⲓⲁ ⲧⲣⲓⲁⲥ ⲉⲗⲉⲏⲥⲟⲛ ⲏⲙⲁⲥ. ⲡⲉⲛⲓⲱⲧ. (Слава, Пресвятая Троице, Отче нашъ).

Послѣ этого возжигаютъ свѣтильники, облекаютъ Евангеліе въ бѣлую пелену и несетъ его старѣйшій изъ іереевъ. Обходятъ съ пѣніемъ:

---

1) Вѣроятно та же молитва, что и на первомъ часѣ: Tuki, Theotokia 142. Эѳіопскій текстъ и русскій переводъ въ моемъ изданіи эѳіопскаго часослова, стр. 12, 13.

2) = Свѣтися. Ис. 60, какъ и у насъ. Изъ другихъ паремій: Исхода и Даніила читаются за утреней великой Субботы.

3) Въ рукописи № 238 Инстит. В. яз. ихъ нѣтъ, по рукописи № 239 и Par. 134 они слѣдующія: Второзак. 32, 39—43. Исаіи 60, 1—7. Исаіи 42, 5—16. Исаіи 49, 13—23. Іерем. 31, 23—28. Аввак. 3 (вся) Захар. 210=13. Исаіи, 49 $6^1/_2$—9. Премудр. Солом. 5, 1—7. Въ этой же рукописи имъ предшествуетъ еще прокименъ: «Да воскреснетъ Богъ» и еще разъ указано на то же Еvанг.: «Въ вечеръ субботный»....

4) По мнѣнію многоуважаемаго В. В. Болотова, здѣсь можно видѣть переживаніе обычая ожидать въ Пасхальную ночь втораго пришествія.

5) Слѣдующая служба есть не что иное, какъ изданная Tuki въ его Theotokia и мной — въ концѣ «Часослова эѳіопской церкви». Вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей утренѣ и латинскимъ «laudes».

ⲧⲱⲟⲩⲛⲟⲩ ⲉⲛϣⲱⲓ ⲛⲓϣⲏⲣⲓ ÷ Востаните, сынове свѣта....[1]) *съ систрами, пока не дойдутъ до хора опять и оканчиваютъ остальное. Поклонъ. Послѣ этого псаломъ 50 до конца.*

ⲁⲗ ⲇⲟⲝⲁ ⲥⲓ ⲟ̅ⲑ̅ⲥ̅ ⲅ̅. (Аллилуіа, слава тебѣ Боже 3) *радостнымъ гласомъ.* И поется ϩⲱⲥ изъ псалмовъ Давида, соотвѣтствующихъ воскресенію: VII, 7, 8. XI, 6. XXIII, 7—10. XLVI, 6—9, LVII, 19—33. LXXVII, 65, 66. LXXXI, 1, 8. XCV, 1—2, 10. XCVI, 1, 2. XCVII, 1, 2. CVI, 6, 14, 15. CIX, 1, 2. CXVII, 22—25, 26, 27[2]).

Затѣмъ славословія воскресны.

Ⲧⲉⲛⲛⲁⲩ ⲉⲧⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ... Воскресеніе Христово видѣвше....

ⲇⲟⲝⲁ. Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ... Слава. Пріидите вси вѣрніи...

ⲛⲓⲛ. Ⲛⲓⲣⲁϣⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲥⲉⲧⲟⲙⲓ ⲉ̀ⲣⲟ ⲱ̀ϯⲑⲉⲟⲧⲟⲕⲟⲥ. ϫⲉ-ⲉⲃⲟⲗϩⲓⲧⲟϯ ⲁⲩⲧⲁⲥⲑⲟ ⲛ̀ⲁ̀ⲇⲁⲙ ⲉ̀ⲡⲓⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ ÷ ⲁⲥϭⲓ ⲛ̀ⲟⲩⲥⲟⲗⲥⲉⲗ ⲛ̀ϫⲉ-ⲉⲩⲁ̀ ⲉ̀ⲫⲙⲁ ⲙ̀ⲡⲉⲥⲙ̀ⲕⲁϩⲛ̀ϩⲏⲧ ÷ ⲉ̀ⲁⲥϭⲓ ⲛ̀ϯⲉ̀ⲗⲉⲩⲑⲉⲣⲓⲁ̀ ⲛ̀ⲕⲉⲥⲟⲡ ⲉⲑⲃⲏϯ ⲛⲉⲙ — ⲡⲓⲟⲩϫⲁⲓ ⲛ̀ⲉ̀ⲱⲛⲓⲱⲛ.

И нынѣ. Всяческія радости соединены суть съ Тобою, о Богородице! Тобою бо Адамъ возведенъ бысть паки въ рай и Ева пріятъ утѣшеніе вмѣсто скорби, пріемлющи свобожденіе паки Тобою и спасеніе вѣчное.

Ⲁⲛⲟⲛ ⲇⲉ ϩⲱⲛ ⲙⲁⲣⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲛⲉϩⲱⲥ ⲟⲩⲁ̀ϩⲟ ⲛ̀ⲧⲉϯⲁ̀ⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ. ϫⲉ-ⲭⲉⲣⲉ ⲡⲓⲑⲟⲩⲥⲁⲩⲣⲟⲥ ⲉⲧⲧⲟⲃ ⲉ̀ⲧ-ⲁⲛⲉⲣⲁ̀ⲡⲟⲗⲁⲩⲓⲛ ⲙ̀ⲡⲓⲱⲛϧ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲧϥ.

Мы же прославимъ пѣсньми сокровище воскресенія: радуйся сокровище запечатлѣнное, отъ него же причащаемся жизни.

Ⲭⲉⲣⲉ ⲑⲏ-ⲉ̀ⲧⲁⲥⲙⲓⲥⲓ ⲛⲁⲛ ⲙ̀ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲫϯ ⲁϥϯ ⲛⲁⲛ ⲙ̀ⲡⲱⲛϧ ϩⲓⲧⲉⲛ ⲧⲉϥⲁ̀ⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ.

Радуйся, рождшая намъ Христа Бога, иже дарова намъ животъ своимъ воскресеніемъ.

ⲕⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲩⲧ ⲡⲟⲥ...

ⲛⲓⲥⲧⲣⲁⲧⲓⲁ ⲛ̀ⲁⲅⲅⲉⲗⲓⲕⲟⲛ ⲁⲩⲧⲟⲙⲧ...

Благословенъ еси, Господи.... Ангельскій соборъ удивися....[3]).

ⲁⲗ ⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲙⲱⲛ

Аллилуіа воскресное.

---

1) Обычная пѣснь въ началѣ утрени. Tuki l. c. 7 и у меня l. c. съ русскимъ переводомъ.

2) Изд. Tuki въ ⲡⲓϫⲱⲙ ⲛⲧⲉ ϯⲙⲉⲧⲣⲉϥϣⲉⲙϣⲓ ⲛ̀ⲛⲓⲙⲩⲥⲧⲏⲣⲓⲟⲛ (Требникъ), стр. 586—593 въ нѣсколько болѣе полномъ видѣ, сравнительно съ рукоп. Copt. 5 Азіатскаго музея; въ ней еще приведенъ: XLIII, 24—27. LVI, 9—12. LVIII, 5, 6, 17. LXVII, 19, 33, 34. CIV, 1—3. CXLIV, 21. Этотъ ϩⲱⲥ (= пѣснь) соотвѣтствуетъ нашему избранному псалму. Ежедневный ϩⲱⲥ изд. у Tuki въ Theot. 10; праздничные — въ Требникѣ 549 сл. Замѣчу, что порядокъ, принятый мною данъ рукоп. Азіатск. инстит. и соотвѣтствуетъ обычному порядку коптской утрени, на сколько мы ее знаемъ по изд. Туки. Въ рукоп. Азіатскаго музея и въ Р ϩⲱⲥ помѣщенъ послѣ тропарей: «Ангельскій соборъ удивися».

3) Коптскій текстъ этихъ воскресныхъ тропарей, сходный съ нашимъ, изданъ у Туки въ Theot. 21.

Поются всѣ 4 ϩⲱⲥ'а *до конца*[1]). *Послѣ* «Хвалите Господа съ небесъ, Аллилуіа» *поется слѣдующая воскресная псалія*[2]) *вмѣсто* ⲁⲓⲕⲱϯ[3]).

Ⲁ Ⲡⲟⲥ ⲉ̀ⲣⲟⲩⲣⲟ. ⲁϥϯ ⲛ̀ⲟⲩⲥⲁⲓ ϩⲓⲱⲧϥ ÷ Ⲡⲟⲥ ϧⲉⲛ ⲡⲓϫⲟⲙ ÷ ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲱ̀ⲟⲩ ⲁϥⲙⲟⲣϥ.	Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся. Облечеся Господь въ силу и препоясася.
Ⲃⲱⲗ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲙ̀ⲡⲓϩⲏⲃⲓ ⲛ̀ⲁ̀ⲇⲁⲙ ⲛⲉⲙ-ⲡⲉϥϭⲣⲟⲡ. ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲧⲁⲥⲑⲟϥ ⲉ̀ⲧⲁϥⲉⲣⲭⲏ ⲛ̀ⲕⲉⲥⲟⲡ.	Разрѣши скорбь Адама и преткновеніе его и возврати его паки на пребываніе его.
Ⲅⲣⲁⲫⲏ ⲛ̀ⲛⲉⲛⲛⲟⲃⲓ ⲁϥⲫⲁϧϥ ⲉⲡⲓⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲥ ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲕⲱⲣϥ ⲙⲫⲙⲟⲩ ÷ ϩⲉⲛⲡⲉϥⲙⲟⲩ ⲛ̀ⲕⲁⲗⲟⲥ.	Рукописаніе грѣхъ нашихъ растерза на крестѣ и упраздни смерть смертію своею прекрасною.
Ⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲁϥϯ ⲛⲁⲛ ⲙ̀ⲡⲱⲛϧ ⲉⲑⲙⲏⲛ ⲉ̀ⲃⲟⲗ. ⲛⲉⲙ-ⲛⲓⲇⲱⲣⲓⲁ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲑⲏⲉⲧϫⲏⲕ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ÷	Праведно дарова намъ животъ пребывающій и дарованія вся совершенная.
Ⲉⲑⲃⲉ-ⲫⲁⲓ ⲧⲉⲛⲥⲁϫⲓ ⲛⲉⲙⲡⲓⲯⲁⲗⲙⲱⲧⲟⲥ ⲇ̅ⲁ̅ⲇ̅ ⲡⲓⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ ⲡⲓⲑ̀ⲙⲏⲓ ⲛ̀ⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ÷	Сего ради глаголемъ со псалмопѣвцемъ Давидомъ пророкомъ истиннымъ въ правду:
Ⲍⲉ ⲟⲛⲧⲱⲥ ⲡⲉϫⲉ Ⲡⲟⲥ ϯⲛⲟⲩ ϯⲛⲁⲧⲱⲛⲧ ÷ ⲉ̀ⲩⲉ̀ϣⲱⲡⲓ ϧⲉⲛⲫⲛⲟϩⲉⲙ ⲟⲩⲟϩ ⲉⲓⲉ̀ⲟⲩⲟⲛϩⲧ ÷	Воистину глаголетъ Господь: нынѣ воскресну, положуся во спасеніе и явлюся.
Ⲏⲡⲡⲉ ⲁϥϫⲟⲥ ⲇⲉ ⲟⲛ ÷ ⲙⲁⲣⲉϥⲧⲟⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-Ⲫϯ ⲙⲁⲣⲟⲩϫⲱⲣ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲛ̀ϫⲉ-ⲛⲏ-ⲉⲑⲙⲟⲥϯ ÷	Или рече паки: да воскреснетъ Богъ, и расточатся ненавидящіи Его.
Ⲑⲃⲁ ⲛ̀ⲛⲉϥϫⲁϫⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲙⲁⲣⲟⲩⲫⲱⲧ. ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-Ⲫϯ. ⲕⲁⲧⲁ ⲫⲏ-ⲉⲧ-ⲉⲛⲕⲟⲧ ÷	Тмы враговъ Его да бѣжатъ: воста бо Господь, яко спя,
Ⲓⲉⲟⲩⲁⲓ ⲁϥⲑⲁϧⲓ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲡⲓⲏⲣⲡ. ⲁϥϣⲁⲣⲓ ⲛ̀ⲛⲉϥϫⲁϫⲓ ϧⲉⲛⲟⲩϣⲫⲓⲧ ⲉϥⲕⲏⲃ ÷	И яко шуменъ отъ вина; — порази враги своя поношеніемъ сугубымъ.

1) Здѣсь имѣются въ виду четыре обычныхъ ϩⲱⲥ'а, положенныхъ на копто-эѳіопской утренѣ (Tuki, Theotokia 23 и у меня въ «Часословѣ Эѳіопской церкви») и совершенно соотвѣтствующихъ нашимъ «пѣснямъ» канона и римскимъ laudes; это: пѣснь Моѵсея (1-я нашего канона), Пс. 135 (у насъ—полѵелейный: Исповѣдайтеся Господеви), пѣснь трехъ отроковъ (8-я канона) и псаломъ 148 (хвалитный).

2) Соотвѣтствуетъ нашимъ стихирамъ «не хвалитехъ». Краегранесіе всегда по алфавиту. Въ Р приводится лишь 1-й стихъ ея съ указаніемъ: ⲯⲁⲗⲓ ⲁⲇⲁⲙ.

3) Tuki, Theotokia 51. «Псалія» Спасителю на воскресенье, предъ Ѳеотокіями. Эѳіопская редакція и русскій переводъ у меня l. c. стр. 138—157.

Ⲕⲁⲧⲁ ⲛⲓⲭⲱⲣⲟⲥ ⲛⲉ̀ⲡⲟⲩⲣⲁⲛⲓⲟⲛ. ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲥⲧⲣⲁⲧⲓⲁ ⲛ̀ⲁⲅⲅⲉⲗⲓⲕⲟⲛ.	По подобію ликостояній небесныхъ и воинствъ ангельскихъ,
Ⲗⲁⲟⲥ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲛ̀ⲛⲓⲣⲱⲙⲓ. ϧⲉⲛⲟⲩⲑⲉⲗⲏⲗ ⲉⲩϩⲱⲥ ⲉ̀ⲧⲉⲕⲁ̀ⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⳾ ⲱ̀ ⲓⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⳾	Племена вся людская ликующи поютъ воскресеніе Твое Іисусе Христе.
Ⲡⲁⲣⲉϥⲟⲩⲛⲟϥ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲓⲟⲣⲑⲟⲇⲟⲝⲟⲥ. ⲡⲓⲥ̅ⲗ̅ ⲙ̀ⲃⲉⲣⲓ. ⲉ̀ⲧⲉⲛⲓⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ ⳾	Да радуется днесь православный Исраиль новый — иже суть Христіане.
Ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ ϧⲉⲛⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲓⲗⲟⲅⲟⲥ ⲛ̀ⲁⲓⲇⲓⲁ ⳾ ⲫⲏⲉⲧⲁϥⲉⲣϩⲙⲟⲧ ⲛⲁⲛ. ⲛ̀ϯⲉ̀ⲗⲉⲩⲑⲉⲣⲓⲁ ⳾	Вѣрніи во Христѣ Словѣ невидимомъ, иже дарова намъ свобожденіе.
Ⲍ̀ⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲩⲧ ⲁⲗⲏⲑⲱⲥ ⲱ ⲫⲏⲉⲧⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾ ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲙⲟⲩ ⲁϥⲕⲱⲣϥ ⳾	Благословенъ еси воистину, воскресый изъ мертвыхъ и упразднивый смерть.
Ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲟⲩⲱⲛϩ ϧⲉⲛⲧⲉϥϫⲟⲙ. ⲁϥⲥⲱϯ ⲙ̀ⲡⲉϥⲗⲁⲟⲥ. ⲛ̀ϩⲣⲏⲓ ϧⲉⲛⲡⲉϥϣⲱⲃϣ. ϧⲉⲛⲛⲓⲇⲓⲁ̀ⲃⲟⲗⲟⲥ ⳾	И явивыйся въ силѣ своей. Искупи люди своя рукою своею отъ діавола.
Ⲡⲁⲗⲓⲛ ⲁϥϣⲉⲛⲁϥ ⲉ̀ⲛⲓⲙⲁ ⲉⲧⲥⲁⲡⲉⲥⲏⲧ ⳾ ⲙ̀ⲡⲕⲁϩⲓ ϧⲉⲛⲁⲙⲉⲛϯ ⳾ ϧⲉⲛⲧⲉϥⲙⲉⲧⲛⲁⲏⲧ ⳾	Паки сниде въ преисподняя земли, во адъ милосердіемъ своимъ.
Ⲣⲏⲧⲟⲥ ⲉ̀ⲧⲉⲙⲙⲁⲩ. ⲁϥⲉⲣⲭⲙⲁⲗⲟⲧⲉⲩⲓⲛ ⲛ̀ϯⲭⲙⲁⲗⲱⲥⲓⲁ̀ ⲛ̀ⲁⲧⲉⲣⲕⲟⲗⲓⲛ.	Явѣ сей плѣни плѣнъ невозбранно.
Ⲥⲉⲣⲛⲟϥⲣⲓ ⲇⲉ ⲁϥⲕⲱϣ ⲛ̀ϩⲁⲛⲙⲟⲩⲭⲗⲟⲥ ⲙ̀ⲃⲉⲛⲓⲡⲓ. ⲁϥⲓⲛⲓ ⲛ̀ⲛⲉϥⲥⲱⲧⲡ ⳾ ϧⲉⲛⲟⲩⲙⲉⲧⲁⲧϭⲓϣⲓⲡⲓ	Якоже подобаше сокруши вереи желѣзныя. Изведе избранныя своя непостыдно.
Ⲧⲟⲧⲉ ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲟⲗⲟⲩ ⲉⲡϭⲓⲥⲓ ⲛⲉⲙⲁϥ ⲉⲡⲉϥⲙⲁⲛ̀ⲉⲙⲧⲟⲛ ⳾ ϧⲉⲛⲫⲣⲁϣⲓ ⲛⲉⲙ-ⲡⲟⲩⲛⲟϥ ⳾	И вознесе я съ собою въ мѣсто покоя своего въ радости и веселіи.
Ⲩⲡⲉⲣ ⲙ̀ⲡⲉϥⲛⲁⲓ ⲛⲉⲙⲡⲉϥⲙⲉⲧϣⲉⲛϩⲏⲧ ⲁϥⲃⲱⲗ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϩⲁⲣⲟⲛ ⲛ̀ⲛⲉⲙⲕⲁϩ ⲛ̀ϩⲏⲧ ⳾	Ради милости своея и щедротъ своихъ разрѣшилъ есть намъ скорби наша.
Ⲫⲁⲓ-ⲡⲉⲡⲓⲉϩⲟⲟⲩ ⲉⲧ-ⲁ-ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲑⲁⲙⲓⲟϥ. ⲙⲁⲣⲉⲛⲑⲉⲗⲏⲗ ⲛ̀ϧⲏⲧϥ. ⲟⲩⲟϩ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲟⲩⲛⲟϥ ⳾	Сей день егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь.
Ⲭⲟⲩⲁⲃ ⲭⲟⲩⲁⲃ ⲭⲟⲩⲁⲃ. ⲛ̀ⲑⲟⲕ ⲩ̅ⲥ̅ ⲑ̅ⲥ̅. ⲧⲉⲛⲟⲩⲱⲣⲡ ⲛⲁⲕ ⲉⲡϣⲱⲓ ⲡⲓⲱ̀ⲟⲩ ⲛⲉⲙⲡⲓϩⲩⲙⲛⲟⲥ ⳾	Святъ, Святъ, Святъ еси, Сыне Божій, возсылаемъ Тебѣ славословіе и пѣніе.
Ⲯⲉⲡⲓ ⲙ̀ⲡⲉⲛⲱⲛϧ ⲟⲩⲟϩ ⲟⲛ ⲡⲁⲓ-	Прочее время живота нашего и

рнϯ. мененса пиотωтеб тенϩωс ѐтекметнишϯ ⁘	таkоже де по преселеніи поемъ величіе Твое,
Ш пімоногеннс пем-пекiωт ǹагаθос немпипиа ее. ша-ѐнеϩ ǹатχарωс.	О Единородне со Отцемъ Твоимъ Благимъ и Духомъ Святымъ во вѣки немолчно.

Говорится воскресная **Θеотокіа**[1]) *кончая:* **теоі ǹϩтканос**[2]).

Заканчивается полунощница молитвой полунощи по обыкновенію года. И читается ея величаніе[3])*; служба заканчивается чтеніемъ благословенія*[4]).

Начинаютъ при кажденіи **утреню**[5]).

Єленсон нмас о θс о патнр о пантократωр ⁘ панагіа ⁘ пеніωт ⁘

Священникъ кадитъ, по обычаю. Діаконы поютъ:

теноүωшт. χере ϯеккλнсіа[6]).	Поклонимся.... Радуйся церкве....
Херете ϥа̀настас ѐтаϥтωнϥ ϧеннеθмωоүт. шаӥтеϥсωϯ м̀мон ѐвоλ ϧеннеппові ⁘	Радуйся! Воскресе воставый изъ мертвыхъ да искупити ны отъ грѣховъ нашихъ.
ϩітен-ніпресвіа[7]) *по обычаю.*	Предстательствы....

Кε ελенсон кε ελенсон кε εүλогісон а̀мнн аλ. ⲇоза ⁘ пеніωт ⁘ (Отче нашъ). **Ⲁмωіні мареноүωшт**[8]). (Пріидите поклонимся.)...

Наі нні фϯ ⁘ *до конца.* **Ⲁλ аλ ⲇоза сі оθс ē ⁘**[9]).

Затѣмъ священникъ произноситъ молитву о болящихъ[10]) *и плодонося-*

---

1) Такъ называется нѣчто въ родѣ каноновъ въ честь Богоматери на каждый день недѣли, положенныхъ на утрени послѣ хвалитныхъ и изд. Туки въ Theotokia 54—140 (Эѳіопская редакція съ нѣмецкимъ переводомъ изд. K. Fries'омъ, Weddâsê Mârjâm, Leipz. 1892. Изданія Туки окатоличены; о характерѣ первоначальной редакціи см. у В. В. Болотова, Христ. Чтеніе 1887 г., II, 148 сл.

2) 17-й отдѣлъ воскресныхъ Θеотокій. Tuki l. c. 68.

3) Вѣроятно = эѳіоп. саламамъ и себхатамъ, положеннымъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ послѣ службъ.

4) = Эѳіоп. ጸሎተ ፡ ቡራኬ ፡ у меня l. c., стр. 38.

5) Собственно, нашъ первый часъ, лишенный отличительныхъ чертъ и присоединенный къ утренѣ. См. у меня l. c. IV и

6) Туки l. c. 141; у меня l. c. 11.

7) См. Bute l. c. 6.

8) У меня l. c. 7.

9) 50-й Псаломъ.

10) Текстъ ея см. между прочемъ у Туки въ **пiϫωм еϥерапантоnтin еϫеп ніеүχн** I, 335, cf. Bute, l. c. 12.

щихъ[1]). *Послѣ этого народъ поетъ Ангельское славословіе*[2]), *а священники обходятъ церковь съ ѳиміамомъ; народъ принимаетъ его. Когда дойдутъ до слова:* ⲧⲉⲛϯϩⲟ ⲁⲣⲓⲡⲉⲛⲙⲉⲩⲓ[3]), *говорится:* ⲡⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲛ̀ⲧⲉⲫⲙⲏⲓ *и* ⲧⲉⲛϭⲓⲥⲓ ⲙⲙⲟ *и* ⲛⲉⲕⲛⲁⲓ ⲱ ⲡⲁⲛⲟⲩϯ[4]) *и Сѵмволъ вѣры сполна. Священникъ поднимаетъ крестъ; при этомъ говорится громогласно* (bi'l kebir بِالكَبِير), *Киріе элейсонъ; и читается молитва Евангелія.*

Псаломъ 77[5]): Воста, яко спя Господь, яко силенъ и шуменъ отъ вина. И созда, яко единорога святилище свое, на земли основа и во вѣкъ.

(Утренній годичный псаломъ оставляется).

И читается Евангеліе отъ Марка 16, 2—8.

Ⲭⲟⲩⲁⲃ ⲡⲟ̅ⲥ̅[6])	Святъ....[6]).
Ⲟⲩⲟϩ ⲕⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲩⲧ ⳹ ⲁⲕϭⲓ̀ⲙ̀ⲕⲁϩ ϧⲉⲛⲡⲉϥⲟⲩⲱϣ[7]) ⳹ ⲁⲕⲧⲱⲛⲕ[8]) ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲑⲙⲱⲟⲩⲧ. ϧⲉⲛⲡⲓⲉ̀ϩⲟⲟⲩ ⲙ̀ⲙⲁϩⲅ̅ ⳹	И благословенъ еси, воспріявый страсти волею и воскресый изъ мертвыхъ въ 3-й день.
Ⲯⲩⲭⲏ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲉⲧ-ϧⲉⲛⲁⲙⲉⲛϯ. ⲁⲕⲁ̀ⲛⲟⲩ ⲛ̀ϣⲱⲓ ⲛⲉⲙⲁⲕ ⳹ ⲓⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲛ̀ϣⲏⲣⲓ[9]) ⲙ̀ⲫϯ ⳹ ⲧⲉⲛⲟⲩⲱϣⲧ ⲙ̀ⲙⲟⲕ[10]) ⲧⲉⲛϯⲱ̀ⲟⲩ ⲛⲁⲕ ⳹	Возвелъ еси съ собою вся души, во адѣ сущія, Іисусе Христе, Сыне Божій. Поклоняемтися и славословимъ Тя.

И заканчивается служба по обыкновенію. И читается во время цѣлованія креста и Евангелія слѣдующій канонъ обычнымъ способомъ:

Ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲓⲥϫⲉ ⲁⲕⲟ̀ϩⲓ ⲉⲣⲁⲧⲕ ⲉ̀ⲟⲩⲙⲁⲛϯϩⲁⲡ. ⲛⲁϩⲣⲉⲛ ⲡⲓⲗⲁⲧⲟⲥ ⲉⲩⲥⲱⲃⲓ ⲙ̀ⲙⲟⲕ ⳹ ⲁⲗⲗⲁ ⲙ̀ⲡⲉⲕⲭⲱ ⲛ̀ⲥⲱⲕ ⲙ̀ⲡⲉⲕⲑⲣⲟⲛⲟⲥ ⲡⲉⲕϩⲉⲙⲥⲛⲟⲩ[11]) ⲧⲁⲕϩⲉⲙⲥⲓ ⲛⲉⲙⲡⲉⲕⲓⲱⲧ[12]) ⲁⲕⲧⲱⲛⲕ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ. ⲁⲕⲉⲣⲡⲓⲕⲟⲥ-

---

1) Bute l. c. 67 Cf. Собраніе древнихъ литургій III, 59.

2) Наше «Славословіе Великое» см. у Туки, Theotokia, 152. У меня l. c. 25.

3) Послѣ Славословія великаго слѣдуетъ: Благо есть. Трисвятое. Пресвятая Троице.... Отче нашъ.... и тропари Пресвятой Богородицѣ «радуйся, Ей же зовемъ цѣлованіе»..., изд. у Туки l. c. 155—158 и у меня l. c. 29—31. Ⲧⲉⲛϯϩⲟ etc. — заключительныя слова Богородичныхъ.

4) Обычныя молитвословія коптскихъ службъ. См. Туки l. c. 158 и 150. У меня l. c. 19 и 32. Здѣсь порядокъ нѣсколько измѣненъ.

5) Соотвѣтствуетъ нашему прокимну.

6) Обычное молитвословіе копскихъ службъ, соотвѣтствующее нашему: «Ликъ небесный» на изобразительныхъ. См. Туки Diurnum, passim; у меня 32 сл. и VI в.

7) ⲟⲩⲟϩ ⲙ̀ⲡⲉⲕϫⲱ P. 8) ⲛⲧⲁⲕⲧⲱⲛⲕ P. 9) ⲉⲡϣⲏⲣⲓ P. 10) ⲙ̀ⲙⲟϥ P. 11) ⲁⲕϩⲉⲙⲥⲛⲟⲩ P. 12) ⲙⲡⲉⲕⲓⲱⲧ M.

ⲙⲟⲥ ⲛ̀ⲣⲉⲙϩⲉ ⲙ̀ⲃⲟⲗ ϩⲁϯⲙⲉⲧⲃⲱⲕ ⲛ̀ⲧⲉⲡⲓϫⲁϫⲓ ⳾ ϫⲉ-ϩⲓⲛⲁ ⲛ̀ⲧⲉⲕⲛⲟϩⲉⲙ ⲛ̀ⲛⲉⲧⲉ-ⲛⲟⲩⲛ ⲙ̀ⲯⲩⲭⲏ ⳾ [1]) ⲇⲟⲝⲁ

Ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲓⲥϫⲉ ⲁⲕϯ ⲛⲁⲛ ⲙ̀ⲫⲏⲉ̀ⲧⲉⲫⲱⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲥ ϥⲟⲓ ⲛ̀ϩⲟⲡⲗⲟⲛ ⲟⲩⲃⲉ-ⲡⲓⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ ⳾ ϥⲥⲑⲉⲣⲧⲉⲣ ⲟⲩⲟϩ ϥⲟⲓ ⲛ̀ϩⲟϯ. ⲛ̅ϥϣⲟⲩⲱⲛϩ [a]) ⲙ̀ⲙⲟϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲁⲛ. ϫⲉ ⲁϥⲛⲁⲩ ⲉ̀ⲛⲓϫⲟⲙ ⲉ̀ⲧⲉ-ⲛ̀ϧⲏⲧϥ. ϫⲉ-ⲁϥⲧⲟⲩⲛⲟⲥ [b]) ⲛ̀ⲛⲓⲣⲉϥⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾ ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲕⲱⲣϥ [c]) ⲙ̀ⲡⲓⲕⲉⲙⲟⲩ ϫⲉ-ϩⲓⲛⲁ ⲛ̀ⲧⲉⲕⲛⲟϩⲉⲙ [d]) ⲛ̀ⲛⲏ-ⲉⲧⲉ-ⲛⲟⲩⲛ ⲙ̀ⲯⲩⲭⲏ. [2]) ⲛⲓ̅ⲛ̅

Ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲓⲥϫⲉ ⲉⲕⲟⲓ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲛ̀ⲟⲩⲣⲉϥⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾ ⲁ ⲛⲓⲟⲩⲇⲁⲓ ϩⲓⲧⲕ ⲉ̀ⲁⲩⲙϩⲁⲓ ⳾ ϧⲉⲛⲟⲩⲧⲉⲃⲥ ⲁⲩϩⲓⲧⲉⲃⲥ ⲉ̀ϫⲱⲕ ⳾ ϩⲱⲥ ⲇⲉ ⲉⲩⲣⲱⲓⲥ ⲉ̀ϯϣϥⲱ ⳾ ⲁⲕⲧⲱⲛⲕ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ. ⲁⲩⲉⲣ ⲡⲓⲕⲟⲥⲙⲟⲥ ⲛ̀ⲣⲉⲙϩⲉ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϩⲁϯⲙⲉⲧⲃⲱⲕ ⲛ̀ⲧⲉⲡⲓϫⲁϫⲓ ⳾ ϫⲉ-ϩⲓⲛⲁ ⲛ̀ⲧⲉⲕⲛⲟϩⲉⲙ ⲛ̀ⲛⲏ-ⲉⲧⲉ-ⲛⲟⲩⲛ ⲙ̀ⲯⲩⲭⲏ ⳾ [3]) ⲛⲓⲛ

Ⲓⲥϫⲉ ⲛⲑⲟ ⲡⲉ-ϯⲡⲩⲗⲏ ⲛ̀ⲧⲉⲧⲫⲉ. ⲡⲓⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ ⲉ̀ⲑⲟⲩⲉⲥⲑⲱⲛ. ϯϭⲏⲡⲓ ⲉ̀ⲧⲁⲥⲁ̀ⲗⲏⲓ ⲉ̀ⲣⲟⲥ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲛ̀ⲁ̀ⲗⲏⲑⲓⲛⲟⲥ ⳾

Аще воистину врата небесныя еси, рай пространный, облакъ, на немъ же взыде свѣтъ истинный.

Ⲧⲉⲛϯ ⲛⲉ ⲙ̀ⲡⲓⲭⲉⲣⲉⲧⲓⲥⲙⲟⲥ. ⲛⲉⲙ-ⲅⲁⲃⲣⲓⲏⲗ ⲡⲓⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⳾ ϫⲉ-ⲭⲉⲣⲉ ⲕⲉⲭⲁⲣⲓⲧⲟⲩⲙⲉⲛⲏ ⳾ ⲟⲩⲕ̅ⲥ̅ ⲙⲁⲧⲁ ⲥⲟⲩ (sic!)

Воздаемъ Тебѣ цѣлованіе съ Гавріиломъ Ангеломъ: радуйся Благодатная, Господь съ тобою.

А если этого канона недостаточно, то читается сверхъ него и слѣдующій вечерній канонъ:

Ⲁ̀ⲙⲟⲩ ϣⲁⲣⲟⲛ ⲛⲧⲉⲕⲧⲁⲙⲟⲛ ⲱ ⲇ̅ⲁ̅ⲇ̅ ϧⲉⲛⲡⲉⲅⲟⲣⲅⲁⲛⲟⲛ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲓⲉⲱⲛ. ϫⲉ-ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾

Пріиди къ намъ и возвѣсти намъ, о Давиде, орудіемъ о царѣ вѣковъ: «воскресе изъ мертвыхъ»!

Ⲭⲉ-ⲁ-ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲉⲣⲟⲩⲣⲟ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϩⲓⲟⲩϣⲉ ⲉⲑⲃⲉ ⲡⲟⲩϫⲁⲓ ⲛ̀ϯⲧⲣⲟⲫⲉ ⳾ ⲁⲩⲕⲟⲥϥ ⲁⲩⲭⲁϥ ϧⲉⲛⲡⲓⲙ̀ϩⲁⲩ. ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲡⲓⲙⲁϩⲅ̅ ⲛ̀ⲉ̀ϩⲟⲟⲩ ⳾

«Господь воцарися отъ древа ради спасенія рода (нашего). Погребеся и положися во гробѣ, и воскресе въ третій день».

---

1) Господи, аще и судилищу предсталъ еси.... Воскресн. Хвалитны 8-го гласа.

2) Господи, оружіе на діавола.... ibid. Начиная съ этой стихиры, все послѣдующее опущено въ P до литургіи.

3) Господи, аще и яко мертва.... ibid.

a) ϥϣⲟⲩⲱⲛϩ M. b) ⲁⲕⲧⲟⲩⲛⲟⲥ M. c) ⲁⲕⲕⲱⲣϥ M. d) ⲛ̀ⲧⲉϥⲛⲟϩⲉⲙ P[a] (парижская фрагментарная рукопись № 88, содержащая въ себѣ «каноны» на нѣкоторые праздники).

Ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⲁ̀ⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⲁ̀ⲣⲓⲯⲁⲭⲓⲛ ϧⲉⲛⲟⲩⲁⲗ. ϫⲉ-ⲁ̀-ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾	Пойте, пойте, пойте: аллилуіа, глаголюще: царь воста отъ мертвыхъ».
Ⲇⲟⲝⲁ ⲡⲁⲧⲣⲓ	*Слава.*
Ⲓⲥ ⲛⲓϩⲓⲟⲙⲓ ⲙ̀ϥⲁⲓⲥⲟϫⲉⲛ ⲁⲩⲉⲣϣⲟⲣⲡ ⲉ̀ⲡⲓⲙ̀ϩⲁⲩ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲱⲟⲩ ⲛ̀ϫⲉⲡⲓⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ. ϫⲉ-ϥⲭⲏ ⲙ̀ⲡⲁⲓⲙⲁ ⲁⲛ ⲁⲗⲗⲁ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⳾	Се жены мvроносицы предвариша ко гробу и рече имъ Ангелъ: «нѣсть здѣ, но воста».
Ⲓⲥ ⲛⲓϩⲱⲃⲥ ⲁⲩⲭⲏ ⲉ̀ϧⲣⲏⲓ. ⲛⲉⲙⲡⲓⲥⲟⲩⲇⲁⲣⲓⲟⲛ ⲙ̀ⲙⲁⲩⲁⲧϥ ⳾ ⲛⲉⲙⲧⲥⲙⲏ ⲛ̀ⲧⲉⲡⲓⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ. ϫⲉ-ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾	Се ризы внутрь и сударь токмо. И гласъ Ангела: воста отъ мертвыхъ»!
Ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⳾ ⲛⲓⲛ	Пойте.... И нынѣ.
Ⲧⲉⲛⲉⲣⲡⲣⲟⲥⲕⲩⲛⲓⲛ ⲙ̀ⲡⲉⲙⲑⲟ ⲙ̀ⲡⲓⲧⲣⲓⲥⲁⲅⲓⲟⲥ. ⲉⲧⲉ-ⲫⲁⲓ-ⲡⲉ ⲫⲓⲱⲧ ⲛⲉⲙ-ⲡϣⲏⲣⲓ ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲉ̅ⲑ̅.	Поклоняемся Трисвятому, Отцу и Сыну и Святому Духу.
Ⲧⲉⲛⲉⲣϩⲩⲙⲛⲟⲥ ϧⲉⲛⲟⲩⲥⲩⲙⲫⲱⲛⲓⲁ̀ ⲙ̀ⲡⲉⲙⲑⲟ ⲛ̀ⲧⲉⲕⲙⲁⲩ ⲧⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲙⲁⲣⲓⲁ. ⲡ̅ⲟ̅ⲥ̅ ⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛ ϩⲓⲧⲉⲛ ⲛⲉⲥⲡⲣⲉⲥⲃⲩⲁ ⳾ ⲭⲱ ⲛⲁⲛ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲛ̀ⲛⲉⲛ-ⲁⲛⲟⲙⲓⲁ.	Воспѣваемъ согласно предъ Матерію Твоею, Владычицей нашей, Маріей. Господи, помилуй насъ предстательствомъ Тоя. Остави намъ беззаконія наша.
Ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⳾	Пойте....

И заканчиваетъ священникъ службу благословеніемъ, свойственнымъ пятидесятницѣ: [1]).

Ⲡⲓϩⲓⲏⲃ ⲙ̀ⲙⲏⲓ ⲛ̀ⲧⲉⲫϯ ⲫⲓⲱⲧ. ⲫⲏⲉⲧⲁϥⲧⲱⲛϥⲉⲃⲟⲗϧⲉⲛⲛⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ϧⲉⲛⲡⲓⲉϩⲟⲟⲩ ⲙ̀ⲙⲁϩ̅ⲅ̅ ⳾ ⲥⲟⲩⲧⲉⲛⲛⲉⲛϭⲁⲗⲁⲩϫ ⲉ̀ⲫⲙⲱⲓⲧ ⲛ̀ⲧⲉϯϩⲓⲣⲏⲛⲏ. ⲁⲣⲉϩ ⲉ̀ⲣⲟⲛ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲁⲡⲉⲧϩⲱⲟⲩ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲛ̀ⲛⲓⲉϩⲟⲟⲩ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲉⲡⲉⲛⲱⲛϧ. ⲟⲩⲟϩ ⲁ̀ⲣⲓⲭⲁⲣⲓⲍⲉⲥⲑⲉ ⲛⲁⲛ ⲙ̀ⲡⲭⲱⲉⲃⲟⲗ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲉⲛⲛⲟⲃⲓ ⳾ ϩⲓⲧⲉⲛⲛⲓⲡⲣⲉⲥⲃⲩⲁ ⳾	Агнче воистину Бога Отца, воскресый изъ мертвыхъ въ третій день! направи стопы наша на путь мира, сохрани насъ отъ всякаго зла во вся дни живота нашего и даруй намъ оставленіе грѣховъ нашихъ, предстательствы....

1) «Пятидесятницей» (Хамсинъ) въ коптской церкви, какъ и въ православной называется все время отъ Пасхи до Пятидесятницы. См. Vansleb, Histoire de l'église d'Alexandrie, 146.

Ⲥⲙⲟⲩ ⲛ̀ϯⲁ̀ⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⲉ̅ⲑ̅ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡⲉⲛⲥⲱ̅ⲣ̅ ⲛ̀ⲁ̀ⲅⲁⲑⲟⲥ ⳾	Слава воскресенію святому Спаса нашего Благаго.

И заканчивается по обыкновенію: Господу нашему слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Чинъ литургіи славной Пасхи [1]).

Прежде всего **ⲁ̅ⲗ̅ ⲫⲁⲓ ⲡⲉ.**

И предпосылаетъ священникъ **ⲥⲟⲑⲓⲥ ⲁⲙⲏⲛ** [2])*, по обыкновенію и прочее все обычно до конца перевода Дѣяній Апостольскихъ.*

Ап. Коринѳ. I, 15, 23—49.

Соборн. Петра I, 3, 15—42.

Дѣяній 2, 22—36 [3]).

Берутъ икону преславнаго Воскресенія со страхомъ и благоговѣніемъ, кадильницы и кресты и много свѣчей. Несутъ ихъ священники и діаконы и поютъ на гласъ преславнаго воскресенія [4])*:*

Ⲕⲁⲧⲁ ⲛⲓⲭⲱⲣⲟⲥ ⲉ̀ϯⲥⲱⲧⲉⲙ ⲉⲣⲱⲟⲩ ⲱ̀ ⲛⲓⲙ ⲛⲁⲓⲥⲩⲙⲫⲱⲛⲓⲁ ⲉⲑⲛⲏⲟⲩ ⲉ̀ⲛⲁⲙⲁϣϫ ⳾	По ликомъ, ихъ же слышу, о что суть согласія, яже входятъ во уши моя?
Ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ ⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾	Христосъ воскресе изъ мертвыхъ.

---

1) О часахъ на Пасху не говорится; вѣроятно ихъ вовсе не бываетъ. Cf. Butler, Coptic Churches II, 353, гдѣ говорится: «immediately following matins the celebration of the korban commences».

2) См. Bute, l. c. 43.

3) Чтенія указаны по рукописямъ Института Восточныхъ языковъ.

4) О слѣдующихъ за этимъ обрядахъ, очевидно, наиболѣе характеристичныхъ въ пасхальномъ богослуженіи, сообщаютъ намъ дополнительныя свѣдѣнія Vansleb (l. c. 145) и Buttler (l. c.). Первый пишетъ: «Въ ночь праздника, по наступленіи времени служенія утрени патріархъ начинаетъ обѣдню. Онъ кадитъ престолъ. Затѣмъ читаютъ псалмы воскресенья, и по окончаніи чтенія архидіаконъ громогласно возглашаетъ: Χρίστος ἀνάστει (sic!). Народъ отвѣчаетъ троекратнымъ: «Воистину воскресе!» и тогда совершаютъ трижды процессію въ церкви, поя тотъ-же стихъ: «Христосъ воскресе». По окончаніи процессіи прикладываются ко кресту. Затѣмъ начинается обѣдня, которая должна быть въ этотъ день литургіей св. Григорія, а что касается чтеній, то всѣ ихъ читаютъ радостнымъ мотивомъ ради воскресенія Господа нашего». «По окончаніи Апостольскихъ чтеній и до Евангелія закрываются врата алтаря («царскія врата»). Священники, стоя во святилищѣ и діаконы внѣ его, въ хорѣ (на клиросѣ) всѣ вмѣстѣ поютъ пѣснь воскресенія (вѣроятно «Христосъ воскресе»). Повидимому въ этотъ моментъ крестъ и образъ распятія вынимаются изъ гробницы въ углубленіи подъ престоломъ. По окончаніи гимна врата алтаря открываются снова; священники и діаконы трижды обходятъ церковь въ торжественной процессіи. Они поютъ соотвѣтственнымъ напѣвомъ во время шествія и несутъ вмѣстѣ съ собой образъ воскресенія. По возвращеніи ихъ въ хоръ, образъ кладется на обычное мѣсто и остальная часть службы совершается обычнымъ для воскресныхъ дней порядкомъ». Весьма сходно съ изданнымъ нами чиномъ описаніе Пасхальнаго богослуженія у Долганева «Страна Эѳіоповъ» 137, только тамъ ничего не сказано о полунощницѣ и утренѣ.

Ⲛϣⲱⲣⲡ ⲙ̀ⲫⲟⲩⲁⲓ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲓⲥⲁⲃⲃⲁⲧⲟⲛ ∻ — Заутра во едину отъ субботъ.

Ⲛⲓⲙⲁⲧⲟⲓ ⲙ̀ⲡⲉⲣϫⲉⲙⲉⲑⲛⲟⲩϫ ⲁⲛ ∻ Ϧⲁⲧⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⲙ̀ⲡⲉⲛⲥⲱ̅ⲣ ϧⲉⲛ ⲡⲓⲉϩⲟⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲉ ϯⲕⲩⲣⲓⲁⲕⲏ ∻ — О воини! не глаголите лжу противу воскресенія Спаса нашего въ день владычный.

Затѣмъ іерей и діаконы поднимаются къ жертвеннику; въ рукахъ ихъ иконы, кресты и кадила и свѣчи и икона преславнаго Воскресенія. Обходятъ трижды алтарь и поютъ при систрахъ радостнымъ напѣвомъ:

Ⲭⲣⲥ̅ ⲁ̀ⲛⲉⲥⲧⲓ ⲉⲕ ⲛⲉⲕⲣⲱⲛ. ⲑⲁⲛⲁⲧⲟⲩ (sic!) ⲑⲁⲛⲁⲧⲟⲛ ⲡⲁⲧⲏⲥⲁⲥ ⲕⲉ ⲧⲟⲓⲥ ⲉⲛ ⲧⲟⲓⲥ ⲙ̀ⲛⲏⲙⲁⲥⲓⲛ ⲍⲱⲏⲛ ⲭⲁⲣⲓⲥⲁⲙⲉⲛⲟⲥ ∻ ⲇⲟⲍⲁ

Затѣмъ спускаются съ жертвенника; обходятъ трижды и поютъ съ систрами, какъ объяснено и повторяютъ (многажды) до окончанія обхожденія. Затѣмъ снова входятъ въ алтарь и обходятъ его трижды. Затѣмъ кладутъ икону преславнаго Воскресенія къ востоку, и предъ ней ставятъ свѣчу, поя: Ⲭⲣⲓⲥⲧⲟⲥ ⲁⲛⲉⲥⲧⲓ ∻ ⲛⲏ.

Ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ. ⲫⲏⲉⲧⲁϥⲙⲟⲩ ⲁϥϩⲱⲙⲓ ⲉ̀ϫⲉⲛ ⲫⲙⲟⲩ ⲟⲩⲟϩ ⲛ̀ⲛⲏⲉⲧⲭⲏ ϧⲉⲛⲛⲓⲙ̀ϩⲁⲩ ⲁϥⲉⲣϩⲙⲟⲧ ⲛⲱⲟⲩ ⲙ̀ⲡⲓⲱⲛϧ ⲛ̀ⲉ̀ⲛⲉϩ ∻ [1])

Затѣмъ поется Трисвятое такимъ образомъ:

Ⲁⲅⲓⲟⲥ ⲟ̅ⲑ̅ⲥ̅ ∻ ⲁⲅⲓⲟⲥ ⲓⲥⲭⲩⲣⲟⲥ ∻ ⲁ̀ⲅⲓⲟⲥ ⲁ̀ⲑⲁⲛⲁⲧⲟⲥ. ⲟ ⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥ ⲉⲕ ⲧⲱⲛ ⲛⲉⲕⲣⲱⲛ ⲉⲗⲉⲏⲥⲟⲛ ⲏⲙⲁⲥ ⲅ̅. ⲇⲟⲍⲁ

Ⲡⲁⲟ̅ⲥ̅ ⲓⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲫⲏⲉⲧⲁϥⲧⲱⲛϥ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ϧⲉⲛⲡⲓⲉϩⲟⲟⲩ ⲙ̀ⲙⲁϩ ⲅ̅. [2]) ⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛ ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲉⲕⲛⲓϣϯ ⲛ̀ⲛⲁⲓ [3]) ∻ — Господи нашъ, Іисусе Христе, воскресый изъ мертвыхъ въ третій день! помилуй насъ по велицѣй Твоей милости.

Ⲛⲓⲭⲉⲣⲟⲩⲃⲓⲙ ⲥⲉⲟⲩⲱϣⲧ ⲙ̀ⲙⲟϥ по обычаю. И говорится въ концѣ его: ϫⲉ ⲁⲛⲧⲱⲛⲕ ⲉⲛⲥⲱϯ ⲙ̀ⲙⲟⲛ ∻

И молитва Евангелія и поется псаломъ 66 [4]): Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его. Аллилуіа. *На гласъ* ϫⲱⲡⲓ, *усвоенный пятидесятницѣ. Обходятъ съ Евангеліемъ алтарь,* поя:

---

1) Коптскій переводъ тропаря «Христосъ воскресе» съ варіантомъ: животъ вѣчный».
2) add. ⲥⲱϯ ⲙ̀ⲙⲟⲛ ⲟⲩⲟϩ P.
3) om. P.
4) Соотвѣтствуетъ нашему Аллилуарію.

ⲁ̅ⲗ̅ ⲁ̅ⲗ̅ ⲓⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡⲱⲟⲩ ⳾ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾ ϧⲉⲛⲡⲓⲉϩⲟⲟⲩ ⲙ̀ⲙⲁϩ ⲅ̅. ⲁⲗ.

И чтется Евангеліе (Луки 24, 1—12).

Посемъ поется самогласенъ[1]):

ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲡⲓⲧⲱⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲓϫⲱⲓⲧ ⲫⲙⲁⲛ̀ⲑⲱⲟⲩϯ ⲛ̀ⲛⲓⲍⲱⲟⲩⲛ. ⲉⲧϣⲉϣⲥ̀ⲑⲟⲓⲛⲟⲩϥⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⳾	Свѣтися, свѣтися гора масличная, идѣже собрана суть животная, яже источаетъ благовоніе.
Ⲉϥⲭⲏ ϧⲉⲛⲧⲟⲩⲙⲏϯ ⲛϫⲉ-ⲡⲓⲁⲗⲗⲟⲛ ⲉⲧ-ⲁ-ⲡⲓⲥⲑⲟⲓ ⲛ̀ⲛⲉϥⲧⲉⲛϩ ⲙⲁϩ-ⲛⲓⲭⲱⲣⲁ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⳾	Въ ней же положися фениксъ: благовоніе крилъ Его исполни всю землю.
ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲛⲓⲁ̀ⲡⲟⲥⲧⲟⲗⲟⲥ ⲉ̅ⲑ̅ ⳾ ϫⲉ-ⲁϥϭⲓ ⲛ̀ϫⲉ-ⲫⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲛ̀ϯⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⳾	Свѣтитеся, свѣтитеся, Апостоли святіи: возсія бо свѣтъ воскресенія.
Ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲉⲛⲥⲱ̅ⲣ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ[c]) ⲁϥⲧⲁⲥⲑⲟ ⲛ̀ⲁ̀ⲇⲁⲙ ⲉ̀ⲡⲓⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ ⳾	Христосъ Спасъ нашъ воста отъ мертвыхъ, возведе Адама въ рай.
ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲛⲓϩⲓⲟ̀ⲙⲓ ⲙ̀ϥⲁⲓⲥⲟϫⲉⲛ. ϭⲓ ⲛ̀ⲛⲉⲧⲉⲛ[d])ⲥⲑⲟⲓⲛⲟⲩϥⲓ. ϫⲉ-ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⳾	Свѣтитеся, свѣтитеся, жены мироносицы, возьмите ароматы ваши: воскресе бо Господь.
Ⲛⲑⲟϥ ⲁϥⲟ̀ϩⲓ ⲉ̀ⲣⲁⲧϥ ϧⲉⲛⲑⲙⲏϯ ⲛϯϭⲱⲙ ⲁϥⲥⲁϫⲓ ⲛⲉⲙ ⲙⲁⲣⲓⲁ̀ ϯⲙⲁⲅⲇⲁⲗⲓⲛⲏ ⳾	Той ста посредѣ древесъ и глагола съ Маріей Магдалиною.
ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ.[e]) ⲛ̀ⲧⲉⲧⲉⲛⲕⲁϯ ⲱ̀ⲛⲓⲕⲱⲥⲧⲱⲇⲓⲁ.[f]) ϫⲉⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾	Свѣтися и разумѣй, о кустодія, яко воскресе Господь изъ мертвыхъ.
Ϩⲏⲡⲡⲉ ⲓⲥ[g]) ⲛⲓϩⲃⲱⲥ ⲛⲉⲙ ⲡⲓⲥⲟⲩⲇⲁⲣⲓⲟⲛ ⲥⲉⲉⲣⲙⲉⲑⲣⲉ[h]) ⲛ̀ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲃⲉⲛ. ⲇⲉ-ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⳾	Се ризы и сударь свидѣтельствующая всѣмъ, яко воста Господь.
ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲱ̀ϯⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ ⲉ̅ⲑ̅ ⳾ ϫⲉ-ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲉϥϣⲏⲣⲓ. ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉ[i])ⲧⲫⲉ ⲛⲉⲙ-ⲡⲕⲁϩⲓ ⳾	Свѣтися, свѣтися, Святая Дѣво: воскресе бо Сынъ Твой, Царь небеси и земли.

---

1) 4 первыхъ стиха находятся въ рукоп. Азіатск. инст. № 238, какъ ⲯⲁⲗⲓ ⲁⲇⲁⲙ. Ими заканчивается рукопись; въ рукоп. № 239, равно, какъ и въ Par. 134 — всѣ. Варіанты (№ 238 — Ин.; № 239 — Ин[1]. Par. 134 — P[2]).

a) ⲟⲩⲱⲓⲛⲓ Ин. b) ⲛ̀ⲧⲉ ϯⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ Ин. c) ϧⲉⲛⲛⲓⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ Ин.
d) ⲛⲉⲧⲉⲛ P[2]. e) ad. ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ iter. Ин[1]. f) ⲕⲟⲥⲇⲱⲧⲓⲁ Ин[1]. g) om. Ин[1].
h) ⲥⲉ om. Ин[1]. ⲉϥⲉⲣⲙⲉⲑⲣⲉ M. i) om. M.

Ⲓⲥ ⲛⲉϥⲙⲁⲑⲏⲧⲏⲥ ϧⲉⲛϯⲅⲁⲗⲓⲗⲉⲁ̀. ⲉ̀ⲁⲩⲉⲣⲑⲉⲟ̀ⲣⲓⲛ[l]) ⲛ̀ⲛⲉϥⲙ̀ⲕⲁⲩϩ ⲛ̀ⲟⲩϫⲁⲓ ÷	Се ученицы Его въ Галилеи, свидѣтеліе суще страданій Его спасительныхъ.
Ⲁϥⲛⲓϥⲓ ϧⲉⲛⲡⲟⲩϩⲟ ⲛ̀ⲟⲩⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲉϥⲟⲩⲁⲃ ÷ ⲁϥϯⲛⲱⲟⲩ ⲛ̀ⲟⲩϫⲟⲙ ⲛⲉⲙⲟⲩⲥⲟⲫⲓⲁ̀ ⲙⲙⲏⲓ	Вдуну въ лица ихъ Духа Святаго, даде имъ силу и премудрость воистину.
Ⲁϥⲟⲩⲟⲣⲡⲟⲩ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲡⲓⲕⲟⲥⲙⲟⲥ ⲧⲏⲣϥ ÷ ⲉ̀ϩⲓⲱⲓϣ ⲛ̀ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲛ̀ϯⲙⲉⲧⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉⲫϯ ÷	Посла я въ міръ весь проповѣдати всѣмъ царствіе Божіе.
Ⲙⲁⲣⲉϥϭⲓϣⲓⲡⲓ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ ⲛ̀ϫⲉⲓⲟⲩⲇⲁⲥ ⲡⲓⲥⲕⲁⲣⲓⲟⲧⲏⲥ ÷ ϫⲉ-ⲁⲩϯ ⲛ̀ⲧⲉϥⲙⲉⲧⲉ̀ⲡⲓⲥⲕⲟⲡⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲟⲧϥ ⲛ̀ⲕⲉⲟⲩⲁⲓ ÷	Да посрамится днесь Іуда Искаріотскій, пріятъ бо епископство его инъ.
Ⲧⲉϥⲥϩⲓⲙⲓ ⲉⲧϩⲱⲟⲩ. ⲉⲩⲉ̀ⲙⲁϣⲑⲁⲙ ⲛ̀ⲛⲉⲥⲃⲁⲗ. ϫⲉ-ⲁⲥϯⲥⲟϭⲛⲓ ⲛⲁϥ ϣⲁⲧⲉϥϭⲓ ⲛ̀ⲛⲓϩⲁⲧ ÷	Да заградятся очи жены его злыя, яко совѣтъ подаде ему, да пріиметъ сребренники.
Ⲙⲁⲣⲟⲩϭⲓϣⲓⲡⲓ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ ⲛ̀ϫⲉⲛⲓⲟⲩⲇⲁⲓ ⲛ̀ⲁ̀ⲛⲟⲙⲟⲥ. ⲉⲧⲁⲩⲉⲣⲙⲉⲑⲣⲉ ⲛ̀ⲛⲟⲩϫ. ϧⲁⲧⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⲙⲡ̅ⲟ̅ⲥ̅ ÷	Да посрамятся днесь Іудее беззаконніи, иже свидѣтельствоваша лжу противу воскресенія Господня.
Ⲙⲁⲣⲉϥⲟⲩⲛⲟϥ ⲙ̀ⲙⲟϥ ⲛ̀ϫⲉ-ⲫⲗⲁⲟⲥ ⲛ̀ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ. ⲡⲓⲥ̅ⲗ̅ ⲙ̀ⲃⲉⲣⲓ. ⲉⲧⲉ[m])-ⲛⲓⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁ̀ⲛⲟⲥ ÷	Да возвеселится народъ вѣрныхъ, Исраиль новый, иже есть Христіане.
Ⲛⲁⲓ ⲉⲧ-ⲁ̀-ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅ ϯ ⲛ̀ⲧⲉϥϣⲉⲗⲉⲧ ⲛⲱⲟⲩ. ⲉⲩⲉⲣϩⲟⲩⲙⲛⲟⲥ ⲛ̀ϧⲏⲧⲥ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲛ̀ⲛⲓⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ÷	Сія подаде Христосъ Невѣсти своей славнѣй, да поютъ въ ней по чину Ангельскому.
Ϫⲉ-ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡ̅ⲟ̅ⲥ̅ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲙ̀ⲫⲏⲉⲧⲉ-ⲛ̀ⲕⲟⲧ. ⲁϥϣⲁⲣⲓ ⲛ̀ⲛⲉϥϫⲁϫⲓ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲓⲟⲩⲇⲁⲓ ⲛ̀ⲁ̀ⲛⲟⲙⲟⲥ ÷	Яко воста Господь, яко спя и порази враги своя Іудеи беззаконныя.
Ⲛⲏⲉⲧϧⲉⲛⲛⲓⲫⲏⲟⲩⲓ ⲥⲉⲉⲣϩⲟⲩⲙⲛⲟⲥ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩ. ϫⲉ[f])-ⲛⲑⲟⲕ ⲡⲉ ⲣⲁⲃⲃⲟⲩⲛⲓ.[n]) ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉⲧⲫⲉ ⲛⲉⲙ-ⲡⲕⲁϩⲓ ÷	Небесная поютъ днесь: Ты бо еси, раввуни, Царю небесе и земли.
Ⲉⲑⲃⲉ-ⲫⲁⲓ ⲧⲉⲛϯⲱ̀ⲟⲩ ⲛⲁϥ ⲉⲛⲱϣ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲉⲛϫⲱⲙⲙⲟⲥ. ϫⲉ-ⲕⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲩⲧ ⲡ̅ⲟ̅ⲥ̅ ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅. ϫⲉ-ⲁⲕⲧⲱⲛⲕ ⲁⲕⲥⲱϯ ⲙⲙⲟⲛ ÷	Сего ради славимъ Его зовуще и глаголюще: благословенъ еси, Господи Іисусе, яко воскреслъ еси и искупилъ ны еси.

Затѣмъ это переводится по арабски и читается Евангеліе (по арабски же?) гласомъ радостнымъ.

---

l) ⲉⲣ om. Ин[1]. ⲑⲟⲟⲣⲓⲛ M. m) ⲛⲧⲉ Ин[1]. n) ⲣⲁⲃ̀ⲃ̀ⲓ Ин[1]. Р.

ⲁ̅ⲗ̅ ⲁ̅ⲗ̅ ⲁ̅ⲗ̅ ⲁ̅ⲗ̅ ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉ-ⲡⲱⲟⲩ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⲫⲁⲓ ⲉⲣⲉ-ⲡⲓⲱⲟⲩ ⳾ Ⲁⲣⲓⲡⲣⲉⲥ.

Народъ цѣлуетъ Евангеліе и іереи продолжаютъ послѣдованіе литургіи по обычаю.

Говорится во время «мира».

Ⲁ ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲉⲛⲛⲟⲩϯ. ⲧⲱⲛϥ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ. ⲛ̀ⲑⲟϥ ⲡⲉⲧⲁⲡⲁⲣⲭⲏ ⲛ̀ⲧⲉ-ⲛⲏⲉ̀ⲧⲁⲩⲉⲛⲕⲟⲧ ⳾

Христосъ Богъ нашъ воста отъ мертвыхъ: Той есть начатокъ умершимъ.

Ⲉⲑⲃⲉ-ⲫⲁⲓ ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲛⲁϥ. ϩⲓⲛⲁ ⲛⲧⲉⲛϩⲱⲥ ⲉ̀ⲣⲟⲕ ⳾

Сего ради славимъ Его. Да воспоемъ Тебѣ.

(Причастенъ): Аллилуіа. Хвалите Господа съ небесъ.... *родостнымъ гласомъ.* И сей.... *воскреснымъ напѣвомъ. Подобенъ:* ⲥⲱⲧⲉⲙ ⲫⲏⲛⲃ ⲛ̀ⲟⲩⲟⲛ ⳾ [1]).

Ⲕⲁⲧⲁ ⲛⲓⲭⲱⲣⲟⲥ ⲛⲉⲙ ⲛⲓⲧⲁⲝⲓⲥ ⲛ̀ⲧⲉ ⲛⲁⲛⲓⲫⲏⲟⲩⲓ ⲛⲉⲙ-ⲛⲁⲡⲕⲁϩⲓ. ⲛⲓⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲛⲉⲙ-ⲛⲓⲣⲱⲙⲓ ⲉⲩⲥⲟⲡ ⲉⲩⲉⲣⲯⲁⲗⲓⲛ ϧⲉⲛⲟⲩⲑⲉⲗⲏⲗ ⳾

По ликомъ и чиномъ небеснымъ и земнымъ, Ангели и человѣцы да поютъ вкупѣ въ радости:

Ⲭⲉ-ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲓϩⲓⲏⲃ ⲙ̀ⲙⲏⲓ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲛⲏⲉⲑⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾

(Припѣвъ): «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Агнецъ истинный воста отъ мертвыхъ»!

Ⲉϯⲥⲱⲧⲉⲙ ⲉ̀ⲣⲟϥ ⲫⲁⲓ-ⲡⲉ ⲡⲉ ⲛ̀ⲏⲥⲁⲏⲥ ⲡⲓⲛⲓϣϯ ⲙ̀ⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ ϫⲉ-ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲓ̈ⲗ̅ⲏ̅ⲙ̅ ⲁϥⲓ ⲅⲁⲣ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲉⲟⲩⲣⲟ. ϫⲉ-ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⳾

Еже слышу, сіе есть Исаіи великаго пророка: «свѣтися, свѣтися Іерусалиме! пріиде бо царь твой» [2]).

Ϣ ⲛⲓⲙ ⲛⲁⲓ ⲥⲩⲙⲫⲱⲛⲓⲁ̀ ⲉⲧϩⲟⲗϫ [a]) ⲙ̀ⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲓⲕⲟⲛ ⲉ̀ⲧⲁⲩⲉⲣⲙⲉⲑⲣⲉ ⲉⲑⲃⲉ ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅ ⲛⲉⲙ-ⲡⲉϥϣⲉⲡⲙ̀ⲕⲁϩ ⲛⲉⲙ-ⲧⲉϥⲁ̀ⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⲉ̅ⲑ̅. ϫⲉ ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅

О что суть согласія сія сладостная пророческая, свидѣтельствующая о Христѣ и страстехъ Его и воскресеніи святомъ.

Ⲉⲑⲛⲛⲟⲩ ⲉ̀ⲛⲁⲙⲁϣϫ ⲛ̀ⲟⲩⲛⲓϣϯ ⲛ̀ⲣⲁϣⲓ. ⲇ̅ⲁ̅ⲇ̅ ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲉϥϫⲱⲙ̀ⲙⲟⲥ. ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲙ̀ⲫⲏⲉⲧⲛ̀ⲕⲟⲧ. ⲓⲉ ⲟⲩⲁⲓ ⲁϥⲑⲁϣⲓ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲡⲏⲣⲡ ⳾

Носяй въ ушеса моя радость велію, Давидъ царь глаголетъ: «воста, яко спя Господь, и яко шуменъ отъ вина».

ϫⲉ ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡ̅ⲭ̅ⲥ̅ ⳾

---

1) Въ рукописи Азіатск. музея Copt. № 4 онъ названъ «Пѣснью во время пятидесятницы при раздаяніи». Варіантовъ особенно существенныхъ нѣтъ.

2) Такъ по коптскому тексту по смѣшенію съ Захар. 9; въ арабскомъ переводѣ вѣрно: «свѣтъ Твой».

a) ϫⲟⲗϩ codd.

Ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲉⲣϩⲙⲟⲧ ⲛⲁⲛ ⲙ̀ⲡⲓⲱⲛϧ ⲉⲑⲙⲏⲛ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϣⲁ-ⲉ̀ⲛⲉϩ ⲁϥⲕⲱⲣϥ ⲙ̀ⲫⲙⲟⲩ ϧⲉⲛⲧⲉϥⲙⲉⲑⲛⲟⲩϯ. ⲁϥϩⲱⲙⲓ ⲛ̀ⲧⲉϥⲥⲟⲩⲣⲓ ϧⲉⲛⲧⲉϥϫⲟⲙ ⳾
ϫⲉ ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅

Христосъ воскресе и дарова намъ животъ пребывающій во вѣки, упраздни смерть Божествомъ своимъ; притупи жало ея силою своею.

Ⲛ̀ϣⲱⲣⲡ ⲙ̀ⲫⲟⲩⲁⲓ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲓⲥⲁⲃⲃⲁⲧⲟⲛ · ⲁⲥⲓ ⲛ̀ϫⲉⲙⲁⲣⲓⲁ ⲉ̀ⲡⲓⲙ̀ϩⲁⲩ · ⲁⲥⲛⲁⲩ ⲉ̀ⲡⲓⲱ̀ⲛⲓ ⲁⲩⲥⲕⲉⲣⲕⲱⲣϥ. ⲛⲉⲙⲛⲓϩⲃⲱⲥ[b]) ⲉⲩⲭⲏ ⲉ̀ϧⲣⲏⲓ· ϫⲉⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅·

Рано во едину отъ субботъ пріиде Марія ко гробу. Видѣ камень отваленъ и ризы, лежащія внутрь.

Ⲛⲓⲙⲁⲧⲟⲓ ⲙ̀ⲡⲉⲣϫⲉⲙⲉⲑⲛⲟⲩϫ ⲁⲛ. ⲉⲑⲃⲉ-ϯⲁⲅⲁⲡⲏ ⲛ̀ⲧⲉⲡⲓϩⲁⲧ ⲟⲩⲟϩ ⲉ̀ⲣⲉⲧⲉⲛϫⲟⲥ ϫⲉ-ⲛⲛⲉϥⲙⲁⲑⲏⲧⲏⲥ · ⲁⲩⲟⲗϥ ⲛ̀ⲟⲩϭⲓⲟⲩⲓ ϩⲱⲥⲧⲉ ⲉⲛⲛⲕⲟⲧ ⳾
ϫⲉ ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅.

Воины, не глаголите лжу сребролюбія ради, рекуще: «ученицы Его украдоша Его, намъ спящимъ.

Ϧⲁⲧⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⲙ̀ⲡⲉⲛⲥⲱ̅ⲣ̅ ⲁϥⲉⲣⲙⲉⲑⲣⲉ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲓⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲉ̀ⲛⲓϩⲓⲟ̀ⲙⲓ ⲉϥϫⲱⲙ̀ⲙⲟⲥ. ϫⲉ-ⲁϥⲧⲱⲛϥ ϥⲭⲏ ⲙ̀ⲡⲁⲓⲙⲁ ⲁⲛ ⳾ ϫⲉⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅.

О воскресеніи Спаса нашего свидѣтельствова Ангелъ женамъ, глаголя: «воста, нѣсть здѣ».

Ϧⲉⲛⲡⲓⲉϩⲟⲟⲩ ⲛⲧⲉϯⲕⲩⲣⲓⲁⲕⲏ. ⲁⲩⲣⲁϣⲓ ⲛ̀ϫⲉ-ⲛⲓⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲉ̅ⲑ̅ⲁⲩⲑⲉⲗⲏⲗ ⲛ̀ϫⲉ-ⲛⲓⲫⲏⲟⲩⲓ ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲕⲁϩⲓ ⲉⲑⲃⲉ ⲡⲟⲩϫⲁⲓ ⲛ̀ⲁ̀ⲇⲁⲙ ⲛⲉⲙ-ⲡⲉϥⲅⲉⲛⲟⲥ.
ϫⲉ ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅

Въ день владычній радуются Ангели святіи, веселятся небеса и земля спасенія ради Адама и рода его.

Ⲉⲑⲃⲉ-ⲫⲁⲓ ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲛⲁϥ ⲉⲛⲱϣ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲯⲁⲗⲙⲱⲧⲟⲥ. ϩⲱⲥ ⲉ̀ⲡⲟ̅ⲥ̅ ϧⲉⲛⲟⲩϩⲱⲥ ⲙ̀ⲃⲉⲣⲓ. ϩⲓϣⲉⲛⲛⲟⲩ ⲙ̀ⲡⲉϥⲟⲩϫⲁⲓ ⳾ ϫⲉ ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅.

Сего ради славимъ Тя, взывающе со псалмопѣвцемъ: «воспойте Господеви пѣснь нову, возвѣстите спасеніе Его».

Ⲁ̀ⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⲉ̀ⲡⲉⲛⲛⲟⲩϯ. ⲁ̀ⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ. ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ ⲉ̀ⲡⲉⲛⲟⲩⲣⲟ̀ ⲁⲣⲓⲯⲁⲗⲓⲛ. ϫⲉ-ⲁϥⲉⲣϩⲙⲟⲧ ⲛⲁⲛ ⲛ̀ⲉ̈ⲗⲉⲩⲑⲉⲣⲟⲥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲧⲉⲛⲙⲉⲧⲃⲱⲕ ⲉⲧⲉⲛϣⲁϣⲓ ⳾ ϫⲉ-ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⳾

Пойте Богу нашему, пойте. Пойте Цареви нашему, пойте, яко дарова намъ свобожденіе отъ работы горькія.

Ⲙⲁⲣⲉⲛϩⲱⲥ ⲉ̀ⲣⲟϥ ⲛⲉⲙⲛⲓⲭⲉⲣⲟⲩⲃⲓⲙ. ϫⲉ-ⲭⲟⲩⲁⲃ ⲭⲟⲩⲁⲃ ⲭⲟⲩⲁⲃ ⲛ̀ⲑⲟⲕ ⲡⲟ̅ⲥ̅. ϫⲉ-ⲁⲕϧⲟⲙϧⲉⲙ ⲛ̀ϯϫⲟⲙ ⲛ̀ⲧⲉⲫⲙⲟⲩ ϩⲓⲧⲉⲛ-ⲡⲉⲕⲙⲟⲩ ⲛ̀ⲣⲉϥⲧⲁⲛϧⲟ ⳾ ϫⲉ-ⲡⲉⲛⲟ̅ⲥ̅.

Воспоемъ ему со Херувимы: Святъ, Святъ, Святъ еси Господи, сокрушивый державу смерти животворящею смертію Твоею.

---

b) ϩⲃⲱⲟⲩⲥ M^{4}.

И при окончаніи раздаянія св. Таинъ говорится: ⲁⲗ ⲇⲟⲝⲁ. ⲛⲓⲛ. ⲁⲛϭⲓ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲡⲓⲥⲱⲙⲁ. ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲓⲗⲟⲅⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉ ⲫⲓⲱⲧ ⳾ *до конца.* Пріяхомъ тѣла Христа Слова Отча.

Поется аллилуіа *гласомъ* $\frac{\text{ϫⲱⲡⲓ}}{\text{ⲁⲗ}}$ *громогласно.*

И іерей даетъ народу отпустъ, читаетъ благословеніе и отпускаетъ въ домы съ миромъ. И отходятъ, веселяся о воскресеніи Господа, Емуже слава.

Чинъ вечерни на преславный день Воскресенія.

Начало обычное: ⲕⲉ̀ⲗⲉⲏⲥⲟⲛ ⲕⲉ̀ⲗⲉⲏⲥⲟⲛ ⲕⲉ̀ⲉⲩⲗⲟⲅⲏⲥⲟⲛ ⲁ̀ⲙⲏⲛ ⲁⲗ ⲇⲟⲝⲁ. ⲛⲓⲛ ⳾ Отче нашъ (ⲡⲉⲛⲓⲱⲧ).

Молитва благодарственная: ⲙⲁⲣⲉⲛϣⲉⲡϩⲙⲟⲧ[1]).

Не говорится Псаломъ 50, но говорится вмѣсто него Хвалите Господа съ небесъ... Аллилуіа *до конца.*

Поется псалія вокресная: Господь воцарися.... *стр. 6 а послѣ нея воскресная* Ⲑⲉⲟⲧⲟⲕⲓⲁ *отъ* ⲣⲁⲛ ⲛⲓⲃⲉⲛ *до конца и* ⲛⲓⲙ ⲅⲁⲣ ϧⲉⲛⲛⲓⲛⲟⲩϯ ⳾[2]).

Затѣмъ поется гимнъ, подобенъ: ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ϭⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ:

Ⲣⲟⲩϩⲓ ⲛ̀ⲛⲓⲥⲁⲃⲃⲁⲧⲟⲛ ⲁϥϣⲱⲡⲓ ⲛ̀ϫⲉ-ⲟⲩⲣⲓⲙⲓ. ⲟⲩⲛⲉϩⲡⲓ ⲛⲉⲙ-ⲟⲩⲧⲱⲓⲧ ϧⲁⲧⲉⲛⲛⲓϩⲓⲟⲙⲓ ⳾	Вечеръ субботный бысть у женъ плачь и скорбь и рыданіе.
Ⲛϣⲱⲣⲡ ⲙ̀ⲫⲟⲟⲩⲁⲓ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲓⲥⲁⲃⲃⲁⲧⲟⲛ ⲁ-ⲡⲓⲣⲓⲙⲓ ⲱⲥⲕ ⲁϥⲕⲏⲛ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲓⲛⲉϩⲡⲓ ⳾	Заутро во едину отъ субботъ плачь закосни, преста скорбь.
Ⲭⲉ-ⲁ-ⲡⲓⲛⲓϣϯ ⲛ̀ⲣⲁϣⲓ ⳾ ⲁϥⲕⲱⲣϥ ⲙ̀ⲡⲓⲥⲉⲃⲓ ϧⲉⲛϯⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⲛ̀ⲧⲉⲫϯ ⲡⲓⲗⲟⲅⲟⲥ ⳾	Радость бо велія упраздни обрѣзаніе воскресеніемъ Бога Слова.
Ⲕⲏⲛ ⲉ̀ⲣⲱⲧⲉⲛ ⲉ̀ⲣⲓⲙⲓ · ⲑⲉⲗⲏⲗ ⲟⲩⲛⲟϥ ⲙ̀ⲙⲱⲧⲉⲛ ⲉⲑⲃⲉ ⲫⲁⲓⲉ̀ϩⲟⲟⲩ ⲛⲉⲙⲡⲉϥⲛⲓϣϯ ⲛ̀ⲱⲟⲩ ⳾	Престаните отъ слезъ, радуйтеся, ликуйте ради дне сего и велія ради славы его.
Ⲁⲩⲑⲱⲛ ⲛⲏⲉⲧⲁⲩϫⲟⲥ · ϫⲉ-ϥⲛⲁⲧⲱⲛϥ ⲁⲛ ϫⲉ ⲛ̀ϫⲉ-ⲫⲏⲉⲧⲉⲛⲕⲟⲧ ⲛⲉⲙ-ⲡⲏⲉⲣⲉϥⲙⲱⲟⲩⲧ ⳾	Гдѣ суть глаголющіи: не востанетъ спяй и мертвіи.

---

1) См. Туки Theot. 2. Bute, 3. У меня 2—3 сл.

2) Туки l. c. 68—76. Послѣднее молитвословіе спеціально воскресное.

Ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⲛ̀ϫⲉ-Ⲫϯ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲙ̀ⲫⲏⲉⲧⲉⲛⲕⲟⲧ. ⲁϥϣⲁⲣⲓ ⲛ̀ⲛⲉϥϫⲁϫⲓ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲓⲟⲩⲇⲁⲓ ⲛ̀ⲁ̀ⲛⲟⲙⲟⲥ ⳿	Воста Богъ, яко спяй и порази враги своя Іудеи беззаконныя.
Ⲉⲑⲃⲉ ⲫⲁⲓ ⲧⲉⲛϯⲱⲟⲩ ⲛⲁϥ ⳿	Сего ради славимъ Его.

Затѣмъ говорится: ⲛⲉⲕⲛⲁⲓ ⲱ ⲡⲁⲛⲟⲩϯ ⳿ [1]).

И священникъ кадитъ и участвуютъ въ этомъ остальные священники, а діаконы поютъ подъ систры.

Ⲧⲉⲛⲟⲩⲱϣⲧ ⲙ̀ⲫⲓⲱⲧ.
Ⲭⲉⲣⲉ ϯⲉⲕⲕⲗⲏⲥⲓⲁ.
Ⲭⲉⲣⲉ ⲉⲧⲉϥⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ.
ϩⲓⲧⲉⲛ-ⲛⲓⲡⲣⲉⲥⲃⲓⲁ ⳿ [2])

А если о. Патріархъ присутствуетъ въ церкви, то кадитъ онъ по обычаю. И сажаютъ его и читаютъ предъ нимъ послѣ ⲭⲉⲣⲉ ⲧⲉϥⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⳿

Ⲁ ⲡⲭ︦ⲥ︦ ⲛⲉⲛⲛⲟⲩϯ ⲧⲱⲛϥ ϧⲉⲛ *а послѣ этого:* ϩⲓⲧⲉⲛ-ⲛⲓⲡⲣⲉⲥⲃⲓⲁ ⳿

И читаетъ священникъ молитву объ усопшихъ, а послѣ нея: ⲁⲣⲓ ⲕⲁⲧⲁⲝⲓⲟⲛ ⲡ︦ⲟ︦ⲥ︦.

Священникъ обходитъ церковь, народъ принимаетъ ѳиміамъ.

Богородице Дѣво, радуйся.... *радостнымъ напѣвомъ:* ⲧⲟⲧⲉⲣⲱⲛ.

Величаемъ Тя, Мати свѣта....

Священникъ поднимаетъ крестъ, возглашая: ⲫϯ ⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛ. (= Господи помилуй ны). *Отвѣчаютъ ему:* Киріе элейсонъ *при систрахъ. Послѣ этого исходятъ предъ дверь (?) и кадятъ икону преславнаго воскресенія по очереди; а если о. патріархъ присутствуетъ, то его сажаютъ предъ иконой воскресенія и даютъ кадило и онъ кадитъ, сначала икону воскресенія, а затѣмъ садится на малую каѳедру (?) и на новое сѣдалище (?) и даетъ кадило священникамъ по очереди. Они кадятъ сначала икону воскресенія, а потомъ патріарха; діаконы поютъ воскреснымъ напѣвомъ:* ⲕⲁⲧⲁ ⲛⲓⲭⲱⲣⲟⲥ ⲉ̀ⲣⲟⲩⲱ *пока не окончится кажденіе. Затѣмъ берутъ св. икону воскресенія и предъ ней кресты, Евангеліе и свѣчи и отправляются въ алтарь, поя* Ⲭⲣ︦ⲓ︦ⲥ︦ ⲁⲛⲉⲥⲧⲓ, *и обходятъ алтарь трижды и спускаются отъ жертвенника и обходятъ церковь, пока не дойдутъ до хора. Снова идутъ въ алтарь и обходятъ трижды при пѣніи* ⲡⲭ︦ⲥ︦ ⲁϥⲧⲱⲛϥ ⳿ (Христосъ

---

1) Ibid. 150. У меня 18.
2) Какъ въ утренѣ.

воскресе....), *а послѣ него* — ⲁⲅⲓⲟⲥ, *какъ въ утренѣ и поется* ϫⲱⲡⲓ ⲁⲗ *и громогласно Пс. 46, 1:*

Вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія. Яко Господь Вышній страшенъ, царь велій по всей земли.

Читается Еѵангеліе радостнымъ мотивомъ отъ Іоанна 20, 19—24 (Сущу поздѣ....). *Послѣ этого* ⲕⲁⲧⲁ ⲫⲣⲏϯ ⲉ̀ⲧⲁⲕⲧⲏⲓⲥ *до конца.*

Народъ прикладывается къ Еѵангелію и кресту и поется вечерній канонъ стр. 10. Если о. Патріархъ присутствуетъ, то говорится послѣ канона и молитвы благословенія ⲁⲕϭⲓ-ⲧⲭⲁⲣⲓⲥ.

И отходитъ народъ въ домы, веселяся о воскресеніи Господа.

Б. Тураевъ.

„Животный совѣтъ“ во всеобщей литературѣ.

(Библіографическая замѣтка.)

Индивидуальныя особенности животныхъ подмѣчены были человѣкомъ прежде, нежели были выяснены характеристическія черты самого человѣка. Адамъ и его ближайшее поколѣніе, свободные отъ рѣзкихъ особенностей между собою, тѣмъ не менѣе уже видѣли и сознавали особенности животныхъ: могущество льва, хищность ворона и т. д. Съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ рода человѣческаго, когда опредѣлились разнообразныя наклонности и привычки людей и когда первый писатель хотѣлъ указать на нихъ, онъ имѣлъ подъ руками живую аналогію въ знакомомъ ему изъ дѣтства мірѣ животномъ.

Отожествленіе характера человѣка съ инстинктомъ того или другаго животнаго, замѣчаемое на всемъ пространствѣ міровой литературы, пережило извѣстныя литературныя формы. Наблюденіе, приведшее къ простому сопоставленію, сравненію, уподобленію и отожествленію, выразилось во первыхъ въ литературномъ діалогизмѣ — въ баснѣ. Звѣри и птицы басни говорятъ простою, понятною человѣческою рѣчью[1]), вслѣдствіе чего непосредственная мораль басни, обыкновенно веселая, ясна и усваивается легко всѣми, не исключая и дѣтей, но скрытая, съ аллегорическимъ смысломъ, — обыкновенно серьезная, дидактическая, подъ часъ даже горькая.

Дальнѣйшую стадію въ своемъ развитіи животный аллегоризмъ представляетъ въ комедіи. Діалогизмъ смѣняется разговоромъ многихъ, но

---

1) Ср. τίς τῶν όρνέων τὴν γλῶτταν ἐστόμωσεν ὀργάνου δίκην; ὡς καὶ νομίζειν τοὺς κενοὺς μυθογράφους εἶναι παρ' αὐτοῖς γνωστικὴν ὁμιλίαν; (*Ge. Pisid.* Hexaem. v. 929—932: *Migne* 92 col. 1505).

въ сущности роль птицъ осталась прежнею: какъ въ баснѣ, такъ и въ комедіи звѣри и птицы смотрятъ на вещи, говорятъ и подаютъ совѣты сообразно съ тѣми инстинктами, которые въ нихъ человѣкъ находитъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь, за простымъ, непосредственнымъ впечатлѣніемъ веселости стоитъ или отрицательная сторона — насмѣшка надъ нравами современнаго общества, или положительная — указаніе идеаловъ и полезныхъ совѣтовъ въ данномъ случаѣ, или наконецъ та и другая сторона вмѣстѣ.

Аллегорическій смыслъ животныхъ особенностей сказался затѣмъ въ новомъ литературномъ памятникѣ - Физіологѣ и Бестіаріѣ, извѣстныхъ почти во всѣхъ литературахъ; но здѣсь мораль, выведенная изъ наблюденія надъ міромъ звѣрей и птицъ, относится преимущественно къ духовно-нравственной природѣ человѣка[1]).

Наконецъ животная аллегорія въ видѣ особой литературной формы съ сатирическимъ оттѣнкомъ появилась въ Животной Бесѣдѣ. Основнымъ памятникомъ является индійская Панчатантра, распространившаяся въ различныхъ редакціяхъ и переводахъ по всѣмъ литературамъ: арабской, греческой, славянской, нѣмецкой, французской, турецкой и пр. Въ общихъ чертахъ во всѣхъ этихъ памятникахъ выводится царь (левъ) со своими совѣтниками, звѣрями и птицами, которые преподаютъ ему совѣты житейской мудрости, морали и политики въ видѣ басенъ. Такимъ путемъ Животный Совѣтъ пріурочивается вездѣ къ какимъ либо жгучимъ вопросамъ современности.

Въ арабской литературѣ X вѣка птичья аллегорія выразилась въ животной бесѣдѣ, въ которой принимаютъ участіе разные народы и изъ которой выясняется вопросъ о мусульманской сектѣ «Чистыхъ Братьевъ»[2]); въ XII—XIII в. она приняла отпечатокъ мистическій или спиритуалистическій, составляющій особенность ученія софи о познаніи Бога[3]).

Во французской литературѣ XII—XIII в. птичій совѣтъ нашелъ мѣсто въ фабльо Le jugement d'Amour; этимъ путемъ произносится приговоръ устарѣвшему рыцарству[4]).

---

1) Fr. Lauchert. Geschichte des Physiologus. Strassburg 1889; А. Карнѣевъ. Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога. Спб. 1890; Der Physiologus, въ Byzant. Zeitschrift, 1894.

2) Der Streit zwischen Mensch und Thier, ein arab. Mährchen, übers. von Fr. Dieterich. Berlin, 1858.

3) Les oiseaux et les fleurs, allégories morales *d'Azz-Eddin Elmocadessi*, publ. par M. Garcin. Paris 1821.

4) Fabliaux ou contes, extr. par *Legrand d'Aussy*. Paris 1829, I.

На почвѣ Византіи вліяніе Стефанита и Ихнилата, проникнувъ въ народное міросозерцаніе, сказалось въ двухъ памятникахъ народной словесности: Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπέδων ζώων, 1365 года, и Πουλολόγος, вѣроятно XIV же столѣтія. Въ это время особенную силу забрали въ Византіи торговыя итальянскія колоніи, подъ видомъ дружбы высасывавшія изъ имперіи ея матеріальные соки; народъ видѣлъ зло «франковъ» (τὰ ἔθνη μεθ' ἡμῶν ποιοῦσιν ψευδοαγάπην, ὑπερθαρροῦντες εἰς ἰσχὺν ἄρδην ἡμᾶς ὀλέσαι) и сочинилъ «Дѣтскую исторію», въ которой изобразилъ войну великихъ и малыхъ звѣрей, борьбу за существованіе; попутно осмѣялъ обычаи римской церкви и евреевъ. Въ XIV же вѣкѣ особенно ярко обнаружился недостатокъ въ природной византійской знати, наводненіе служилыхъ людей иностраннаго происхожденія; народъ видѣлъ зло и сочинилъ «Птичникъ», въ которомъ подъ великими и малыми птицами, переругавшимися на свадьбѣ царскаго сына, осмѣялъ «родовитость» (λογογενάσθαι, γενολογάσθαι) византійскихъ бояръ, попрекавшихъ одинъ другаго происхожденіемъ изъ Рима, отъ «Франковъ», Болгаръ, Валаховъ, Сарацинъ, Хазаръ и Татаръ; попутно осмѣялъ человѣческія слабости, затронулъ церковныя и политическія отношенія[1]).

Въ чешской литературѣ XIV вѣка вліяніе Стефанита и Ихнилата сказалось въ Nova Rada Смиля Фляшки: животный совѣтъ пріурочень здѣсь ко двору Вацлава IV[2]).

Въ русской народной литературѣ подъ двойнымъ вліяніемъ Стефанита и Ихнилата съ одной и Физіолога съ другой стороны явился животный и птичій совѣтъ, затрагивающій соціальные, религіозные и житейскіе вопросы[3]).

Въ нѣмецкой литературѣ вліяніе Панчатантры сказалось въ двухъ народныхъ памятникахъ — разговорахъ птицъ, изъ которыхъ одинъ (das Chunigel и 45 птицъ) пріурочень ко двору императора Фридриха III, который среди не особенно счастливыхъ для него событій спрашивалъ совѣта, какъ поддержать честь государства (wie wir des Landes ere behalten)[4]), а другой (Das Königl и 33 птицы) — ко двору императора Максимиліана I, который, по исторіи, издалъ въ Инсбрукѣ эдиктъ противъ жадности духовенства къ церковнымъ имуществамъ и бенефиціямъ, а по

---

1) Carmina graeca, ed. *Wagner*. Lipsiae 1874, p. 141—178, 179—198.

2) Památky staré literatury české, ed. J. Gebauer. Praha 1876, I.

3) Древне-русскія сказанія о птицахъ: Пам. Др. Письм. 1896, CXVI.

4) Jahrbücher der Literatur. Wien 1827. Bd. XL. Anzeige-Blatt, S. 15—17 (сообщ. I. Хмеля).

народной словесности, совѣтовался здѣсь о томъ, что нужно для полученія радостной жизни за гробомъ (das wir in frewdn dort lebn ewigcleichen)[1]; а также въ двухъ латинскихъ поэмахъ Іоганна Мейера: Hortus Libani и Synodus avium, содержаніе которыхъ относится къ реформаціонному времени (1557 г.)[2].

Въ польской литературѣ XVI вѣка бестіарный и птичій аллегоризмъ, нашедшій мѣсто въ Zwierzincie Миколая Рея, рисуетъ или характеры людей разнаго положенія, или картины изъ повседневной жизни[3].

Въ турецкой литературѣ XVII вѣка птицы аллегорически представляютъ извѣстныя партіи въ богословской и политической борьбѣ между правовѣрнымъ мусульманствомъ и суфическимъ дервишизмомъ[4].

Такимъ образомъ «животный совѣтъ» есть особаго рода пріемъ въ памятникахъ народной литературы, посредствомъ котораго въ полушутливомъ, въ полусерьезномъ тонѣ, но во всякомъ случаѣ рельефно, обрисовываются жгучіе вопросы и различныя теченія въ современной жизни.

---

1) Notizenblatt, Beilage zum Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. Wien 1851, I. 153—156 (сообщ. І. Хмеля). Въ старой описи заглавіе разговора: Ain selzamb gedicht der Vogl, so in Kay. Maxmilians stubn zu Inssprugg gemalt vnd gschriben.

2) B. G. Struvius. Acta litteraria. Jenae 1706. IV. 17—34.

3) Zwierziniec w ktorym rozmaitich stanow ludzi, żwirzath y ptakow kstalty, przypadki y obyczaye sa wlasnie wypisane, 1562 года, wyd. W. Bruchnalski. Kraków 1895.

4) *Бульбуль-наме* (по турецки), изд. въ Казани.

Х. Лопаревъ.

Критическія замѣтки къ нѣкоторымъ мѣстамъ въ латинскихъ стихотвореніяхъ вновь изданныхъ польскихъ писателей XVI-го и XVII-го вѣковъ.

Историки и филологи, интересующіеся судьбами гуманизма въ славянскихъ земляхъ, не могли не привѣтствовать съ благодарностью предпринятыя въ послѣднія тринадцать лѣтъ изданія произведеній латинскихъ поэтовъ Польши XVI-го и XVII-го вѣковъ. Знакомство со многими изъ этихъ текстовъ стало постепенно доступнымъ лишь небольшому кружку лицъ; умѣстность новыхъ публикацій увеличивалась оттого, что современный изслѣдователь предъявляетъ къ изданіямъ литературныхъ памятниковъ прошлаго рядъ требованій, которымъ прежніе сборники, естественно, не соотвѣтствовали; наконецъ, объ иныхъ авторахъ какъ бы вообще утрачивалось ученое преданіе. Въ результатѣ ощущался несомнѣнный пробѣлъ въ изученіи и обработкѣ матеріала, сужденіемъ о коемъ обусловливается, однако, надлежащая оцѣнка существенныхъ сторонъ духовнаго движенія въ Польшѣ за означенныя эпохи. Этотъ пробѣлъ и восполняется мало по малу съ такой тщательностью и такимъ знаніемъ дѣла, которыя, на сколько мы можемъ себѣ позволить критическій отзывъ въ данномъ случаѣ, вызываютъ въ полной мѣрѣ уваженіе и признательность читателя.

Не задаваясь исчерпывающимъ перечисленіемъ новыхъ работъ, отмѣтимъ хотя бы слѣдующія. Въ 1884 году появился въ Варшавѣ[1]) третій томъ сочиненій Яна Кохановскаго († 1584), обнимающій латинскія

1) Подъ редакціей г. Іосифа Пршиборовскаго (тутъ же польскій переводъ г. Ѳеофила Красносельскаго). Нѣкоторыя поправки къ тексту и переводу см. у M. Sas, *O miarach poematów łacińskich Jana Kochanowskiego i o ich wzorach* (Краковъ 1893).

стихотворенія поэта. Съ 1887 г. выходитъ въ Краковѣ подъ ауспиціями мѣстной Академіи «Corpus antiquissimorum poetarum Poloniac Latinorum usque ad Ioannem Cochanovium». Первый томъ пока не напечатанъ. Во второмъ томѣ заключаются «Pauli Crosnensis Rutheni atque Ioannis Visliciensis carmina»[1]), въ третьемъ (1888) — «Andreae Cricii carmina»[2]), въ четвертомъ (1894) — «Nicolai Hussoviani carmina»[3]). Въ 1892 г. напечатаны въ старой Веси стихотворенія Сарбіевскаго († 1640)[4]), правда, и безъ того популярныя среди латинистовъ. Въ 1895 г. проф. Θ. Ф. Вержбовскій издалъ въ Варшавѣ Anny Memoraty «dziewicy Polskiéj» Lacińskie wierze z lat 1640—1644[5]).

Историко-литературная важность поименованныхъ писателей, конечно, весьма различна: не всѣ они могутъ быть признаны крупными талантами, не всѣ владѣли въ той же мѣрѣ версификаціонной техникой, не всѣ представляютъ значеніе источниковъ для исторіи своего времени. Въ извѣстномъ смыслѣ позволительно, однако относить ихъ къ одной общей категоріи. и въ качествѣ неолатинистовъ-стихотворцевъ къ тому же разряду должны быть причислены, напр., Janicki, Dantyszek[6]), Kłonowicz, Szymonowicz и другіе.

Спрашивается, одинаковы ли пріемы новыхъ издателей, одинаковыя ли они себѣ ставятъ задачи, остается ли послѣ ихъ публикацій и вызванныхъ уже этими послѣдними замѣчаній критики еще мѣсто для наблюденій, побуждающихъ установить кое-гдѣ подлинники въ нѣсколько иной формѣ.

I.

Вошедшіе въ Corpus poetarum писатели изданы съ приблизительнымъ соблюденіемъ правилъ, которыхъ придерживаются въ настоящее время при критическихъ рецензіяхъ древнихъ классиковъ. Дается въ введеніяхъ пере-

---

1) Изданы подъ редакціей проф. Бронислава Кручкевича. Ср. M. Jezienicki въ львовскомъ «Muzeum» за 1888-ой годъ.

2) Изданы подъ редакціей проф. Казиміра Моравскаго. Ср. M. Sas въ «Biblioteka Warszawska» за 1889-ый годъ (p. 453 sqq.), въ Краковскомъ «Archiwum до dziejów literatury i oświaty w Polsce» t. VII (p. 186 sqq.), 1892-ой годъ, а также въ XVIII-омъ томѣ Rozpraw Wydziału filologicznego Akademii Umiejętnosci w Krakowie (1893 p. 302 sqq.). Въ послѣднихъ работахъ сообщены и новыя рукописныя данныя.

3) Изданы подъ редакціей г. Яна Пельчара. Ср. Львовскую «Eos» II 1 (1895, pp. 65 sqq. 97 sqq.

4) Mathiae Casimiri Sarbiewski e Societate Jesu Poloni poemata omnia. Editio omnium) quae adhuc prodierant (*sic*) longe plenissima. Ad usum alumnorum S. J. Staraviesiac. Имя редактора обозначено въ концѣ предисловія буквами «T. W.» (Wahl?).

5) Въ «Biblioteka zapomnianych poetów i prozaików polskich XVI—XVII w. Zeszyt V».

6) Эти двое войдутъ въ «Corpus ant. poet. Pol. Lat.».

чень источниковъ, характеризуются особенности языка и стихосложенія даннаго автора, выясняется, кому изъ античныхъ образцовъ онъ подражалъ и т. д. Отступленія отъ преданія почти всюду оговариваются[1]): лишь для орѳографіи[2]) и знаковъ препинанія предпосылаются общія замѣчанія. Самая критика тѣмъ болѣе консервативна, чѣмъ менѣе, по убѣжденію издателя, можно ожидать формальной корректности отъ поэта. Словомъ сказать, выносится впечатлѣніе методичности, безпристрастія въ оцѣнкѣ достоинствъ автора и, говоря вообще, бдительной осторожности.

Тѣмъ не менѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ разногласіе съ выводами ученыхъ издателей не покажется, быть можетъ, легкомысленнымъ.

§ 1.

Въ *praefatio* къ Андрею Кржицкому (p. LV), при перечнѣ грубыхъ погрѣшностей автора противъ латинскаго стихосложенія, указано мѣсто изъ *carmina amatoria* (т. е. изъ l. VI) 15,17:

> Custodem *Iovi* dederat Saturnia centum
> Luminibus eqs.

На стран. 208-ой, гдѣ напечатанъ самый текстъ, читается въ примѣчаніи: «scribendum est fortasse» *custodemque*»[3]).

Издатель поразился, стало быть, просодической ошибкой въ первомъ слогѣ дательнаго падежа *Iovi* и ограничился конъектуральнымъ возстановленіемъ *размѣра* при помощи вставки едва ли здѣсь нужнаго союза *que*. Намъ думается, однако, что эмендація должна и тутъ принимать въ соображеніе *смыслъ* контекста. Если всмотрѣться въ этотъ послѣдній, то обращаетъ на себя вниманіе странность въ пересказѣ миѳа: «Юнона снабдила *Юпитера* стоглазымъ сторожемъ». Не Юпитера стерегъ Аргусъ, а возлюбленную Юпитера. Испорченность слова *Iovi* вытекаетъ далѣе (но только — во вторыхъ) изъ того, что оно не укладывается въ данный гексаметръ: а что Кржицкій не могъ ошибиться въ *quantitas* перваго слога, видно изъ настоящаго же стихотворенія, гдѣ (v. 12) стоитъ пра-

---

1) Нѣкоторая непослѣдовательность въ этомъ отношеніи ставилась въ упрекъ г. Кручкевичу.

2) Собственно говоря, издатель долженъ сохранять правописаніе автора. Это единственно научный принципъ. Измѣненія допустимы, однако, всюду, гдѣ невѣрное написаніе, свойственное извѣстному времени, приводитъ къ нарушенію размѣра: напр., трудно требовать, чтобы editor удерживалъ *poenitus* въ стихѣ, коль скоро ясно, что писатель признавалъ первый слогъ краткимъ.

3) Эту конъектуру г. M. Sas относитъ къ «ненужнымъ» въ томъ смыслѣ, что мирится съ мыслью, будто Кржицкій написалъ «custodem Iovi».

вильное «Iovis», въ концѣ пентаметра[1]). Отсюда слѣдуетъ, кажется, съ большимъ вѣроятіемъ, что поэтъ написалъ безукоризненное и съ формальной и съ реальной точекъ зрѣнія:

Custodem Ioni dederat Saturnia centum
Luminibus.

Самъ издатель констатируетъ (praef. p. XLV), что у Кржицкаго находятся реминисценціи изъ Плавта, — между проч., изъ *Aulularia*. Но въ послѣдней (v. 556) встрѣчается стихъ:

Quem quondam *Ioni* Iuno custodem addidit.

Поправка достигнута измѣненіемъ одной буквы преданія, одинаково искажаемой и помимо разсмотрѣннаго мѣста. Такъ, проф. Моравскій востановилъ съ очевидною убѣдительностью[2]) «nonamque deam» (II, 23, 52) изъ традиціоннаго: «novamque deam».

§ 2.

Въ одѣ Павла изъ Кросна къ Аполлону (p. 75 ed Crac.) первая строфа гласитъ, по преданію (на сей разъ — по Вѣнск. изд. 1509 г.):

O qui siderei dulcicana dei
Pertentas animum *cithara*, Delphice,
Laudes atque deorum
Plectro perstrepis aureo...

Аблятивъ «cithara» составляетъ анапестъ, требуется же стихомъ дактиль. Обязательно ли предположеніе, что авторъ ошибся дважды въ одномъ словѣ, нарушивъ количество и въ первомъ его слогѣ и въ падежномъ окончаніи? Формы слова *cithara* Павелъ употребляетъ правильно съ краткимъ *i* какъ въ этой одѣ (vv. 22, 62), такъ и, напр., въ одѣ къ *Thalia* (vv. 23, 38), а кромѣ того соблюдаетъ всюду долготу въ ablativus единственнаго числа I-го склоненія. Такимъ образомъ мы скорѣе ужъ въ правѣ заподозрить цитованный текстъ въ порчѣ.

Издатель это признаетъ, но довольствуется перестановкой: «Delphice, cithara». Та́къ, однако, устраняется лишь одна изъ указанныхъ погрѣш-

1) Ср. напр., II, 12 vv. 13. 16. VI, 34 v. 14 и т. д.
2) Praef. p. XLIX.

ностей, а другая (удлиненное *i*) бросается, по прежнему, въ глаза. Мы бы поэтому сочли болѣе цѣлесообразнымъ чтеніе:

O qui siderei dulcicano dei
Pertentas animū *nectare*, Delphice,
Laudes atque deorum
Plectro perstrepis aureo.

Коль скоро конечное *m* въ «animum» было замѣнено титломъ надъ *u*, наборщикъ же принялъ начальныя буквы слѣдующаго слова *(ne)* за *m*, то изъ *ctare* неизбѣжно должно было возникнуть гадательное «cithara», примѣнительно къ чему въ корректурѣ измѣнили уже грамматическій родъ эпитета.

Выраженіе: «Аполлонъ сладкозвучнымъ нектаромъ приводитъ въ восторгъ Юпитера» объясняется такими мѣстами, какъ Auson. Proff. 22,22 sq.: «Et mellitae nectare vocis Dulcia fatu verba canentem» (ср. гомеровское: τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδή) или Pers. *prol.* 14: «Cantare credas Pegaseium nectar». Hor. *Epist.* 1, 19, 44: «manare poetica mella». Одна изъ эпиграммъ геликонскаго Мусея гласитъ: Ἡ Ζηνὸς Διὶ τόνδε Πολύμνια νέκταρος ἀτμὸν Πέμπω, τὴν ὁσίην πατρὶ τίνουσα χάριν[1]).

§ 3.

Несправедливо, по всѣмъ признакамъ, приписывается и Іоанну Вислицкому (p. 211 v. 194) ошибочное:

Vir sermone potens, *vir* et virtute nitescens.

Не можемъ, съ другой стороны, признать удовлетворительною предлагавшуюся догадку: «vir sermone potens *et vir virtute* nitescens», противъ которой говорятъ не одни требованія благозвучія, но и то соображеніе, что, при подобной редакціи, получается впечатлѣніе, будто рѣчь идетъ о двухъ лицахъ. Предпочтительно, кажется:

Vir sermone potens *mira* et virtute nitescens.

§ 4.

Безъ нужды, полагаемъ, издатель Кржицкаго воздержался отъ эмендаціи стихотворенія (VII, 16): «Testamentum Mackonis morionis». Про-

1) Публиковали Schillbach (Бреславль 1862), какъ видимъ изъ примѣч. Бергка къ fr. 1 Терпандра, и другіе (см. примѣч. Cougny въ т. III Дидотовской Антологіи, p. 72).

фессоръ Моравскій замѣчаетъ лишь на стран. 248: «Epigr. XVI in omnibus codd. mendis repertum traditur». Между тѣмъ надежное исправленіе достигается тутъ безъ особаго насилія.

Для удобства сужденія о построеніи всей эпиграммы мы приведемъ ее цѣликомъ:

Fatum Macko videns, ne non testatus obiret,
Pro testamento sic moribundus ait:
«Lego animam Christo peccator, quem precor, a me
Tam puram ut capiat, quam dedit ante mihi;
Corpus do terrae terram; tibi, perfide Daemon,
Stercus: habere magis te nihil inde volo».
Si *divina valet et* humana lege voluntas
Ultima et in nullo frangitur illa foro
Estque animam Christus iure hoc *sorteque* corpus
Terra suum et Daemon nil nisi stercus habet,
Vos *testando* leges canonesque silete,
Histrio testatur cum meliore modo.

Новый издатель справедливо снабдилъ «крестами» 7-ой, 9-ый и 11-ый стихи. Но v. 7 излѣчивается перестановкой одного слова:

Divina valet et si humana lege voluntas
Ultima[1]).

Что касается v. 11, то онъ станетъ удовлетворительнымъ, если вставить въ него (не *autem*[2]), вполнѣ для уразумѣнія герундія безполезное и въ apodosis неумѣстное, хотя это и рекомендуетъ г. M. Sas), а обычное въ такихъ оборотахъ слово:

Vos ⟨*de*⟩ testando leges canonesque silete.

Наконецъ, въ 9-омъ стихѣ мы бы прибѣгли къ подсказываемой смысломъ конъектурѣ:

Estque animam Christus iure hanc sorti⟨ta⟩que corpus
Terra suum[3]).

---

1) Относительно «si humana» ср. IV, 38, 10, V, 22,5 («qui astrorum»). Уже г. Sas предлагалъ: «Si humana valet et divina l. v.». Мыслимо бы, конечно, и: «Si valet humana divina et lege voluntas Ult». Но во избѣжаніе жуткой элизіи мы не рѣшились бы измѣнить у этого писателя порядокъ словъ «divina» и «humana», а тѣмъ болѣе не прибѣгли бы къ такой догадкѣ, если при ней *не* устраняется шероховатость стиха.

2) Послѣ *testando*.

3) Не понимаемъ конъектуры г. Sas'а: «*Ergo* animam Christus *nunc* iure hoc sorteque

Изъ «sortitaque» вполнѣ законно извлекается и какъ бы подразумѣвается «sortitus» при: «si Christus est animam»... Примѣровъ сопоставлять, конечно, не станемъ. Достаточно открыть перваго попавшагося подъ руки древняго писателя. Беремъ Клавдіана и тотчасъ находимъ (*in Rufin*. II, 4 sq.):

Iamque tuis, Stilicho, Romana potentia curis
Et rerum commissus apex.

Тутъ, очевидно, при «potentia» сказуемымъ будетъ «commissa», но мужескій родъ поставленъ по аттракціи предиката ближайшимъ подлежащимъ [1]).

На *hanc* мы не настаиваемъ, хотя это невольно приходитъ въ голову.

§ 5.

Мы не отрицаемъ, что у неантичнаго писателя, такъ сказать «упражняющагося» въ версификаціи, можетъ проскользнуть семистопный гексаметръ; только вѣдь подлинность таковаго будетъ удостовѣряться всякій разъ тѣмъ, что авторъ видимо *нуждался* въ лишней стопѣ, чтобы пріютить слово, безъ котораго онъ не видалъ возможности обойтись. Но когда мы читаемъ у Павла изъ Кросна (p. 92 v. 59):

Pergendum est, nam fata iubent: fatis parere necesse est, то мы замѣчаемъ моментально, что стихъ нарушенъ вставкой совершенно лишняго слова, обязаннаго глоссатору своимъ присутствіемъ въ текстѣ, а потому должны возстановить нормальный гексаметръ:

Pergendum est, nam fata iubent: parere necesse est [2]).

§ 6.

Не затруднялись бы мы, на мѣстѣ издателей, при встрѣчѣ съ такими стихами, какъ Ioann. Vislic. p. 195 v. 296 sq.:

Fiam tibi fidus Achates

---

corpus». Ясно, что *est* стоитъ въ связи съ «si» въ v. 7. Если ставить точку послѣ «foro», то при «si-valet» eqs. нѣтъ apodosis.

1) Мы назвали Клавдіана именно случайно. Замѣтимъ, однако, что столь же легко было бы сослаться хотя бы на Цезаря. Ср., напр., *b. g.* 6, 8, 9: «principatus atque imperium est traditum», гдѣ вдобавокъ синонимность вліяла.

2) Сложнѣе конъектура г. Езеницкаго: «Pergas, fata iubent, fatis parere necesse est». Онъ, впрочемъ, и полагаетъ, что стихъ «въ ошибочной формѣ вышелъ уже изъ подъ пера поэта».

In bello et te semper concomitabor euntem, указывать читателю въ примѣчаніи, что арритмія устранилась бы перестановкой:

In bello et semper te concomitabor euntem.

§ 7.

Въ эпиграммѣ Кржицкаго IV, 32, направленной противъ каноника Tarlo, оба стиха подлежали бы не «безосновательно» [1]), по нашему мнѣнію, критической реставраціи. Они теперь читаются та́къ:

Cum tibi sit *minor* fundo praebenda domusque,
Altius inter nos *cervicem* unde geris?

Въ гексаметрѣ не одинъ просодическій промахъ [2]), но и неясное *fundo* [3]), возбуждаетъ сомнѣніе. А вторая строка заключаетъ въ себѣ всѣ элементы правильнаго пентаметра: сто́итъ устранить водворившуюся въ нихъ путаницу.

Не читать ли:

Cum tibi sit minor ⟨a⟩ fundo praebenda domusque,
Cervicem inter nos altius unde geris?

Поземельный доходъ каноника̀та (praebenda a fundo) [4]) и размѣры городского дома, который занималъ Tarlo (domus), были одинаково скромны (minor): но это не мѣшало канонику выступать съ большей притязательностью (намекъ на его денежныя злоупотребленія). Ср. сказанное въ рукописной замѣткѣ къ данной эпиграммѣ: «Habuit canonicatum exilem Cracoviensem, habitavit initio in exigua domuncula canonicali in arce cracoviensi penes valvam... Creatus in unum annum exactor seu collector publicae pecuniae non totam in aerarium publicum intulisse ferebatur».

---

1) Ср. praef. p. LV: «apud auctorem qui non raro manifesti erroris convinci potest, *temere* contra codicum omnium consensum textum (въ цѣломъ рядѣ мѣстъ) immutare noluimus». На дѣлѣ, нерѣдко «erroris convinci» могутъ сохранившіяся основы преданія.

2) Въ другихъ мѣстахъ авторъ употребляетъ правильно *minor* съ краткимъ *i*, напримѣръ II, 13, 10.

3) Соединяешь невольно «minor fundo». — Едва ли «fundus» тутъ значитъ: «сосудъ» (какъ толковали Mart. 8, 6, 9). – Неумѣстны были бы догадки, вродѣ: «minor ⟨haec⟩ puncto».— Не годилось бы тоже измѣненіе «minor» въ «tenvjor».

4) Cf. Cic. *ad Att.* 8, 7, 3: «Ad Philotimum scripsi de *viatico* sive *a Moneta* (nemo enim solvit) sive *ab Oppiis*».

§ 8.

Неохотно мирится издатель Кржицкаго съ преданіемъ въ 3-емъ стихѣ эпиграммы III, 1, 3, направленной противъ данцигскихъ лютеранъ.

Piscibus addicto Neptunus tempore Gdanum [1])
Sacrilego carnes ore vorare videns
Contemnique per hos *fremens* vaga germina ponti,
Qui bona per pontum tanta tulere suum,
Avertit flumen regni, quo cuncta vehuntur,
Atque alio tumidas gurgite ducit aquas.

Нептунъ отвращаетъ отъ города теченіе Вислы, пришедши въ негодованіе, что жители пренебрегаютъ рыбой (не постятся).

Это по существу крайне слабо, но все же, со стороны содержанія тутъ запинокъ нѣтъ. Вопросъ, стало быть, исключительно въ томъ, говоритъ ли практика автора въ пользу тезиса, что онъ держался просодіи «fremens».

На это приходится отвѣтить отрицательно, не взирая на несогласіе г. M. Sas'a. Ср., напр., IV 33 (in Tarlonem):

Cum dicit furem verbis te quisque solutis,
Dissimulas; cur, dum carmine dico, *fremis?*

Далѣе ср. II, 12, 80: «Ut *fremerent* animis» или IV, 41, 17 (въ hendecasyllabi):

Hic secum *fremitans* et usque volvens.

Раціональна, слѣдовательно, попытка проф. Моравскаго исправить III, 13, 3. Онъ предлагаетъ именно чтеніе: «Contemnique per hos *fremitans* vaga germina ponti». Нѣсколько ближе къ преданію было бы:

Contemnique per hos fre*nd*ens vaga germina ponti.

Относительно *accus. c. inf.* ср. Curt. 4, 16 (60), 3: «frendente Alexandro, eripi sibi victoriam e manibus et Dareum felicius fugere quam se sequi».

§ 9.

Въ эпиграммѣ Кржицкаго IV, 47: «in Christophorum de Szydłowiec, castellanum et capitaneum Cracoviensem, R. P. cancellarium» стихи 3—8 гласятъ:

1) Вотъ такія явленія, какъ «tempore Gdanum», неоспоримы у Кржицкаго.

Patria quem genuit, cui commoda cuncta ministrat,
Hic vendit patriam, vendit et iste lares.
A domino eductus summoque evectus honore
Et *domum* domini vendit et omne decus.
Et vendit Christum, quem nomine portat
Et ruit a sancto milite sancta fides.

Реальный комментарій къ этимъ строкамъ почерпается изъ слѣдующей «adnot. codicum»: «Qui *(Szydłovicius)* olim emporium regni Poloniae a Posnania, corruptus pecunia Vratislaviensium, ad Vratislaviam et Slesiam transferri obtinuit et civitatem Posnaniensem, opulentam et pulchre crescentem, ad egestatem redegit. Idem Christophorus a. D. 1526, cum rex Poloniae Sigism. I cives Gdanenses propter seditionem et ob fidem ac religionem praevaricatam in Gdano puniret, sontes ad poenas ac ad supplicia damnaret, horum non paucos Szydlowicius, accepta ab illis pecunia, panno et halecibus, a mortis supplicio exsilioque liberavit atque a carcere, rege importunis precibus et lacrimis multa concedente».

Vv. 3—4 имѣютъ въ виду «разореніе» civitatis Posnaniensis; vv. 5—8 намекаютъ на данцигскія событія: притомъ, стихи 5—6 клеймятъ дѣяніе Христофора съ точки зрѣнія свѣтской (корыстное исходатайствованіе помилованія бунтовщикамъ, нарушавшее, молъ, интересы короны и ронявшее авторитетъ короля), а стихи 7 sq. — съ точки зрѣнія церковной (потаканіе, за деньги, еретикамъ со стороны католика: «a sancto milite»).

Ясно, что *domum*, независимо отъ просодической погрѣшности [1]), здѣсь неумѣстно. Скорѣе всего Кржицкій написалъ:

A domino eductus summis et honoribus auctus [2])
Et dom⟨in⟩um, domini vendit et omne decus.
Et vendit Christum, retro [3]) quem nomine portat:
Et ruit a sancto milite sancto fides.

1) Само собой разумѣется, что Кржицкій въ другихъ мѣстахъ соблюдаетъ количество перваго слога въ «domus». Ср., напр., II, 5,9: «Attamen hoc tua clara domus, tua forma meretur».

2) Такъ (v. 3: «commoda *mille*») въ ставшей позднѣе извѣстною рукописи первой половины XVII в. См. слѣдующее примѣчаніе.

3) Проф. Моравскій вставлялъ: «vendit». За сохраненіе пятистопнаго гексаметра высказался первоначально г. M. Sas, ссылавшійся на IV, 55,7, гдѣ, впрочемъ, ожидается: «An superare nequis mediam ⟨*stricto*⟩ ense sagittam» или, напр.: «An superare nequis *mentitam* ⟨*hoc*⟩ense sagittam» (cf. Verg. *A* 2,422) въ соотвѣтствіе дальнѣйшему *depictum*. Позднѣе г. Sas сообщилъ, что въ одной рукописи библіотеки г. Щанецкаго («w Nawrze pod Chełmżą») читается: «retro». И это, конечно, вѣрно, ибо намекаетъ на объясняющую имя «Христофоръ»

При «dominum» легко дополняется «vendit» изъ дальнѣйшаго. Въ послѣднемъ стихѣ Et=Itaque.

§ 10.

Слѣдующая за анализованною эпиграмма Кржицкаго (IV, 48) «in eundem Christophorum» требуетъ тоже эмендаціи: она и отмѣчена въ пентаметрѣ крестомъ у г. Моравскаго. Вотъ традиціонный текстъ:

Argentum Iudas, halecem satrapa pro te,
 Christe, capit; dic rogo cui carior es.

Удлиненіе перваго слога въ «satrapa» не должно смущать у Кржицкаго. Но второй «стихъ» невѣроятенъ.

Наиболѣе консервативной догадкой представляется та, которая, будучи основана на перестановкѣ слова, уничтожающаго размѣръ во второмъ полустишьѣ пентаметра, подготовляла бы возстановленіе размѣра въ первомъ полустишьѣ:

Argentum Iudas, halecem satrapa pro te,
 Christe, capit: cui⟨*nam*⟩—dic, rogo—carior es?

Остаются, положимъ, четыре изъяна въ пентаметрѣ[1]): но всѣ они имѣютъ право на снисхожденіе и, во всякомъ случаѣ, у Кржицкаго нормальны. Не убѣдила насъ догадка г. M. Sas'a: «capit ⟨*nunc*⟩, cui dic rogo carior es», ибо словамъ: «capit nunc» должно бы тогда отвѣчать въ предыдущемъ: «cepit (olim)»[2]).

легенду о томъ, какъ святой перенесъ младенца Іисуса черезъ ручей. Такія находки правильныхъ чтеній должны бы дѣлать болѣе осторожными критиковъ, готовыхъ приписать величайшіе промахи писателю. Новѣйшіе ученые, исправляя у Кржицкаго ошибочное преданіе, допускаютъ подчасъ сами ошибочное въ своихъ конъектурахъ, а затѣмъ оказывается, благодаря публикаціи неизданнаго раньше матеріала, что поэтъ написалъ болѣе корректное, нежели они придумали. Напр. II, 6,3 читали раньше: «Nec tamen hoc satis est. Aquila fertur ad astra». Проф. Моравскій вставилъ *En* передъ *aquila*, нарушивъ количество перваго слога въ существительномъ. Тогда г. Sas предложилъ: «aquila nam fertur» съ долгимъ *a* въ именит. падежѣ. Наконецъ обнаружилось, что подлинная редакція Кржицкаго гласила: «Nec tamen hoc satis est. Aquila ingens fertur ad astra». Стихъ и въ этой формѣ не блестящій, конечно: обѣ цезуры обозначены односложными. Каденца слышна ужъ передъ пятой стопой. Но просодія, по крайней мѣрѣ, не хромаетъ.

1) Односложное слово въ концѣ (правда, энклитика: cf. L. Mueller, *de re metr.* 260); краткое *o* въ окончаніи 1-го лица глагола (что уже вполнѣ свойственно серебряной латыни); изъявительное наклоненіе (*es*) въ косвенномъ вопросѣ (встрѣчается у комиковъ, Катулла, Вергилія, Проперція); наконецъ, «cui», употребленное въ смыслѣ: «utri» (не мало классическихъ примѣровъ).

2) Въ слѣдующей эпиграммѣ (IV, 49) г. Sas хорошо конъицировалъ: «Ante ⟨*quidem*⟩ fueras ter deno venditus asse, At nunc halecem vix, bone Christe, vales».

§ 11.

Неправдоподобенъ и пентаметръ, читаемый нынѣ у Павла изъ Кросна на стр. 46 (v. 142):

Atque salutares *flocci parare* sonos.

Недостаточно измѣнять «parare» на «putare», какъ предлагалъ г. Езеницкій. Нужно изгнать краткое *i* въ *flocci*. Приходится, кажется, конъицировать:

Atque salu*b*res flocc<*o aequ*>i parare sonos.

Съ элизіей въ діерезѣ все же легче примириться[1]). А необходимый смыслъ теперь тоже сносно выраженъ.

§ 12.

Относительно Paul. Crosn. p. 29 v. 419: «Qui quom rectorem irritarent crebro quietum» можно смѣло утверждать, что авторъ призналъ бы своею лишь слѣдующую редакцію:

Qui quom *irritarent rectorem* creb*ra* quietum.

Адвербіальное «crebra» имѣется, напр., у Вергилія *Georg.* 3,500.

§ 13.

Достовѣрную эмендацію допускаетъ Cric. VI, 8,5 (въ обращеніи къ Лукреціи):

Non poteris culpa, *licet* moriare, carere.

Въ предисловіи своемъ проф. Моравскій (p. LV) говоритъ: «*liceat* conicere possis». Справедливо не удовлетворившись, однако, своей догадкой, онъ не измѣняетъ текста, оставляя автора подъ подозрѣніемъ, что послѣдній считалъ *i* долгимъ въ «licet». Но Кржицкій написалъ:

Non poteris culpa, licet *e*moriare, carere.

---

1) У Катулла она обычна, но и у Проперція попадается, а позднѣе у Авсонія и другихъ. Еще въ стихотвореніяхъ Папы Льва XIII-го можно найти такіе пентаметры, какъ «Atque in Loyolaea excolit aede pium».

Ибо здѣсь явная реминисценція изъ Овидія, у котораго (тоже въ сценѣ насилованія) *Met.* 3,391 сказано:

Ante, ait[1]), emoriar, quam sit tibi copia nostri:

§ 14.

Мы склонны думать, что напрасно также приписывается Кржицкому (VII, 17,9) столь тяжкая провинность, какъ:

Incidit infelix *hianti* absorpta barathro.

Ничто не мѣшаетъ предположить выпаденіе одной черточки, стоявшей подъ титломъ (ĩ), т. е. читать:

Incidit infelix i*n*hianti absorpta barathro.

Не вызывало бы возраженій и: «⟨*ab*⟩hianti abs. bar.», такъ какъ клоака представлена какъ бы разинутой пастью оживленнаго существа. Cf. «traiectus-ab ense» (Ov. F. 5,709) и т. п.

§ 15.

Въ обсценномъ стихотвореніи Cric. VI, 70 заключительное *erit* (v. 16) поставлено въ зависимость отъ *ut* consecutivum. Нельзя ли конъицировать: «Tensior huic cornu mentula semper *eat*»?

Равнымъ образомъ не остановиться ли Cric. VI, 68,5 на редакціи: «Nam stridor vulvae, strepitus ⟨*quo*⟩que testiculorum Et qui lascivum spiritus urget opus plus me, quam cantus atque organa cuncta, iuvabant»[2])?

§ 16.

Не вѣрится намъ, чтобы Кржицкій написалъ II, 10, 15: «Sed tua *cum rogat* pro me clarissima Iuno», когда у него въ слѣдующемъ же гексаметрѣ читается правильно: «Et *rogat* iste tuus sapiens et fidus Achates».

---

1) Нарциссъ.

2) Въ рукописи библіотеки гр. Браницкихъ читается вмѣсто того: «quam cantusque iuvant, quam me organa cuncta». Настоящее время допустимо: она высказываетъ въ своей эпитафіи желаніе, чтобы ея тѣло перенесли изъ кладбища въ lupanar. Но вульгата глаже. Не касаемся тутъ стиховъ VI, 51: проф. Моравскій отказывается отъ ихъ эмендаціи изъ отвращенія къ содержанію. Это чувство всякій пойметъ. Нужно только не принимать въ такомъ случаѣ въ разсчетъ нагроможденныхъ здѣсь ошибокъ при оцѣнкѣ языка и метрическихъ особенностей автора.

Проф. Моравскій говоритъ (praef. p. LV): «coniectura: *rogitat* metrum sanaretur». Но въ виду намѣренной симметріи съ «Et rogat iste», слѣдуетъ, кажется, сохранить и въ 15-омъ стихѣ: «rogat». Подходило бы каузальное: «Sed tua *quando* rogat», тѣмъ болѣе, что «quando» авторомъ часто[1]) употребляется съ краткимъ *o* (какъ уже писателями эпохи серебряной латыни), а съ другой стороны у него встрѣчаются конкуррирующими VI, 53, 19 оба варіанта — *cum* и *quando*[2]). Не мѣшаетъ, что далѣе въ нашемъ контекстѣ (II, 10, 19) продолжается рѣчь при помощи *cum*. Тутъ уже умышленное дифференцированіе, ибо и глаголъ поставленъ иной: «Denique *cum* nimium praesul te Piniger *orat*».

§ 17.

Въ молитвѣ Кржицкаго (I, 20) къ св. Станиславу о томъ, чтобы Аматъ пріобрѣлъ снова утраченное имъ зрѣніе, сказано, между проч. (vv. 9—12):

Iure igitur debes tantum exaudire clientem
    Nec sinere in gremio disperiisse tuo
Ista *duo cuius aeternos* orbis ad usus
    Praestant mille aliis lumina luminibus.

Къ 11-му стиху издатель дѣлаетъ замѣчаніе: «Mendum hic aliquid haeret; licet enim Cricius iambicam vocis *duo* mensuram fortasse admiserit, minus est probabile spondaico *cuius* maculasse eum sua carmina».

Но искаженность этого стиха доказывается, и помимо просодическихъ соображеній, тѣмъ, что «aeternos orbis ad usus» не представляетъ никакого смысла.

Читать слѣдуетъ, повидимому:

Ista duo *aetherii cui iustos* orbis ad usus
    Praestant mille aliis lumina luminibus.

«Не дай погибнуть тому, cui ad iustos usus aetherii orbis ista duo lumina praestчnt mille aliis luminibus».

Относительно «aetherius orbis» ср. Verg. *A.* 8, 137 (объ Атлантѣ): «aetherios umero qui sustinet orbis».

---

1) Ср. III, 14,8. 15,9 и 26. IV, 55,3 и т. д.
2) *Archivum* VII, 19I.

§ 18.

Въ эпиграммѣ Cric. VI, 16 «de eo, quod narratur, in Italia aquam tanto impetu cadere ut ignem e saxis excutiat» испорченъ первый стихъ:

Quid mirum in Latio saxis quod dicitur *alpeinis*
    Excutere ex alto dum cadit undo focum,
Cum sint Sarmaticis eadem miranda sub oris
    Et qui cuncta potest haec facit acer Amor:
En mea deciduo feriunt cum pectora flectus
    Impete[1]), corde ingens nascitur inde focus.

Поправки г. Sas'а къ этому мѣсту («Alpis») мы не понимаемъ хорошенько. Если не ошибаемся, можно избрать здѣсь лишь два пути для эмендаціи. Или читать:

Quid mirum, in Latio saxis quod dicitur *amnis*
    Excutere, ex alto dum cadit unda, focum.

Тогда интерпретація гласила бы: «Что удивительнаго въ разсказѣ, по которому одинъ потокъ въ Лаціи, когда воды его низвергаются съ вышины, выбиваетъ изъ камней огонь» и разумѣть можно бы водопады Аніена, вызывавшіе шипящими брызгами иллюзію пара[2]).

Или же признать «in Latio» сохранившимся по ошибкѣ слѣдомъ видоизмѣненной авторомъ редакціи и читать:

Quid mirum, saxis quod dicitur *Apenninis*[3])
    Excutere, ex alto dum cadit, unda focum.

Тутъ «Apenninus» было бы употреблено адъективно (какъ въ *sortes Apenninae*, *Iupiter Apenninus*), а по существу имѣлось бы въ виду преданіе, аналогичное отмѣченному проф. Моравскимъ изъ Плинія *n. h.* II, 240 (порождаемый дождемъ огонь).

§ 19.

У Кржицкаго I, 12, 2, взамѣнъ: «Respice mortalis *si fuit* unquam passio talis» (cod. Iag.: «si unquam fuit») мы бы рискнули: «Respice, morta-

---

1) Напрасно г. Sas отвергаетъ эту поправку г. Моравскаго (который сообщаетъ, что «codd. habent: *impetu*»).

2) Допустимо бы, понятно, что *amnis* родит. падежъ, зависящій отъ *unda*: въ такомъ случаѣ измѣнилась бы интерпункція.

3) Относительно стиха ср. Hor. *epod.* 16,29 и т. п.

lis, fuit unquam<*an*> passio talis», ибо Кржицкій въ косвенномъ вопросѣ употребляетъ *an* съ изъявительнымъ наклоненіемъ (IV, 44, 3). Когда выпало *an*, было вставлено *si*.

20.

Одно изъ наиболѣе удачныхъ стихотвореній Кржицкаго (VI, 17) наводитъ лишь въ самомъ концѣ своимъ нынѣшнимъ текстомъ на мысль объ искаженности преданія.

Ad amicam quinque lineae amoris[1]).

Depereo, dum te demens contemplor, habere
    Te tamen aspiciens lumina mille velim.
Depereo, quotiens verbum mihi reddis amicum,
    Mille tamen totiens auribus esse velim.
Depereo, imponis nostro dum bracchia collo,
    Vinctus perpetuo sic tamen esse velim.
Depereo, roseis captas dum labra labellis,
    Iuncta tuis semper sic tamen illa velim.
Denique depereo lecto dum iungimur uno,
    Et tamen aeternum sic iacuisse velim.
O superi! quis me vivit dementior alter?
    Hoc sequor, hoc cupio, quo pereo et video.

Въ 12-омъ стихѣ «et video» затрудняетъ. Могло бы показаться болѣе умѣстнымъ: «quo pereo, *u*t video». Это значило бы: «О я безумецъ! стремлюсь къ тому, отъ чего, какъ самъ вижу, погибаю»[2]). Однако, и это слабо какъ въ формальномъ отношеніи (трехсложное слово на концѣ пентаметра), такъ и по существу. Не лучше ли будетъ:

Hoc sequor, hoc cupio, quo pereo, *assiduo*.

Такъ получилось бы соотвѣтствіе предъидущимъ нарѣчіямъ *perpetuo*, *semper*, *aeternum*. Элизія, правда, осталась не устраненной. Не возражали бы мы, впрочемъ, противъ уничтоженія запятой послѣ pereo[3]).

---

1) Ср. сопоставленное въ нашемъ *Коммент. къ Горац.*[2] стран. 111. (Варш. 1895).

2) Мыслимо еще: «Hoc sequor, hoc cupio, quo pereo: *se*d eo»; т. е. «а все же иду (куда меня тянетъ)». Или: «quo pereo, *u*t *re*deo» («всякій разъ, какъ туда возвращаюсь»). Но все это жестко.

3) Не непремѣнно ожидается «pereat».

§ 21.

Озадачиваетъ нѣсколько, что, по поводу Cric. II, 23, 69:

Dulcia nunc *acris*, nunc laetis tristia miscens,

не сдѣлано вовсе оговорокъ издателемъ. Быть можетъ, тутъ простая опечатка современнаго наборщика. Во всякомъ случаѣ, авторъ написалъ *atris* или *curis*. Едва ли *acidis* (Hor. *Epist.* II, 2, 64) или *aspris*.

§ 22.

Ужъ г. Езеницкій протестовалъ противъ слѣдующаго чтенія у Павла изъ Кросна p. 48 v. 217—220:

Ad cuius vultum fulgebat turba tremendum
   Turbula purpureis condecorata *vittis*,
Turbula inauratis graphice circumdata vittis,
   Nec non cirratis conspicienda comis.

Ясно, что «vittis» изъ 219-го стиха попало въ непосредственно предшествующій пентаметръ, нарушивъ въ немъ не по винѣ поэта размѣръ. Но догадка *mitris*, предложенная г. Езеницкимъ, всячески неудобна. Мы бы допустили *stolis*, ибо всѣ польскіе гуманисты[1]) позволяютъ себѣ сохранять передъ *st* и т. п. краткость конечнаго гласнаго въ предыдущемъ словѣ (даже въ лирикѣ: ср., напр., Io. Vislic. p. 220 v. 90: «ducere stamina». Можно бы, понятно, и «togis»[2]).

§ 23.

Молчаніемъ обошелъ г. Пельчаръ удивительный гекзаметръ Hussovian. p. 88, v. 607:

ut trudat avaros
Cunctaque subiciat sceleratae[3]) fana rapinae:
   Sed tamen est auro levior iactura *sublato*,
Regula si vitae maneat.

1) У Павла ср. немного ниже v. 246: «Et facit ante altam limina *lota scrobem*».
2) Тутъ же замѣтимъ, что у Павла p. 64 v. 15 нужно измѣнить *induit* на *induet*: тогда конъектуры упраздняются въ дальнѣйшемъ.
3) Вотъ это эмендація издателя («scripsi pro *scelerate*»).

Между тѣмъ изъ *subiciat* (v. 606) уже вытекаетъ, что въ слѣдующемъ гексаметрѣ стояло: *subacto*. Издатель, дѣйствительно, утверждаетъ въ предисловіи, что отъ конъектуръ къ Гуссовскому нужно, по возможности, воздерживаться, такъ какъ онъ перечитывалъ свой печатный текстъ и «summatim» поправилъ самъ «quae ei mendosa viderentur». Но кто же не знаетъ, что, составляя списокъ опечатокъ къ своему произведенію, авторъ всегда опускаетъ по недосмотру множество типографскихъ неисправностей, которыя нерѣдко лишь гораздо позднѣе замѣчаетъ![1])

§ 24.

Къ стихамъ Кржицкаго II, 22, 15 sq.:

Nunc rebus nostris inopino funere lapsis
Indoleas memor et *digneris* esse mei.

Проф. Моравскій дѣлаетъ примѣчаніе: «Etiamsi *dignere* scribas ex coniectura, versus non sanabitur. Cf. I, 1, 16». А мы думаемъ, что излѣчится, только, разумѣется, если переставить испорченное слово:

Indoleas, dignere et memor esse mei[2]).

Что же касается I, 1, 16, то тамъ традиціонное:

Digneris adventu me relevare tuo

Издатель исправилъ именно при помощи догадки *Dignere*, отъ которой онъ только напрасно отказался.

§ 25.

Касательно Cric. II 24, 1: «Hymenea nunc pueri laetis celebrate choreis» достаточно замѣтить, что нужно читать:

Hymena nunc pueri laetis celebrate choreis.

---

1) Еще укажемъ, что p. 63 v. 46, вмѣсто: «seu quis *opes altos*, seu quis perpendat honores» нужно читать: «seu quis opes, altos seu quis perpendat honores». Другіе недосмотры указалъ г. Езеницкій въ «Eos». Только мы бы присовокупили, что имя собственное «Dominicus» не proceleusmaticus для пишущаго гексаметрами, а произносится въ дактилическомъ стихѣ неизбѣжно: «Domnicus».

2) Относительно элизіи ср. сказанное въ послѣднемъ примѣчаніи къ § 11. Первый поводъ къ порчѣ могло подать именно недоумѣніе, вызванное элизіей.

§ 26.

Въ нынѣшнемъ текстѣ Кржицкаго дважды встрѣчается *penus* съ долгимъ *e*. Но первое мѣсто (II, 10, 9 sq.):

> Sit promus peni, sit vilis ianitor aulae,
> Officii sentit commoda quisque sui

предполагаетъ знакомство съ Plaut. *Pseud.* 608 sq.

> *HA.* Quid istuc est? *PS.* Condus promus sum, procurator peni.
> *HA.* Quasi te dicas atriensem. *PS.* Immo atriensi ego impero.

Между тѣмъ самый размѣръ Плавта (трохаическіе септенаріи) указываетъ на количество перваго слога даннаго существительнаго. А это говоритъ, собственно, въ пользу премиссы, что Кржицкій не ошибся здѣсь просодически. Кромѣ того, ради ясности онъ имѣлъ естественное побужденіе поставить при перечисленіи раздѣлительныя частицы. Почему бы, слѣдовательно, не допустить, что онъ написалъ:

> Sit promus⟨*ve*⟩ peni *seu* vilis ianitor aulae,
> Officii sentit commoda quisque sui.

Второе мѣсто (VII, 12,7 sq.) гласитъ:

> Arte tamen mira vixi, mala frigora vici
> Congesto penu compositaque domo.

Тутъ прямой выходъ изъ затрудненія создаетъ вставка невольно даже ожидаемаго *que*:

> Congesto⟨*que*⟩ penu compositaque domo [1]).

§ 27.

По поводу предстоявшаго бракосочетанія Сигизмунда I-го съ Bona Sforza Кржицкій (II, 23,307, sqq.) убѣждаетъ короля разстаться съ заботами, со скорбью по умершимъ, а также съ военными предпріятіями и предаться на время наслажденію личнымъ счастьемъ:

> Pone graves curas luctusque actosque labores
> Et belli strepitus, famam tibi fata perennem

---

1) Изъ формы «penu» не нужно выводить, что въ первомъ случаѣ авторъ сказалъ: «sit promus*ve* *penus aut* vilis ianitor aulae» («ve—aut», какъ у Проперція II, 1, 28).

Unde parant: tranquilla *iacet* sine laude voluptas.
En tibi portatur divino munere coniunx
Delicium vitae eqs.

Умѣстнѣе, полагаемъ, было бы въ 209-омъ стихѣ: «placet» или скорѣе даже «iuvet» [1]).

§ 28.

Въ томъ же стихотвореніи, нѣсколько выше (v. 272 sqq.), поэтъ предсказываетъ молодымъ женщинамъ, что ожидаемыя празднества не обойдутся для нихъ безъ любовныхъ приключеній. Купидонъ поразитъ юношей своими стрѣлами:

Hic vobis multos ditesque parabit amantes,
Verba quibus dabitis solito et iurare potestis.

Читать нужно: «solita et iurare potestis». «Вы будете обманывать влюбленныхъ и можете давать имъ обычныя (женскія) клятвы».

§ 29.

Тамъ-же, v. 213, Erato говоритъ о себѣ и прочихъ Музахъ:

Nos etiam numeros nobis *sedesque* paramus.

Правильный варіантъ *fides*, опубликованный г. Sas'омъ, наводитъ на:

Nos etiam nobis numeros *(que)* fidesque paramus.

§ 30.

Въ эпиграммѣ Кржицкаго VI, 25 третій стихъ: «Grata ferens misero *fideli* gaudia corde» требуетъ, независимо отъ просодическихъ соображеній, поправки: Grata ferens misero fide*nti* gaudia corde.

Она ему не довѣряла раньше: онъ надѣется, что она готова, наконецъ, положиться на его любовныя признанія. При написаніи: «fidēti» переходъ этого слова въ «fideli» не представляется удивительнымъ.

Тамъ-же, v. 7, взамѣнъ: «Lucida quae superas clivosi sidera caeli *Et*

1) Въ 319-омъ стихѣ нужна запятая послѣ *ingruerit*, а въ 320-омъ — послѣ *obtinget*. — Въ 326-омъ стихѣ читай: «Accipe siderea regalem fronte coronam» (напечатано: «Sidereo»).— Въ 347-омъ стихѣ слѣдуетъ возстановить: «tumeat tener ordine venter Tempore (*et*) exacto nascatur sidere dextro Clara Bonae suboles».

vasti omnia formosissima corpora mundi», мы бы допустили, напр.: «Et vasti forma nitidissima corpora mundi». Ибо не представляютъ аналогіи стихи II, 23, 36. 134. 257 и 305, а также V, 41, 3, гдѣ всякій разъ имѣется цезура послѣ второго арзиса, считавшаяся авторомъ достаточною. Съ другой стороны, *omnia* — лишнее слово, которое смахиваетъ на вставку, произведенную послѣ возникновенія искаженнаго «formosissima»[1]).

II.

Проф. Θ. Ф. Вержбовскій предпослалъ сборнику, обнимающему латинскія стихотворенія въ честь Анны Мемораты и стихи самой Анны, введеніе, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о семьѣ поэтессы, о той общественной средѣ, въ какой она вращалась, наконецъ объ источникахъ, положенныхъ въ основаніе новой публикаціи. Данныя этого послѣдняго свойства отмѣчены затѣмъ и въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ сборника. Во введеніи мы находимъ, кромѣ того, одно стихотвореніе отца Анны и одно («Threnus»), принадлежащее Шоссеру (написано на смерть брата Анны).

Вирши почитателей Анны, какъ и «Threnus» Шоссера, а также стихи Анны къ членамъ шоссеровскаго кружка, перепечатаны изъ VIII и IX кн. *Laurifoliorum* (Leszno 1641). Издателемъ этихъ «Laurifolia» былъ самъ Шоссеръ, но, по всѣмъ признакамъ, наборщики и корректоръ были у него довольно небрежны, либо неумѣлы, а подчасъ и склонны къ произволу.

Четыре стихотворенія Анны, посвященныя Гродзецкому, даны Θ. Ф. Вержбовскимъ по ея автографамъ, хранящимся въ библіотекѣ Рачинскихъ въ Позенѣ; пятое той-же группы — по исохронному печатному тексту (два оттиска хранятся тамъ же). Что касается стихотворенія, посвященнаго графу Döhnhof'у, то по тексту своему оно соотвѣтствуетъ у проф. Вержбовскаго исохронному печатному экземпляру, имѣющемуся въ Вѣнской библіотекѣ (въ Краковѣ).

Въ задачу новаго издателя входило исключительно воспроизведеніе, по возможности точное, указаннаго матеріала. Поэтому было бы крайне несправедливо дѣлать уважаемаго ученаго отвѣтственнымъ за тѣ редакціонные недочеты, съ которыми мы встрѣчаемся въ опубликованныхъ тутъ текстахъ. Проф. Вержбовскій не измѣняетъ ни орѳографіи, ни интерпункціи своихъ источниковъ, онъ сохранилъ и многочисленныя опечатки или

1) Прочихъ искаженныхъ стиховъ Кржицкаго не касаемся, п. ч. отнюдь не задаемся цѣлью исчерпать вопросъ въ настоящей статьѣ. Но смѣемъ завѣрить, что можно съ полнымъ правомъ заподозрить нынѣшній текстъ автора и еще кое-гдѣ.

описки, которыми эти послѣдніе характеризуются. Такимъ образомъ мы тутъ имѣемъ строго объективное изданіе, своего рода facsimile, причемъ филологической критикѣ предоставляется доискиваться самостоятельно до подлинныхъ, т. е. предполагавшихся авторами выраженій.

Попробуемъ же опредѣлить, при помощи сборника Ѳ. Ф. Вержбовскаго, исконный авторскій текстъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ данныхъ стихотвореніяхъ. Замѣтимъ лишь предварительно, что не будемъ вовсе касаться устарѣлаго правописанія[1]) и типографскихъ погрѣшностей, исправляемыхъ читателемъ съ перваго же взгляда[2]). Болѣе затрудненій причиняютъ невѣрно разставленные и проставленные знаки препинанія: но и въ этомъ отношеніи можно всегда добраться до причины неясности контекста, такъ что подобные случаи порчи оригинала мы оставляемъ тоже въ сторонѣ.

§ 1.

Въ hendecasyllabi Шоссера на смерть Якова Мемората (стран. 5) вызываетъ недоумѣніе одно слово въ 8-омъ стихѣ:

Flent Musae, Charites, Venusque et Hebe:
Adspergunt tumulo rosasque pulchras
Et molles violas marisque rorem,
Pubentes et amaracos, amomum,
Admixtis quoque liliis *amictum.*

«Онѣ сыплютъ на могилу розы, фіалки, росмаринъ . . . и, вмѣстѣ съ лиліями, *плащъ* (или: «покрывало»). Зачѣмъ бы онѣ стали прикрывать и мять цвѣты? и почему онѣ завернули въ плащъ именно лиліи?

Если вспомнить Verg. *E.* 2, 45—8:

. . . tibi *lilia* plenis
Ecce ferunt Nymphae calathis, tibi candida Naïs,
Pallentis *violas* et summa papavera carpens,
Narcissum et florem iungit bene olentis *anethi*,

---

1) Напр., interpraete, Apellaeo, poenitus, musali, tryumphi, tyruncula и т. п.

2) Напр. стран. 3 строка 1: Cynthiae (нужно: Cynthia); стран. 5, примѣч. 1, стихъ 2: mortus (нужно: mortuus); p. 12, c. I, v. 6: potis sit (нужно: potis est); p. 15 v. 20: plectra (нужно: plectro), v. 33: lingua (нужно: linguae); p. 17 c. VIII v. 5: Schosserus Daphidos ipse, Quod (нужно: Schosserus, Daphnidos ipse Quod); p. 17 c. X v. 1: numa (нужно: numina); p. 18 c. X v. 6: perennatis (нужно: perennantis); p. 19 c. XIII v. 12: Sapphos (нужно: Sapphus), v. 18: cingo ergo tuum caput (нужно: cingo tuum ergo caput), v. 21: in sella inter musas (нужно: Musas inter); p. 21 c. XVII v. 5: quisque (нужно: quisquis); p. 22 c. XVIII v. 5: quam (было написано: quum), v. 9: cum (нужно: cur), v. 10: namque (нужно: nempe); p. 28 c. VIII v. 1: elogos (нужно: elegos); p. 30 c. X v. 1: crede Phoebum iucundis (нужно: credo Ph. iucundius) и т. п.

то можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ предположить, что Шоссеръ написалъ:

Admixtis quoque liliis *anethum*.

Кстати: въ томъ-же «Threnus» Шоссера послѣдніе стихи гласятъ:

. . . Videte
Iam, quicumque soletis esse fato
Securi, neque cogitatis unquam
Mori, ne nimium nigro veterno
Ignota necis occidatis hora,
Qua currit prope nos ut umbra corpus.

Удобно ли подразумѣвать: «prope nos, ut umbra (prope) corpus»? И естественно ли: «Qua»? Ожидается, собственно:

Qua*e* currit prope nos(*trum*), ut umbra, corpus.

§ 2.

Шаумъ увѣряетъ Анну (p. 15, *c*. VI, v. 22 sqq.), что она такъ-же мало нуждается въ его похвалѣ, какъ солнце въ гимнахъ земли. Сравненіе выражено такъ въ «Laurifolia»:

Sol, qui flammiferis mundum complexus habenis,
Qui micat et rutilat, temnit praeconia terrae
Furvae, quae soli confert concentibus eius
Cunctis per mundum currentia limina passim.

Первый стихъ взятъ изъ Клавдіана[1]), у котораго sol поставлено въ зват. падежѣ и слѣдуетъ verbum finitum (volvis). Допустимъ, что Шаумъ употребилъ «complexus» въ смыслѣ «complexus *est*», а «Qui micat» прибавилъ асиндетически[2]). Но можно ли понять слова: «quae soli confert» и т. д.?

Намъ кажется, что смыслъ требуетъ нѣчто въ такомъ родѣ:

temnit praeconia terrae
Furvae, quae soli(*tis*) *e*ffert concentibus eius
Cunctis per mundum currentia l*u*mina passim.

---

1) *In Probin. et Olybr.* v. 1. И v. 28 Шаума заимствованъ у Клавдіана (*III cons. Hon.* 4).

2) Хотя естественнѣе было бы признать у него «complexus» причастіемъ, прислоненнымъ къ наличнымъ глаголамъ *micat* и *rutilat*, т. е. читать, напр.: «*Et* micat et rutilat».

Земля «effert solitis concentibus lumina eius (солнца), passim currentia per mundum cunctis (для всѣхъ)». Если въ типографіи ошибочно набрали *soli*, вмѣсто *solitis*, а *efert*, вмѣсто *effert*, то корректоръ могъ легко принять «soli efert» за «soli confert», ибо «con» даже писалось сокращенно «c»[1]).

§ 3.

Шоссеръ заключаетъ обращеніе къ Аннѣ (p. 19 c. XIII, v. 23 sq.) словами:

Te celebrent summi praeclaro pectine vates,
Donec erit Phoebus *viretque poetifer Atlas*.

«Да воспѣваютъ Тебя величайшіе поэты, пока будетъ Фебъ и *зеленѣетъ производящій поэтовъ Атлантъ*». Во первыхъ, гора Atlas врядъ ли представлялась Шоссеру чѣмъ-то до типичности зеленѣющимъ непрерывно. Во вторыхъ, горы (хотя бы зеленыя) поэтовъ не производятъ (можно не исключать и Парнасса). Въ третьихъ, требуется будущее время, симметрично поставленное къ *erit*. Въ четвертыхъ, необходима долгота въ первомъ слогѣ глагола (взамѣнъ нынѣшняго: «viret»).

Намъ приходило въ голову:

Donec erit Phoebus vivetque poetifera *ętas*.

«Пока будетъ въ почетѣ Фебъ и будетъ жить поколѣніе (aetas) людей, порождающее поэтовъ», иными словами: пока поэзія будетъ считаться чѣмъ то божественнымъ и будутъ нарождаться жрецы для отправленія ея культа.

§ 4.

Ann. Memor. c. II, v. 9 sq. (p. 25):

Non me *potarunt* iucundo nectare Nymphae
Aoniae, ast sterili carmine vena calet.

«Меня не *выпили*» нельзя сказать въ смыслѣ: «меня не *напоили*». Ничто не даетъ права приписать Аннѣ такой грубый промахъ[2]). Вдобавокъ,

---

1) Въ 32-омъ стихѣ мы бы читали: «Sileant *praeconia* nostra», взамѣнъ «praecordia». Ср. v. 34.

2) Возразятъ, пожалуй, что ее могло сбить извѣстное употребленіе причастія *potus* въ смыслѣ не только «выпитаго», но и «напившагося». Яну изъ Вислицы (p. 167) приписы-

нектаръ здѣсь не жидкость, а даръ сладостнаго пѣснопѣнія. Очевидно, слѣдуетъ возстановить:

Non me dotarunt iucundo nectare Nymphae
Aoniae.

Выраженія, въ родѣ *ingenii dotes* и т. п. достаточно были извѣстны лицамъ кружка, къ которому принадлежала Анна (ср. p. 15 v. 1). Спеціально о поэзіи ср. Ovid. *A.* 1, 10, 59 sq.: «Est quoque carminibus meritas celebrare puellas *Dos* mea». *ex Ponto* 2, 7, 48 и т. п.

Далѣе Pindar. *Olymp.* 7, 7 sq.: νέκταρ χυτόν Μοισᾶν δόσιν, . . . γλυκὺν καρπὸν φρενός (о посылаемомъ имъ стихотвореніи; но тутъ предшествуетъ, дѣйствительно, сравненіе съ виномъ, да и эпитетъ «излившійся» подчеркиваетъ связь съ предыдущимъ). Ср. также выше I, § 2.

§ 5.

Стихотвореніе Анны подъ № III, напечатано въ такомъ видѣ въ Варшавскомъ изданіи (p. 25 sq.):

Nescio quid faciam, quo spes et vota rependam
His, qui plura petunt, quam mea musa potest.
Hem! sol aethereus tenebrosam provocat umbram,
Carmini sed contra quae fuit umbra manet.
Ergo quid faciet? soli non porriget herbam?
Hem! vel quale potest umbra poema dabit.
Umbra typus fragilis, cadit, ah! cadit illa repente,
Quamprimum terras lumine sol decorat.
Sic mea musa tibi cedit, doctissime Spechti,
Vincitur atque tuo carmine *dulcissimo*.

вается даже (въ прозѣ) выраженіе: «Aonidum fluentis potus», и на этомъ основаніи г. Езеницкій остроумно измѣнилъ у того же писателя p. 163: «Quae (*scripta*) canit exiguo madefactus corda furore Attamen Aoniis Sarmata *notus auis*» (такъ изд. 1516 г.) на: «Aoniis Sarmata *potus aquis*». Тутъ *aquis* безусловно достовѣрно. Зато сочинять «potus» съ аблятивомъ въ конъектурахъ рискованно. Мы бы читали: «Aoniis Sarmata lotus aquis» (cf. Cric. p. 67 v. 142: «lotum Pimplea pectus ab unda»), и уже не примѣнительно ли къ этому пришлось бы тогда оцѣнивать оборотъ: «fluentis potus», стоящій особнякомъ и допускающій эмендацію: «Aonidum fluentis *prolutus*» (cf. Hor. *S.* 1, 5, 16: «multa prolutus vappa» — 2, 4, 27: «leni praecordia mulso prolueris». Verg. *A.* 1, 739. Pers. *prol.* 1 и т. д.). Во всякомъ случаѣ, Шоссеръ не могъ пропустить такой ошибки, какъ «me potarunt — nectare Nymphae», еслибъ нашелъ ее у Анны, и навѣрное, при печатаніи, побудилъ бы ее исправить свой текстъ. Поэтому мы скорѣе думаемъ, что не Анна, а наборщикъ провинился.

Anne, quid esse potest vatem tyruncula contra,
Vatem, qui calamo *vindica* bella gerit.

Прежде всего ясно, что въ v. 3 sq. необходимо читать:

Hem! sol aetherius tenebrosam provocat umbram
Carmin*e*: sed contra quae fuit umbra manet.

Далѣе, въ 8-омъ стихѣ Анна, несомнѣнно, написала: «Q*u*um primum», въ 10-омъ: «carmine dulcis*ono*», а въ послѣднемъ двустишіи:

Anne quid esse potest vatem t*i*runcula contra,
Vatem, qui calamo vindic*e* bella gerit?

Что касается стиховъ 5—6, то они станутъ понятны, если не терять изъ виду основного сравненія: солнце — это Specht, тѣнь — это Анна.

§ 6.

Въ стихотвореніи къ Гродзецкому № XI Анна, между проч. (vv. 13 sq.) даетъ анаграмму словъ: «Adamus Grodsiecius, castellanus Miendsircec». Это мѣсто напечатано въ Варшавскомъ изданіи такъ (подчеркнутое входитъ въ анаграмму):

Diceris ac *candens! gaudeo. Stella musarum?*
Sic sis, illarum permaneasque iubar!

Въ этой пьескѣ Анна еще трижды употребляетъ формы слова *Musa* притомъ всякій разъ правильно съ долгимъ *u*. Здѣсь же «musarum» стоитъ, въ концѣ гексаметра. Отсюда уже видно, что въ приведенномъ мѣстѣ что-то неладно. Кромѣ того контекстъ поражаетъ неясностью. Мы бы читали:

Diceris ac candens Musarum (gaudeo!) stella:
Sic sis illarum permaneasque iubar! [1])

Такъ какъ основой рецензіи служитъ тутъ автографъ Анны, то напуталъ, разумѣется, Варшавскій наборщикъ, что и подтвердилъ намъ уважаемый Ѳ. Ф. Вержбовскій.

1) Уже выше указано, что польскими латинистами сохраняется краткость конечнаго гласнаго передъ *st*, *sp* и пр. и во всѣхъ глаголахъ они не стѣсняются употреблять конечное *o* перваго лица, какъ краткій слогъ.

§ 7.

Стран. 32, с. XII, v. 21, вмѣсто: «Nec satis hoc magni *et* promis signa favoris», ожидается, безспорно: «magni *sed* promis». Если въ рукописи Анны, дѣйствительно *et*, то это явная описка.

§ 8.

Такимъ же образомъ, хотя бы въ рукописи Анны с. XV, 6 (стран. 34) читалось:

Sit felix iter hocce tuum, generose dynasta,
Sitque tuae Altipotens *dux* reduxque viae,

не можетъ подлежать сомнѣнію, что она хотѣла написать: «dux*que* reduxque viae». Ср. у нея же (стран. 30) с. XI, 8: «Sisque illis praesens duxque comesque diu» (по Овидію).

Зато въ томъ же 15-омъ стихотвореніи (p. 34) сама Анна дважды ошиблась, употребивъ зват. падежъ «Grodziecki» и второе лицо: «subis» съ краткимъ слогомъ въ концѣ обоихъ словъ[1]).

§ 9.

На стран. 35 (с. XVI) нужно въ 2-омъ стихѣ исправить: «Döhnhofianae illustris sol columenque domus» на: «Döhnhofiae illustris» и v. 10: «Grando» на: «Quando».

III.

Въ XVIII томѣ Rozpraw Wydziału filologicznego Краковской Академіи г. M. Sas опубликовалъ нѣсколько доселѣ неизвѣстныхъ латинскихъ стихотвореній, изъ коихъ нѣкоторыя онъ, безъ особо убѣдительныхъ причинъ, склоненъ приписать Кохановскому. Къ №№ I и IV мы позволимъ себѣ сдѣлать по одной кратенькой критической замѣткѣ.

I, 8: «Debetur raris pontificale caput». Тутъ, вмѣсто предлагаемаго г. Sas'омъ: «pontificale *pedum*», мы бы читали: «*pontificalis apex* (cf. v. 16), тѣмъ болѣе, что 8-ой стихъ стоитъ въ связи съ предыдущимъ, гдѣ сказано: «Не у астролога спрашивай, будешь ли епископомъ, а

Consulito vitam tu magis, Ile, tuam,
Inde scies, *cinctura* tuos sit an *infula crines*».

1) Въ одномъ изъ стихотвореній Льва XIII встрѣчается «deperis» съ краткимъ *i*. Отъ такой ошибки неантичное ухо можетъ, дѣйствительно, весьма легко не уберечь себя.

Въ № IV-омъ, заглавленномъ: «Aulico observanda», поэтъ даетъ насмѣшливые совѣты карьеристу по схемѣ: «Если хочешь быть любимцемъ своего патрона, если хочешь, чтобы онъ

Te tenere appellet, te vocet *Alesium*,

то потворствуй ему во всемъ».

Издатель дѣлаетъ замѣчаніе: «Co znaczy *Alesium*, nie wiem». Мы тоже не знаемъ такого слова. Но не кроется ли подъ этимъ загадочнымъ реченіемъ болѣе вразумительное:

Te tenere appellet, te vocet *ille suum?*»[1])

IV.

Объ изданіи Сарбіевскаго, вышедшемъ въ 1892 г. въ Старой Веси, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ, не вдаваясь вовсе въ частности.

Недочеты этой (во многихъ отношеніяхъ почтенной) публикаціи зависятъ отчасти отъ спѣшности, съ какой приступили къ ея печатанію, не обдумавъ окончательнаго плана изданія, отчасти также отъ недостаточной тщательности въ наблюденіи за самымъ печатаніемъ, отчасти наконецъ отъ нѣкоторой филологической неподготовленности редакціи.

Первоначально имѣлась въ виду простая перепечатка страсбургскаго изданія 1803 г. Но затѣмъ, «vergente jam ad finem typographi labore», редакція узнала о существованіи другихъ стихотвореній Сарбіевскаго, невошедшихъ въ страсбургскій сборникъ. Тогда, «mutato consilio», она присовокупила то, что въ прошломъ вѣкѣ обнародовали Нарушевичъ (Vilnae 1757) и Богомолецъ (Varsaviae 1769), а также все, опубликованное г. Крыстыняцкимъ въ Львовѣ въ 1876 г. Кромѣ-того, отъ г.

---

1) Тамъ-же къ v. 21 sq. издатель справедливо замѣчаетъ, что видимо испорчены слова:

Seria vis tractare iocos vel ludicra tracta
Sis contra carus, cum placuere ioci.

Но исправленіе ихъ можетъ быть въ главномъ достигнуто безъ большого насилія, если обратить вниманіе на контекстъ. Раньше было сказано: «не имѣй собственной воли, а руководствуйся настроеніемъ патрона, вообще: Haec placeant, domino quae placuere tuo». Теперь продолжается: «тебѣ хочется быть серьезнымъ: а ты все таки шути; тебѣ весело — тѣмъ не менѣе изволь быть мрачнымъ», т. е.:

Seria vis tractare: iocos vel ludicra tracta.
Sis contra *torvus*, cum placuere ioci.

Можно бы также «dirus», «tetricus», «querulus» и т. п.

Виндакевича получили въ Старой Веси текстъ неизданной дотолѣ поэмы: «Aureum saeculum», а отъ г. Крыстыняцкаго 70 эпиграммъ и 3 оды (каковыя юношескія произведенія Сарбіевскаго не были тоже напечатаны раньше). Вслѣдъ засимъ, однако, пришлось въ предисловіи сознаться, что помѣщенныя на страницахъ 383—398 пять одъ къ Сигизмунду III *не* принадлежатъ Сарбіевскому, какъ полагалъ Богомолецъ, а французу Gilbert Jonin.

Иначе сказать, если сначала напрасно взялись издавать заново Сарбіевскаго, не ознакомившись даже съ Нарушевичемъ и Богомольцемъ, то потомъ напрасно приняли тотчасъ въ свой сборникъ все, что другіе ни приписали Сарбіевскому. Критическая провѣрка текста вообще слишкомъ поздно побудила редакцію озаботиться сличеніемъ напечатаннаго у Нарушевича съ первоисточниками: см., напр, сообщаемое на стран. 548 и слѣдующихъ. Для характеристики критическихъ пріемовъ редакціи не мѣшаетъ указать и на сказанное въ примѣчаніи на стран. 509, изъ котораго оказывается, что доставленныя г. Крыстыняцкимъ эпиграммы и оды, списанныя неизвѣстно кѣмъ съ исчезнувшаго, къ сожалѣнію, кодекса Бѣлёвскаго, подверглись въ весьма многихъ мѣстахъ порчѣ, по винѣ кописта («quantumvis ab inscio librario depravata cum frequentibus mendis ad nos pervenerint») и напечатаны поэтому въ Старовейскомъ изданіи въ томъ видѣ, какой редакція сочла наиболѣе подходящимъ («Errores plures ad pristinam, ut opinamur, integritatem ipsi reduximus»), причемъ читатель, слѣдовательно, ознакомляется здѣсь лишь съ конъектурно редактированными текстами, а *какія* мѣста единственно сохранившагося списка признаны искаженными и *какъ* они гласятъ въ рукописи — этого ему не говорятъ. Поэтому онъ, разумѣется, и о степени убѣдительности старовейскихъ догадокъ судить не въ состояніи, да и со своей стороны подвинуть эмендаціи не можетъ: ибо, если намъ какое нибудь чтеніе покажется сомнительнымъ, въ правѣ ли мы предложить поправку къ нему, коль скоро не знаемъ, конъектуры ли это издателя или рукописное чтеніе, т. е. коль скоро нѣтъ базиса для методической критики.

Если (запоздавшее нынѣ) юбилейное изданіе Сарбіевскаго будетъ, дѣйствительно, предпринято, то желательно, чтобы оно было поведено по нѣсколько иной системѣ, нежели старовейское: а пора бы всѣмъ почитателямъ Сарбіевскаго получить, наконецъ, истинно достойный этого дарованія сборникъ его произведеній.

V.

Не касается нашей темы рядъ не связанныхъ съ изданіемъ текстовъ изслѣдованій, вызванныхъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ интересомъ къ литературнымъ памятникамъ Польши XVI вѣка. Замѣтимъ, однако, что и эти монографіи представляютъ не мало любопытнаго для филолога-классика желающаго дать себѣ обстоятельный отчетъ въ томъ, на сколько вліяніе античныхъ литературъ сказывалось тогда въ польской образованности [1]). Нужно надѣяться, что научная разработка соотвѣтственныхъ произведеній XVI и XVII столѣтія будетъ продолжаться съ полнымъ успѣхомъ. Искренно надѣемся также, что въ дальнѣйшихъ публикаціяхъ, относящихся къ данной области, польскіе ученые не будутъ обнаруживать потребности высказываться съ горечью о постороннемъ недоброжелательствѣ къ культурному прошлому ихъ отечества [2]). Со своей стороны, мы были бы рады, еслибы предшествующія замѣтки хотя отчасти убѣдили нашихъ польскихъ собратьевъ по филологіи въ томъ, что польскіе поэты XVI и XVII вѣковъ лучше владѣли латинскимъ стихомъ, нежели предположено въ новѣйшихъ изданіяхъ этихъ писателей.

---

1) Отголоски древне-греческаго и древне-римскаго встрѣчаются уже рано и въ произведеніяхъ, писанныхъ не на латинскомъ, а на польскомъ языкѣ. По поводу весьма дѣльнаго сопоставленія разнообразныхъ источниковъ Николая Rey'а г. Игнатіемъ Хржановскимъ (Facecye Mikołaja Reya przez I. Chrzanowskiego. W. Krakowie 1894 — изъ XXIII-го тома Rozpraw Wydziału filol. Ak. Umiejętnosci) укажемъ тутъ въ двухъ словахъ, что анекдотъ о разбившемъ стеклянные сосуды, чтобы не сердиться, когда прислуга будетъ ихъ бить, восходитъ (mutatis mutandis) не столько къ Plut. *Mor*. 461, сколько къ Sen. *de ira* 3,40,2 sq. (cf. Cass. Dio 54,23,3 sq.). Чтó касается разсказа о кузнецѣ и купцѣ (Хржановск. стр. 47), то въ немъ слышится, пожалуй, реминисценція (хотя и не непосредственная) изъ Hor. *Epist*. I. 7, 46—95.

2) Praef. ed. A. Cricii p. I: placuit... reliquias Cricianas colligere..., ut contra mendacia eorum, qui ubi ruinas edunt, nullam genuinam exstitisse unquam civilitatem contendunt, novum et firmum erigeretur monumentum» eqs. Напомнимъ, что поэма Гуссовскаго *De statura, feritate ac venatione bisontis* послѣ editio princeps 1523 г. впервые издана Императорскою Публичной Библіотекой въ 1855 г.

Г. Зенгеръ.

Изъ наблюденій надъ языкомъ Ликофрона.

О начальномъ звукоподобіи.

Начальное звукоподобіе или аллитерація (напр. casus Cassandra canebat или наше Себя Собою составляя, Собою изъ Себя сіяя) въ стилистикахъ числится среди фигуръ благозвучія (v. Dtsch. Styl v. Adelung, Bd. I, p. 282; cf. Gerber, Die Spr. als Kunst, II, p. 153), но въ ея основаніи лежитъ тотъ-же психическій законъ ассоціаціи по сходству, дѣйствіе котораго проявляется и въ риѳмѣ и въ ассонанцѣ и въ παρήχησις, и въ тавтологіи, и въ плеонасмѣ, и въ σχῆμα ἐτυμολογίας и въ подборѣ синонимическихъ выраженій (cf. A. Roschatt. Die Synonymen-verbindungen bei den attischen Rednern. Progr. Freising 1896).

Аллитерація[1]) бываетъ намѣренная и ненамѣренная. Различить ихъ можно, впрочемъ, далеко не всегда[2]), конечно если мы исключимъ такіе чисто искусственные тексты, какъ аллитерированную «роспись кушаньямъ» императора Геты или архаистическія попытки какъ напр. у В. Іордана.

Was einst graniten
*F*ormte der *V*äter *v*ollere Rede,
Das *v*ersuche zu *m*odeln vom weicheren *M*armor
Der lebenden *Spr*ache. Noch *spr*udelt ihr *Spr*ingquell.
(cf. Gerber. Die Spr. a. K., II 165).

---

1) Терминъ введенъ Понтаномъ во второй половинѣ XV в. У. Доната (IV в.) это явленіе называется Parhomoeon, у Капеллы Homoeoprophoron, а у Сервія compositio vitiosa. Нѣмцы называютъ аллитерацію Anreim, и особый видъ ея въ древневерхненѣмецкой поэзіи Stabreim.

2) Это отмѣчаетъ, между прочимъ, и новѣйшій изслѣдователь латинской аллитераціи Отто Келлеръ (Gramm. Aufs. Leipz. 1895, 1—72 въ началѣ статьи).

αὐτανεψίας 811 -ωι 546, -ιος 345.798; Γ: γηγενοῦς 42.111, -ῶν 127.1408; Δ: δυσδαίμονες, 984; Λ: λάληθρον 1319.

d) въ предложныхъ словахъ:

Π: παραπλαγχθέντα 427, περιπτύξουσιν 1135, πρόπαντας 655, πρόσπαιον 211; Κ: καταξανοῦσιν 300,561; Σ: συγκατασκάπτην 222.

Случаи удвоенія; какъ выходящіе изъ области синтаксиса[1]) не региструются.

B. Аллитерація въ словахъ:

a) аллитерація строчная:

I. При анадиплосѣ въ рядомъ стоящихъ словахъ Στένω, στένω σε, — 69.

II. При тавтологіи:

— θεᾷ θεός — 864.
— ἐν ξένῃ ξέναις — 1155.
— ἐπι ξένης ξένοι — 415.
— ἴσων ἴσα — 1302.

III. Въ двухъ и болѣе словахъ начинается съ перваго.

Α ἀγαλματώσας ἀμφελυτρώσει[2]) — 845.
Ἄγυλλαν Αὐσονῖτιν — 1355.
Αἴθωνος αὐτάδελφον — 432.
ἀλκὴν ἄμικτοι, τοὺς Ἄρης — 518.
ἀλλ' ἀμφὶ — 286.
ἀλλ' ἀντὶ — 1413.
ἀλλ' ἄξεται — 1194.
ἀλλ' ἄσπετον — 5.
ἀλλ' ἀστίβητον — 121.
ἀλλ' αὐτόκλητον ἁρπάσας — 1317.
ἄλλων δ' ἄπλατον — 569.
ἀλφῆς τῆς ἀεδνώτου — 549.
ἀναυλόχητον αὐτοκάβδαλον — 745.
ἄνδηρ' ἀπέζοις — 629.
ἄνοστον αἰάζοντας — 1088.
ἀπ' Αἰακοῦ — 1440.
ἀρχῆς ἀπ' ἄκρας — 2.

---

1) Сложныя и предложныя слова въ основѣ суть синтаксическія сочетанія.
2) Примѣры слѣдуютъ алфавиту.

IV. **Аллитерація предѣльная.**

Π παιδὸς — πόσις 808.
Πάππος — πλάκα 1341.
Παραιολίζει — πικρὰς 1094.
πᾶσαν — πέλας 1360.
πάτραν — πέδον 1073.
πατρῷον — ψευδώμοτον 932.
πελασγικὸν — πατὴρ 177.
πένθος — πάτρας 969.
πεύκης — πλημμυρίδος 100.
πικρὰν — πάγην 407.
πλᾶτιν (πορεῦσαι) — πρόμῳ 1294.
πλᾶτιν — πεπυσμένος 821.
πορθουμένοισι — πικράς 289.
πρόβλημα — πτέρυξ 291.
πρύμνης — πόδα 515.
Κ καὶ — κάπης 95.
καὶ — (καὶ κακόξεινος) κλύδων 1286.
καὶ (Κιμμέρων) — κάχερουσίαν 695.
καὶ (κτῆσιν) — κειμήλιον 1264.
κακὸν — κακῷ 1122.
Κανδαῖος — καλεῖν 1410.
καταιβάτις — κόπρους 91.
καύηξ — κλάδῳ 741.
κέλωρ — κληθήσεται 797.
κλασθὲν — κειμήλιον 884.
Κουρῆτες — κάπροι 1297.
κρατῆρα — κεκλαυσμένος 274.
ξένην — κόνιν 1049.
κρύψει (κατοικτίσασα) — κάσις 399.
Σ σκαρθμῶν — στόλον 101.
σκηπτῷ — σταθμά 1371.
σκιὰ — σέλας 1428.
στάζοντα — σπάσει 391.
στόρθυγξι — στυγουμένην 761.
σὺν — στρατὸν 1242.
σὺν — στρωφωμένη 1372.
σῦφαρ — σκέπας 793.
σχήσει — στάχυν 214.

Τ ταῖς — Ταντάλου 53.
τὰς — ταφάς 303.
τεύξει — τετμημένῳ 1001.
τὴν — τρόπιν 1025.
τὸν — τρόφιν 264.
τρισσῶν — τόπων 964.
τῷ — τεχνοῖ 963.
Α αἴθων — ἀγρεύματι 109.
ἀστῷ — Ἀνθηδόνος 754.
ἀστῶν — ἀνὴρ 1167.
αὖθις — αὐτανέψιοι 546.
Ἀχιλλέως — αὐτανέψιος 798.
Ε ἔγνω — ἔπος 488.
εἰς — Ἐκβατηρίαν 516.
ἐν — εἰλημένον 1202.
[ἐπεσβόλοις — ἠρεθισμένη] 332.
ἔρωτας — Ἐρινύων 406.
ἐσθῆτα — ἐγχλαινούμενος 974.
[ἔσται — ἠθαλωμένης] 970.
Λ λέοντα — λύγοις 213.
Λέρνης — λύχοι 1293.
λεῦσσον — λύχων 990.
λύγοισι — λυμεὼν 781.
Δ δαιτὸς — δ' ἔβη 837.
δίαιταν — δίκην 596.
Β βλαστόντα — βάρβαρον 150.
Βοαρμία — Βία 520.
Μ μητρὸς — μιμούμενος 325.
Μύρρας — μογοστόκους 829.
Φ φηγοῦ — φθερεῖ 554.
φιλαυθομαίμους — φθιτούς 566.
Θ θαλασσόπαις — θεὸς 892.
θύσθλοις — θεάν 1180.

Spiritus asper.

ἣν (ὁ) — ἁλὸς 186.
ὁ — ἡνιοστροφῶν 166.
(ἅρπης — θ' ὕδωρ 869.
ὅταν — θ' ἕδη 1058.

Г Γόννον — γύας 906.
О [οἴχτιστα — ὠργυιωμένη] 1077.

V. Аллитерація внѣ начальныхъ словъ:

1) рядомъ стоящихъ словъ.

2) словъ, замыкающихъ строку.

3) словъ, аллитерированные слоги которыхъ падаютъ на одинаковую часть стопы (или хотя раздѣленныхъ, но синтаксически связанныхъ).

П 1. — παιδοβρῶτος Πορκέως — 347.
— πάντα πάτρας — 1267.
— πάντα πρὸς — 57.
— πάντων Περσέως — 1413.
— πατάξας πτέρναν — 500.
— πατρὶ πέμψας — 125.
— πέντε που πλειῶνας — 201.
— πεύχης πρέμνον — 1110.
— πῆμα, πᾶς — 1215.
— πιθήκων πάλμυς — 691.
— πλάναισι παντ' — 1244.
— πόδαργον Ψύλλαν — 166.
— ποδηγῶν πτόρθον — 965.
— ποίμναισι πρευμενῆ — 1055.
— ποτε πρεσβεῦσιν—1056.
— πρηστῆρι ποιμαίνων — 1018.
— πρὸ πύργων — 326.
— πρὸς πέτραις — 1075.
— ψίσεται πύρνον — 639.
— πτέρναισι Παμφύλου — 442.
— πυθέσθαι πημάτων — 478.
— Πυράμου πρὸς — 439.
— πυρώσει πάντα — 1371.
2. — Πακτωλοῦ ποτά — 1352.
— παλίσσυτος πεσίν — 1461.
— πάντοθεν περιστιβεῖς — 790.
— πάροιθε πημάτων — 201.
— πατρὶ πρεσβειώσεται — 1265.
— πείσεσθαί ποτε — 540.
— Περσέως δὲ παρθένος — 1175.
— πέρσουσίν ποτε — 1002.

— Πευκέως Παλαίμονος — 663.
— Πηγασοῦ πτεροῖς — 17.
— πημάτων παραίτιον — 611.
— Πηνειοῦ ποτοῖς — 1343.
— προδειμαίνων πότμον — 276.
— πρὸς πέδῳ — 80.
— πρωταίχμεια τῷ πυργοσκάφῳ — 469.
3. — πάγουρον — πέλας — 419.
— παλαιὰν — παγκληρίαν — 1474.
— παλαιᾶς — πρόμοι — 694.
— παρ' — πόλιν — 1129.
— πατρῷα — ποθῶν — 1035.
— πατρῴας — ποσὶ — 1038.
— πενταλέκτρου — Πλευρωνίας — 143.
— πηγὰς — πάλαι — 248.
— πλαγκτοὶ — πέριξ — 1028.
— Πλυνοῦ — ποτῶν — 149.
— ποθοῦντες — πάγους
— ποθῶν — ποτ' ἐν — 190.
— ποτ' — πτέλας — 833.
— πρόσθε — πεύκαισιν — 32.
— πρόσθεν — πλεῖον — 667.
— πρὸς — ποτῶν — 189.
— προτείνων — ποτόν — 661.
— πρώτη — ποτ' αὖθι — 732.
— πῦρ — πρὶν — 1368.
Κ 1. — καὶ κακόξεινος — 1286.
— καὶ Κενηρίων — 370.
— καὶ κλεινὰς — 1074.
— καὶ κόρυμβα καὶ κλῄδων — 295.
— (συνοικιστῆρα) καὶ κτίστην — 964.
— καὶ κλαυθμοῖσι — 785.
— καὶ Κτάρος — 679.
— κὰκ κέλευθα — 1162.
— κἀπὶ κοιταίαν — 603.
— κἀπὸ Καρικῶν — 149.
— κατοικήσουσι κάμνοντες — 1010.
— κενὸν κρηπῖδα — 1191.
— κηλωστὰ καρβάνων — 1387.

— τοῖς ὁ τλήμων — 240.
— τότ' οὔτε τάφρος — 290.
— (τρισσοὺς δὲ ταρχύσουσι) — 424.
— τυπώσας — τέκνων — 1260.
Ε 1. — (ἔβαινεν εἱρκτῆς) ἐντός. ἐν δὲ — 1462.
— εἰς ἐρεμνὸν — 1061.
— ἔμαρψεν ἐρράου — 1316.
— ἐννέωρον ἐννήσῳ — 571.
— ἐξ ἐμῆς — 1189.
— ἐρεμνὸν εἰς — 681.
— ἐχθροῖς εὐσεβέστατος — 1270.
— (ᾖραν ἠπείροις) — 1295.
2. — ἐγγόνων Ἐρεχθέως — 431.
— ἐγχρίσας ἔπη — 1455.
— εἰς Ἐνιπέως — 722.
— εἰς ἐπείσιον — 1385.
— εἰς ἐπακτίαν — 118.
— ἐκβολαῖσιν ἠλοκισμένην — 119.
3. — ἐγείρει — ἔριν — 1362.
— εἰς — ἐκβράσῃ — 1158.
— εἰς — ἐρείσας — 246.
— εἰς — εὐνάστηριον — 583.
— ἐκ ποτ' εἰς ἐπακτίαν — 118.
— ἐξ — ἐστροβημένον — 172.
— ἐξόχως — ἐξυμνημένην — 1195.
— ἐρείσει — ἔπι — 616.
— ἔρωτας οὐκ ἔρωτας ἀλλ' Ἐρινύων — 406.
— ἀλλ' ἔστι γάρ τις, ἔστι καὶ παρ' ἐλπίδα — 535.
Σ 1. — σὰς στένουσα — 303.
— σε συλλέκτροιο — 115.
— στερφοπέπλου Σκαπανέως — 652.
— σὺν Σκαμάνδρῳ — 1304.
2. — συγκατηρεφὲς στέγης — 1280.
— συμπεφυρμένων στρατῷ — 734.
3. — σῆναι — στρατηλάτην — 1444.
— ὦ σκύμνε — συγγόνων — 303.
— στενάζω — σὸν — 307.
— στένοντες — συφοῖσι — 676.
— (εἰς τέραμνα — στέγης) — 361.

— (ἄνις τεράμνων — στέγην) — 350.
— στρέψασα — στρατῷ — 362.
— σχάσασα — στόμα — 28.

Spiritus asper:

1. — αἱμοφύρτοις ἑστιώμενον — 1411.
— ἃς ὁ — 162.
— ὁπλαῖς Ἅρπιννας Ἁρπυίαις — 167.
— ὧν ὁ — 589.
— ὧν οἱ — 703.
— ὡς ὁ — 462.
2. — ἁλιβρώτοισιν αἱμαχθήσεται — 760.
— ὁπλίσαντες ὁλκάδας — 514.
3. — ἡμῖν — ὁ — 536.
— ὅς, τὸν — ὅταν — 536.
— ὑμεῖς — ἕκατι — 1151.
— ὧν — ὁ — 570.
Μ 1. — οἵμας μελῳδοῦ μητρὸς ἐκμεμαγμένας — 713.
— Μιμαλλὼν ἢ Μελαγχραίρας — 1464
3. — μόρον — μονοικήτους — 960.
— μορφῆς — μῶμαρ — 1134.
Φ 1. — φθείροντα Φαίακας — 632.
2. — Φιγαλεὺς Φαυστήριος — 212.
— φοινίξεις φόνῳ — 1191.
3. — φθαρέντων — φίλων — 657.
Λ 1. — λιποῦσαι, Λάγμον — 1333.
2. — λυγαίαν λεὼς — 973.
3. — Λέτριναν — λειψάνοις — 54.
Ο(ω) 1. — Ὀθρωνὸν οἰκήσει — 1034.
— ὀστέοισιν ὀγχήσει — 1049.
— ὀψιτέκνοις ὀλβίαν — 1272.
2. — ὠλέναις ὠγχώμενον — 1183.
Ν 1. — νησῖδα νάσσονται — 599.
2. — νεόδμητον νέκυν — 65.
Θ 1. — θ' Ἡλίου θυγατρὸς — 129.
— θρασεῖα θουρὰς — 612.
Β — βίου βαλβῖδα — 287.

VI. Аллитерація слитная:

Четыре слова (или болѣе) въ одной строкѣ аллитерированы по одному изъ слѣдующихъ типовъ:

1) aabb, 2) abab, 3) abba.

1) aabb.

А — І ἀπηρκέσθησαν ἀντ' ἴσων ἴσα — 1302.
А — П ἀλλ' αμφὶ πρύμναις — πανυστάτην — 286.
ἀλλ' ἀντὶ πάντων Περσέως — 1413.
П — А Πάλιν — πέτρας ἀσπέρας ἀνειρύσας — 1322.
Πρᾶκτιν παρ' αὐτὴν αἰπὺ — 1045.
Т — П τοὐμὸν ταλαίνης πῆμα, πᾶς — 1215.

Spiritus asper — П —
ὕψιστον ἡμῖν πῆμ' — πότε — 787.
Т — Е τὸν δ' αὖ τέταρτον ἐγγόνων Ἐρεχθέως — 431.
К — Т κτενεῖ δὲ κούρας Τηθύος — τριπλᾶς — 712.
К — Е κόρη κασωρὶς εἰς ἐπείσιον — 1385.
К — Ф κενὸν κρηπῖδα φοινίξεις φόνῳ — 1191.
Г — К γόῳ γυναικῶν καὶ καταρραγαῖς — 256.

2. — abab.

А — П — ἀναγκάσῃ πτήξαντας Ἀργείων πρόμους — 1443.
— ἀπαρκτίαις πρηστῆρος αἴθωνος πνοαῖς — 27.
А — М — ἄλλῳ μόχθος ἄθλιος μενεῖ — 666.
А — Т — ἄγαλμα — τῶν Ἀμυκλαίων τάφων — 559.
Т — А — τὸν δ' αὖ τέταρτον αὐθόμαιμον — 168.
Ου — А — οὐ μὴν ἀνατεὶ γ' ουδ' ἄνευ — 283.
Ου — М — οὔπω μάλ', οὔπω, μὴ — 766.
Е — П — ἐπεὶ Πελασγοὺς εἶδε — ποτῶν — 1364.
— ἔνθα ψυχρὸν ἐκβάλλει ποτόν — 1033.

Spiritus asper — П —
ὅταν Πελασγὸν ἅλμα — ποδὸς — 245.
К — П — κρηπῖδα πήγῳ — καλλυνεῖ πλόκῳ — 275.
— παρ' — κερκίδος ψαύσας κρότων — 278.
П — К — πλανῆτιν — κῦμα πρὸς ξένην — 998.
— πλαγκτοὶ κατοικήσουσιν ἣν πέριξ κλύδων — 1028.
К — Т — κονίστρας ὃν τε Κωλῶτις τεκνοῖ — 867.
Т — К — τε καὶ Τρυχάντα καὶ τραχὺς — 374.

— Τιθωνὸν ἐν κοίταισι ταῖς Κέρνης — 18.
Τ — Δ — τὰ δευτερεῖα τῆς δαϊσφάλτου — 170.
— τὸν δ' αὖ τὰ δευτερεῖα — 1011.
— τρίτος δ' ἄνακτος τοῦ δρυηκόπου — 1378.
Π — Μ — ψαῦσαι, μέγαν πλειῶνα μὴ πεφευγότα — 1039.

Несобственныя аллитераціи:

Δ — Κ — δὲ καὶ δρύκαρπα — 83.
Δ — Π — δὲ πυρσὸν — διπλαῖς — 1295.
Ε — Χ — ἐν χεροῖν ἔχων — 1168.

3. abba.

Α — Κ — Ἀμφισσάν τε καὶ κλεινὰς Ἄβας — 1074.
Α — Θ — ἄγων Θεράπνης, θάτερος δ' ἀπ' — 590.
Ε — Α — εὐχὰς ἀρούραις ἀμφ' ἐτητύμους — 620.
Π — Α — πρύμνης ἀπ' ἄκρας — αἰψηρὸν πόδα — 515.

Spiritus asper — Π —

Πρὸς Ἅιδην — ὁδὸν περᾷ — 809.
Π — Κ — πήληκα κόρσῃ κίονος προσάρμοσας — 711.
— Πλονοῦ τε κἀπὸ Καρικῶν ποτῶν — 149.
— πρόβλημα καὶ — κορσωτὴ πτέρυξ 291.
Κ — Π — Καταιβάτις πύγαργον, οὐ πατρὸς κόπρους — 91.
— καίπερ πρὸ πύργων — Καναστραῖον — 526.
Κ — Μ — Κλάρου Μιμαλλὼν ἢ Μελαγκραίρας κόπις — 1464.
Κ — Ο — ξένην ἐπ' ὀστέοισιν ὀγχήσει κόνιν — 1049.
— ταλάσσει καὶ κυβερνῆσαι τάλας — 746.
Τ — Κ — τρισσῶν — καὶ κτίστην τόπων
Τ — Ε — τοὺς δ' εἰς ἐρεμνὸν — τάφον — 1061.
Τ — Σ — τὰς σὰς στένουσα — ταφὰς — 303.
Δ — Τ — Ὁ δ' ἀμφὶ τύμβῳ τἀγαμέμνονος δαμεὶς — 335.
— Οἱ δ' αὖ τέταρτοι τῆς Δυμαντείου — 1388.
Δ — Κ — δὲ καύηξ — κυμάτων δρομεύς — 789.
Θ — Τ — θανόντα ταρχύσαντο τυμβείαν θ' ὑπὲρ — 882.
Σ — Π — σκηπτῷ πυρώσει πάντα — σταθμά — 1371.

Σ — Spiritus asper:
σωτῆρ' ὅταν — ὁπλίτῃ στρατῷ — 1210.

Spiritus asper — K —

ἀρπῆς Κρόνου — Κογχείας-ὕδωρ — 869.

— ὑπὲρ χάρα — Κίμμερος ϑ' ὅπως — 1427.

Spiritus asper — Δ —

ὃν δὴ δὶς ἡβήσαντα — 156.

Сложно-слитныя аллитераціи типа aabbab:

— ὧν αἱ τεκοῦσαι τὴν ἐκηβόλον τέχνην — 637.

Типа abccab:

— δὲ πυρσὸν ἦραν ἠπείροις διπλαῖς — 1295.

b) Аллитерація междустрочная.

I. Начальныя слова въ двухъ и болѣе сосѣднихъ строкахъ аллитерированы.

Преобладаніе принадлежитъ густому придыханію, τ и κ по весьма понятнымъ причинамъ.

Spiritus asper:

Ἅπασα = ὅσην 408,9.
εἱρκτῆς = ἡ 351,2.
ἑχουσίαν = ὅπως 783,4.
ἑνός = Ἑλλάς 365,6.
ἥρως = ὅπου 1205,6.
ἵππων = ὅταν 244,5.
ὁ = ὁ 38,9.
ὁ = ᾧ 210,11.
ὅμηρον = ὅτ' 422,3.
ὃν = ὕψιστον 786,7.
ὅπου = αἱ 957,8.
ὅταν = Ἕλλην 893,4.
ὑπὲρ = ἵππους 1336,7.
ᾧ = εἷς 1446,7.
Τ τὰ = τεύξει 948,9.
τὰ = τούτῳ 1267,8.
ταῖς = τηλοῦ 954,5.
τέταρτον = τῶν = τόμουρε 221,2,3.
τῆς = τῆμος 356,7.
τῆς = τοχῆος 393,4.
τῆς = τοῦ 651,2.

τῆς = Τροιζηνίας 609,10.
τιβῆνα = τυπεὶς 1104,5.
τὸν = τῆς 174,5.
τὸν = τὸν 838,9.
τοῦ = τὸν 617,8.
τρέμων = τὴν 412,3.
τρίτος = τὴν τευχοπλάστιν 1378,9.
Κ καὶ = καὶ 97,8; 826,7; 861,2; 1147,8; 1313,4.
καὶ = καταιβάτις 90,1.
Κάλχας = κεῖται 980,1.
κάρβανον = κόλπων 605,6.
κεραυνίη = καύηξ 740,1.
Κίμψον = καὶ = κευθμῶνος 1352,3,4.
κισσοῦ = κερασφόρους 1237,8.
κλύδωνα = κρόκαισι 727,8.
κόραξ = κτενεῖ = κέντρῳ = κέλωρ 794,5,6,7.
κουροτρόφον = κρύψει 419,20.
Π παρ' = πικράν 593,4.
πείσει = ποίαν 672,3.
πλᾶτιν = ποθῶν = ποίους = ποίαν 821,2,3,4.
ποία = ποία 668,9.
πόντου = πρέσβιστος 1448,9.
πορθοῦσα = Πρῶτος 1368,9.
πλαγχθέντας = Πρόπαντας 654,5.
πρὸς = πόντου 752,3.
πρὸς = πύργων 64,5.
πυκνοὶ = πηδῶντες 296,7.
Α ἀντί = ἀντὶ 94,5.
ἀντίποινον = αἰχμάλωτον 1297,8.
ἀρωγόν = ἀστοῖσι 1054,5.
αὗται = ἄνδηρ' ἀπέζοις 628,9.
ἄφλαστα = ἀπαρκτίαις 26,7.
Ε ἐγχώριον = ἔχοντα 528,9.
ἐγὼ = ἐν 348,9.
ἐκεῖνο = ἐκεῖνο = εὖτ' 258,9,60.
ἔσται = ἐκεῖ 1056,7.
Σ στερρὰν = σωτῆρα = Σφάλτην 205, 6, 7.
Σὺ = στερχθεὶς 1189, 90.
σφῷ = σχύμνον 460, 1.

Ο οἶμας = ὀρθῇ 11, 2.
οὐχ' = οὐδ' 367, 8.
οὔπω = οὐδ' 941, 2.
Λ λευρᾶς = λαβὼν 268, 9.
λιπὼν = λίμνην 703, 4.
Χ χάρωνος = χερσὶ 660, 1.
χέαντος (ὄν χάρωνος) = χαλκῷ 455, 6.
Δ δισσάς = δαιτὸς 836, 7.
Μ μιᾷ = μοίρᾳ 226, 7.
Φ φηγόν = φάλλαι = φέρβοντο 83, 4, 5.

II.

1. Конечныя слова двухъ и болѣе сосѣднихъ строкъ аллитерированы.

Конечныя аллитераціи у Ликофрона вообще преобладаютъ надъ начальными, особенно при двусложныхъ словахъ въ концѣ строкъ.

Для примѣра конечной гармоніи строкъ укажу на 435 sqq. — Μυλεύς = — κάρα = — κόραι = μόρου = ἐκ-βολαῖς = κύνες = βοὴν = κόρης.

α) Двусложныя.

Π — πατρός = — πτερά 1395, 6; — πέδῳ = — πάτρας 37, 8; — πέλας = — ποτόν 575, 6; — πικρὸν = — (πείσεσθαι) ποτε 539, 40; — πλάκα = — πέδον = — ποτοῖς = — πέδαις 1341, 2, 3, 4; — πλάτης = — πόδες = — πλάκας 96, 7, 8; — ποδός = — πέτρῳ = — (ποδηγίας) 844, 5, (6); — πόλιν = — ποτῶν 1129, 30; — πόρῳ = — πέλας 1026, 7; — πόσιν = — πτεροῖς 1118, 9; — πόσις = — περᾷ 808, 9; — πότμον = — πέπλον 276, 7; — πύλης = — πρόμοι = — πάγους 643, 4, 5; — πύλαι = — πάρα 410, 11; — πτεροῖς = — πικρά 715, 6.

Δ — δίκην = — δομήν 596, 7; — δομὴν = — δαμεὶς 334, 5; — δόμων = — δάνος 1268, 9; — δορός = — δόμων 69, 70; 507, 8; — δόρυ = — δικών 530, 1; δόρυ = — δόμων 280, 1.

Κ — κάρα = — κόραι 436, 7; — κλάδῳ = — κλύδων 741, 2; — κύνες = — κόρην 1291, 2; — κυνός = — κόρης 850, 1.

Λ — λέων = — λιτάς 459, 60; — λόφων = — λόγων 29, 30. — λύγοις = — λύκοι 1247, 8; — λύχνους = — λέχος 422, 3.

Σ — σέβας = — σκότῳ 1126, 7; — στενῶν = — σκάφος 889, 90; — στόλῳ = — σιφνεύς 120, 1; — στέγας = — σκύφον 659, 60.

Β — βαλὼν = — βρόχοις 309, 10; — βάσει = — βοὴν 262, 3; — βρέτας = — βλάβην 948, 9.

Γ — γένος = — γόνος 1233, 4; — γόνῳ = — γυνὴ 886, 7; — γονάς = — γνάθῳ 638, 7.

Τ — τάλας = — τρόπιν 746, 7; — τέκνων = — ταφους 365, 6.

Μ — μάχαις = — μολών 1235, 6; — μυχούς = — μολών 823, 4.

Θ — ϑ' ἕδος = — ϑ' ὕδωρ 646, 7; — Θρασὼ = — ϑεόν 936, 7.

Ν — νότος = — νάπας 1016, 7.

Φ — φάος = — φανέν 1056, 7.

Ε — ἔπι = — ἐρεῖ 1036, 7.

β) Многосложныя и неравносложныя.

Κ — κάσις = — Κυναιϑέως 399, 400; — κεκμηκότι = — κέρως 533, 4; — κρεανόμον = — κόπις 762, 3; — Κρόνου = — Κρεανόμου 202, 3; — κόπρους = — ξενώσεται 91, 2.

Π — περιρρύτῳ = — ποδηγέτην 219, 220; — πλάνης = — παραίτιον 610, 11; — πλάτην = — πημάτων 205, 6; — ποδός = — προσήλατο 835, 6.

Ε (η) — Ἐνιπέως = — ἐπώνυμον 722, 3; — ἐνόσφισε = — ἔπη 1454, 5; — ἐπὶ = — ἐγκορύψεται 557, 8; — ἠρεϑισμένη = — ἐπομβρία 332, 3; — ἠϑαλωμένην = — ἠγκαλισμένος 141, 2; — ἐξυμνημένην = — ἐμπείραμος 1195, 6.

Α — ἀκούσετε = — ἀνεκβάτου 378, 9; — αἰστωτήριον = — Ἀτλαντίδος 71, 2; — αὐανϑήσεται = — αιονωμένων 1424, 5.

Σ — σποδουμένων = — σποδόν 178, 9; — σταϑμά = — στρωφωμένη 1371, 2; — στόνυξ = — Σαρδονικῆς 795, 6.

Τ — Τιτηνίδα = — τέκνα 231, 2; — Τήλαμον = — τ' ὄρος 1333, 4.

Δ — δεύτερον = — δρακών 813, 4; — δόρυ = — δωρούμενος 567, 8.

Β — βραχύπτολις = — βεβρωμένον 911, 2.

Φ — φϑερεῖ = — φύλοπιν 554, 5.

Γ — ῥοιζουμένων = — ῥιφάς 1325, 6.

2. Сочетанія словъ, замыкающія сосѣднія строки, аллитерированы. При этомъ наблюдаются слѣдующіе частные случаи:

α) слово одной строки аллитерируется съ словосочетаніемъ сосѣдней.

Ε — ἐγχλαινούμενον = — ἤρειψεν πάγον = — εἰς Ἐνιπέως = — ἐπώνυμον = — ἔνϑα λάβρος Ἶς 722, 3, 4.

— ἐν κλήροις ϑεῶν 1347, 8, 9.

— ἐκμεμαγμένας = — ἐξ ἄκρας σκοπῆς 713, 4.

— ἐξησκημένον = — ἐγχώροις ἀεὶ 858, 9.

— ἐξερεύγονται ποτά = — ἐκναυσϑλώσεται 725, 6.

— ἐλϑοῦσαί ποτε = — εὐναστήριον 582, 3.

— ἐμπέδοις τομαῖς = — ἐκμιμούμενοι 601, 2.
— εὐάρχῳ μύλῳ = — ἐκπεφευγότα 233, 4.
— ἐκβράσῃ σποδὸν = — ἐφθιτωμένης 1158, 9.

Α — ἄφθιτος θεὰ
— αὐδηθήσομαι 1139, 40.
— φοινίοις δέμας
— φερώνυμος τύχης
— φημισθήσεται 1080, 1, 2.
— πέριξ κλύδων
— προς μάσσεται 1028, 9.

β) словесныя сочетанія замыкающія сосѣднія строки аллитерированы.

Α — αἰόλῳ μέλει
— ἀχμήνους βορᾶς 671, 2.
— Ἀμαντίαν πόλεν
— Ατιντάνων μολὼν 1043, 4.
— ἄμναμοί ποτε
— ἄραντες στέφος 1227, 8.
— ἀντιτίσεται βλάβας
— ἀντίπορθμον ἠόνα 1367, 8.
— ἀρδηθμῷ Διός,
— Αἰτωλῶν σπάσας
— αὔλακας τεμὼν 622, 3, 4.
— ἀρνεύσας λυγρὸν
— αὐτουργοὺς σφαγάς 465, 6.
— αὐγάζων φάος
— ἀλγεινὰς τόκων 941, 2.
Ε — ἐγχάρῳ ῥανεῖ
— εὐθήκτῳ μέσον 1104, 5.
— ἐμπεπλεγμένων χάλοις
— ἐνσαρούμενος μυχοῖς 752, 3.
— ἐπίανεν βορᾷ
— ἐγκάψας πέτρον 1200, 1.
— ἐστὶ καὶ τητώμενος
— ἐκ ποτ' εἰς ἐπακτίαν 117, 8.
— εὐγλήνοις δομὴν
— ἐλλόπων θορούς 597, 8.
Δ — Δαυνίων ἄκροι

— Δάρθανον πόλιν 1128, 9.
— δηναιᾶς Ἁλός
— δαίσασθαι γάμων 145, 6.
K — Κερκάφου νάπαι
— χαύηκας ποτῶν 424, 5.

Spiritus asper.

— ἕλκονται χθόνα 702, 3.
— ὑψηλὸν κλέτας
— ἱρείας σκύλαξ
— αἱμάξῃ βρότῳ
Π — πημάτων ὑπέρτατον
— πέρκνος αἰχμητὴς χάρων 259, 66.
— πόρτιος μεμιγμένοι
— πρὶν λαφύξασθαι γάνος 320, 1.

γ) Словесныя сочетанія замыкающія сосѣднія строки состоятъ изъ вполнѣ или частью аллитерированныхъ отдѣльныхъ словъ.

— ἀκμαίαν πατρός,
— Αἴθωνος πτερά 1395, 6.
— αἰγίλιψ ῥοιζουμένων
— ἀταρχύτους ῥιφάς 1325, 6.
— Ταρτησοῦ πύλης
— Τεμμίκων πρόμοι 643, 4.
— τὴν Κυδωνίαν Θρασὼ
— τόν τε Κρηστώνης θεὸν 936, 7.
— δεξιούμενον πάλαι
— δεύτερον πυρουμένην 51, 2.
— ὃν ποτ' αὐξήσει λεὼς
— οἱ παρ' ἄκλυστον σκέπας 735, 6.
— Ὄμβρων πέλας
— ὀχθηρῶν πάγων 1360, 1.
— ἄνδρας ἐξ ἄκρου ποδὸς
— ἀγαλματώσας ἀμφελυτρώσει πέτρῳ 844, 5.

Прим. Интересны также нижеслѣдующіе примѣры.

— Παλαιᾶς — πρόμοι
— ποθοῦντες — πάγους 644, 5.
— ἀντιπορθήσει χθόνα

— ἀθωπεύτους δίκας
— ἀστεργεῖ τρόπῳ
— ἄκρων λοβῶν 1398—1401.

III. Аллитерація спаечная[1]).

1. Простая.

П — παγκληρίαν + παρ' 592, 3; — παγκληρίαν + πόλιν 983, 4; — Παλληνίδι + πατρῷ' 1261, 2; — πάτραν + ποθοῦντες 903, 4; — πάτρας + πολλοὶ 1004, 5; — πέλας + πλαγκτοὶ 1027, 8; — πέδον + ποθοῦντες 1073, 4; — πεπαμένη + πρὸς 357, 5; — πεπυσμένους + ποθῶν 821, 2; — πικρῶν + πένθους 283, 4; — πλάκες + παρ' 564, 5; — πλάκες + Παλληνία 1406, 7; — πλάνης + Παλληνίων 126, 7; — πόλιν + πλώσει 1043, 4; — πόνων + πύργους 1006, 7; — ποτοῖς + πρώτη — 731, 2; — ποτὸν + Παπποκτόνος — 1033, 4; — ποτῶν + ποθῶν — 189, 90; — πτερῷ + πάτραν — 1072, 3.

К — κακῶν + καὶ — 228, 9; — καπνῷ + καὶ — 293, 4; — κεκαυμένη + καὶ — 31, 2; — κεχρυμμένας + και — 248, 9; — κέρας + καὶ — 563, 4; — Κεραστίαν + καὶ — 447, 8; — Κηφηΐδας + καὶ — 834, 5; — κλάδος + καὶ — 830, 1; — κόραι + Κηφεύς — 585, 6; — Ξένη + κραντῆρι — 832, 3; — κρότων + καὶ — 278, 9; — ξίφει + καὶ — 242, 3; — κτέαρ + κρύψουσ' — 895, 6; — κύνα + κτανὼν — 45, 6; — κύων + ξένην — 925, 6,

А — ἄγρην + ἄλλος — 665, 6; — ἄκραν + Ἀμαζόνος — 994, 5; — ἀνακτόροις + Ἄλλοι — 950, 1; — ἀπειρύσας + ἄξει — 1208, 9; — ἀπτέρως + αὐταὶ — 627, 8; — ἀρχηγέτις + Αὖθις — 1350, 1; — αὐδηθήσεται + Αἰαῖ — 306, 7; — αὐτανέψιοι + ἀνεψίαις — 546, 7.

Σ — σκάφη + σχοίνῳ — 664, 5; — σκότου + σίντης — 385, 6; — σκότῳ + Στυγός — 705, 6; — σπορᾶς + στελεῖ — 1413, 4; — στρατῷ + στεργοξυνεύνων — 934, 5; — σχάσας + σὲ — 329, 30.

Т — τάφους + τὸν — 416, 7; — τέχνῃ + τὸν — 386, 7; — τητωμέναις + τεύξω — 1141, 2; — τιμωρουμένη + τριπλᾶς — 1366, 7; — τραπεὶς + ταῦρος — 463, 4; — τρόπους + τοιγὰρ — 138, 9.

Δ — δέμας + δράκαινα (διψὰς) — 1113, 4; — διπλοῖ + Δρύμας — 521, 2; — Δρύμνιος + δαίμων — 536, 1; — δυσδαίμονες + δείμαντες — 984, 5.

Λ — λάβοι + λήθης — 766, 7; — λαμπούριδος + λάμψῃ — 344, 5; — λέχος + λαθραῖον — 495, 6.

---

1) Знакъ этой аллитераціи +

Spiritus asper.

Ε — ἕδρας ⊹ ὧν — 960, 1; — ἑλκυσθήσομαι ⊹ ἡ — 958, 9; — ὅταν ⊹ Ἥφαιστος — 1157, 8; — ὡπλισμένοι ⊹ ὧν (αἱ) — 636, 7.
— ἑδέθλιον ⊹ ἐν — 800, 1; — ἔπη ⊹ ἐγώ — 1466, 7; — ἐκβεβρασμένους ⊹ ἔρημον — 878, 9.

Μ — μάχῃ ⊹ μίαν — 456, 7; — μεταιχμίῳ ⊹ Μάγαρσος — 443, 4; — μόρος ⊹ μίμνει — 1075, 6.

Β — βουκέρως ⊹ Βρύχων; — βυθῷ ⊹ βαιὸν — 743, 4.

Ν — νάπην ⊹ νύκτωρ — 603, 4.

Θ — θεᾷ ⊹ θρίξεις — 107, 8.

Прим. Я не отмѣчаю здѣсь аллитерацiи (весьма обыкновенной) начала предыдущей строки съ концомъ послѣдующей, хотя здѣсь повторяются иногда цѣлые слоги, напр.

Κελτοῦ — ⊹ — κεμὰς 189, 190.
Πέργη — ⊹ — πεφλεγμένον 805, 6.

2. Двойная.

— πατρὶ πρεσβειώσεται ⊹ πέπλοις περισχὼν 1265, 6.
— παρθένον Βραγχησίαν ⊹ παραιολίξας, βῶλον 1379, 80.
— δεινὴν μάχην ⊹ δρακοντομόρφων 1042, 3.

Прим. Обратная двойная аллитерацiя даетъ слѣдующiе примѣры:

στυγνὸν Σιβύλλης — ⊹ — συγκατηρεφὲς στέγης 1279, 80.
Δηοῦς ἀνεῖναι — ⊹ — ἀρδηθμῷ Διός 621, 2.

IV. Аллитерацiя собственныхъ именъ и названiй народовъ въ сосѣднихъ или близкихъ строкахъ[1]).

Κ Κενταυροκτόνος ✕ Κουρῆτις 670, 1.
Κερκάφου ✕ Κυπέως Κοίτου κύκνον 424, 6.
Κρᾶθις × Κόλχων ✕ Κορίνθου 1021, 2, 4.
Κρίσης ✕ Κροτωνιᾶτιν 1070, 1.
Κυδωνίαν ✕ Κρηστώνης ✕ Κανδάονα 936, 7, 8.
Κωλῶτις ✕ Κρόνου Κογχείας 867, 9.

Σ Σαρπηδόνος ✕ Συμπληγάδες ✕ Σαλμυδησός ✕ Σκύθαισι 1284—7.
Σικανός ✕ Σισυφείου 1029.
Σίριν ✕ Σισυφεὺς ✕ Σίνις 978, 80, 82.

1) Знакъ аллитерацiи при этомъ ✕

Σκυρίου X Σαλμυδησίας 185, 6.
Σπερχειὲ X Σκάρφεια 1146, 7.
Σφήκειαν X Σάτραχον 447.
Α Αἰτωλῶν X Ἀγγαίσων 1056, 8.
Ἀνθέως X Αἰγαίωνος 134, 5.
Ἀργύριππα X Αὐσονίτην 592, 3.
Ἀργῴου X Αὔσιγδα 883, 5.
Π Παλλάδος X Πυλατίδος 355, 6.
Πρᾶκτιν X Πολυάνθους 1045, 6.
Πυριφλεγές X Πολυδέγμων 699, 700.
Β Βάκχου X Βηφύρου 273, 4.
Βισαλτία X Βιστόνων 417, 8.
Λ Λαμητίαις X Λευκανῶν 1085, 6.
Λᾶρις X Λίγεια 725, 6.
Ε Ἐπειόν X Ἐνναία X Ἐρινὺς 151, 2, 3.
Τ Τορώνης X Θρήκης X Τρίτωνος 116, 8, 9.
Θ Θερμύδρου X Θρασκίας 324, 5.
Ο Ὄσσαν X Ὀβριμοῦς 697, 8.

Слитную аллитерацію собственныхъ именъ находимъ 803—805.

Περσέως X Τημενίων X Πέργη X Τυρσηνῶν.

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ можно, мнѣ кажется, сдѣлать три слѣдующихъ вывода:

1) Согласныя у Ликофрона обладаютъ большей аллитерирующей силой, чѣмъ гласныя (за исключеніемъ α) и отзвучныя чаще аллитерируются, чѣмъ звучныя; 2) наиболѣе примѣровъ аллитераціи даютъ П, К, А, Т; 3) концы строкъ (особенно при двусложныхъ окончаніяхъ) гармоничнѣе начала.

Иннокентій Анненскій.

Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ.

«Поэзіи въ истинномъ смыслѣ этого слова никогда не было у Византійцевъ. За то до насъ дошло великое множество работъ византійскихъ версификаторовъ, писавшихъ на самыя разнообразныя темы. Въ стихотворную форму облекались хроники, похвальныя рѣчи, даже учебники по риторикѣ, грамматикѣ, медицинѣ, законовѣдѣнію». Такъ говорили въ былое время историки литературы. Теперь, послѣ открытія такихъ памятниковъ, какъ поэма о Дигенисѣ, первая половина суроваго приговора о византійской литературѣ утратила свою силу. Мы знаемъ, что творческій геній греческаго народа не умиралъ и въ теченіе византійскаго періода, хотя и не проявляется, конечно, въ это время съ такимъ блескомъ и разнообразіемъ, какъ въ эпоху созданія великихъ произведеній античной поэзіи. Вторая же половина приговора о византійской литературѣ, сужденіе о византійскомъ стихотворствѣ, сохраняетъ свое значеніе и теперь, такъ какъ не подлежатъ сомнѣнію тѣ факты, на которыхъ основано это сужденіе.

Параллельно съ поэтическимъ творчествомъ, выходившимъ изъ живыхъ родниковъ народной пѣсни, шло въ Византіи другое литературное теченіе, — теченіе книжнаго стихотворства, въ которомъ реминисценціи изъ античной литературы прихотливо смѣшивались съ разнообразными элементами позднѣйшей поры. Средину между произведеніями, принадлежащими къ этимъ двумъ направленіямъ, могутъ занять памятники легендарной литературы. Содержаніе этихъ памятниковъ, — заимствованное изчужа, но усвоенное мыслью и сердцемъ греческаго народа, неразрывно связанное съ его завѣтными вѣрованіями, съ его высочайшими нравственными идеалами.

Въ своей замѣткѣ я имѣю въ виду остановить вниманіе благосклоннаго читателя на двухъ произведеніяхъ греческой литературы; одно изъ этихъ произведеній можетъ служить образцомъ книжнаго византійскаго стихотворства, другое принадлежитъ къ ряду стихотвореній на библейско-легендарную тему.

I.

Стихи о двѣнадцати мѣсяцахъ.

Въ 1862 году А. Н. Пыпинъ въ своемъ извѣстномъ изданіи текстовъ «ложныхъ и отреченныхъ книгъ» помѣстилъ подъ общимъ заглавіемъ «Громникъ и колядникъ», четыре статьи, извлеченныя изъ рукописнаго сборника (XV в.), принадлежащаго библіотекѣ Троицкой лавры, № 762: а) Громникъ дванадесятимъ мѣсяцомъ, б) «О Рождьствѣ Христовѣ, въ кои день будетъ», в) «О Небеси» и г) *стихіи дванадесятимъ мѣсяцомъ*»[1]). Въ 1863 году всѣ эти статьи снова были напечатаны Н. С. Тихонравовымъ въ его «Памятникахъ отреченной русской литературы». Двѣ первыя статьи (Громникъ и колядникъ) изданы по нѣсколькимъ рукописямъ, между прочимъ и по упомянутому сборнику Троицкой лавры № 762; двѣ же послѣднія статьи (О небеси и *стухія дванадесятимъ мѣсяцомъ*) напечатаны, вмѣстѣ съ другими статьями сходнаго содержанія, подъ общимъ заглавіемъ: «Астрологія», по рукописи (XVI в.) Троицкой лавры № 177 съ разночтеніями изъ рукописи № 762[2]).

Интересующіе насъ стихи о двѣнадцати мѣсяцахъ представляютъ описаніе этихъ частей года, причемъ каждый мѣсяцъ представляется олицетвореннымъ и говорящимъ. Мартъ говоритъ о себѣ, какъ о покровителѣ военныхъ предпріятій; Апрѣль указываетъ на жирныхъ ягнятъ, которыхъ

---

1) Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. III, стр. 156—157.

2) Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 402—404. Свѣдѣнія о рукописяхъ, по которымъ издано стихотвореніе о мѣсяцахъ, см. въ трудѣ о. Арсенія: «Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Св. Троицкой лавры», ч. III, стр. 169—171 (№ 762, XV в.) и ч. I, стр. 159—160 (№ 177, отн. къ «исх. XV в.»). Обѣ рукописи русскаго письма, но въ основѣ русскихъ списковъ стихотворенія о двѣнадцати мѣсяцахъ лежала, повидимому, рукопись сербскаго письма.

онъ приготовляетъ въ пищу людямъ; Май хвалится своими цвѣтами и т. д. Характеристика каждаго мѣсяца сопровождается гигіеническими совѣтами. Эти совѣты большею частью сходны съ тѣми наставленіями, касающимися пищи и питья, которыя извѣстны по статьѣ «о различьныхъ мѣсѧцихъ», помѣщенной въ Изборникѣ кн. Святослава 1073 г. Мартъ «повелѣваетъ всѣмъ принимати на всякъ день пищу сладку»; Іюнь совѣтуетъ пить на тощакъ воду; Августъ рекомендуетъ питаться овощами и остерегаться лежанія и покоя; Сентябрь настаиваетъ на молочной діетѣ и проч.[1]).

Изборникъ 1073 года переведенъ, какъ извѣстно, съ греческаго оригинала. Поэтому можно было бы предположить, что и статья о двѣнадцати мѣсяцахъ, какъ сходная отчасти съ одной изъ главъ Изборника, основана также на какомъ-либо греческомъ образцѣ. Но къ предположенію въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности прибѣгать. Можно прямо указать оригиналъ интересующей насъ статьи. Оригиналъ этотъ — греческое стихотвореніе, принадлежащее перу одного изъ плодовитѣйшихъ византійскихъ писателей XII вѣка Ѳеодора Продрома[2]).

Для уясненія взаимнаго отношенія оригинала и перевода помѣщаю рядомъ славянскій и греческій тексты[3]).

---

1) Сходныя діететическія наставленія встрѣчаются въ памятникахъ греческой медицинской литературы: Ἱεροφίλου Σοφίστου περὶ τροφῶν κύκλος, ποίᾳ δεῖ χρῆσθαι ἑκάστῳ μηνὶ καὶ ὁποίοις ἀπέχεσθαι (Physici et medici graeci minores, ed. S. L. Ideler, volumen. I, pag. 409—417) Ἀνωνύμου περὶ τῶν δώδεκα μηνῶν τοῦ ἐνιαυτοῦ ὁποίαις δεῖ χρῆσθαι τροφαῖς ἐνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν καὶ ἀπο ποιῶν ἀπέχεσθαι (ibid., pag. 423—429).

2) Стихотвореніе Ѳ. Продрома издано было: а) Boissonade-омъ въ Notices et Extraits de la bibl. nat. XI (1827); б) Ideler-омъ въ изданіи Physici et medici graeci minores, vol. I, pag. 299—300, 418—420; в) Br. Keil-емъ въ ст. Die Monatscyclen der byzantinischen Kunst in spätgriechischer Litteratur (Wiener Studien, XI, 1889) 95—115. Послѣднее изданіе, основанное на критическомъ сравненіи ряда списковъ, — безспорно лучшее. Въ рукописяхъ стихотвореніе о двѣнадцати мѣсяцахъ встрѣчается то какъ анонимное, то съ именемъ Ѳеодора Продрома или съ именемъ Калликлея (:τοῦ Καλλικλέους:). Принадлежность стихотворенія Ѳ. Продрому признается достаточно вѣроятной (Keil, 105—108; ср. Krumbacher, Geschichte der byzantin. Litteratur § 197, 9).

3) Греческій текстъ приводится по изданію Keil'-я, славянскій — по рукописи Троицкой лавры № 762; главнѣйшіе варіанты рукоп. № 177 приводятся въ скобкахъ. Отступленія славянскаго текста отъ греческаго отмѣчены курсивомъ.

Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου
στίχοι εἰς τοὺς δώδεκα μῆνας.

Μάρτιος.

Ἐγὼ στρατηγοὺς πρὸς πανοπλίαν ἄγω
ξίφη τε θήγω καὶ νεουργῶ πρὸς μάχας
καὶ γῆν ξένην τίθημι τῷ στρατῷ φίλην.
καὶ μὴν παραινῶν καὶ διδάσκων, ὡς θέμις,
πάντας κελεύω λαμβάνειν καθ' ἡμέραν
τροφὴν γλυκεῖαν, αἶνον εὐώδη πάνυ.

Ἀπρίλλιος.

Ἄρνας πιαίνω πρὸς βροτῶν πανδαισίαν·
τοῦ πάσχα πιστοῖς τὴν τροφὴν φέρω φίλοις,
χαρὰν βραβεύω τῆς ἐγέρσεως πλέον.
λέγω δὲ φεύγειν πᾶσι τὰς ῥαφανίδας
ἰοῦ γεμούσας καὶ μελαγχόλου βλάβης,
ὡς μὴ γένοιτο σωμάτων λύμη τάχα.

Μάιος.

Ῥόδον δίδωμι λειποθυμίας ἄκος,
κρίνου τὲ τερπνὸν ἄνθος εἰς θυμηδίαν,
καὶ τῆς χλόης τὴν ῥίζαν ἑδραίαν φέρω.
οὐ δεῖ δὲ τρώγειν κοιλίας τὲ καὶ πόδας·
τίκτουσι καὶ γὰρ φλέγμα πυρῶδες χόλου,
ἐξ ὧν ῥίγη φύουσι καὶ ποδαλγίαι.

Ἰούνιος.

Ἐγὼ δὲ χόρτον τῇ δρεπάνῃ συλλέγω,
χόρτασμα κοῖνον παντὶ τῷ κτηνῶν γένει·

Стихіи (стухія) дванадесяти мѣсяцомъ.

Мартъ.

Азь воины на всеоружьство извождоу,
меча же изъѡщрѧваю и привлачю къ бранемъ
и землю чужу любовнѣ подаю воиномъ,
Еи убо наказую васъ и поѹ҇чаю якоже достоитъ,
и повелѣваю всѣмъ пріимати на всякъ день
пищу сладку, *сирѣчь въсдержателнѹ҇*[1]).

Апріль.

Азъ агньце утолстѣваю въ снѣденіе человѣкомъ,
и пасцѣ пищоу вѣрнымъ приношѹ҇,
и радость прѣдвѣщаваю востаніа ради множае.
Глаголю же всѣмъ бѣжати ѿ рѣпчоусъ
исполнь сосущихъ яда, *из нихже раждается мелась,*
яже есть черная желчь[2]).

Маи.

Азъ подаваю жинкы *благовонны*, иже ползуютъ въ малодушіе, и цвѣтъ криновъ красенъ радованія ѡбразъ и веселіа, и корѣнь травѣ ѹ҇твержаю *и оукрѣплѧю* и повелѣваю (не) ясти главы и ногы и кормины, ражаетъ бо из нихъ (рожает бо ся ѿ неи и изъ нихъ) флегма и чрьмнаа жлъчь, ѿ нихже възрастаеть трѧсавица и соухаа болѣзнь въ составѣхъ[3]).

Іюнь.

Азъ траву серпы (серпомъ) пожинаю и земледѣлателеи предоуготоваю на жатвоу и повелѣваю человѣкомъ вкѹ҇шати водѹ҇ на всѧко оутро, заеже

---

1) У Гіерофила (ср. выше прим. 3): Ἁρμόζει γλυκοποτεῖν καὶ γλυκοτροφεῖν καὶ χρᾶσθαι πκντ α ἔν τε τῇ τροφῇ καὶ τῷ πότω ἀρκετὰ καὶ μὴ ἐις κόρον (Ideler, I, 410). У анонима: Ἁρμόζει πᾶσι τοῖς γλυκέσι χρᾶσθαι ἐν τροφαῖς καὶ ποτοῖς. Ἀρκετὰ δὲ ταῦτα ἐν τοῦτοις (ibid. 426). Въ изборникѣ 1073 года; сладъко ѧждь и пии (л. 251. Изд. Общ. люб. древней письменности).

2) У анонима: Ἁρμόζει μὴ ἐσθίειν ῥάφανον (428: Не слѣдуетъ ѣсть рѣдьки). Въ Изборникѣ 1073 года: рѣпы не ѣжь.

3) У анонима: Ἁρμόζει μὴ ἐσθίειν πᾶν καρφαλέον καὶ κακόχυμον καὶ χολῶδες, οἷον τὶ ποδοκέφαλα, καὶ ἐντερόκοιλα, καὶ νευρώδη (428). Въ Изборникѣ 1073 г. иное: поросѧте не ѩждь.

— ἐμπέδοις τομαῖς = — ἐκμιμούμενοι 601, 2.
— εὐάρχῳ μύλῳ = — ἐκπεφευγότα 233, 4.
— ἐκβράσῃ σποδὸν = — ἐφθιτωμένης 1158, 9.

Α — ἄφθιτος θεὰ
— αὐδηθήσομαι 1139, 40.
— φοινίοις δέμας
— φερώνυμος τύχης
— φημισθήσεται 1080, 1, 2.
— πέριξ κλύδων
— προς μάσσεται 1028, 9.

β) словесныя сочетанія замыкающія сосѣднія строки аллитерированы.

Α — αἰόλῳ μέλει
— ἀκμήνους βορᾶς 671, 2.
— Ἀμαντίαν πόλεν
— Ατιντάνων μολὼν 1043, 4.
— ἄμναμοί ποτε
— ἄραντες στέφος 1227, 8.
— ἀντιτίσεται βλάβας
— ἀντίπορθμον ᾐόνα 1367, 8.
— ἀρδηθμῷ Διός,
— Αἰτωλῶν σπάσας
— αὔλακας τεμὼν 622, 3, 4.
— ἀρνεύσας λυγρὸν
— αὐτουργοὺς σφαγάς 465, 6.
— αὐγάζων φάος
— ἀλγεινὰς τόκων 941, 2.
Ε — ἐγκάρῳ ῥανεῖ
— εὐθήκτῳ μέσον 1104, 5.
— ἐμπεπλεγμένων κάλοις
— ἐνσαρούμενος μυχοῖς 752, 3.
— ἐπίανεν βορᾷ
— ἐγκάψας πέτρον 1200, 1.
— ἐστὶ καὶ τητώμενος
— ἐκ ποτ' εἰς ἐπακτίαν 117, 8.
— εὐγλήνοις δομὴν
— ἐλλόπων θορούς 597, 8.
Δ — Δαυνίων ἄκροι

— Δάρθανον πόλιν 1128, 9.
— δηναιᾶς Ἁλός
— δαίσασθαι γάμων 145, 6.
К — Κερχάφου νάπαι
— χαύηκας ποτῶν 424, 5.

Spiritus asper.

— ἕλκονται χθόνα 702, 3.
— ὑψηλὸν κλέτας
— ἱρείας σκύλαξ
— αἱμάξῃ βρότῳ
П — πημάτων ὑπέρτατον
— πέρκνος αἰχμητὴς χάρων 259, 66.
— πόρτιος μεμιγμένοι
— πρὶν λαφύξασθαι γάνος 320, 1.

γ) Словесныя сочетанія замыкающія сосѣднія строки состоятъ изъ вполнѣ или частью аллитерированныхъ отдѣльныхъ словъ.

— ἀκμαίαν πατρός,
— Αἴθωνος πτερά 1395, 6.
— αἰγίλιψ ῥοιζουμένων
— ἀταρχύτους ῥιφάς 1325, 6.
— Ταρτησοῦ πύλης
— Τεμμίκων πρόμοι 643, 4.
— τὴν Κυδωνίαν Θρασὼ
— τόν τε Κρηστώνης θεὸν 936, 7.
— δεξιούμενον πάλαι
— δεύτερον πυρουμένην 51, 2.
— ὃν ποτ' αὐξήσει λεὼς
— οἱ παρ' ἄκλυστον σκέπας 735, 6.
— Ὄμβρων πέλας
— ὀχθηρῶν πάγων 1360, 1.
— ἄνδρας ἐξ ἄκρου ποδὸς
— ἀγαλματώσας ἀμφελυτρώσει πέτρῳ 844, 5.

Прим. Интересны также нижеслѣдующіе примѣры.

— Παλαιᾶς — πρόμοι
— ποθοῦντες — πάγους 644, 5.
— ἀντιπορθήσει χθόνα

— ἀθωπεύτους δίκας
— ἀστεργεῖ τρόπῳ
— ἄκρων λοβῶν 1398—1401.

III. Аллитерація спаечная[1]).

1. Простая.

П — παγκληρίαν + παρ' 592, 3; — παγκληρίαν + πόλιν 983, 4; — Παλληνίδι + πατρῷ' 1261, 2; — πάτραν + ποθοῦντες 903, 4; — πάτρας + πολλοὶ 1004, 5; — πέλας + πλαγκτοὶ 1027, 8; — πέδον + ποθοῦντες 1073, 4; — πεπαμένη + πρὸς 357, 5; — πεπυσμένους + ποθῶν 821, 2; — πικρῶν + πένθους 283, 4; — πλάκες + παρ' 564, 5; — πλάκες + Παλληνία 1406, 7; — πλάνης + Παλληνίων 126, 7; — πόλιν + πλώσει 1043, 4; — πόνων + πύργους 1006, 7; — ποτοῖς + πρώτη — 731, 2; — ποτὸν + Παπποκτόνος — 1033, 4; — ποτῶν + ποθῶν — 189, 90; — πτερῷ + πάτραν — 1072, 3.

К — κακῶν + καὶ — 228, 9; — καπνῷ + καὶ — 293, 4; — κεκαυμένη + καὶ — 31, 2; — κεκρυμμένας + και — 248, 9; — κέρας + καὶ — 563, 4; — Κεραστίαν + καὶ — 447, 8; — Κηφηΐδας + καὶ — 834, 5; — κλάδος + καὶ — 830, 1; — κόραι + Κηφεύς — 585, 6; — Ξένη + κραντῆρι — 832, 3; — κρότων + καὶ — 278, 9; — ξίφει + καὶ — 242, 3; — κτέαρ + κρύψουσ' — 895, 6; — κύνα + κτανὼν — 45, 6; — κύων + ξένην — 925, 6,

А — ἄγρην + ἄλλος — 665, 6; — ἄκραν + Ἀμαζόνος — 994, 5; — ἀνακτόροις + Ἄλλοι — 950, 1; — ἀπειρύσας + ἄξει — 1208, 9; — ἀπτέρως + αὐταὶ — 627, 8; — ἀρχηγέτις + Αὖθις — 1350, 1; — αὐδηθήσεται + Αἰαῖ — 306, 7; — αὐτανέψιοι + ἀνεψίαις — 546, 7.

Σ — σκάφη + σχοίνῳ — 664, 5; — σκότου + σίντης — 385, 6; — σκότῳ + Στυγός — 705, 6; — σπορᾶς + στελεῖ — 1413, 4; — στρατῷ + στεργοξυνεύνων — 934, 5; — σχάσας + σὲ — 329, 30.

Т — τάφους + τὸν — 416, 7; — τέχνῃ + τὸν — 386, 7; — τητωμέναις + τεύξω — 1141, 2; — τιμωρουμένη + τριπλᾶς — 1366, 7; — τραπεὶς + ταῦρος — 463, 4; — τρόπους + τοιγὰρ — 138, 9.

Δ — δέμας + δράκαινα (διψὰς) — 1113, 4; — διπλοῖ + Δρύμας — 521, 2; — Δρύμνιος + δαίμων — 536, 1; — δυσδαίμονες + δείμαντες — 984, 5.

Λ — λάβοι + λήθης — 766, 7; — λαμπούριδος + λάμψῃ — 344, 5; — λέχος + λαθραῖον — 495, 6.

---

1) Знакъ этой аллитераціи +

Spiritus asper.

Ε — ἕδρας ⊹ ὧν — 960, 1; — ἑλκυσθήσομαι ⊹ ἡ — 958, 9; — ὅταν ⊹ Ἥφαιστος — 1157, 8; — ὡπλισμένοι ⊹ ὧν (αἱ) — 636, 7.
— ἑδέθλιον ⊹ ἑν — 800, 1; — ἔπη ⊹ ἐγώ — 1466, 7; — ἐκβεβρασμένους ⊹ ἔρημον — 878, 9.

Μ — μάχῃ ⊹ μίαν — 456, 7; — μεταιχμίῳ ⊹ Μάγαρσος — 443, 4; — μόρος ⊹ μίμνει — 1075, 6.

Β — βουκέρως ⊹ Βρύχων; — βυθῷ ⊹ βαιὸν — 743, 4.

Ν — νάπην ⊹ νύκτωρ — 603, 4.

Θ — θεᾷ ⊹ θρίξεις — 107, 8.

Прим. Я не отмѣчаю здѣсь аллитераціи (весьма обыкновенной) начала предыдущей строки съ концомъ послѣдующей, хотя здѣсь повторяются иногда цѣлые слоги, напр.
Κελτοῦ — ⊹ — κεμὰς 189, 190.
Πέργη — ⊹ — πεφλεγμένον 805, 6.

2. Двойная.

— πατρὶ πρεσβειώσεται ⊹ πέπλοις περισχὼν 1265, 6.
— παρθένον Βραγχησίαν ⊹ παραιολίξας, βῶλον 1379, 80.
— δεινὴν μάχην ⊹ δρακοντομόρφων 1042, 3.

Прим. Обратная двойная аллитерація даетъ слѣдующіе примѣры:
στυγνὸν Σιβύλλης — ⊹ — συγκατηρεφὲς στέγης 1279, 80.
Δηοῦς ἀνεῖναι — ⊹ — ἀρδηθμῷ Διός 621, 2.

IV. Аллитерація собственныхъ именъ и названій народовъ въ сосѣднихъ или близкихъ строкахъ[1]).

Κ Κενταυροκτόνος × Κουρῆτις 670, 1.
Κερκάφου × Κυπέως Κοίτου κύκνον 424, 6.
Κρᾶθις × Κόλχων × Κορίνθου 1021, 2, 4.
Κρίσης × Κροτωνιᾶτιν 1070, 1.
Κυδωνίαν × Κρηστώνης × Κανδάονα 936, 7, 8.
Κωλῶτις × Κρόνου Κογχείας 867, 9.

Σ Σαρπηδόνος × Συμπληγάδες × Σαλμυδησός × Σκύθαισι 1284—7.
Σικανός × Σισυφείου 1029.
Σίριν × Σισυφεὺς × Σίνις 978, 80, 82.

1) Знакъ аллитераціи при этомъ ×

Φευρουάριος.

Χόρταζε πᾶς καὶ πῖνε, μὴ φείδου,— κόρον·
ἐγὼ γὰρ αἷμα καὶ τὰ νεῦρα πηγνύω,
μέλη τε ναρκῶ καὶ μεταλλάττω φύσιν
πρὸς ὠχρότητα νεκροποιῶν τῷ ψύχει.
πλὴν τοὺς γέροντας καὶ γυναῖκας καὶ νέους
σεῦτλα πρὸς ἑστίασιν οὐ ποιεῖν θέλω
ἰοῦ γέμαντα φαρμακούργου τῆς ὕδρας.

Составъ календарныхъ описаній, внесенныхъ въ стихотвореніе Өеодора Продрома, представляетъ соединеніе разнородныхъ и разновременныхъ элементовъ. Сюда вошли: а) неясные отголоски миѳологическихъ преданій, намекъ на которыя скрывается напр. въ изображеніи Марта, б) упоминанія христіанскихъ праздниковъ (Рождества Христова въ декабрѣ, пасхи въ апрѣлѣ), в) бытовыя картинки (посѣвъ, жатва и проч.), соотвѣтствовавшія, конечно, тому рабочему календарю, который установился въ областяхъ, населенныхъ греческимъ племенемъ, г) гигіеническія правила, повторяющіяся, какъ было уже отмѣчено, въ произведеніяхъ греческой медицинской литературы. Сложеніе и объединеніе всѣхъ этихъ календарно-бытовыхъ подробностей совершалось, конечно, постепенно, путемъ медленнаго накопленія и наслоенія разнородныхъ элементовъ. Поэтому искать въ стихотвореніи Ө. Продрома какихъ либо слѣдовъ оригинальнаго творчества было-бы напрасно. Даже литературная форма стихотворенія, его художественный замыселъ,— изображеніе мѣсяцевъ въ рядѣ олицетвореній—не можетъ считаться принадлежащею Өеодору Продрому. Въ византійской литературѣ извѣстно нѣсколько изображеній мѣсячнаго цикла, независимыхъ отъ стихотвореній Ө. Продрома, но сходныхъ съ нимъ по общему содержанію и по литературной формѣ[1]). Таковы:

а) описаніе мѣсяцевъ въ романѣ Евстаѳія Макремволита: Τῶν καθ' ὑσμίνην καὶ ὑσμινίαν λόγοι ια (XII в.)[2]);

б) анонимное стихотвореніе (XII в.), отысканное въ одной изъ греческихъ рукописей (XV в.) Ватиканской библіотеки[3]);

---

1) Полное обозрѣніе всѣхъ этихъ изображеній см. въ указанной выше работѣ Keil'я а также въ статьяхъ I. Стжиговскаго: «Die Monatscyclen der byzantinischen Kunst» (Repertorium für Kunstwissenschaft, XI B., 1888, 23—46) и «Eine trapezuntische Bilderhandschrift von Jahre 1346. (Repert, für. Kw. XIII B. 1890, 241—263).

2) О времени жизни Евстаѳія см. *Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur, § 201.

3) *Keil*, op. c. 117—118.

Февраль.

Насыщайся всѧко си, піи не щадѧ сытость, азъ бо и кровь и жилъ оумерщвлѧю, оуды цѣпѣніа и естество прѣмѣневаю и стоудомъ сие желтовидно творѧ. Глаголю же всѧкомꙋ огребатисѧ ѿ свеклы, яда соуть исполнена и злотворителна *проходоу*[1]).

в) стихотвореніе Мануила Филы XIII—XIV в.): Εἰς τοὺς δώδεκα μῆνας[2]);

г) анонимное стихотвореніе, сохранившееся въ рукописи XIV в. Парижской національной библіотеки[3]);

д) описаніе мѣсяцевъ въ романѣ: «Любовь Ливистра и Родамны» (XIV в.)[4]).

Описанія мѣсяцевъ въ византійскихъ романахъ указываютъ на связь этихъ описаній съ лицевыми изображеніями мѣсяцевъ. Въ романахъ описываются собственно не мѣсяцы, а картины, изображающія мѣсяцы. Такъ въ повѣсти о Ливистрѣ и Родамнѣ разсказывается, какъ герой повѣсти посѣтилъ чудесный замокъ Аргирокастронъ. Описываются картины, которыми были украшены стѣны замка. Въ ряду этихъ картинъ нашлось мѣсто и для изображеній 12 мѣсяцевъ. Намекъ на лицевыя изображенія встрѣчается также у Ватиканскаго анонима. Эти указанія на картины приводятъ изслѣдователей къ догадкѣ о первенствѣ лицевыхъ изображеній: литературныя описанія восходятъ къ этимъ изображеніямъ, какъ къ основѣ и образцу. Въ пользу такой догадки говоритъ и большая древность лицевыхъ изображеній. Они извѣстны теперь по миніатюрамъ греческихъ рукописей IX—XIV вѣковъ. Старѣйшій же образецъ тѣхъ изображеній, которыя повторяются въ византійскихъ миніатюрахъ, указывается въ памятникѣ IV вѣка,—въ календарѣ Филокала 354 года[5]).

---

1) Анонимъ: Ἁρμόζει σεύτλου μὴ ἐσθίειν..... οἴνους δὲ παλαιοὺς καὶ εὐώδεις πίνειν (425—426). Изборникъ: сеукла не ѧжь. Сходныя діететическія правила излагаются еще въ статьѣ: «О лѣтномъ обхожденіи и воздоушныхъ премѣнениихъ». (Памятники отреч. русск. литературы, II, 398—401).

2) ibidem, 115—117.

3) ibidem, 118—120.

4) ibidem, 120—136.

5) Перечень и объясненіе всѣхъ лицевыхъ изображеній мѣсяцесловнаго цикла см. въ указанныхъ статьяхъ Стжиговскаго. Календарь Филокала описанъ между проч. въ книгѣ профессора Кондакова «Исторія византійскаго искусства по миніатюрамъ», стр.

Было уже замѣчено, что общее содержаніе всѣхъ литературныхъ изображеній мѣсяцесловнаго цикла сходно. Также нужно сказать и о лицевыхъ изображеніяхъ. Разница какъ въ томъ, такъ и въ другомъ рядѣ изображеній заключается въ передачѣ или пропускѣ тѣхъ или другихъ подробностей, въ перемѣщеніи нѣкоторыхъ бытовыхъ картинъ, въ пріуроченіи ихъ не къ одному и тому же мѣсяцу.

Славянскій переводъ стихотворенія Ѳ. Продрома, сохранившійся въ рукописи русскаго письма, свидѣтельствуетъ, что и наши предки знакомы были съ византійскимъ мѣсяцесловнымъ цикломъ. Но тѣ календарно-бытовыя картины, которыя рисуетъ греческій стихотворецъ, картины, сложившіяся на греко-римской почвѣ, не отвѣчали, конечно, ни климату нашей страны, ни образу жизни русскаго народа. Поэтому стихи Ѳ. Продрома и вообще византійскій мѣсяцесловный циклъ не могли, конечно, найти у насъ значительнаго распространенія, не могли оказать замѣтнаго вліянія на наше народное творчество[1]). Нельзя, однако, не отмѣтить замѣчательнаго соотвѣтствія одной изъ нашихъ колядокъ съ византійскимъ описаніемъ января и декабря. Имѣю при этомъ въ виду извѣстную колядку о трехъ теремахъ:

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору придти,
Виноградье красно зеленое!
Прикажи-тко ты, хозяинъ, коляду просказать,
Виноградье красно зеленое! и т. д.

28—32, ср. стр. 235. Сравнивая лицевыя изображенія съ литературными Стжиговскій приходитъ къ выводу: «Die byzantinische Litteratur der Monatsverse zurückgeht auf bildliche Darstellungen (Repert., XI, 37). Отмѣтимъ еще изображенія мѣсяцевъ, упоминаемыя въ Сербской Александріи при описаніи дворца Пора: «12 мѣсець оу чловѣчехь образѣхь..... изваяни бѣхоу» (Веселовскій, Изъ ист. романа, I, 388).

1) Въ стихотворномъ календарѣ, изданномъ г. Безсоновымъ по рукоп. гр. Толстого, находимъ олицетвореніе нѣкоторыхъ мѣсяцевъ:

Нынѣ Мартъ намъ начинаетъ,
Святыхъ память вѣнчеваетъ,
Весну красну возвѣщаетъ.

Или:

Всю землю цвѣты Апрѣль одѣваетъ,
Весь соборъ людскій въ радость призываетъ,
Листвіемъ древо зеленымъ вѣнчаетъ.
(Калѣки перехожіе, в. III, 812, 815).

О вліяніи на эти описанія византійскихъ образцовъ не можетъ быть рѣчи. Календарь издан. г. Безсоновымъ, отражаетъ не византійское, а западно-европейское вліяніе. Подтвержденіемъ можетъ служить изображеніе апрѣля, какъ цвѣтоноснаго мѣсяца, сходное съ подобными же изображеніями западными. (См. Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung, X B., 1889, 45, 58 въ ст. A. Riegl'я «Die mittelalterliche Kalenderillustration. Ср. Repertorium, XIII, 256).

Этотъ припѣвъ о «виноградьѣ», повторяемый послѣ каждой строки пѣсни, не объяснимъ, конечно, изъ условій нашего климата и быта. Рѣшаюсь поэтому сопоставить загадочное «виноградье» съ греческими календарными представленіями. Припомнимъ описаніе января въ стихотвореніи Ѳ. Продрома: «Азъ *точила* (πίθους) *отверзаю* и каланда являю». Въ стихотвореніи Мануила Филы подобная же подробность пріурочивается къ декабрю:

Δεκέμβριος δὲ τοὺς βαρεῖς λύσας πόνους
αὐτὴν ἑαυτῷ δεξιοῦται τὴν φύσιν
σίφωνι καὶ κρατῆρι καὶ πίθων χύσει.

Иллюстраціей къ этимъ строкамъ можетъ служить изображеніе *января* въ лицевомъ типикѣ (XIV в.), принадлежащемъ библіотекѣ аѳонскаго Ватопедскаго монастыря: представлена картина переливанія вина и знакъ зодіака, соотвѣтствующій январю (водолей)[1]. По народному ново-греческому календарю декабрь—время посадки винограда: Τὸν Νοέμβρη καὶ Δεκέμβρη φύτευε τὴν ἄμπελον[2]). Страна, гдѣ сложилось это хозяйственное правило о виноградѣ, гдѣ къ декабрю и январю пріурочивалось переливаніе вина, могла быть первоначальной родиной и нашего рождественскаго «виноградья». Это предположеніе не покажется мало вѣроятнымъ, если припомнимъ то несомнѣнное обширное вліяніе, которое оказали греко-римскіе обычаи на обрядность нашихъ святокъ[3]).

Не остались неизвѣстными на Руси и лицевыя изображенія византійскаго мѣсяцесловнаго цикла. Въ той же рукописи, по которой изданъ профессоромъ Тихонравовымъ славянскій переводъ стихотворенія Ѳ. Продрома, находимъ двѣнадцать рисунковъ, изображающихъ рядъ мѣсяцевъ, начиная съ марта. Рисунки помѣщены при статьѣ озаглавленной: «ѡ испра-

---

1) Repertorium, XIII, 251—252.

2) Aug. Mommsen, Griechische Jahreszeiten (Schleswig, 1873) 95.

3) Вопросъ о греко-римскомъ вліяніи на святочную обрядность обстоятельно разсматривается въ изслѣдов. А. Н. Веселовскаго: Румынскія, славянскія и греческія коляды (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, гл. VII). Замѣчательно, что въ 62 правилѣ Трульскаго собора, направленномъ противъ остатковъ языческихъ празднествъ (Календы, Воты, Врумоліи), упоминается о какомъ то особенномъ весельѣ, которымъ сопровождалось переливаніе вина. Правиломъ собора не дозволяется «ни сквернаго Диониса имене, грезны перуще в точилѣ, призывати, *ни вина лѭще въ бътърѫ смѣхъ подвизати.* (μήτε τὸ τοῦ βδελυκτοῦ Διωνύσου ὄνομα, τὴν σταφολὴν ἐκθλίβοντες ἐν ταῖς ληνοῖς, επιβοᾶν, μηδὲ τὸν οἶνον ἐν τοῖς πίθοις ἐπιχέοντας γέλωτα ἐπικινεῖν). Въ толкованіи этого правила запрещеніе выражено такъ: ни имени оубо Дионисова, въ точилѣхъ ѥгда вино топщютъ, не призывати, ни егда въ корчагы лѣютъ вино не проницати, ни грохотаниѥмъ творити смѣха (Буслаевъ, Историческая Христоматія, 383—384).

вленіи задѣѡмъ»[1]). Содержаніе рисунковъ, ихъ композиція сходны съ соотвѣтствующими изображеніями византійскихъ миніатюръ. Набросаны рисунки неопытной, неумѣлой рукой.

II.

Аврамовица.

Въ извѣстномъ изданіи г. Безсонова «Калѣки перехожіе» помѣщены отрывки сербской «Аврамовицы», драмы въ стихахъ съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ XXII главы библейской книги Бытія: Авраамъ получаетъ повелѣніе свыше принести въ жертву Богу сына своего Исаака, но въ то время, когда уже занесенъ ножъ надъ главой Исаака, ангелъ Господень удерживаетъ руку Авраама. Въ драмѣ библейскій разсказъ изложенъ довольно растянуто: вставлены длинные діалоги Авраама и Сарры, Сарры и Исаака, Исаака и Авраама; въ число дѣйствующихъ лицъ введены пастухи, слуги и служанки Авраама и Сарры. Г. Безсоновъ издалъ отрывки Аврамовицы: а) по изданію Фраматія Дивковича (Венеція, 1661 г.), б) по изданіямъ Григорія Возаревича (Бѣлградъ, 1835 г.) и Ерем. Караджича (Пангова, 1856 г.) и в) «со словъ о. Кирилла Андреевича изъ Дечанъ»[2]).

Относительно перваго текста Аврамовицы (изд. Дивковича) г. Безсоновъ замѣчаетъ: «Въ этомъ произведеніи, къ сожалѣнію изданномъ со множествомъ опечатокъ, иногда затемняющихъ самый смыслъ, замѣчательна древность и особенно то, что *здѣсь проглядываетъ народная сербская основа*, хотя и переправленная на книжный ладъ». Такимъ образомъ г. Безсоновъ склоненъ видѣть въ Аврамовицѣ произведеніе народнаго творчества, лишь передѣланное «на книжный ладъ». Аврамовицу, по словамъ г. Безсонова, «изстари передѣлывали въ Сербіи на книжный ладъ, въ видѣ мистеріи, по вліянію латинскихъ образцовъ, черезъ посредство школьнаго обученія, а потомъ «*по вліянію Русскаго юго-запада*». Это вліяніе «нашей юго-западной школярности», особенно замѣтно, по мнѣнію издателя «Калѣкъ» въ той редакціи Аврамовицы, каторая извѣстна по изданіямъ Возаревича и Караджича. Догадка г. Безсонова могла бы дать поводъ къ соображеніямъ, касающимся репертуара южно-русскаго школьнаго театра, если бы слѣды

---

1) Памятники отреченной русск. литературы, II, 415—420. Иного типа изображенія встрѣчаются при спискахъ «Планидника» (См. напр. рукоп. Публ. Библ. Q. XVII, 176, л. 106 и сл.).

2) «Калѣки Перехожіе» вып. VI, 12—19, 20—31; вып. III, 598—599.

книжности въ Аврамовицѣ не объяснялись иными, не русскими вліяніями. Дѣло въ томъ, что драматическая Аврамовица представляетъ ближайшее сходство съ однимъ изъ произведеній поздне-греческой письменности: Ἡ θυσία τοῦ Ἀβραάμ. Въ этой «Жертвѣ Авраама» то же содержаніе и такая же драматическая форма, какъ и въ сербской Аврамовицѣ. Теперь извѣстно нѣсколько старопечатныхъ изданій греческой «Мистеріи»; старѣйшее изъ нихъ появилось въ Венеціи въ 1535 г., далѣе слѣдуютъ изданія 1555, 1668, 1694 годовъ и т. д.[1]). Но за всѣми этими довольно поздними изданіями изслѣдователи предполагаютъ болѣе древній *византійскій* оригиналъ[2]).

Для сужденія объ отношеніи текстовъ сербской и греческой драмы привожу два небольшихъ отрывка изъ Аврамовицы и «Жертвы Аврама».

Ἄγγελος.

Ξύπν' Ἀβραάμ, ξύπν', Ἀβραάμ, γείρου, κ' ἐπάνω στάσου,
πρόσταγμ' ἀπὸ τοὺς οὐρανοὺς σοῦ φέρνω, κὴ αφοκράσου·
. . . .
Θυσίαν ἄξιαν καὶ ἁγνὴν, τὴν σήμερον ἡμέρα,
θέλει ὁ θεὸς κ' ἐπιθυμᾷ, ἀπὸ δικήν σου χέρα·
δὲν θέλει πλειὸ θυσίαν ἀρνιῶν καὶ πράγματα φθαρμένα,
μὰ μίαν θυσίαν πιθυμᾷ μεγάλην ἀπὸ σένα
τὸ τέκνον σου τὸ μοναχὸν, τὸ κανακάρικό σου,
'ς τόπον ἀρνιοῦ, 'ς τόπον ῥιφιοῦ, ὁρίζ' ὁ θεὸς καὶ θέλει,
νὰ θυσιάσῃς, Ἀβραὰμ, τοῦ Ἰσαακ τὰ μέλη[3]).

Ангелъ.

Пробуди се и дигни, Аврааме,
И обрати твое лице на ме!
Донесохъ ти заповедъ одъ неба:
Бодру теби сада бити треба
. . . .
Вишни творецъ, о Авраме,
Сада къ теби посла ме:

---

1) «Ἡ θυσία τοῦ Ἀβραάμ» перепеч. по изд. 1535 г. въ Bibliothèque grecque vulgaire publ par Emile Legrand, T. I, pag. 226—268.

2) Il pourrait se faire que le texte, que nous rééditons fût un rajeunissement de quelque original byzantin; les exemples de remaniements analogues ne sont pas rares dans la littérature grecque vulgaire (Bibl. gr. vulg. I, introduction, p. XXVI).

3) Bibliothéque grecque vulgaire.

Сада оте жертву изненада
Не те овцу, ни ягне одъ стада,
Такова е та Божя правда,
Но Исака твог' роденог' сина и т. д.[1]).

'Ισαάκ.

γονατίζει καὶ προσεύχεται·
Ἀόρατε, λυπήσου με, ἄναρχε, πόνεσε με,
καὶ πολυέλεε θεέ, σὺ παρηγόρησέ με·
σπλαγχνίζου τοὺς γονέους μου τώρα'ς τὰ γερατία τως,
δός μου ζωὴν νὰ τοὺς βοηθῶ, να μ' ἔχουν συντροφία τως[2]).

Исаакъ.

Пада на колена и моли се:
Невидиме и непостижиме!
Ти обрати Твое лице на ме,
Ти се смилуй моимъ родителемъ,
Твоимъ, Боже, вернимъ служителемъ,
Утеши ихъ сада у старости,
Пощтеди имъ мене у младости
На утеху и велику радость[3]).

По мнѣнію Legrand'а греческая драма, быть можетъ, не вполнѣ самостоятельна; основаніемъ, образцомъ ея могъ быть какой-нибудь сходный по содержанію памятникъ Итальянской литературы[4]). Можно бы поэтому замѣтить, что и оригиналомъ сербской Аврамовицы могла быть не греческая драма, а ея итальянскій оригиналъ. Но въ виду обширнаго, исторически установившагося вліянія греческой литературы на сербскую, а также въ виду близкаго сходства приведенныхъ выше отрывковъ, а равно и другихъ мѣстъ греческой и сербской драмы, предположеніе объ итальянскомъ вліяніи на Аврамовицу представляется менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ признаніе прямого воздѣйствія греческой пьесы на сербскую. Во всякомъ случаѣ о слѣдахъ вліянія южно-русскаго школьнаго репертуара на Аврамовицу не можетъ быть и рѣчи.

---

1) Калѣки перехожіе III, 599.
2) Bibliothèque grecque vulgaire. I, 258.
3) Калѣки перехожіе VI, 26—27.
4) Bibliothèque grecque vulgaire I, XXIV. Ср. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, § 234. Въ европейскихъ литературахъ извѣстно не мало пьесъ сходнаго съ Аврамовицей содержанія (См. Romania VIII, 1879: S. Ulrich, le sacrifice d'Abraham).

Ив. Ждановъ.

Неизданный героическій рельефъ.

Въ концѣ 1896 года мнѣ удалось увидѣть въ частныхъ рукахъ въ С.-Петербургѣ рельефъ, снимокъ котораго помѣщенъ на этой страницѣ. Снимокъ сдѣланъ съ фотографіи любезно предоставленной въ мое распоряженіе бывшимъ владѣльцемъ рельефа[1]). Происхожденіе нашего памятника, къ сожалѣнію, неизвѣстно. По словамъ бывшаго владѣльца онъ подаренъ ему знакомымъ, получившимъ его въ свою очередь изъ Сергіевской пустыни (близъ С.-Петербурга). Далѣе слѣдъ теряется. Можетъ быть нѣкоторые распросы и помогли бы еще выяснить, какъ попалъ этотъ несомнѣнно античный памятникъ въ упомянутый монастырь, въ которомъ, понятно, менѣе всего думаютъ о собираніи древностей. Мнѣ приходило въ голову одно объясненіе, казавшееся довольно вѣроятнымъ. Іеромонахи Сергіевской пустыни очень часто отправляются въ качествѣ духовниковъ на военныхъ судахъ, а извѣстно, какъ часто и какъ подолгу стоятъ, обыкновенно, эти послѣднія въ Пиреѣ. Такимъ образомъ становится весьма вѣроятнымъ, что онъ привезенъ непосредственно изъ Греціи, не испытавъ мытарствъ перехода изъ рукъ въ руки па художественномъ рынкѣ.

Съ перваго взгляда всякій археологъ, конечно, признаетъ нашъ рель-

---

1) Теперь онъ пріобрѣтенъ Императорскимъ Эрмитажемъ.

ефъ хотя и ремесленнымъ, но въ самой ремесленности своей изящнымъ и во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ греческимъ произведенiемъ. Меня лично нѣкоторая неуловимая грацiя фигуры лежащаго юноши и сидящей въ ногахъ его женщины, заставляетъ идти еще дальше и видѣть въ нашемъ рельефѣ аттическое произведенiе. По сюжету своему онъ совершенно опредѣленно относится къ классу изображенiй и до сихъ поръ еще носящему неправильное, или по меньшей мѣрѣ неточное названiе repas, или banquets funèbres. Композицiя его состоитъ всего изъ 4-хъ фигуръ неравномѣрно распредѣленныхъ на его поверхности. Вся правая половина занята изображенiемъ юноши, возлежащаго на клинѣ весьма простой формы, лучше сказать, вовсе безформенной. Только наверху она имѣла бордюръ, едва теперь замѣтный по причинѣ потертости камня. Юноша, какъ и всѣ возлежащiе изображенъ въ полусидячемъ положенiи. Лѣвымъ локтемъ онъ опирается на подушку и такимъ образомъ поддерживаетъ свое тѣло въ упомянутой позѣ. Напряженiе при этомъ плечевой кости очень хорошо почувствовано. Грудь юноши изображена почти вполнѣ en face. Правая рука небрежно опирается ладонью на приподнятое правое колѣно. Лѣвая нога согнута и подложена подъ поднятую правую въ томъ естественномъ положенiи, которое принимаетъ всякiй, желающiй сидѣть на постели, не свѣсивъ ногъ на полъ. Сгибъ лѣваго колѣна весьма опредѣленно указанъ подъ драпировкой, покрывающей всю нижнюю часть фигуры юноши, проходящей подъ правымъ локтемъ за спину и оттуда переброшенной на подушку, на которой покоится лѣвый локоть возлежащаго. Голова юноши, сидящая на изящной, стройной шеѣ изображена въ профиль. Черты лица, несмотря на потертость камня въ этомъ мѣстѣ правильны и нѣсколько ремесленно благообразны. Волосы короткiе. Въ ногахъ у юноши сидитъ молодая женщина, также съ короткими волосами. Она изображена въ профиль вправо, т. е. лицомъ къ юношѣ. Лѣвой рукою, изображенною плоскимъ рельефомъ на фонѣ, она поддерживаетъ подносъ, на которомъ, однако, повидимому, ничего не было изображено въ противоположность большинству рельефовъ этого разряда, на которыхъ либо на столѣ передъ возлежащимъ, либо на подносѣ въ рукахъ женщины видимъ обыкновенно изображенiе различныхъ яствъ[1]). Правая рука женщины, слегка согнутая въ локтѣ, свѣшивается вдоль туловища. Этотъ сгибъ подмѣченъ въ натурѣ. Согнутая такимъ образомъ свободная рука у человѣка поддерживающаго другою рукою тяжесть, не покоится и не бездѣйствуетъ, а играетъ роль баланса. Верхняя одежда жен-

---

1) фонъ-Фритце въ статьѣ, помѣщенной въ Athenische Mittheilungen 1896, стр. 347 сл. указываетъ, что яства на подобныхъ рельефахъ суть т. наз. δεύτεραι τράπεζαι, т. е. десертъ.

щины спустилась со всего торса ея, лежитъ вокругъ таза и окутываетъ ноги, непосредственно надъ которыми видѣнъ подолъ исподней одежды. Черты лица женщины не различимы за потертостью камня, но видно, что она была также благообразна, какъ и юноша. Вся ея фигура слегка напоминаетъ, насколько конечно ремесло можетъ напоминать большое искусство, Аѳину на восточной сторонѣ фриза Парѳенона. Передъ κλίνη стоитъ, какъ всегда на подобныхъ рельефахъ, низенькій столъ, съ тою только разницею, что колѣна женщины имъ не перегораживаются, какъ обыкновенно, а напротивъ лѣвая ножка его загорожена нижней частью женской фигуры, что, конечно, должно быть признано неестественнымъ, если мы предполагаемъ, что женщина сидитъ въ ногахъ ложа. Такъ что мы здѣсь должны допустить либо непониманіе ремесленникомъ ваятелемъ своего оригинала и некстати сдѣланное исправленіе его, либо считать то, что мы приняли за столъ, ножками ложа. Это послѣднее, однако, менѣе вѣроятно. Слѣва къ описанной парѣ подходятъ два адоранта: мужчина съ маленькой бородкой, въ иматіи, накинутомъ на нагое тѣло и молодая женщина, плотно закутавшаяся въ верхнюю одежду, такъ что хитонъ, или нижняя одежда видна только близъ самыхъ ступней ногъ. Эти двѣ фигуры гораздо слабѣе по замыслу и пропорціямъ, чѣмъ двѣ главныя. Несмотря на то, что онѣ стоятъ, головы ихъ находятся на равной вышинѣ съ головами сидящей и полулежащей фигуръ. Конечно это обстоятельство есть результатъ извѣстнаго закона *исокефаліи*, какъ извѣстно, проведеннаго и въ такомъ блестящемъ памятникѣ, какъ фризъ Парѳенона. Здѣсь при нѣкоторой аляповатости этихъ фигуръ адорантовъ наглядная несообразность гораздо рѣзче бросается въ глаза. Но надо замѣтить, что и въ нашемъ рельефѣ такая ’ισοκεφαλία стоящихъ, сидящей и возлежащей фигуръ, какъ и во всѣхъ почти другихъ памятникахъ находитъ себѣ еще нѣкоторое внутреннее объясненіе: сидящая и возлежащая фигуры — боги, или, по крайней мѣрѣ, героизированныя существа, тогда какъ стоящіе адоранты — простые смертные.

Такимъ образомъ мы естественно подходимъ къ вопросу о содержаніи и значеніи рельефа. Мы и раньше уже сказали, что рельефъ относится къ совершенно опредѣленному классу подобныхъ памятниковъ, называемому «погребальными трапезами» (Repas, или banquets funèbres, Todtenmale). Но дѣло въ томъ, что такой терминъ оказывается далеко не точнымъ и памятники этого рода врядъ-ли могутъ считаться надгробными, не смотря на то, что и въ настоящее время мнѣніе, видящее въ нихъ надгробные рельефы, должно считаться, пожалуй господствующимъ. По крайней мѣрѣ въ новомъ иллюстрированномъ каталогѣ Берлинскаго музея, представ-

ляющемъ коллективный трудъ нѣсколькихъ авторитетныхъ археологовъ[1]), это мнѣніе восторжествовало. Рельефы Берлинскаго музея съ изображеніями трапезы причислены въ немъ къ Grabreliefs. Такого же мнѣнія держится Вольтерсъ[2]), надгробными ихъ считаетъ и Лешке[3]). Тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся остаться при другомъ мнѣніи, также имѣющемъ авторитетныхъ сторонниковъ. Въ старину, надо замѣтить, подобные рельефы, въ которыхъ мущина чаще является бородатымъ съ модіусомъ на головѣ, всѣ считали за изображенія Асклипія и Игіеи. За таковые считаетъ ихъ и О. Миллеръ[4]). Первый выразилъ сомнѣніе въ такомъ значеніи рельефовъ Велькеръ[5]). Онъ выдѣлялъ такіе, въ которыхъ мужчина является бородатымъ и кромѣ того изображены извѣстные аттрибуты врачебнаго бога, какъ то змѣя и модіусъ и считалъ ихъ за изображенія Асклипія или Сарапида, другіе же, гдѣ такихъ аттрибутовъ нѣтъ, Велькеръ считалъ за изображеніе простаго пира, можетъ быть и имѣющаго отношеніе къ идеямъ загробной жизни и во всякомъ случаѣ къ культу умершихъ. Подобнымъ образомъ толкуютъ эти рельефы и Стефани[6]) и Визелеръ[7]). Подробно разобралъ вопросъ и вполнѣ примкнулъ къ мнѣнію о «надгробномъ» значеніи этихъ рельефовъ А. Голлендеръ[8]). Съ тѣхъ поръ вопросъ казался законченнымъ и упомянутыя выше болѣе позднія работы такимъ образомъ только примыкали къ старымъ взглядамъ. Но въ 1879 г. извѣстный нумизматъ фонъ-Саллетъ, просматривая вновь вышедшій тогда томъ каталога монетъ британскаго музея, заключающій ѳракійскія монеты натолкнулся на совсѣмъ другое и, по нашему мнѣнію, единственное правильное толкованіе памятниковъ этого рода[9]). Дѣло въ томъ, что на монетахъ нѣкоторыхъ ѳракійскихъ городовъ представлена таже самая сцена, какъ это замѣтилъ еще Стефани, не сдѣлавшій, однако, изъ монетъ правильнаго вывода. Такъ напр. на монетахъ ѳракійскаго города Визы и на монетахъ Ѳіатиры въ Лидіи. Конечно изображенія на монетахъ никоимъ образомъ не могутъ имѣть погребальнаго значенія, такъ что различные аттрибуты вродѣ головы коня, змѣи и т. п. повторяющіеся какъ на упомянутыхъ монетахъ, такъ и на большинствѣ рельефовъ нашего разряда, въ данномъ

---

1) Beschreibung der antiken Skulpturen. Berl. 1891. №№ 814—838.
2) Gipsabgüsse antiker Bildwerke (=«Bausteine» Фридрихса 2-ое изданіе) №№ 1052 слл.
3) Τράπεζαι Arch. Z. 1884 (XLII) стр. 93.
4) Handb. d. Arch. (3-е изд.) стр. 633.
5) Alte Denkmäler II (1850), стр. 233 сл.
6) Der Ausruhende Heracles (1854), стр. 91 сл.
7) Въ своемъ изданіи Denkmäler der Kunst, начатыхъ О. Миллеромъ.
8) Alfr. Hollaender. De anaglyphis sepulcralibus graecis. Berl. 1865.
9) Asclepios und Hygieia. Berl. 1878 (отд. отт. изъ Zeitschr. für Numismatik).

случаѣ (т. е. для монетъ) нельзя объяснять въ смыслѣ разныхъ погребальныхъ символовъ, какъ то дѣлаютъ для рельефовъ сторонники ихъ надгробнаго значенія. Не можетъ быть допустимо и другое предположеніе, впрочемъ, насколько я знаю, никѣмъ не высказывавшееся. А именно можно было бы подумать о заимствованіи для монетъ композиціи, созданной для другого рода памятниковъ, подобно тому какъ мы видимъ на монетахъ часто изображенія разныхъ знаменитыхъ статуй и т. д. Въ данномъ случаѣ, повторяю, эта мысль не допустима именно потому, что композиція рельефовъ подобныхъ нашему, создалась въ практикѣ скорѣе художественнаго ремесла, нежели искусства. Въ частности на монетахъ Визы мы даже можемъ съ точностью назвать и мужскую и женскую фигуры. Это ничто иное, какъ Асклипій и Игіея, главные патроны города. На нѣкоторыхъ изъ рельефовъ нашего типа находятся надписи анаѳиматическаго характера. Конечно мы можемъ себѣ представить ἀνάθημα и героизированному умершему, но имена героя въ этихъ случаяхъ, какъ справедливо замѣтилъ Саллетъ скорѣе говорятъ о божествѣ, чѣмъ о героизированномъ умершемъ и имѣютъ характеръ епитетовъ. Часто встрѣчается одно и тоже имя Εὔκολος, разъ мы читаемъ Ἡγεμὼν ἀρχαγέτας, другой разъ мужчина названъ неясно читающимся именемъ Εὔξιππος, или Ζεύξιππος, а женщина Βασιλεία. На бо́льшей части рельефовъ нашего класса мужчина изображенъ бородатымъ, но на нѣкоторыхъ, подобно нашему, въ безбородомъ, юношескомъ типѣ. Саллетъ совершенно справедливо не находитъ трудности видѣть Асклипія и въ безбородомъ юношѣ. Какъ нумизматъ, онъ указываетъ на безбородаго Асклипія вмѣстѣ съ Игіеей на монетахъ императора Адріана. Но это аналогія слишкомъ поздняя. Всякій археологъ помнитъ, конечно, что еще Каламидъ, на грани VI и V вв. до Р. Хр. изваялъ безбородаго Асклипія.

Тѣ же самыя идеи относительно рельефовъ нашего рода развиваетъ Фуртвенглеръ во введеніи къ своему изданію коллекціи Сабурова[1]). Въ числѣ новыхъ доводовъ, приводимыхъ имъ противъ надгробнаго назначенія нашихъ рельефовъ онъ указываетъ на самые размѣры ихъ, которые обыкновенно весьма незначительны и на то обстоятельство, что многіе изъ нихъ найдены вблизи развалинъ разныхъ святилищъ (напр. въ аѳинскомъ святилищѣ Асклипія), но ни одинъ, насколько извѣстно, не найденъ на какомъ нибудь некрополѣ. Казалось бы, однако, что анаѳиматическое значеніе ихъ лучше и прямѣе всего указывается уже упомянутыми анаѳиматическими надписями. Громадное большинство рельефовъ, мѣсто находки которыхъ извѣстно происходитъ изъ Аттики.

---

1) Coll. Sabouroff. Introd. стр. 31 и сл. На статью Саллета онъ не ссылается.

Наконецъ статья фонъ-Фритце, послѣдняго разсматривавшаго вопросъ о нашихъ рельефахъ въ цѣломъ и притомъ не безъ новыхъ выводовъ и съ новой точки зрѣнія производитъ въ общемъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Читая ее почти до конца, думаешь, что авторъ приверженецъ мнѣнія, видящаго въ рельефахъ произведенія, если не надгробныя, то всетаки относящіяся къ культу умершихъ. Мы уже упомянули его указаніе на то, что яства, изображаемыя на нашихъ рельефахъ суть т. наз. δεύτεραι τράπεζαι, т. е. дессертъ съ виномъ, который онъ почему то считаетъ болѣе приличествующимъ героизированнымъ существамъ, чѣмъ убойное питаніе. Но на послѣднихъ двухъ-трехъ страничкахъ вдругъ оказывается, что авторъ придерживается мнѣнія Фуртвенглера.

Возвращаясь къ нашему рельефу, мы, судя по изяществу его исполненія и отсутствію всякихъ излишнихъ деталей, такъ сказать лаконизму его, считаемъ его однимъ изъ древнѣйшихъ извѣстныхъ памятниковъ всего ряда и находимъ возможнымъ относить его къ началу IV-го и, быть можетъ, даже къ концу V в. до Р. Хр. Наиболѣе близкимъ ему, но съ бо́льшимъ количествомъ персонъ и бо́льшимъ количествомъ деталей является прекрасный рельефъ Берлинскаго музея № 816 (изъ Сабуровской коллекціи. Coll. Sabouroff. pl. XXXIII. 1) считаемый Фуртвенглеромъ древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ и относимый имъ къ концу IV-го вѣка[1]).

---

1) Во время пребыванія моего нынѣшнимъ (1897 г.) лѣтомъ въ Берлинѣ, я воспользовался случаемъ подробно изслѣдовать рельефы интересующаго насъ рода, находящіеся въ Берлинскомъ музеѣ и происходящіе, главнымъ образомъ, изъ Сабуровской коллекціи (см. прим. 3). Изученіе это подтвердило мое убѣжденіе, какъ въ аттическомъ происхожденіи нашего рельефа, такъ и въ томъ, что онъ едва ли не древнѣйшій изъ всего ряда извѣстныхъ, или, по крайней мѣрѣ, изданныхъ памятниковъ этого рода. Рельефъ Берлинскаго музея № 816 дѣйствительно ближе всего къ нему по стилю, но болѣе ремесленной работы.

А. Щукаревъ.

Нѣсколько словъ

о Ὑλαία и Ἀχιλλέως δρόμος.

Наша скромная замѣтка имѣетъ цѣлью возможно точное опредѣленіе границъ Полѣсья, играющаго нѣкоторую роль въ географіи древней Скиѳіи.

Мы можемъ судить о нихъ по однимъ лишь указаніямъ древнихъ, такъ какъ наша современная карта отвѣта на этотъ вопросъ не даетъ, а геологическія данныя лишь отчасти могутъ быть приняты нами во вниманіе при его рѣшеніи: они доказываютъ присутствіе лѣсной растительности въ глубокой древности въ разныхъ частяхъ широкой полосы, гдѣ теперь взорамъ представляется одна только гладкая степь; но ясныхъ хронологическихъ предѣловъ они не даютъ. Въ эпоху Геродота лѣсъ несомнѣнно представлялъ уже рѣдкость въ Скиѳіи, иначе Полѣсье не поразило бы взоровъ греческихъ поселенцевъ и оно не получило бы свое названіе отъ лѣса, какъ отъ наиболѣе характернаго своего признака.

О скиѳскомъ Полѣсьѣ древніе упоминаютъ довольно часто, но ихъ указанія далеко не одинаково цѣнны. Самостоятельными источниками могутъ считаться лишь Геродотъ IV, 9. 18. 19. 54. 55. 76, Александръ Полиісторъ у Стефана Византійскаго s. v., Діонъ Хризостомъ въ XXXVI рѣчи и, наконецъ, отчасти, Плиній IV, 12, 83. Всѣ остальные, какъ то Эфоръ у Скимна 845, Помпоній Мела II, 1, 5, Валерій Флаккъ Argon. VI, 75 ss. и Амміанъ Марцеллинъ XXII, 8, 40 повторяютъ лишь вышеназванныхъ.

Но и между послѣдними не всѣ даютъ ясныя географическія указанія. Вполнѣ годный для нашей цѣли матеріалъ мы найдемъ въ одной только исторіи Геродота, неисчерпаемой сокровищницѣ южно-русской географіи[1]).

---

1) У Александра Полиістора въ указ. м. мы находимъ лишь замѣтку, что Гилея иначе называлась еще Ἀβική, конечно, отъ лат. abies; а Діонъ Хризостомъ говоритъ только

Всѣ изслѣдователи согласны, что въ Полѣсье входило между проч. нижнее теченіе Днѣпра. Весь вопросъ въ томъ, ограничивалось ли оно одними Днѣпровскими плавнями, еще теперь покрытыми густою растительностью, или же оно обнимало еще часть материка? А если обнимало, то по обоимъ-ли берегамъ рѣки и на какомъ разстояніи отъ послѣдней?

Внимательное разсмотрѣніе всѣхъ относящихся сюда указаній Геродота дастъ намъ вполнѣ ясный отвѣтъ почти на всѣ эти вопросы, отвѣтъ, подтверждаемый показаніями другихъ источниковъ.

Прежде всего отмѣтимъ, что Полѣсье тянется на материкѣ по *обоимъ* берегамъ Днѣпра. Для праваго берега это явствуетъ изъ гл. 54, по которой мимо Полѣсья проходитъ Пантикапъ, т. е. Ингулецъ, до своего впаденія въ Борисѳенъ; а для лѣваго изъ гл. 76 (Ὑλαίη находится παρὰ τὸν Ἀχιλλήιον δρόμον) и 55: рѣка Гипакирь (Каланчакъ) впадаетъ въ море, оставляя вправо τήν τε Ὑλαίην καὶ τὸν Ἀχιλλήιον δρόμον καλεόμενον.

На западѣ Полѣсье тянется до самаго моря. «Когда переправишься (изъ Ольвіи) черезъ Борисѳенъ, говоритъ отецъ исторіи въ гл. 18, то *со стороны моря* представится прежде всего Ὑλαίη. Дальше вверхъ (по рѣкѣ) живутъ скиѳы-земледѣльцы». Такъ, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть поняты слова Геродота: ἀτὰρ διαβάντι τὸν Βορυσθένεα ἀπὸ θαλάσσης πρῶτον μὲν ἡ Ὑλαίη, ἀπὸ δὲ ταύτης ἄνω ἰόντι οἰκέουσι Σκύθαι γεωργοί. Обычный переводъ (напр. Безсмертнаго у Латышева, Извѣстія, стр. 16), относящій ἀπὸ θαλάσσης къ διαβάντι, не даетъ яснаго смысла. Ольвія здѣсь, какъ всюду у Геродота, служитъ исходнымъ его пунктомъ; говоря о переправѣ черезъ Борисѳенъ, онъ имѣетъ въ виду Днѣпровскій лиманъ, такъ какъ устье рѣки совпадаетъ у него, какъ у всѣхъ древнихъ географовъ, съ устьемъ лимана.

Что Ὑλαίη дѣйствительно начинается ἀπὸ θαλάσσης, видно изъ свидѣтельства Плинія IV, 12, 83, по которому та часть моря, у которой лежитъ Полѣсье, получила отъ него свое названіе: silvestris regio Hylaeum mare quo adluitur cognominavit. По береговой линіи отъ Кинбурнской косы до устья Днѣпра въ лиманъ «на самой косѣ, вскрай лимана, вокругъ мѣстечка Прогнойска, при селеніяхъ Бузовомъ и Рыбалчѣ, до сихъ поръ мелькаютъ небольшія дубовыя и березовыя рощица, храбро сражающіяся съ засыпающимъ ихъ песками». (Надеждинъ, Герод. Скиѳія 48), не говоря уже о томъ, что близъ Алешекъ есть «прекрасный сосновый лѣсъ» около

о растительности по берегу Днѣпровскаго лимана и о томъ, что въ самомъ лиманѣ на маленькихъ островахъ виднѣются деревья, похожія на мачты, что часто вводило въ заблужденіе неопытныхъ моряковъ.

почтовой дороги въ Каланчакъ, верстахъ въ 10 отъ города (Брунъ, Черноморье II, 11 сл.).

Итакъ, западная граница Полѣсья на лѣвомъ берегу Борисѳена ясна: ее составляетъ море.

На правомъ берегу лѣса едва-ли заходили дальше устья Днѣпра въ лиманъ[1]). Во всякомъ случаѣ, мысъ Гипполая (нын. Станиславскій), на которомъ стояло святилище Матери Боговъ (IV, 53), лежитъ, вѣроятно, уже внѣ Полѣсья. На сколько мнѣ извѣстно, этотъ край и теперь лишенъ всякихъ слѣдовъ лѣсной растительности.

Отъ устья Днѣпра, Полѣсье тянется по крайней мѣрѣ до Ингульца, такъ какъ Παντικάπης... ἐκδιδοῖ... ἐς τὴν Ὑλαίην, παραμειψάμενος δὲ ταύτην τῷ Βορυσθένεϊ συμμίσγεται (с. 54).

Выраженія Геродота, въ данномъ случаѣ, нѣсколько неясны. Переводя дословно: «Ингулецъ *входитъ* въ Полѣсье и *обогнувъ* его сливается съ Днѣпромъ» — мы получаемъ легкое противорѣчіе. Мнѣ кажется, что рѣшающее значеніе должно имѣть очень характерное выраженіе παραμειψάμενος. Если бы Геродотъ хотѣлъ сказать, что Пантикапъ дѣйствительно проходитъ черезъ Полѣсье, т. е. пересѣкаетъ его, то онъ выразился бы просто ἀμειψάμενος, или διαμειψάμενος или какъ-нибудь иначе, но не употребилъ бы предлога παρά. Словомъ сказать, мнѣ думается, что именно Ингулецъ въ нижнемъ своемъ теченіи составлялъ восточную границу Полѣсья на правомъ берегу Днѣпра. Я усматриваю тоже самое изъ его словъ въ гл. 18, приведенныхъ выше: земля скиѳовъ земледѣльцевъ, западную границу которой составляетъ именно Ингулецъ, начинается уже за Полѣсьемъ. Еслибъ она обнимала часть послѣдняго, то Геродотъ отмѣтилъ бы это; вѣдь отмѣчаетъ же онъ въ слѣдующей главѣ, что область кочевыхъ скиѳовъ обнимаетъ часть Гилеи.

Что касается выраженія ἐκδιδοῖ ἐς Ὑλαίην, то я не знаю, можемъ ли мы передать его словами: «доходитъ до Полѣсья». Можетъ быть, оно объясняется тѣмъ, что Гилея сѣвернѣе заходила и на лѣвый берегъ Ингульца, который въ среднемъ своемъ теченіи *пересѣкалъ*, а въ нижнемъ лишь *огибалъ* ее съ востока? Это замѣчаніе могло бы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибъ мы имѣли хоть какія-нибудь данныя для рѣшенія вопроса, далеко-ли заходило Полѣсье въ глубь страны на правомъ берегу Днѣпра. Такъ какъ никакихъ подобныхъ данныхъ нѣтъ, кромѣ вышеприведенныхъ, то мы должны оставить его открытымъ.

---

1) Это устье находилось въ эпоху Геродота нѣсколько восточнѣе современнаго, верстахъ въ 12 ниже Херсона, какъ мы надѣемся доказать въ другомъ мѣстѣ.

Въ наше время, лѣсная растительность тянется въ Днѣпровскихъ плавняхъ до устья Подпольной (Черноморье II, 12), но мы не знаемъ, было-ли такъ уже въ эпоху Геродота. Принимая во вниманіе, что Днѣпръ въ то время отличался гораздо бо́льшимъ обиліемъ воды, чѣмъ теперь, мы скорѣе въ правѣ предположить, что этихъ плавней тогда еще не было вовсе, или что они существовали лишь въ видѣ мелей въ широкомъ руслѣ величественной рѣки. Во всякомъ случаѣ, обычное предположеніе, что Полѣсье тянулось еще за Бериславъ или, по меньшей мѣрѣ, до этого пункта, лишено всякаго основанія, и мы можемъ остановиться на Ингульцѣ, какъ на наиболѣе вѣроятной восточной границѣ Гилеи.

На лѣвомъ берегу Днѣпра западная граница нами уже установлена; сѣверная дана теченіемъ Днѣпра: остается опредѣлить южную и восточную.

Нейманнъ (Die Hellenen im Skythenlande 81) раздвигаетъ предѣлы Гилеи на востокъ до Молочной, потому только, что въ гл. 9 Геродотъ упоминаетъ о пещерѣ въ Полѣсьѣ, въ которой Гераклъ сообщился съ ехидной, а по нижнему Днѣпру пещеръ нѣтъ: онѣ встрѣчаются впервые при Молочной. Но пріуроченіе миѳическаго, не историческаго факта къ пещерѣ, конечно, ничего не доказываетъ. Догадка Нейманна невѣрна уже потому, что она идетъ въ разрѣзъ съ очень яснымъ указаніемъ Геродота гл. 55, что Гипакирь, впадая въ море, оставляетъ Гилею, какъ и Ахилловъ бѣгъ, вправо. Кромѣ того нужно помнить, что здѣсь къ югу отъ нижняго Днѣпра кочевали скиѳы-номады, кочевья которыхъ доходили именно до Молочной (Герроса древнихъ). Какъ могъ Геродотъ въ гл. 19 сказать, что вся земля ихъ ψιλὴ δενδρέων (ἐστί), πλὴν τῆς Ὑλαίης, если, наоборотъ, лѣса тянулись отъ Днѣпра вплоть до Молочной? Наконецъ, неужели номады выбрали бы для своихъ кочевьевъ именно эту область, еслибъ она дѣйствительно была покрыта лѣсомъ, въ то время какъ на сѣверъ и на востокъ отсюда необозримыя гладкія степи могли дать гораздо больше простора и лучшія пастбища для ихъ скота?

Конечно, предположеніе Неймана невѣрно. Гилея не заходила за Каланчакъ и мы должны искать ее между этой рѣкой, Днѣпромъ и моремъ. Отъ Кинбурнской косы лѣса тянулись на югъ вдоль берега моря на болѣе или менѣе значительное разстояніе, иначе эта часть Понта не получила бы названіе mare Hylaeum (Плиній) и Геродотъ не могъ бы сказать, что Полѣсье лежитъ «около» Ахиллова бѣга. О томъ-же мы имѣемъ, наконецъ, еще нѣсколько свидѣтельствъ, до сихъ поръ, на сколько я вижу, незамѣченныхъ. Они касаются Ахиллова бѣга, и это приводитъ насъ къ разбору нѣкоторыхъ данныхъ о послѣднемъ.

Что онъ совпадаетъ съ нынѣшнимъ полуостровомъ (или островомъ)

Тендеромъ и его продолженіемъ, косою Джарылгачъ, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается. Не станемъ вдаваться въ провѣрку измѣреній, встрѣчающихся у древнихъ географовъ (Strabo VII, 3, 19; Plin. IV, 12, 83; Arrian. Peripl. 31; Ptol. III, 5, 2; Peripl. Anon. 84). При вѣрномъ истолкованіи ихъ они легко примиряются съ дѣйствительностью и большинство изслѣдователей поняло ихъ вѣрно. Одному только Арріану не посчастливилось въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, онъ даетъ вполнѣ точныя измѣренія. Отъ гор. Тамираки (въ глубинѣ Каржинскаго залива) онъ считаетъ 300 стадій = 51,9 в. до устья залива (не «озера», какъ переводитъ Прозоровъ у Латышева, стр. 225), т. е. до косы Джарылгачъ.

Принимая во вниманіе исключительно береговое плаваніе грековъ, мы легко убѣдимся, что это измѣреніе вполнѣ точно: 51,9 в. приведутъ насъ изъ Тамираки именно къ упомянутой косѣ, восточной оконечности Ахиллова бѣга. Чтобы обозначить затѣмъ длину всего бѣга, онъ беретъ его середину, т. е. центръ перешейка, соединяющаго его съ материкомъ. Называя этотъ пунктъ просто Ἠϊόνες (pars pro toto), онъ считаетъ до него—съ ошибкою лишь въ 5 верстъ[1])—380 стадій = 65,7 в. отъ восточной оконечности, Джарылгацкой косы. Но затѣмъ, по недосмотру, онъ забываетъ отмѣтить, что отсюда такое-же разстояніе до западной оконечности острова Тендеръ, и продолжаетъ: отсюда, т. е. отъ Тендерскаго мыса, 150 стад. (25,9 в.) до рѣки Борисѳена: дѣйствительно, отъ этого пункта до той точки между Кинбурномъ и Очаковымъ, гдѣ всѣми древними полагается устье Днѣпра, 24 версты. Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ простой опиской и должны читать не ἐς Ἠϊόνας, а ἐς μέσας Ἠϊόνας: тогда все окажется въ полномъ порядкѣ.

Важнѣе, однако, для насъ то, что по Страбону l. c. Ахилловъ бѣгъ кончался на западѣ рощей, посвященной Ахиллу (ἄλσος ἱερὸν Ἀχιλλέως). Правда, онъ тутъ же прибавляетъ, что это мѣсто, несмотря на свое названіе, лишено растительности. Но это доказываетъ лишь, что въ *его* время тутъ уже не было деревьевъ. Болѣе чѣмъ невѣроятно, чтобы первые греки, прибывшіе сюда, назвали это мѣсто «рощей», еслибъ оно уже тогда было лишено лѣсной растительности. У Птолемея l. c. тотъ же мысъ названъ просто Ἱερὸν ἄκρον (57° 50′ долг. 47° 30′ шир.), но зато нѣсколько сѣвернѣе (58° 30′ долг. 47° 45′ шир.) отмѣчена имъ другая роща: Ἄλσος Ἑκάτης ἄκρον. Она не совпадаетъ съ рощею Ахилла, хотя безъименный авторъ

1) Нынѣшнее озеро Устричное составляло въ то время еще часть Джарылгацкаго залива. Что перешеекъ былъ тогда гораздо уже чѣмъ теперь, явствуетъ изъ всѣхъ показаній древнихъ.

Черноморскаго перипла, бравшій свои свѣдѣнія уже изъ третьихъ рукъ, слилъ оба пункта во-едино, не съумѣвъ примирить Страбона съ Птолемеемъ и назвавъ западную оконечность Ахиллова бѣга Священною рощею Гекаты (ἱερὸν ἄλσος τῆς Ἑκάτης). Осторожнѣе выражается Амміанъ Марцеллинъ XXII, 8, 40, говоря о «religiosus per eas terras Triviae lucus», но не опредѣляя точно его положенія.

Эта роща не лежитъ также на Кинбурнской косѣ, гдѣ ее обыкновенно ищутъ: Кинбурнскій мысъ совпадаетъ съ устьемъ Борисѳена, а роща Гекаты отстоитъ отъ послѣдняго, по Птолемею, на 503,5 стад. = 87,1 в.[1]). Если перенести это разстояніе на нашу карту и считать отъ устья Днѣпровскаго лимана вдоль берега, принимая во вниманіе Ягорлыцкій заливъ, то 85-ая верста приведетъ насъ къ западной оконечности Ягорлыцкаго полуострова: и здѣсь, слѣдовательно, лежала роща Гекаты.

Чтобы провѣрить это, намъ стóитъ лишь перенести на нашу карту измѣренія Птолемея въ другую сторону; отъ рощи Гекаты до перешейка онъ считаетъ 173,3 стад. = 30 (29,98) верстъ: отсюда до Священнаго мыса 402,6 стад. = 69,6 в. Дѣйствительно, отъ предполагаемой нами рощи Гекаты до глубины Тендерскаго залива около 35 верстъ, а отсюда до западной оконечности Ахиллова бѣга около 63 в. Ошибка настолько незначительна, что мы можемъ считать нашу догадку вполнѣ обезпеченной. Невѣрный же рисунокъ всего полуострова между Днѣпромъ и Тендерской косой получился на картѣ Птолемея оттого, что его источники, вѣрно дававшіе разстоянія, не отмѣчали изгибовъ берега.

И такъ, на обоихъ западныхъ мысахъ полуострова, къ которому примыкаетъ Ахилловъ бѣгъ, а также на западной оконечности послѣдняго мы нашли слѣды древесной растительности. Простиралась-ли послѣдняя и по всему дромосу, мы не знаемъ, но по условіямъ топографическимъ, намъ это кажется невѣроятнымъ, да и само названіе указываетъ скорѣе на гладкую песчаную полосу. Но несомнѣннымъ кажется намъ послѣ всего изложеннаго, что лѣса начинались на материкѣ у самаго моря и, простираясь на сѣверъ до Днѣпра, тянулись на востокъ почти до Каланчака. Иначе говоря, нашъ конечный выводъ тотъ, что восточную границу Полѣсья составлялъ приблизительно меридіанъ 2° 30′ (отъ Пулкова), проходящій и черезъ устье Ингульца.

---

1) Оправданіе какъ этихъ, такъ и нижеслѣдующихъ расчетовъ читатель найдетъ въ моихъ «Разысканіяхъ въ области гото-славянскихъ отношеній», имѣющихъ появиться въ близкомъ будущемъ.

Ѳ. Браунъ.

Культъ Димоса и Харитъ въ Аѳинахъ.

Въ аѳинскихъ эфивическихъ документахъ конца II вѣка до Р. Хр. неоднократно встрѣчаются упоминанія о жрецѣ Димоса и Харитъ. Ὁ ἱερεὺς τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων принимаетъ участіе, на ряду съ космитомъ и эксегитами, въ той религіозной процессіи, которую совершали, въ полномъ вооруженіи, эфивы въ честь Артемиды Агротеры, послѣ принесенія ими, при внесеніи въ гражданскіе списки, жертвы въ Пританіонѣ (C. I. A. II 467 5—8, 471 6—9, 469 6—9, 470 5—7, ср. 466, 468). Далѣе въ надписи, найденной у сѣвернаго скита Акрополя, въ развалинахъ церкви Срѣтенія, и относящейся къ первымъ десятилѣтіямъ II вѣка до Р. Хр. (C. I. A. II, 605, ср. C. I. A. IV, 2, стр. 151), мы находимъ упоминаніе о святынѣ Димоса и Харитъ. Эта надпись (начала и конца ея не сохранилось) представляетъ постановленіе Евмолпидовъ и Кириковъ въ честь Филонида, родомъ изъ Лаодикіи сирійскій (ср. Latyschew, *Ath. Mitt.* X (1885), 76), и его сыновей Филонида и Дикеарха. Филонидъ (насколько можно заключить изъ плохо сохранившагося начала надписи) хлопоталъ за аѳинянъ у какихъ то царей, вѣроятно, пергамскихъ (ср. Köhler, *Ath. Mitt.* VIII (1883), 383), оказалъ аѳинскому народу не мало и другихъ благодѣяній; въ благодарность за это народъ даровалъ ему и его сыновьямъ права гражданства, увѣнчалъ ихъ вѣнцами, масличнымъ и золотымъ, поставилъ статую Филонида ἐν τῷ τεμένει τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων. Наконецъ, въ декретѣ въ честь Иркана I, первосвященника и эѳнарха іудейскаго, сохраненномъ у Іосифа Флавія (*Ant. jud.* XIV, 8, 5), упоминается о томъ, что, въ числѣ другихъ почестей, оказанныя Иркану за его благодѣянія, аѳинскимъ народомъ было постановлено στῆσαι αὐτοῦ εἰκόνα χαλκῆν ἐν τῷ τεμένει τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων (декретъ въ честь Иркана датированъ годомъ Ага-

ѳокла архонта—106/5, ср. Homolle, *Bull. de corr. hell.* XVII (1893), 153 сл.).

Мѣстонахожденіе святыни Димоса и Харитъ было открыто въ Аѳинахъ совершенно случайно въ апрѣлѣ 1891 года[1]). При работахъ по проведеніи городской желѣзной дороги (линія Аѳины-Пирей) открыты были остатки зданія непосредственно къ сѣверу отъ т. наз. Ѳисіона. Этихъ остатковъ (среди нихъ, между прочимъ двѣ капители — мраморная іоническая и туфовая дорическая) оказалось недостаточно для выясненія внѣшняго вида зданія. Но благодаря найденнымъ тамъ надписямъ стало очевидно, что мѣсто, гдѣ было сдѣлано упомянутое открытіе, было посвящено культу Димоса и Харитъ (Homolle, *Bull. de corr. hell.* XV (1891), 344 сл. 366 сл.

Изъ этихъ надписей наиболѣе интересны начертанные на одной плитѣ три декрета (C. I. A. IV, 2, 385 c). Первый декретъ, датированный архонтомъ Иліодоромъ (229/28, см. нашу статью: Аѳины въ концѣ III вѣка до Р. Хр. *Ж. М. Н. Пр.* 1897, іюнь, отд. класс. фил. 128 сл., 136), изданъ въ честь Евмарида, сына Панклея, Кидонійца, котораго, въ благодарность за оказанныя имъ благодѣянія, аѳиняне постановляютъ «похвалить... увѣнчать золотымъ вѣнцомъ... и поставить его бронзовую статую на Акрополѣ». Второй декретъ года Архелая архонта (220, 219 или 218, ср. тамъ же, 140 сл.). изданъ въ честь того же Евмарида. Извѣстные аѳинскіе предстоятели двадцатыхъ годовъ III вѣка, Евриклидъ и Микіонъ, просятъ разрѣшенія поставить статую Евмарида не на Акрополѣ, какъ рѣшено было въ первомъ декретѣ, а въ святынѣ Димоса и Харитъ, и аѳинскій народъ уважаетъ ихъ просьбу[2]).

Чѣмъ объясняется перемѣщеніе статуи Евмарида съ Акрополя, мѣста столь почетнаго, въ участокъ Димоса и Харитъ? Болѣе правдоподобнымъ объясненіемъ этого факта, на нашъ взглядъ, можетъ служить то обстоятельство, что, въ 229 году, во время изданія перваго декрета въ честь Евмарида, τέμενος τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων не существовало[3]). Онъ возникъ, слѣдовательно, въ промежутокъ между 229—218 годами. Нельзя

1) Ранѣе того, Марта, *Les sacerdoces athéniens*, 160, основываясь на выше приведенныхъ эфивическихъ надписяхъ, помѣщалъ τέμενος τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων вблизи Пританіона.

2) Третій декретъ изданъ въ честь сына Евмарида, Харміона, и его сына Евмарида.

3) Ср. прим. Кёлера къ надписи. Что между первымъ декретомъ о постановкѣ статуи Евмарида на Акрополѣ и вторымъ—о перемѣщеніи ея въ святыню Димоса и Харитъ прошло нѣкоторое время, указываетъ слово πρότερον во второмъ декретѣ: πρότερον μὲν ὁ δῆμος ἐψηφίσατο ἀναθεῖναι αὐτοῦ εἰκόνα, νῦν δὲ Εὐρυκλείδης καὶ Μικίων и пр. (строки 3, 4).

не обратить вниманія также и на то, что перемѣщеніе статуи Евмарида съ Акрополя въ τέμενος Димоса и Харитъ происходитъ по желанію Евриклида и Микіона. Невольно рождается вопросъ: почему *они* желаютъ этого? Конечно, Евриклидъ и Микіонъ играли руководящую роль въ Аѳинахъ въ двацатыхъ годахъ III вѣка. Но можно предполагать, что аѳинскіе предстоятели стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ культу Димоса и Харитъ.

Въ святынѣ Димоса и Харитъ найденъ былъ большой жертвенникъ, на которомъ начертана слѣдующая надпись (C. I. A. IV, 2, 1161b), относящаяся къ послѣднему десятилѣтію III вѣка (ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1897 г. іюнь, отд. класс. фил. 145 сл.):

Ἡ βουλὴ ἡ ἐπὶ Διονυσίου ἄρχοντος ἀνέθηκεν
Ἀφροδίτηι Ἡγεμόνηι τοῦ Δήμου καὶ Χάρισιν.
Ἐπὶ ἱερέως Μικίωνος τοῦ Εὐρυκλείδου Κηφισιέως
στρατηγοῦντος ἐπὶ τὴν παρασκευὴν Θεοβούλου τοῦ Θεοφάνου Πειραιέως.

Упомянутый въ надписи Микіонъ былъ сыномъ Евриклида, аѳинскаго предстоятеля. Быть можетъ, далеко не случайно то, что Микіонъ, сынъ Евриклида, былъ жрецомъ Афродиты Водительницы Димоса и Харитъ[1]). Предположеніе о томъ, что τέμενος τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων получилъ окончательное устройство во время предстоятельства въ Аѳинахъ Евриклида и Микіона, можетъ быть подкрѣплено слѣдующаго рода соображеніемъ. Въ почетномъ постановленіи въ честь Евриклида (C. I. A. II 379, см. *Ж. М. Н. Пр.* 1897, іюнь, отд. класс. фил. 113 сл.) въ 25 и 26 строкахъ читается слѣдующее.

.ΥΞΗΣΕΝΔΕΚΑΙΓΟΝL
.ΕΝΗΚΑΙΣΤΟΑΝΑΝΑ,

---

1) Что касается Афродиты Водительницы Димоса, то, по мнѣнію Лоллинга (Δελτ. ἀρχ. 1891, 126 сл.), эту Афродиту слѣдуетъ отождествлять, съ одной стороны, съ Афродитою Πάνδημος, святыня которой, по извѣстію Аполлодора (Harpocrat. s. v. Πάνδημος Ἀφροδίτη), находилась περὶ τὴν ἀρχαίαν ἀγοράν, съ другой стороны, съ Афродитою Ἡγεμόνη, которую эфивы призывали въ свидѣтельницы своихъ клятвъ и которую считаютъ обыкновенно за одну изъ Харитъ. По замѣчанію А. Н. Щукарева (*Фил. Обозр.* III, 1, стр. 80), «второе отожествленіе Лоллинга почти несомнѣнно справедливо, но первое, въ виду прямого свидѣтельства Павсанія, другихъ источниковъ (ср. Curtius, *Die Stadtgeschichte von Athen*, XI) и даже одной надписи (C. I. A. I, 212), помѣщающихъ это святилище на южный склонъ Акрополя, рядомъ со святилищемъ Асклепія, Ѳемиды и Ипполита, болѣе чѣмъ сомнительно». Дёрпфельдъ (*Ath. Mitt.* XX (1859), 511) помѣщаетъ святыню Афродиты, Всенародной «am Südwestlichen Burgabhang. . . weil es nicht innerhalb des Pelargikon gelegen haben kann». При раскопкахъ святыни Діониса, что въ Болотахъ, въ верхнихъ слояхъ земли, найдено было около 40 мраморныхъ статуэтокъ Афродиты, происходящихъ, безъ сомнѣнія, изъ ея святыни. О связи культа Афродиты съ культомъ Харитъ см. Stoll у Рошера, *Ausf. Lex. d. Myth.* I, 875.

что Кёлеръ предлагаетъ возстановлять такъ:

[η]ὔξησεν δὲ καὶ τὸν δ[ῆμον]
[τεμ]ένη καὶ στοὰν ανα— —

Мы предложили бы дополнить это возстановленіе слѣдующимъ образомъ:

[η]ὔξησεν δὲ καὶ τὸν Δ[ῆμον καὶ τὰς Χάριτας αὐτῶν τε]
[μ]ένη καὶ στοὰν ἀνα[νεωσάμενος

При предполагаемомъ нами дополненіи 25-ой строки, число буквъ въ ней равняется 40, что подходитъ къ числу буквъ въ другихъ строкахъ (оно колеблется между 38—43).

Итакъ, можно считать болѣе или менѣе вѣроятнымъ, что при Евриклидѣ и Микіонѣ, въ двадцатыхъ годахъ III вѣка, святыня Димоса и Харитъ была «возобновлена», благодаря усердію аѳинскихъ предстоятелей; къ этому времени надо относить, вѣреятно, постройку въ святынѣ Димоса и Харитъ того зданія, жалкіе остатки котораго были открыты въ 1891 году. Во всякомъ случаѣ, считаемъ не лишнимъ поставить на видъ еще разъ то, что первое опредѣленное упоминаніе о τέμενος τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων находится въ декретѣ въ честь Евмарида года Архелая архонта.

Уже изъ разсмотрѣнныхъ постановленій въ честь Евмарида, Филонида и Иркана ясно видно, какое назначеніе имѣлъ этотъ τέμενος: тамъ становились статуи въ честь *иноземныхъ* благодѣтелей аѳинскаго народа. Но не только статуи, а также и декреты аѳинянъ въ честь этихъ иноземныхъ благодѣтелей помѣщаемы были въ святынѣ Димоса и Харитъ. Это доказывается другими надписями, найденными тамъ же въ 1891 году:

1) C. I. A. IV, 2, 432d. Фрагментъ надписи, по характеру письма относящейся къ концу III — началу II вѣка и представляющей декретъ аѳинскаго народа въ честь уроженца Патаръ, Леонтиска, сына Эхмона. Намъ неизвѣстно, какого рода услуги оказалъ Леонтискъ. Заключительныя слова декрета въ его честь гласятъ, что декретъ этотъ былъ поставленъ ἐν τῷ τεμένει τοῦ Δήμου καὶ τῶν Χαρίτων [1]).

2) C. I. A. IV, 2, 432b. Декретъ (181—171 гг.) въ честь Никирата, сына Никирата, александрійца. За свое расположеніе къ аѳинскому народу Никиратъ получаетъ масличный вѣнецъ, титулъ «благодѣтеля». Постановленіе въ его честь рѣшено поставить въ святынѣ Димоса и Харитъ.

---

1) Весьма вѣроятно, къ этой же надписи относится фрагментъ, найденный тамъ же (C. I. A. IV, 2, 432e): «Совѣтъ и Народъ въ честь Евелоонта, сына Эхмона, патарца».

3) C. I. A. IV, 2, 432c: Надпись первой половины II вѣка до Р. Хр. (ср. замѣчаніе Кёлера: titulus ei qui praecessit aetate suppar, immo utrumque decretum ni fallor eodem die eodem homine rogante factum est), представляющая декретъ совѣта и народа аѳинскаго въ честь Тимарха, сына Тимарха, уроженца кипрскаго Саламина, который восхваляется вообще за расположеніе свое къ аѳинскому народу, въ частности, за услуги, оказываемыя имъ пріѣзжавшимъ въ Саламинъ аѳинянамъ. Совѣтъ постановляетъ: «увѣнчать Тимарха масличнымъ вѣнцомъ, быть ему проксеномъ и благодѣтелемъ аѳинскаго народа» и т. д. Одну изъ копій декрета рѣшено поставить въ святынѣ Димоса и Харита, другую въ Саламинѣ, въ святынѣ Аѳины.

Но, кромѣ статуй и декретовъ въ честь оказавшихъ услуги Аѳинамъ иноземцевъ, въ τέμενος Димоса и Харитъ стояли также статуи въ честь аттическихъ уроженцевъ. Найдена база, на который, судя по надписи, стояли статуя Діонисія, сына Діонисія, поставленная Пандіономъ, сыномъ Аполлонида, и статуя Пандіона, сына Аполлонида, поставленная Валакромъ, сыномъ Аполлонида и Аристогоромъ, сыномъ Аристокла (C. I. A. II, 1406b). Всѣ упоминаемыя въ надписи лица — ѳріасійцы. Подъ надписями, уже послѣ того, какъ база была перенесена въ Аѳинскій Національный музей, оказалась подпись художниковъ: Каикосѳена и Дія-ѳріасійцевъ. По замѣчанію Омолля (*Bull. de corr. hell.* XV (1891), 345) письмо надписи первой половины III вѣка до Р. Хр. Далѣе тамъ же найдена была база, на которой стояло посвященіе (треножникъ?) Дименета, сына Димея, Димея, сына Дименета, и Димосѳена, сына Дименета, пеанійцевъ, одержавшихъ побѣду, въ бытность ихъ филархами, въ анѳипассіи. Подъ надписью подпись: Βρύαξις ἐπόησεν (C. I. A. IV, 2, 1305b). Рельефы, украшающіе базу (Καββαδίας, Ἐφημ. ἀρχ. 1893, табл. 6, 7) принадлежатъ къ числу раннихъ произведеній Вріаксида (ср. Collignon, *Hist. de la Sculpture grecque* II, 307).

Еще О. Янъ (*Die Entführung der Europa auf Antiken Kunstwerken*, 38[1]) замѣтилъ, что культъ Димоса и Харитъ появился въ Аѳинахъ сравнительно поздно. Существованіе этого культа во второй половинѣ IV вѣка является, однако же, засвидѣтельствованнымъ болѣе или менѣе несомнѣнно. У театра Діониса Кёлеръ списалъ фрагментъ надписи, относящейся, по его заявленію, ко второй половинѣ IV вѣка (C. I. A. II, 1655):

ΣΔΗΜΟΥΚΑ
ΔΗΜΟΥ ΙΕΡΕ
ΡΙΤΩΝ

«Ratio tituli obscurior. Ter repetitum fuisse videtur Ἱερεὺς Δήμου καὶ Χαρίτων» замѣчаетъ Кёлеръ по поводу этого фрагмента. Но вѣроятнѣе читать не ἱερεύς, а ἱερέως Δήμου καὶ Χαρίτων и считать фрагментъ этотъ принадлежащимъ къ числу тѣхъ театральныхъ креселъ, которыя, какъ извѣстно, стояли въ театрѣ Діониса, въ нижнемъ ряду мѣстъ для зрителей, для городскихъ чиновниковъ, жрецовъ и почетныхъ лицъ[1]).

Замѣтимъ, что по заявленію Кёлера, къ плитѣ, на которой вырѣзана надпись, «a sinistra altera tabula adiuncta est».

Въ рѣчи Димосѳена «О вѣнцѣ» (92) приводится слѣдующее постановленіе: Χερρονησιτῶν οἱ κατοικοῦντες Σηστόν, Ἐλαιοῦντα, Μάδυτον, Ἀλωπεκόννησον, στεφανοῦσιν Ἀθηναίων τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον στεφάνῳ ἀπὸ ταλάντων ἑξήκοντα, καὶ Χάριτος βωμὸν ἱδρύονται καὶ Δήμου Ἀθηναίων, ὅτι πάντων μεγίστων ἀγαθῶν παραίτιος γέγονε Χερρονησίταις, ἐξελόμενος ἐκ τῆς Φιλίππου καὶ ἀποδιδὸς τὰς πατρίδας, τοὺς νόμους, τὴν ἐλευθερίαν, τὰ ἱερά и т. д.[2]). Чтеніе Χάριτος, по нашему мнѣнію, должно быть измѣнено въ Χαρίτων. Въ пользу этого свидѣтельствуютъ всѣ указанные выше эпиграфическіе документы, а также и то обстоятельство, что ни въ Аѳинахъ, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ никогда не почиталась одна Χάρις (Stoll. у Рошера, *Lex. d. Myth.* I, 874).

Въ Аѳинахъ былъ культъ трехъ Харитъ. Ихъ святыня, по свидѣтельству Павсанія (IX, 35, 3), находилась предъ входомъ на Акрополь; тамъ справлялась въ ихъ честь τελετὴ ἐς τοὺς πολλοὺς ἀπόρρητος. Свидѣтельство Павсанія (IX, 35, 2) о томъ, что аѳиняне τιμῶσι ἐκ παλαιοῦ Χάριτας Αὐξὼ καὶ Ἡγεμόνην, признается обыкновенно ошибочнымъ (ср. Preller — Robert, *Griech. Myth.*[4] I, 482[1]).

Въ V вѣкѣ въ Аѳинахъ Харитъ почитаютъ безъ соединенія съ Димосомъ. Въ фрагментѣ религіознаго закона, найденнаго въ Элевсинѣ, предписано приносить въ жертву Χάρισιν αἶγα (C. I. A. I, 5,3). Въ аѳинской надписи «annis ol. 87 proxime antecedentibus» (C. I. A. I, 428), во фрагментѣ f, читается ΧΑRΙΤΟ, что̀ Кирхгоффъ предлагаетъ дополнить: Χάριτο[ς] vel

---

1) Сохранившіяся на театральныхъ креслахъ надписи вырѣзаны, въ большинствѣ случаевъ, въ началѣ императорской эпохи. Но что на креслахъ были надписи и въ второй половинѣ IV вѣка, доказываетъ фрагментъ театральнаго кресла съ надписью, относящеюся къ этому времени: ἱερέως Βούτου (C. I. A. II 1656 = III, 302).

2) Бёкъ сомнѣвался вообще въ подлинности этого постановленія херсонисцевъ въ виду огромной суммы денегъ, ассигнованной ими на вѣнецъ аѳинянамъ. Но если даже форма декрета, приводимая въ немъ цифра неточна, все же самый фактъ посвященія херсонисцами вѣнца аѳинянамъ засвидѣтельствованъ самимъ Димосѳеномъ (λέγε καὶ τοὺς παρὰ τῶν ἐν Χερρονήσῳ στεφάνους). Ср. Haussoulier у Дарамбера и Сальо, *Dictionn. des antiquités*, I, 2, стр. 79, 68.

Χαρίτω[ν]. Намъ кажется послѣднее дополненіе единственно возможнымъ, такъ какъ, повторяемъ, нигдѣ не встрѣчается культъ одной Хариты. И на памятникахъ искусства Хариты изображаются въ числѣ трехъ, ср. архаическій рельефъ, вѣроятно, еще VI вѣка, въ Акропольскомъ музеѣ № 702 (А. А. Павловскій, *Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ*, 290 сл.), гдѣ изображены три Хариты, предводимыя Ерміемъ, и фрагментъ рельефа, найденный въ Пиреѣ и относящійся къ первой половинѣ V вѣка (теперь въ Берлинскомъ музеѣ, Furtwängler у Рошера, *Lex. d. Myth.* I, 880 сл.), гдѣ также изображены три Хариты.

Объ отдѣльномъ культѣ Димоса въ Аѳинахъ нѣтъ упоминаній ни въ литературныхъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ. Тѣмъ не менѣе, существованіе совмѣстнаго культа Димоса и Харитъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, что Димосъ олицетворялся въ Аѳинахъ въ образѣ божества. Когда возникъ въ Аѳинахъ культъ Димоса, намъ въ точности неизвѣстно. Оссуле (Daremberg et Saglio, *Dictionn. d. Antiquités*, I, 2, стр. 77) находитъ возможнымъ относить начало культа Димоса въ Аѳинахъ уже къ V вѣку, какъ къ «наиболѣе блестящей эпохѣ развитія димократіи»[1]). Оссуле ссылается на извѣстное мѣсто въ приписываемомъ Ксенофонту трактатѣ «'Αθηναίων πολιτεία», по поводу репрессивныхъ мѣръ противъ комедіи, согласно показанію котораго выходитъ, что аѳиняне не допускаютъ осмѣянія и злословія комиковъ противъ димоса[2]). Это мѣсто трактата вызвало разнообразныя толкованія со стороны ученыхъ (см. А. Н. Шварцъ, [Ξενοφῶντος] 'Αθηναίων πολιτεία, Москва, 1891, 31 сл.). Но какому бы толкованію не слѣдовать, остается въ полной силѣ тотъ фактъ, что Аристофанъ во «Всадникахъ» осмѣиваетъ Димосъ не только когда представляетъ его въ видѣ старика, но даже и въ заключительныхъ сценахъ комедіи, гдѣ Димосъ является въ обновленномъ видѣ, какъ на это указалъ А. Н. Шварцъ (ук. соч., 33). Слѣдовательно, ни о какомъ культѣ Димоса въ данномъ случаѣ говорить не приходится.

Съ Димосомъ Аристофана обыкновенно сопоставляютъ «Димосъ», картину Паррасія, о которой Плиній (*N. H.* 35, 69) сообщаетъ слѣдующее: pinxit (Parrhasius) demon Atheniensium argumento quoque ingenioso; osten-

---

1) Понятія Димосъ и Димократія далеко не равнозначущи. Къ тому же въ Аѳинахъ культъ Димократіи существовалъ независимо отъ культа Димоса. Въ фрагментахъ большой надписи C. I. A. II, 741, относящейся ко времени правленія въ Аѳинахъ Ликурга, упоминается о жертвѣ Димократіи. На фрескѣ Евфранора (см. ниже) были изображены отдѣльно Димократія и Димосъ.

2) [Xenoph.] *Reip. Athen.* II, 18: κωμῳδεῖν δ' αὖ καὶ κακῶς λέγειν τὸν μὲν δῆμον οὐκ ἐῶσιν, ἵνα μὴ αὐτοὶ ἀκούωσι κακῶς, ἰδίᾳ δὲ κελεύουσιν, εἴ τίς τινα βούλεται etc.

debat namque varium: iracundum, iniustum, inconstantem, eundem exorabilem, clementem, misericordem, gloriosum, excelsum, humilem, ferocem, fugacemque et omnia pariter. Это свидѣтельство Плинія возбуждало и возбуждаетъ до сихъ поръ большое недоумѣніе. Предлагались различныя объясненія: по мнѣнію однихъ, Паррасій изобразилъ на своей картинѣ цѣлый рядъ фигуръ, олицетворявшихъ послѣдовательно различныя характерныя свойства Димоса, перечисленныя Плиніемъ; по толкованію другихъ, Паррасій изобразилъ въ одной фигурѣ эти свойства; третьи видятъ въ словахъ Плинія «умозрительную иперкритику или тонкую сатиру поздняго софиста» и т. д. Гадать о томъ, какъ изображенъ былъ Димосъ на картинѣ Паррасія безполезно. Изъ свидѣтельствъ древнихъ (см. Overbeck, *S. Q.* 1702—1722) видно, что искусству Паррасія доступно было изображеніе какъ отдѣльныхъ фигуръ, такъ и группъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Паррасій въ своей картинѣ трактовалъ Димосъ не идеально, не какъ божество, но реально, какъ «cet être mobile dans l'âme duquel ont si profondement pénétré Thucydide et Aristophane» (P. Girard, *La peinture antique*, 212).

Появленіе аллегорическихъ фигуръ въ греческомъ искусствѣ начинается съ IV вѣка (ср. Collignon, *Hist. de la sculpt. gr.* II, 176 сл.) Павсаній (I, 3, 3) сообщаетъ, что Евфраноръ росписалъ стѣны портика (т. наз. Στοά ἐλευθέριος) во внутреннемъ Керамикѣ и изобразилъ на боковыхъ стѣнахъ портика: 1) двѣнадцать боговъ, 2) Өисея, Димократію и Димосъ. Сопоставленіе на одной картинѣ Өисея, Димократіи и Димоса указываетъ, думается намъ, на то, что Евфраноръ олицетворялъ Димосъ уже идеально, какъ божество[1]). Тоже самое приходится сказать и относительно статуи Димоса, изваянной Леохаромъ (Paus. I, 1, 3), которая стояла въ одной группѣ съ Зевсомъ въ Піреѣ[2]).

---

1) Аристолаю, сыну и ученику Павсія, приписывается Плиніемъ (*N. H.* 35, 137), въ числѣ другихъ картинъ «imago Atticae plebis». Но изъ краткаго указанія Плинія нельзя ничего заключить относительно того, какъ былъ изображенъ Аристолаемъ Димосъ.

2) По свидѣтельству Павсанія (I, 3, 5) въ Аөинахъ, въ залѣ совѣта 500, стояла статуя Димоса работы Лисона. Къ какому времени относится дѣятельность Лисона, мы не знаемъ. Бруннъ (*Gesch. d. griech. Künstler*, 2 I, 390) предположительно помѣщаетъ его въ число аөинскихъ художниковъ «греко-римскаго періода». Въ одномъ Ватиканскомъ гномологіѣ, изданномъ Штернбахомъ (*Wiener Studien*, XI, 62, no. 399) находится слѣдующая замѣтка: Λύσιππος ὁ ἀνδριαντοποιὸς ἐρωτηθεὶς ὑπό τινος «διὰ τί δήμῳ, ἀνδριάντα ποιῶν, ὦτα οὐ περιέθηκας»; εἶπε «δῆμος ἀκοῇ οὔποτε τίθεται, αὐθαδείᾳ δὲ μᾶλλον». Ваксмутъ (*Die Stadt Athen im Alterthum*, II, 1, стр. 321 1) и Блюмнеръ (въ комментированномъ изданіи Павсанія) склоняются къ тому предположенію «ob nicht eine Identifikation der beiden Demosbilder und ihrer Künstler zulässig sei». Предположеніе довольно увлекательное, не будь у насъ указанія Плинія *N. H.* 34, 19) о томъ, что «athletas autem et armatos et venatores sacrifican-

Извѣстно, что греческая религія, начиная съ IV вѣка, подъ вліяніемъ развитія философскихъ и нормальныхъ идей, испытала своего рода кризисъ. Весьма вѣроятно, тогда-то и возникло олицетвореніе Димоса, какъ божества. Что касается Аѳинъ, то появленіе тамъ культа Димоса не стоитъ ли въ связи съ окончательнымъ возстановленіемъ, послѣ многихъ перипетій, народнаго правительства въ 401/400 году?[1]).

Во второй половинѣ IV вѣка культъ Димоса соединяется съ культомъ Харитъ. Первоначальное значеніе Харитъ измѣняется, и прежнія богини «красоты и граціи» становятся олицетвореніемъ «благодарности» (ср. Aristot. *Eth. Nicom.* V, 8, p. 1133: διὸ καὶ Χαρίτων ἱερὸν ἐμποδὼν ποιοῦνται, ἵν' ἀνταπόδοσις ᾖ· τοῦτο γὰρ ἴδιον χάριτος· ἀνθυπηρετῆσαί τε γὰρ δεῖ τὸ χαρισαμένῳ, καὶ πάλιν αὐτὸν ἄρξας χαριζόμενον). Быть можетъ, алтарь, воздвигнутый херсонисцами въ благодарность за благодѣянія, оказанныя имъ аѳинянами, былъ первымъ нагляднымъ проявленіемъ культа Димоса и Харитъ въ Аѳинахъ[2]). Новый расцвѣтъ этого культа въ послѣдней четверти III вѣка можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что политическое положеніе Аѳины съ 229 года измѣнилось: они освободились отъ македонской зависимости, вернули себѣ прежнюю свободу, и аѳинскій димосъ, на словахъ, по крайней мѣрѣ, сталъ главною основою государства, снова пріобрѣлъ руководящее значеніе.

Остается упомянуть о томъ, что въ императорскую эпоху упоминаній о культѣ Димоса и Харитъ не встрѣчается[3]). Тогда, а, быть можетъ, и

---

tisque (fecerunt)... *Lyson*». Изображенія Димоса на цѣлой серіи аттическихъ барельефовъ см. Haussonlier, ук. ст. 80 сл., гдѣ указана относящаяся къ предмету литература) не имѣютъ значенія для опредѣленія характера его.

1) Ср. Aristot. Πολ. 'Αθην. 41, 1: ... τότε δὲ κύριος ὁ δῆμος γενόμενος τῶν πραγμάτων, ἐνεστήσατο τὴν [νῦν] οὖσαν πολιτείαν, ἐπὶ Πυθοδώρου μὲν ἄρχοντος, δοκοῦντος δὲ δικαίως τοῦ δήμου λαβεῖν τὴν [πο]λ[ιτεί]αν, διὰ τὸ ποιήσασθαι τὴν κάθοδον δι' αὑτοῦ τ[ὸν] δῆμον.

2) Фуртвенглеръ, *Ath. Mitt.* III (1878), 192, упоминаетъ объ одномъ фрагментѣ рельефа, найденнаго въ мѣстности Καβίδα, въ сѣверозападной части Аѳинъ, и хранящемся теперь въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ, съ изображеніемъ трехъ Харитъ. «Das Relief stellte ursprünglich ein Heiligthum mit seiner Umgebung dar; erhalten ist noch im Hintergrunde ein grosser Vorhang, von welchem eine Stelle mit den Resten einer Inschrift ΔΗ, denen nichts voranging und die wohl Δή[μῳ καὶ Χάρισιν] zu ergänzen sind». Фрагментъ этотъ, кажется, до сихъ поръ еще не изданъ. Но въ возстановленіи Фуртвенглеромъ сохранившихся жалкихъ остатковъ надписи можно сомнѣваться; съ ΔΗ могло начинаться имя лица, посвятившаго рельефъ. Съ бо̀льшимъ основаніемъ Постолакка (*Ann. dell' Inst.* 1868, 237. *Monum.* VIII, tav. LII, no. 85) и Бенндорфъ (*Zeitschr. f. österr. Gymn.* XXVI (1875), 601, табл. no. 47) относятъ къ культу Димоса и Харитъ одинъ σύμβολον ἐκκλησιαστικόν, на одной сторонѣ котораго изображены три Хариты, подъ ними подпись ΔΗΜ, а на оборотѣ бородатая голова въ вѣнкѣ, обращенная вправо. Въ этой головѣ видятъ изображеніе Димоса, хотя, надо замѣтить, она самаго ординарнаго типа.

3) Въ надписи на театральномъ креслѣ C. I. A. III, 268 читается: 'Ιερέως Χαρίτων καὶ Ἀρτέμιδος 'Επιπυργιδίας πυρφόρου.

Очевидно, что всѣ возможныя точки зрѣнія на силлогизмы могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ: къ практической и теоретической. При первой изъ ученія о силлогизмахъ съ необыкновенной самоувѣренностью хотятъ сдѣлать часть руководства къ правильному мышленію, устанавливающую рядъ предписаній, какъ мы должны умозаключать въ такихъ то и такихъ то случаяхъ и чего избѣгать, чтобы наши умозаключенія были правильными. Съ теоретической же точки зрѣнія это ученіе должно быть независимымъ отъ всякихъ попытокъ служить практическимъ руководствомъ къ правильному мышленію и должно быть разсматриваемо или какъ цѣнное само по себѣ (какъ описаніе дѣйствительности), или же какъ средство для рѣшенія другихъ теоретическихъ вопросовъ.

Начнемъ съ практической точки зрѣнія. Ея то и держался Кантъ, когда отрицалъ самостоятельность всѣхъ фигуръ силлогизма кромѣ первой и доказывалъ свое отрицаніе тѣмъ, что всѣ ихъ модусы сводятся на модусы первой фигуры[1]). Той же точки зрѣнія, очевидно, держатся и тѣ, кто подсмѣиваясь надъ ученіемъ о четырехъ фигурахъ, говорятъ: «къ чему заучивать правила, управляющія девятнадцатью модусами, когда пятнадцать изъ нихъ, именно модусы второй, третьей и четвертой фигуры, сводятся всего только къ четыремъ модусамъ первой фигуры (т. е. тѣ же самые выводы, которые получаются при помощи другихъ фигуръ, могутъ быть получены и при помощи одной лишь первой, если ихъ посылки подвергнуть небольшому, чисто формальному преобразованію)? Не цѣлесообразнѣй ли будетъ въ виду этого заучить лишь правила первой фигуры и всегда примѣнять къ дѣлу только ее одну»? И дѣйствительно, если разсматривать логику, какъ руководство къ правильному мышленію, пожалуй, незачѣмъ учить объ употребленіи нѣсколькихъ орудій, когда тѣ же самыя цѣли могутъ быть достигнуты всѣ и при помощи лишь одного изъ нихъ. Уступимъ эту мысль безъ всякаго спора, хотя она и возбуждаетъ опасеніе, что работа, производимая при помощи какого нибудь единственнаго орудія, не можетъ быть столь быстрой и тонкой, какъ при помощи нѣсколькихъ разнообразныхъ.

Но и Кантъ и его подражатели забываютъ спросить себя: правда ли,

---

1) Такъ, онъ говоритъ, что три другія фигуры не ошибочны, не даютъ неправильныхъ выводовъ, но вполнѣ *безполезны* (l. c. § 5). Далѣе, по его словамъ, цѣль логики — сводить всякое знаніе къ его *простѣйшему* виду (ibid.). Уже въ этихъ словахъ видна практическая точка зрѣнія. Правда, въ цитируемой статьѣ онъ нигдѣ не высказываетъ ея явно. Но за то въ лекціяхъ логики (изданныхъ по его порученію и по его собственнымъ запискамъ Jäsche) логика прямо характеризуется какъ «пропедевтика всякаго употребленія разсудка», какъ «искусство разума», какъ «ученіе, назначенное не для расширенія, но только для обсужденія и исправленія знанія».

что ученіе о силлогизмахъ служитъ или, можетъ служить руководствомъ къ правильному мышленію? А на такой вопросъ приходится дать отрицательный отвѣтъ. Поэтому въ логикѣ, если ее разсматривать только какъ руководство къ правильному мышленію, нѣтъ мѣста ни ученію о четырехъ фигурахъ, ни ученію объ одной фигурѣ: и то и другое оказывается въ ней излишнимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не будемъ говорить о томъ, что люди, отлично выучившіе логику, зачастую прескверно мыслятъ, и что, наоборотъ, тѣ, кто никогда не занимался ею, зачастую обладаютъ безукоризненнымъ мышленіемъ. Обратимся взамѣнъ того къ самонаблюденію, и спросимъ себя: когда мы совершаемъ умозаключенія, хотя бы по первой фигурѣ, справляемся ли мы съ правилами силлогизмовъ?. Напримѣръ, когда мы дѣлаемъ такой выводъ: «ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; значитъ, и ртуть упруга»; или когда мы считаемъ его безукоризненно правильнымъ, то справляемся ли мы о томъ, исполнены ли въ немъ предписываемыя логикой правила? Провѣряя его, справляемся ли мы, что въ немъ бо̀льшая посылка (всѣ жидкости упруги) — общая, какъ это и должно быть, а меньшая (ртуть-жидкость), какъ ей и приказано, утвердительная? Нисколько: провѣряя это умозаключеніе (которое, замѣтимъ кстати, *первой* фигуры), мы безъ всякихъ справокъ съ логикой просто напросто *чувствуемъ*, что оно правильно, т. е. чувствуемъ, что, признавъ его посылки, мы обязаны признать и его выводъ. То же самое происходитъ въ нашемъ сознаніи и въ то время, когда мы заново дѣлаемъ какой нибудь выводъ: безъ всякихъ справокъ мы *чувствуемъ*, что два признанныя нами сужденія обязываютъ насъ признавать еще третье. Лишь впослѣдствіи, сдѣлавъ наши умозаключенія предметомъ особаго изслѣдованія, мы выясняемъ себѣ, при какихъ условіяхъ можетъ быть полученъ выводъ, при какихъ нѣтъ и какимъ онъ долженъ быть (общимъ или частнымъ, утвердительнымъ или отрицательнымъ) въ зависимости отъ этихъ условій. Вотъ что говоритъ намъ самонаблюденіе. Но этого мало: оно неоспоримо свидѣтельствуетъ, что наша умозаключающая способность только тогда хорошо и работаетъ, когда на нее саму, на ея дѣятельность мы не обращаемъ никакого вниманія, а цѣликомъ сосредоточиваемъ его на томъ матеріалѣ, надъ которымъ она оперируетъ. Плохо пойдетъ дѣло, когда при рѣшеніи геометрической задачи или при изученіи геометрической теоремы мы будемъ обращать свое вниманіе не на содержаніе данной задачи или теоремы, а на дѣятельность способности умозаключеній и на управляющія ею правила. А не ясно ли изъ всего этого, что изъ ученія о силлогизмахъ, будетъ ли оно говорить о четырехъ фигурахъ, или объ одной лишь первой, нельзя сдѣлать руководство къ правиль-

ному употребленію способности умозаключеній?[1]). А если такъ, то, коль скоро мы разсматриваемъ логику съ практической точки зрѣнія, не можетъ быть никакого спора, учить ли въ ней о четырехъ фигурахъ или объ одной; ибо въ ней не можетъ быть и этого вопроса. Ставить такой вопросъ въ логикѣ, излагаемой съ практической точки зрѣнія, также нелѣпо, какъ спрашивать: какому наказанію справедливѣй подвергнуть безвинно-обвиняемаго человѣка — строгому или слабому? И разумѣется, если судьи вздумаютъ рѣшать подобный вопросъ, то имъ трудно столковаться между собой. То же самое произошло и съ писателями, превращающими логику въ руководство къ правильному мышленію: въ такомъ руководствѣ совсѣмъ нѣтъ мѣста ученію о силлогизмахъ; а они спорятъ, сколько самостоятельныхъ фигуръ силлогизма.

Перейдемъ къ теоретической точкѣ зрѣнія на силлогизмъ, и сначала возьмемъ его, какъ бы цѣнное само по себѣ. (Такую точку зрѣнія можно назвать абстрактно-логической). Тогда, конечно, намъ кидается въ глаза тотъ фактъ, что любой модусъ второй, третьей и четвертой фигуры при помощи небольшихъ, *чисто формальныхъ*, преобразованій его посылокъ (а иногда и вывода) можетъ быть сведенъ къ одному изъ модусовъ первой фигуры, т. е. тотъ самый выводъ который мы получаемъ по какому нибудь модусу другой фигуры, будетъ полученъ и по первой фигурѣ, если подвергнуть посылки (а иногда и выводъ) чисто формальнымъ преобразованіямъ (въ родѣ обращенія, т. е. перестановки сказуемаго и подлежащаго, или перестановки посылокъ и т. п.), отнюдь не измѣняя ихъ содержанія. И вотъ, многіе, особенно составители элементарныхъ учебниковъ логики, поражаясь этимъ фактомъ, начинаютъ думать, что въ немъ именно и сказывается несамостоятельность другихъ фигуръ кромѣ первой. Подъ словомъ самостоятельность силлогизма данной фигуры подразумѣвается въ этомъ случаѣ его несводимость на силлогизмы другой фигуры.

Но любопытная вещь: какъ ни часто говорятъ о сводимости однихъ фигуръ на другія, еще никому не приходило въ голову спросить себя — а нельзя ли такими же путями, какими мы сводимъ другія фигуры на первую, свести и всю первую фигуру на другія? Въ дѣйствительности же, какъ мы

---

1) Мое насмѣшливое отношеніе къ мнѣнію, будто бы логика можетъ служить руководствомъ къ правильному мышленію вовсе не означаетъ, чтобы я отрицалъ у нея общеобразовательное значеніе и въ ея изученіи не видѣлъ средства для развитія ума. И то, и другое свойственно и математикѣ, и исторіи и т. д., хотя онѣ отнюдь не претендуютъ служить руководствомъ къ правильному мышленію. Также и изученіе логики, можетъ оказывать большое и благотворное вліяніе, если къ ней относиться не какъ къ практическому руководству, а какъ къ наукѣ, имѣющей философскую цѣнность, независимо отъ попытокъ служить практическимъ руководствомъ къ правильному мышленію.

сейчасъ убѣдимся, это дѣло вполнѣ возможное. А отсюда неоспоримо слѣдуетъ, что если мы подъ словомъ самостоятельность данной фигуры подразумѣваемъ ея несводимость къ другимъ фигурамъ, то онѣ всѣ оказываются одинаково несамостоятельными, и поэтому всякій споръ о числѣ *самостоятельныхъ* фигуръ упраздняется, становится непозволительнымъ: нѣтъ ни одной *самостоятельной* (т. е. несводимой) фигуры.

Все дѣло только въ томъ, чтобы убѣдиться въ сводимости первой фигуры къ другимъ. Для этого сведемъ всѣ ея модусы на вторую фигуру. Ихъ всего четыре: два изъ нихъ, названные схоластами Celarent и Ferio, отрицательные (т. е. даютъ отрицательные выводы), а два, Barbara и Darii, утвердительные. Отрицательные модусы крайне легко сводятся на вторую фигуру: при помощи одной лишь перестановки подлежащаго и сказуемаго въ большей посылкѣ (т. е. conversio). Для доказательства напишемъ эти два модуса, высказавъ ихъ схематически, т. е. замѣняя ихъ термины буквами. А подъ каждымъ изъ нихъ напишемъ въ такомъ же схематическомъ видѣ модусы второй фигуры, на которой сводится данный модусъ первой. Надъ каждымъ модусомъ помѣстимъ его схоластическое названіе. На первомъ мѣстѣ, какъ это у всѣхъ принято, стоитъ бóльшая посылка.

Сводимые модусы первой фигуры.

Celarent
Ни одно M не есть P;
всякое S есть M;
слѣд. ни одно S не есть P.

Ferio
Ни одно M не есть P;
нѣкоторыя S суть M;
слѣдов. нѣкоторыя S не суть P.

Полученные изъ нихъ модусы второй фигуры.

Cesare
Ни одно P не есть M;
всякое S есть M;
слѣд. ни одно S не есть P.

Festino
Ни одно P не есть M;
нѣкоторыя S суть M:
слѣдов. нѣкоторыя S не суть P.

Что можетъ быть легче этого сведенія? И замѣтимъ, что оно совершается *тѣмъ самымъ* путемъ, которой схоласты указали для сведенія этихъ же двухъ модусовъ второй фигуры (Cesare и Festino) на модусы первой (на Celarent и Ferio)[1]. Что же касается до двухъ утвердительныхъ модусовъ первой фигуры: Barbara и Darii, то ихъ сведеніе на модусы второй совер-

1) Вѣдь стоитъ только подвергнуть большія посылки модусовъ Cesare и Festino обращенію, и изъ нихъ получатся модусы Celarent и Ferio.

шается такимъ же путемъ, который оказывается единственно возможнымъ для дѣйствительнаго сведенія модусовъ Baroco (второй фигуры) и Bocardo (третьей) на модусы первой [1]).

Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ утвердительные модусы первой фигуры и подвергнемъ ихъ бóльшія посылки преобразованію, называемому obversio. Тогда мы получимъ модусы второй фигуры, въ которыхъ будутъ тѣже самые выводы, какъ и въ сводимыхъ модусахъ первой фигуры, но въ иной *словесной* формѣ; именно — въ нихъ утвержденіе будетъ высказано, какъ отрицаніе отрицанія.

Сводимые модусы первой фигуры.

Barbara

Всякое M есть P;
всякое S есть M;
слѣдов. всякое S есть P.

Darii

Всякое M есть P;
нѣкоторыя S суть M;
слѣдов. нѣкоторыя S суть P.

Полученные изъ нихъ модусы второй фигуры.

Cesare

Ни одно non P не есть M;
всякое S есть M;
слѣдов. ни одно S не есть non P;
что равно: всякое S есть P.

Festino

Ни одно non P не есть M;
нѣкоторыя S суть M;
слѣдов. нѣкоторыя S не суть non P;
что равно: нѣкоторое S суть P.

Можно было бы пойти еще дальше и показать сводимость первой фигуры (а чрезъ нее и трехъ первыхъ) на модусы четвертой и т. п. Но въ этомъ нѣтъ никакой нужды: и безъ того ясно, что съ абстрактно логической точки зрѣнія, при которой подъ словомъ самостоятельность подразумѣваются несводимость, вопросъ о числѣ *самостоятельныхъ* фигуръ упраздняется; онѣ всѣ сводимы другъ на друга.

Отнесемся теперь къ ученію о силлогизмахъ, какъ къ средству для рѣшенія другихъ теоретическихъ вопросовъ. Тогда ихъ можно разсматривать только со стороны логической, изучая ихъ ради другихъ вопросовъ (логики), психологической и гносеологической. Нельзя придумать другія подраздѣленія.

Разсматривая силлогизмы съ логической стороны, мы можемъ имѣть въ виду не ихъ самихъ, но оцѣнку убѣдительности доказательствъ. Поэтому

---

1) О сведеніи Baroco и Bocardo см. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Москва 1896 г., стр. 224 и слѣд.

и вопросъ о самостоятельности фигуръ, при такой точкѣ зрѣнія мы должны поставить въ слѣдующей формѣ: какія изъ фигуръ окажутся самостоятельными, если подъ словомъ «самостоятельность» подразумѣвать, что выводъ вытекаетъ изъ посылокъ вполнѣ очевиднымъ образомъ? Или — другими словами: во всѣхъ ли фигурахъ выводъ отличается одинаково полной очевидностью? Такой вопросъ и имѣлъ въ виду Аристотель, когда характеризовалъ первую фигуру, какъ совершенную, а вторую и третью, какъ несовершенныя[1]); четвертой же фигуры, какъ извѣстно, онъ не разсматривалъ. При помощи же самого простого самонаблюденія легко убѣдиться, что три первыя фигуры отличаются вполнѣ одинаковой очевидностью. Вотъ примѣры каждой изъ нихъ. «Ртуть жидкость; а всѣ жидкости упруги; значитъ, и ртуть упруга» (первая фигура). Далѣе (вторая): «киты не дышутъ жабрами; а всѣ рыбы дышутъ жабрами; значитъ, киты не рыбы». Нако-

---

1) То же самое имѣется въ виду и въ разсужденіяхъ о dictum de omni et de nullo. При нихъ все дѣло сводится къ вопросу: какія изъ фигуръ даютъ безспорно очевидные выводы? Но при разсужденіяхъ о dictum'ѣ хотятъ рѣшить его, руководясь не тѣмъ, какіе выводы нами *чувствуются*, какъ безспорно очевидные, а справляясь съ тѣмъ, при какихъ выводахъ исполняется dictum, т. е. *правило, констатированное въ логикѣ, какъ наглядно исполняемое въ первой фигурѣ*. И такъ какъ оно отвлекается именно отъ первой фигуры, то, разумѣется, въ ней то оно нагляднѣй всего и исполняется; въ другихъ же оно исполняется скрытымъ образомъ. И въ этомъ простомъ и вполнѣ естественномъ обстоятельствѣ хотятъ видѣть, какое то особое преимущество первой фигуры предъ другими, не замѣчая, что оно создается нами самими, нашимъ желаніемъ отыскать въ другихъ фигурахъ исполненіе правила, найденнаго чрезъ разсмотрѣніе одной лишь первой. Что же касается до желанія оцѣнивать обязательность вывода не иначе, какъ убѣдившись, что при немъ наглядно исполняется dictum, то это просто смѣшно. Прежде, чѣмъ примѣнять его къ провѣркѣ выводовъ, его надо уже знать. А пока мы доходимъ то до знанія о dictum'ѣ, какимъ же путемъ мы провѣряемъ обязательность выводовъ, приводящихъ насъ къ знанію этого правила? Вѣдь у насъ еще нѣтъ въ это время знанія dictum'a. Слѣдовательно, одно изъ двухъ: или провѣрка выводовъ совершается независимо отъ знанія dictum'a; или же самъ то принципъ, именуемый dictum de omni et de nullo, остается выводомъ непровѣреннымъ, недоказаннымъ. Далѣе, когда я провѣряю, выводъ даннаго силлогизма, употребляя для этой цѣли dictum, то я при этомъ строю новый силлогизмъ, именно: «данный силлогизмъ таковъ, что въ немъ исполняется dictum (ибо въ немъ присутствуютъ такіе то и такіе то признаки); силлогизмъ же, въ которомъ исполняется dictum, правильный; слѣдовательно, данный силлогизмъ правильный». Но а этотъ то силлогизмъ какъ я провѣряю? Неужели опять при помощи dictum'a? Такъ вѣдь тогда появится еще новый силлогизмъ, требующій провѣрки и т. д. до безконечности, и моя провѣрка никогда не кончится. Еще одно замѣчаніе по поводу dictum'a. Многіе логики выводятъ правила каждой фигуры, опираясь на него, какъ на основной принципъ. А такъ какъ онъ очевиднымъ образомъ соблюдается только въ первой фигурѣ, то невольно начинаетъ казаться, будто бы правила другихъ фигуръ образуютъ собой ничто иное, какъ видоизмѣненія основнаго правила первой фигуры. А потому мы готовы разсматривать первую фигуру, какъ самостоятельную, а остальныя, какъ ея видоизмѣненія. Но правила каждой фигуры, въ томъ числѣ и первой, могутъ быть выведены независимо отъ dictum'a. Такъ, Поррояльская Логика самымъ строгимъ и яснымъ образомъ (или, какъ выражаются математики, въ высшей степени изящно) доказываетъ правила каждой фигуры безъ всякой помощи dictum'a.

нецъ (третья фигура): «ртуть жидкость; но ртуть и металлъ; значитъ, бываютъ и жидкіе металлы». Чувствуемъ ли мы хоть какую нибудь разницу въ очевидности каждаго изъ этихъ выводовъ? Что же касается до четвертой фигуры, то всѣми признано, что въ ней наша мысль двигается какимъ то неестественнымъ, а потому и не вполнѣ очевиднымъ образомъ. Наталкиваясь на силлогизмъ четвертой фигуры, намъ приходится дважды подумать прежде, чѣмъ убѣдиться въ правильности его вывода. Напримѣръ: «предметы, защищающіе тѣло отъ холода, дурные проводники тепла; а шерстяныя одежды защищаютъ тѣло отъ холода; значитъ, нѣкоторые дурные проводники тепла суть шерстяныя одежды». На этомъ выводѣ дѣйствительно мы сначала какъ бы запинаемся, не сразу чувствуемъ его обязательность. И лишь тогда онъ становится вполнѣ очевиднымъ, когда мы успѣемъ подмѣтить, что изъ тѣхъ же посылокъ очевиднымъ образомъ вытекаетъ тотъ выводъ, что шерстяныя одежды—дурные проводники тепла, и что въ этомъ выводѣ уже подразумѣвается и обратная мысль, именно: «въ числѣ дурныхъ проводниковъ находятся и шерстяныя одежды». Но если мы изъ нашихъ посылокъ сперва сдѣлаемъ выводъ, гласящій: «шерстяныя одежды дурные проводники тепла», то онъ вмѣстѣ съ ними образуетъ уже не четвертую, а первую фигуру. Такимъ образомъ съ разсматриваемой точки зрѣнія (которую можно назвать конкретно-логической для отличенія отъ предыдущей) аристотелевскія фигуры (три первыя) ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга: онѣ всѣ одинаково и вполнѣ убѣдительны, слѣдовательно и одинаково самостоятельны. Несамостоятельной же является при этой точкѣ зрѣнія лишь четвертая фигура.

Разсмотримъ теперь фигуры силлогизма съ психологической стороны, какъ отраженіе психическихъ процессовъ въ рѣчи. Здѣсь прежде всего мы должны выяснить, какое психологическое значеніе имѣетъ фактъ сводимости *любой* фигуры на другія. На что указываетъ онъ, если мы хотимъ дать себѣ отчетъ лишь въ тѣхъ умственныхъ процессахъ, которые происходятъ въ нашемъ сознаніи во время акта силлогизаціи (независимо отъ оцѣнки услугъ, оказываемыхъ силлогизмами для доказательствъ и вообще для развитія знанія)? Сведеніе одной фигуры на другую достигается при помощи такихъ преобразованій посылокъ, которыя бываютъ лишь двухъ видовъ. Отчасти эти преобразованія бываютъ чисто словесными, состоятъ или въ простой перестановкѣ посылокъ или въ замѣнѣ одного словеснаго выраженія другимъ, имѣющимъ тоже самое значеніе, напримѣръ чрезъ замѣну утвержденія отрицаніемъ отрицанія и т. п. Очевидно, это такія преобразованія, которыя не показываютъ ровно никакого измѣненія въ мысляхъ. Напримѣръ, скажу ли я: «всякое S есть M» (всякій металлъ есть простое тѣло),

или же: «ни одно S не есть non M» (ни одинъ металлъ не есть непростое тѣло), и въ томъ и въ другомъ случаѣ мысль нисколько не мѣняется; вся разница состоитъ лишь въ выражающихъ ея словахъ. Отчасти же необходимыя для сведенія данной фигуры преобразованія посылокъ таковы, что высказанная въ нихъ мысль остается той же самой, какъ и прежде, но наше вниманіе переносится съ одного элемента той же мысли на другой. Такова, напримѣръ, перестановка подлежащаго и сказуемаго (conversio). Скажу ли я: «киты не рыбы», или скажу: «рыбы не киты», и въ томъ и въ другомъ случаѣ я высказываю одну и ту же мысль (тѣ же понятія, по прежнему отрицаемыя относительно другъ друга). Но въ первомъ я сосредоточиваю вниманіе на понятіи «киты» какъ на предметѣ, относительно котораго отрицается содержаніе другаго понятія; а во второмъ наоборотъ — мое вниманіе сосредоточивается на понятіи «рыбы», какъ на предметѣ отрицанія. А въ зависимости отъ того, на какомъ элементѣ сужденія сосредоточивается наше вниманіе, онъ будетъ высказанъ или какъ подлежащее или какъ сказуемое. Самое же сужденіе, если его разсматривать вполнѣ независимо отъ его отношеній къ выражающему его предложенію (слѣдовательно независимо и отъ обусловливающаго такой или другой способъ выраженія сосредоточиванія вниманія на томъ или другомъ элементѣ сужденія), остается такимъ же, какъ и прежде: прежнія два понятія и прежнее же взаимоотношеніе между ними — утвердительное или отрицательное. А изъ всего этого слѣдуетъ, что если мы будемъ разсматривать актъ силлогизма, не принимая въ разсчетъ ни его словесныхъ выраженій, ни даже его отношенія къ нимъ (т. е. не беря въ разсчетъ даже сосредоточиванія нашего вниманія на томъ или другомъ элементѣ сужденій, вслѣдствіе чего тотъ или другой изъ нихъ высказывается или какъ подлежащее или какъ сказуемое сужденія) слѣдовательно — ограничиваясь разсмотрѣніемъ нашихъ мыслей самихъ по себѣ, то въ силлогизмахъ не будетъ никакого различія фигуръ; вѣдь имъ нечѣмъ будетъ отличаться другъ отъ друга. Но это не значитъ, чтобы при такой точкѣ зрѣнія (которую мы можемъ назвать абстрактно-психологической) всѣ силлогизмы принадлежали къ первой фигурѣ: они при такихъ условіяхъ совсѣмъ не имѣютъ фигуры, такъ какъ ихъ фигуры, въ томъ числѣ и первая, отличаются тѣмъ, чего нѣтъ въ силлогизмахъ при разсматриваемыхъ условіяхъ. Вѣдь первая фигура отличается тѣмъ, что въ ней средній терминъ служитъ подлежащимъ большей и сказуемымъ меньшей посылки. А при разсматриваемыхъ условіяхъ остается еще неопредѣленнымъ, какой изъ элементовъ сужденія будетъ высказанъ какъ подлежащее и какой — какъ сказуемое. Такимъ образомъ при абстрактно — психологической точкѣ зрѣнія вопросъ о числѣ самостоя-

тельныхъ фигуръ упраздняется, также какъ при абстрактно логической и при практической.

Но можно разсматривать актъ силлогизма и съ конкретно-психологической стороны, принимая въ разсчетъ сосредоточеніе нашего вниманія на томъ или другомъ элементѣ сужденія, обусловливающее, какой изъ нихъ будетъ высказанъ, какъ подлежащее или какъ сказуемое. Вѣдь сосредоточеніе вниманія тоже составляетъ психологическій фактъ; и кромѣ того мысль въ дѣйствительности такъ тѣсно срастается съ рѣчью, что только въ абстракціи мы отдѣляемъ ихъ другъ отъ друга. Разсматривая же актъ силлогизма конкретно-психологически, мы можемъ поставить нашъ вопросъ только въ слѣдующей формѣ: какія изъ фигуръ будутъ вполнѣ естественно высказывать происходящій въ нашемъ сознаніи актъ силлогизма, коль скоро онъ сопровождается сосредоточеніемъ нашего вниманія на нѣкоторыхъ элементахъ сужденій, обусловливающимъ, какіе изъ нихъ будутъ высказаны какъ подлежащее или какъ сказуемое? Вотъ эту то естественность мы и можемъ назвать самостоятельностью фигуры. При помощи же самонаблюденія, пользуясь, какъ матеріаломъ, примѣрами всѣхъ фигуръ, приведенными нами, когда мы говорили о конкретно-логической сторонѣ силлогизмовъ, мы легко убѣждаемся, что аристотелевскія фигуры отличаются одинаковой естественностью; и неестественнымъ характеромъ обладаетъ только четвертая фигура. Болѣе того: можно даже указать тѣ условія, при которыхъ наиболѣе естественнымъ будетъ употребленіе той или другой аристотелевской фигуры. Если у насъ дѣло идетъ о томъ, чтобы примѣнить общее положеніе (напримѣръ, то, что жидкости упруги) къ подчиненному ему случаю (напримѣръ, къ ртути), то естественнѣй всего употребленіе первой фигуры. Таковъ силлогизмъ: «ртуть жидкость; а всѣ жидкости упруги; значитъ и ртуть упруга». При опроверженіяхъ естественнѣй всего вторая фигура. Такъ, для опроверженія мнѣнія, будто бы киты — рыбы, естественнѣй всего такое соображеніе (по второй фигурѣ): «рыбы дышатъ жабрами; а киты не дышатъ жабрами; значитъ, киты не рыбы». Наконецъ, для констатированія совпаденія или несовпаденія какихъ либо свойствъ (напримѣръ, для констатированія совпаденія металличности съ принадлежностью къ жидкостямъ) — третья фигура. Напримѣръ: «ртуть металлъ; но она и жидкость, такъ что бываютъ и жидкіе металлы». Лишь при четвертой фигурѣ наша рѣчь становится какъ то неестественной, какъ будто бы она расходится въ чемъ-то съ нашими намѣреніями. Такимъ образомъ, съ конкретно-психологической точки зрѣнія (при которой подъ самостоятельностью подразумѣвается естественность выраженія) получается такой же выводъ, какъ и при конкретно-логической; аристотелевскія фигуры

оказываются одинаково самостоятельными, а четвертая — несамостоятельной.

Остается лишь гносеологическая, самая цѣнная и самая интересная, сторона ученія о силлогизмахъ. Объяснимъ сперва, въ чемъ она состоитъ. Теорія познанія работаетъ между прочимъ надъ тѣмъ фактомъ, что въ основѣ нашего знанія лежатъ общія сужденія, играющія роль первыхъ началъ или основныхъ принциповъ нашего знанія. Ученіе же о силлогизмахъ съ полной наглядностью выясняетъ существованіе этого факта, такъ какъ воочію показываетъ, вопервыхъ, что при помощи силлогизмовъ ни одно сужденіе не можетъ быть оправдано (т. е. введено въ составъ достовѣрнаго знанія), если не опираться при этомъ на достовѣрныя общія посылки (ибо изъ частныхъ посылокъ нельзя сдѣлать никакого вывода) и вовторыхъ, что общія сужденія (а они — наиболѣе цѣнныя для знанія) могутъ быть оправданы, опираясь на однѣ лишь общія посылки (выводъ бываетъ общимъ, и то не всегда, только въ томъ случаѣ, если обѣ посылки общія). Какъ же поставить вопросъ о числѣ самостоятельныхъ фигуръ, если имѣть въ виду лишь эту, гносеологическую сторону силлогизмовъ? Единственный смыслъ, который мы можемъ придать ему, это — свести нашъ вопросъ къ слѣдующему: какъ удобнѣй при изученіи силлогизмовъ выставить на видъ, что всякій выводъ получается не иначе, какъ при помощи общей посылки, а общій не иначе какъ при обѣихъ общихъ? Дѣлать ли это чрезъ разсмотрѣніе всѣхъ модусовъ каждой фигуры (чтобы не было сомнѣнія въ господствѣ этихъ правилъ надъ всѣми силлогизмами) или чрезъ предварительное сведеніе трехъ другихъ фигуръ на первую? Вѣдь наши положенія будутъ одинаково доказаны для всѣхъ силлогизмовъ безъ исключенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Строго говоря, вопросъ о числѣ самостоятельныхъ фигуръ такой постановкой упраздняется и замѣняется вопросомъ о дидактическомъ удобствѣ. Но, можетъ быть, въ дидактическомъ удобствѣ, ожидаемомъ отъ сведенія трехъ фигуръ на первую захотятъ видѣть ея бо̀льшую самостоятельность сравнительно съ другими. Но даже и въ этомъ случаѣ у нея нѣтъ никакихъ преимуществъ. Уже не будемъ говорить о томъ, что взамѣнъ нея можно свести всѣ фигуры и на вторую (коль скоро первая сводится на вторую). Взглянемъ на дѣло прямо со стороны дидактическихъ удобствъ. Когда мы затратимъ меньше труда и времени: тогда ли, когда мы, установивъ сперва 19 модусовъ четырехъ фигуръ и разсматривая ихъ, убѣдимся, что въ каждомъ изъ нихъ есть хотя одна общая посылка, а общій выводъ бываетъ лишь при обѣихъ общихъ посылкахъ; или же тогда, когда мы *по прежнему установивъ сперва тѣже 19 модусовъ*, потомъ 15 изъ нихъ сведемъ къ четыремъ модусамъ первой фигуры

и лишь въ этихъ четырехъ констатируемъ тоже самое обстоятельство? Во второмъ случаѣ весь трудъ остается такимъ же, какъ и прежде, только простой обзоръ 15 модусовъ замѣнится обзоромъ лишь четырехъ и сведеніемъ 15 къ первой фигурѣ. А это трудъ довольно продолжительный. Такъ, для одного лишь объясненія искусства сведенія трехъ фигуръ на первую Минто въ своей логикѣ употребляетъ пять страницъ [1]).

Подведемъ же итогъ всему сказанному. Силлогизмы можно разсматривать съ различныхъ точекъ зрѣнія и въ зависимости отъ нихъ выраженію «самостоятельность фигуры» приходится приписывать различное значеніе. При нѣкоторыхъ изъ этихъ точекъ зрѣнія (практической, абстрактно-логической, абстракто-психологической и, строго говоря, при гносеологической) вопросъ о числѣ фигуръ, которыя сравнительно съ другими отличаются такими преимуществами, чтобы ихъ можно было назвать самостоятельными, а другія несамостоятельными, упраздняется. При двухъ же изъ нихъ (конкретно-логической и конкретно-психологической) аристотелевскія фигуры имѣютъ явное и одинаковое преимущество предъ четвертой, какъ болѣе естественныя и дающія болѣе очевидные выводы. И вотъ, въ этихъ то отношеніяхъ они и могутъ быть названы самостоятельными. Если же подъ словомъ несамостоятельность данной фигуры понимать дидактическое удобство, доставляемое ея сведеніемъ на другія, то онѣ всѣ одинаково самостоятельны. Наконецъ, фактъ сводимости фигуръ, распространяясь и на первую фигуру, никакъ не можетъ свидѣтельствовать объ ея преимуществахъ предъ другими. Онъ, напротивъ, показываетъ, что если разсматривать силлогизмы, какъ чисто умственные процессы, безъ всякаго отношенія къ рѣчи, то въ нихъ нѣтъ никакихъ фигуръ.

---

1) l. c. стр. 222—228.

Александръ **Введенскій.**

Tablifer.

Въ послѣдней книжкѣ Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'école française de Rome (1897 p. 145—151) г. Besnier опубликовалъ очень интересный рельефъ. Найденъ онъ на мѣстѣ нахожденія извѣстныхъ castra vetera императорской лейбъ-гвардіи, такъ называемыхъ equites singulares. На рельефѣ представленъ стоящій въ эдикулѣ пожилой бородатый и усатый мужчина. Одѣтъ онъ въ короткую тунику, на ногахъ сапоги, поверхъ туники военный плащъ, съ праваго плеча свѣшивается перевязь меча, котораго однако не видно. Въ правой рукѣ онъ держитъ ситулу [1]), въ которой тлѣютъ куренья, въ лѣвой vexillum, украшенный внизу бахромой на длинной палкѣ. На рельефѣ надпись: S(ancto) S(ilvano) s(acrum) | A. Cocceius | Eros | ex viso | fecit. Итакъ рельефъ представляетъ несомнѣнно сцену жертвоприношенія Сильвану нѣкоего Кокцея Эрота. Кто же такой этотъ Кокцей Эротъ? Одежда его, мечъ на перевязи, vexillum указываютъ несомнѣнно на то, что это солдатъ; Besnier совершенно правильно указалъ, что судя по мѣсту находки, посвященію Сильвану, имени лица, солдатъ этотъ принадлежалъ къ отряду equites singulares—императорскаго конвоя. Пытаясь подыскать рангъ, который занималъ нашъ Кокцей въ этомъ отрядѣ, Besnier указываетъ на рядъ надписей, называющихъ намъ неизвѣстную въ другихъ отрядахъ степень tablifer'а—степень несомнѣнно входившую въ рядъ степеней, объединенныхъ именемъ principales (см. Henzen, Annali 1885, p. 282; Gatti, Notizie degli scavi 1891, p. 126; Bull. Comunale 1891, p. 286—

---

1) Besnier говоритъ о вазѣ безъ ручки, въ которой горитъ огонь; надъ ней де Кокцей держитъ куренья. На фотографіи ясно видна ручка ситулы; кромѣ того сосудъ не достигаетъ до пола.

287; ср. Cagnat, Daremberg et Saglio, Dictionnaire, t. II, p. 789 sqq.). Это предположеніе однако совершенно невозможно: ибо, что Besnier считаетъ за tabula или tabella на палкѣ, есть несомнѣнно обыкновенный vexillum, на что уже съ полной очевидностью указываетъ необходимая составная часть послѣдняго—бахрома. Между тѣмъ среди надписей equites singulares мы дѣйствительно встрѣчаемся съ нѣсколькими vexillarii (C VI 226. 3203. 3253. 3239 cf. Cauer Eph. ep. IV p. 363; Domaszewski, Die Fahnen des römischen Heeres, Wien 1885. p. 26. 27). Вопросъ объ этихъ vexillarii вопросъ сложный: дѣло въ томъ, что само по себѣ vexillum есть наиболѣе подходящее знамя для equites singulares коннаго отряда, но надписи, называя изрѣдка указанныхъ vexillarii, обыкновенно называютъ намъ signiferi по одному въ каждой турмѣ и притомъ въ ту же эпоху, въ которую намъ засвидѣтельствованы и vexillarii (C VI 225; ср. 226; Domaszewski l. c.). Считать съ Кауеромъ (l. c.), что оба имени употреблялись promiscue, немыслимо въ виду оффиціальности надписей и строгости римской военной терминологіи; остается думать съ Домашевскимъ (l. c.) «dass der vexillarius die Fahne des numerus der equites singulares imperatoris getragen hat» [1]). Это предположеніе подтверждаетъ, кажется, слѣдующее. Мнѣ кажется, что кромѣ нашего камня можно указать еще нѣсколько изображеній вексилларія equitum singularium, изображеній неправильно истолкованныхъ Домашевскимъ. Прежде всего одинъ рельефъ Траяновой колонны (Fröhner pl. 119 [2]) Domaszewski op. cit. fig. 99). Здѣсь мы видимъ всадника усатаго и бородатаго, одѣтаго въ тунику, sagum и штаны; въ правой рукѣ онъ держитъ vexillum совершенно аналогичное нашему [3]). Если такъ, то весьма вѣроятно отнести vexilla, сопровождающія императора на рельефѣ (Bartoli, Admiranda 32; Domaszewski, p. 78, fig. 96) изображающемъ М. Аврелія, не къ equites praetoriani съ Домашевскимъ, а къ equites singulares, естественной свитѣ императора. Какъ бы тамъ ни было, ясно одно, что на нашемъ рельефѣ изображенъ не tablifer, а vexillarius. Что же такое были эти tabliferi, какую роль они играли въ императорскомъ конвоѣ [4])? Besnier вы-

---

1) Cf. Mommsen Eph. ep. IV, p. 371.

2) Новой публикаціи колонны Cichorius'а къ сожалѣнію не имѣю подъ руками и принужденъ цитировать по громоздкой и не всегда точной публикаціи Fröhner'а.

3) Особенно важно то, что этотъ vexillarius находится въ непосредственной свитѣ императора, какъ и на рельефѣ М. Аврелія. Это единственный случай слѣдованія всадниковъ непоср. за императоромъ на колоннѣ.

4) Ср. Fröhner, Colonne Trajane, p. 60. 61. 80. etc. Cagnat, Dictionnaire des antiquités Daremberg et Saglio t. II, p. 791, fig. 2748 et 2749. Впрочемъ во всѣхъ цитуемыхъ Cagnat случаяхъ слѣдуетъ скорѣе думать о equites praetoriani или legionarii. Vexillarius equitum praetorianorum Fröhner pl. 34; Domaszewski fig. 100.

сказывается смутно, то какъ будто принимая мнѣніе Gatti, о которомъ ниже, то какъ бы идентифицируя таблиферовъ съ сигниферами, то приписывая имъ какое то сакральное значеніе [1]). На настоящее значеніе таблифера указалъ уже Гатти (Not. degli Scavi 1891, p. 129; Bull. Comunale 1891, p. 288). Несомнѣнно, что имя происходитъ отъ ношенія какой нибудь tabula или tabella вѣр. на концѣ длинной палки, что давало этимъ лицамъ извѣстное сходство съ signifer'ами, imaginifer'ами и т. п. Что же это были за tabulae? Гатти указываетъ совершенно правильно на стихи Ovid. Trist. IV. 2. 20:

> ergo omnes poterit populus spectare triumphos,
> cumque ducum titulis oppida capta leget,

говорящіе намъ про tabellae съ надписями, носимыя въ тріумфѣ передъ изображеніями взятыхъ городовъ и т. п. Онъ же указываетъ на tabellae несомыя солдатами на Траяновой аркѣ, тоже мы видимъ на аркѣ Оранжа (см. Besnier op. c., p. 151 пр. 2). Но все это конечно только основы нашей шаржи; немыслимо думать, что для такой случайной вещи, какъ тріумфъ, была учреждена особая степень. Ясно, что это ношеніе tabellae было въ позднѣйшее время урегулировано, и съ этимъ вмѣстѣ возникли и постоянные tablіferi въ отрядѣ equites singulares. Эта регулировка несомнѣнно дѣло рукъ императоровъ и на нее указываютъ намъ нѣкоторыя изображенія на монетахъ. Мы говоримъ про изображенія, иллюстрирующія большія раздачи императоровъ: congiaria и liberalitates. Изображенія эти конечно не даютъ намъ самой техники раздачъ, но вѣроятно иллюстрируютъ вводную церемонію каждой большой liberalitas.

Типъ изображенія вырабатывается ко времени Нерона и живетъ до позднихъ временъ римской имперіи. Мы публикуемъ здѣсь два R. монетъ Нерона, относящихся къ его 1 и 2 конгіаріямъ (Cohen I n. 68 и 78 [2]).

1) На трибуналѣ, съ котораго внизъ ведетъ лѣстница, сидитъ императоръ на курульномъ креслѣ направо; правая рука лежитъ на колѣняхъ, въ лѣвой онъ держитъ свитокъ. Передъ нимъ на трибуналѣ же сидитъ на табуретѣ чиновникъ, писецъ направо, передъ нимъ невысокій столикъ; онъ очевидно заноситъ имя получающаго въ списки. На второмъ планѣ за писцомъ статуя Аѳины на пьедесталѣ, обращенная налѣво. Она въ длинной

---

1) Послѣднее онъ основываетъ на ситулѣ въ рукахъ Кокцея. Ясно, что ситула никакого отношенія къ vexillum не имѣетъ и есть жертвоприношеніе Кокцея Сильвану.

2) Монеты по обыкновенію неточно описаны Cohen'омъ; на разногласія съ нимъ мы не указываемъ, такъ какъ ошибки его слишкомъ очевидны.

одеждѣ, шлемѣ, лѣвой рукой опирается на копье, на вытянутой правой держитъ сову (?). По ступенямъ лѣстницы взбирается гражданинъ togatus и протягиваетъ руку по направленію къ императору, за нимъ идетъ маленькій ребенокъ. Наконецъ на второмъ планѣ сидитъ мужчина въ короткой ту-

никѣ съ голыми ногами, голова повернута влѣво. Въ правой поднятой рукѣ онъ держитъ короткую палку, на которой укрѣплена четыреугольная дощечка. Надпись CONG I DAT POP S. C = Con (giarium primum) dat(um) pop(ulo) s(enatus) c(onsulto) (см. рис.).

2) Трибуналъ представленъ стоящимъ либо въ зданіи, стѣна котораго, раздѣленная пилястрами, составляетъ фонъ изображенія, либо передъ зданіемъ. На трибуналѣ на курульномъ креслѣ императоръ, протягивающій правую руку (обращенъ на лѣво), направо отъ императора на второмъ планѣ фигура одѣтая въ тогу de face, м. б., какъ думаетъ Cohen, префектъ преторія. Передъ стѣной зданія на второмъ планѣ статуя Аѳины, налѣво передъ трибуналомъ солдатъ въ шлемѣ и короткой туникѣ, обращенный налѣво, въ правой вытянутой рукѣ его такая же tabella на палкѣ, какъ у мужчины предыдущей монеты [1]). Къ трибуналу приближается togatus, протягивая обѣ руки. Надпись CONG. II. DAT POP SC = Con (giarium secundum) dat(um) pop(ulo) s(enatus) c(onsulto). Подобныя изображенія иллюстрируютъ раздачи и позднѣйшихъ императоровъ. Типъ остается тотъ-же, но изображеніе теряетъ свою жизненность: солдата замѣняетъ аллегорическая фигура Libe-

1) Въ виду аналогіи съ нашей монетой и того обстоятельства, что на другихъ изображеніяхъ liberalitates мы часто имѣемъ солдатъ, стоящихъ за императоромъ, мы склоняемся видѣть въ фигурѣ, если она даже не въ шлемѣ, скорѣе солдата, чѣмъ apparitor'а.

ralitas съ той же tabella и рогомъ изобилія въ рукахъ [1]), статуя Аѳины иногда отсутствуетъ, часто въ качествѣ свиты императора появляется солдатъ, писецъ является еще только на монетахъ Нервы и затѣмъ исчезаетъ. Все же отъ времени до времени мы опять встрѣчаемъ нашего солдата несущаго tabula, а именно: Титъ Cohen n. 46, Нерва Cohen 37. 38. 39 [2]), Адріанъ n. 930 (?), Л. Веръ n. 116, 117 cf. M. Аврелій n. 75 и Септимій Северъ n. 285. Изображенія раздачъ вызываютъ рядъ вопросовъ: прежде всего, гдѣ происходитъ сцена. Очевидно характернымъ признакомъ мѣста является статуя Аѳины [3]), конечно бронзовая, появляющаяся на всѣхъ изображеніяхъ вводной церемоніи largitas. Невольно приходитъ на умъ continens curiae chalcidicum (Monum. Ancyr. 4. 1), Ἀθήναιον τὸ χαλκιδικὸν ὠνομασμένον (Dio 51. 22), atrium Minervae регіонарія. Это зданіе, находившееся рядомъ съ куріей, вѣроятно между ней и secretarium senatus (см. мою хронику римскаго запада Филолог. Обозр. 1895, стр. 100), прекрасно подходитъ для такой церемоніи.

Но возвратимся къ нашимъ tabliferi. Мы видѣли, что необходимую составную часть сцены составляетъ лицо, держащее доску, на которой иногда видна надпись, указывающая номеръ раздачи. Очевидно, что присутствіе такого указателя церемоніи было необходимой составной частью самой церемоніи, имя tablifer для лица держащаго эту tabella напрашивается само собой. Если же мы примемъ во вниманіе, что чаще всего изображеніе солдата tablifer'а является на монетахъ Нервы, вѣроятнаго основателя отряда equites singulares, то мы должны будемъ заключить, что обязанность эта, первоначально исполнявшаяся при тріумфахъ и другихъ церемоніяхъ солдатами разныхъ отрядовъ, была поручена Нервой особымъ principales сформированнаго имъ конвоя, которые и получили имя tabliferi. Вѣроятно они являлись указателями не только вводной церемоніи раздачъ, но и другихъ торжественныхъ актовъ государственной жизни, гдѣ фигурировалъ императоръ. Конечно нельзя думать, что такое ношеніе tabulae было единственной обязанностью tablifer'а; вѣроятно какъ и signifer'ы [4]), они играли роль и

---

1) Отмѣтимъ, что для раздачъ имя congiarium употребляется регулярно только въ I-мъ вѣкѣ, затѣмъ оно вытѣсняется именемъ liberalitas.

2) Рисунокъ, данный у Cohen'а, неправиленъ, какъ мы могли судить послѣ сличенія съ оригиналомъ. Дощечку держитъ мужчина.

3) Eckhel t. VI, p. 271, описывая монету Нерона, не знаетъ, какое значеніе она можетъ имѣть на нашихъ монетахъ. Намъ она кажется яснымъ указаніемъ на мѣсто раздачи.

4) Cagnat, L'armée romaine d'Afrique p. 219. 220.

въ обыденной жизни турмы, но имя имъ дано было на основаніи ихъ функціи при различныхъ церемоніяхъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся императоръ. Мало вѣроятнаго, судя по спискамъ equites singulares, чтобы ихъ было по одному въ каждой турмѣ, какъ то предполагаетъ Besnier (p. 151). Каждая турма, какъ то указано было уже Henzen'омъ, имѣла вѣроятно своего signifer'a, котораго мы не имѣемъ никакого права смѣшивать съ таблиферами.

М. Ростовцевъ.

О двухъ грамотахъ 1611 года.

I.

Всѣмъ писавшимъ о смутномъ времени Московскаго государства приходилось касаться грамоты «отъ смольнянъ» или «изъ подъ Смоленска», составленной въ концѣ 1610 или началѣ 1611 года и призывавшей московскихъ людей на борьбу съ поляками. Она сохранилась при отпискѣ нижегородцевъ въ Вологду, причемъ въ отпискѣ сказано, что нижегородцамъ прислалъ эту «смоленскую» грамоту патріархъ Гермогенъ 27 января 1611 года[1]). Содержаніе грамоты многихъ наводило на мысль, что происхожденіе документа не таково, какимъ его признали первые издатели; но, кажется, только одинъ Арцыбышевъ рѣшился сказать, что «подлинность этой грамоты сомнительна» и что «едва ли не *сочинено* это въ Москвѣ»[2]).

Думаемъ, что Арцыбышевъ былъ совсѣмъ правъ и что мы имѣемъ дѣло съ любопытною поддѣлкою, которая вышла не изъ подъ Смоленска и не отъ смольнянъ, а изъ какого-то политическаго кружка московскихъ патріотовъ, неразборчивыхъ на средства и способы агитаціи. По тексту грамоты выходитъ такъ, будто грамоту писали въ королевскомъ обозѣ русскіе люди, пришедшіе туда «изъ своихъ разоренныхъ городовъ и изъ уѣздовъ» и жившіе тамъ «не мало: иной больше году живетъ, иной мало не годъ». Между тѣмъ о Смоленскихъ, Дорогобужскихъ, Брянскихъ служилыхъ людяхъ у насъ есть свѣдѣнія, что они въ большомъ количествѣ (болѣе 500 человѣкъ) лѣтомъ 1610 года были въ Москвѣ и только въ сентябрѣ были отпущены оттуда съ великимъ посольствомъ (и впереди его) въ королевскій

1) А. Э. II, № 176, стр. 299—301 и стр. 297. Также С. Г. Гр. и Д. II, № 226 (здѣсь текстъ неисправенъ) и № 229.

2) Повѣствованіе о Россіи, т. III, прим. 1421.

лагерь[1]). Очевидно, что они не могли писать грамоту, ибо жили подъ Смоленскомъ въ обозѣ не «больше году» и далеко не годъ. А кого же другого изъ русскихъ людей, не подчинившихся Сигизмунду, допустили бы поляки жить въ королевскомъ лагерѣ цѣлый годъ съ самаго начала Смоленской осады? Это — съ одной стороны. Съ другой, у насъ есть безспорныя, подлинныя Смоленскія письма, числомъ до десяти; стоитъ сравнить ихъ текстъ, трогательно простой и дѣловитый, съ риторическою манерою грамоты, чтобы почувствовать всю искусственность послѣдней[2]). Аналогіи ей находимъ не въ этихъ скорбныхъ «отпискахъ» и «грамотахъ», вышедшихъ изъ Смоленской осады, а въ Московскихъ и Троицкихъ воззваніяхъ и посланіяхъ, которыя писали «писцы борзые», въ спокойной «келліи», собирая «отъ божественныхъ писаній учительныя словеса». Однако приведенныя соображенія не имѣли бы рѣшающаго значенія для оцѣнки грамоты, еслибъ въ текстѣ ея не было прямыхъ несообразностей, изобличающихъ ея творцовъ. Одну изъ несообразностей отмѣтилъ Арцыбышевъ. Въ грамотѣ упоминается письмо Салтыкова и Андронова, писанное «послѣ Рождества Христова на пятой недѣлѣ въ субботу», то есть, 26 января 1611 года. Какъ бы ни толковали эту дату — въ томъ ли смыслѣ, что письмо писано въ Москвѣ («писали съ Москвы») 26 января, или же въ томъ смыслѣ, что письмо получено подъ Смоленскомъ 26 января,—все равно дата невѣроятна потому, что Смоленская грамота, какъ мы указали выше, была переслана москвичами въ Нижній уже 27 января. Въ одинъ день нельзя было изъ подъ Смоленска подать вѣсть въ Нижній или Москву: самая быстрая обсылка между королевскимъ лагеремъ подъ Смоленскомъ и Москвою требовала недѣли въ одинъ конецъ[3]). Одинаково невѣроятно указаніе грамоты, что Сигизмунду «писали съ Москвы» о смерти Тушинскаго Вора и о радостномъ движеніи по этому поводу въ Москвѣ «за два дня предъ Рождествомъ Христовымъ». Можно установить, что убійство Вора, происшедшее 11 декабря 1610 года, стало извѣстно въ Москвѣ 14 декабря, а въ королевскомъ лагерѣ 18 (по новому стилю 28) декабря[4]). Такимъ образомъ датировку событій въ грамотѣ слѣдуетъ признать неудачною. Сверхъ того удивляетъ и та особенность въ изложеніи грамоты, что писавшіе ее въ польскомъ станѣ маленькіе и гонимые русскіе люди (если только они ее писали) точно знаютъ содержаніе интимныхъ сообщеній королю со сто-

---

1) А. Зап. Россіи, т. IV, стр. 319.—А. И. II, № 290.—Русск. Ист.-Библ., I, стр. 686—687.—Записки Жолкевскаго, изд. 2, прилож. № 29 и № 30.

2) А. И. II, №№ 265, 267, 354. — Доп. къ А. И. I, № 231.

3) С. Г. Гр. и Д. II, стр. 472.

4) А. И. II, № 307 и № 308.—Русск. Ист. Библ. I, стр. 709.

роны его московскихъ приверженцевъ. Тотчасъ, какъ король узнаётъ о народномъ движеніи въ Москвѣ (раньше конца декабря онъ не могъ этого узнать), тотчасъ, какъ становится ему извѣстною агитація патріарха (о которой онъ также не могъ узнать ранѣе Рождества), — о томъ же самомъ узнаютъ и московскіе люди, «разоренные плѣнные», подъ страхомъ смерти и неволи живущіе въ королевскомъ лагерѣ; мало того, они безъ боязни и препятствій пишутъ объ этомъ въ Москву и съ необыкновенною быстротою пересылаютъ эти свои сообщенія. Все это мало вѣроятно. Еслибы мы вздумали безъ оглядки повѣрить этому, то тѣмъ самымъ обязывались бы принять и увѣреніе авторовъ грамоты, что они подъ Смоленскомъ «не мало время» живутъ и потому «подлинно» про все вѣдаютъ. Мы видѣли, что по ихъ показанію они живутъ тамъ съ годъ или «мало не годъ»: столь большое время могли быть въ королевскомъ станѣ лишь бѣглые тушинцы, которые промѣняли Вора на короля въ началѣ 1610 года. Но ихъ могли терпѣть подъ Смоленскомъ только при условіи вѣрной службы королю, и въ ихъ средѣ трудно предположить московскихъ корреспондентовъ: этотъ людъ шелъ за М. Салтыковымъ и порвалъ свои собственно московскія связи.

Однако сомнѣнія относительно Смоленской грамоты не приводили бы ни къ какимъ опредѣленнымъ догадкамъ о ея истинномъ происхожденіи, еслибы не стало извѣстно интереснѣйшее «письмо», относящееся къ тому же самому времени и преслѣдующее тѣ же цѣли, какъ и Смоленская грамота [1]). Это письмо, возбуждающее московское населеніе противъ поляковъ, знакомитъ насъ—и притомъ съ полною достовѣрностью—съ такими пріемами политической борьбы, которые могутъ повергнуть насъ въ изумленіе своею тонкостью и сложностью. Московскіе патріоты распространяли политическіе новости и внушенія посредствомъ анонимныхъ литературно-написанныхъ произведеній. Дѣйствуя подъ верховнымъ руководствомъ патріарха Гермогена, они своими писаніями старались внушить народной массѣ его мысли и желанія, но въ то же время ставили его какъ бы въ сторонѣ отъ дѣла вражды и возстанія: санъ и положеніе патріарха вполнѣ объясняютъ такое поведеніе московскихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюдая осторожность и относительно себя самихъ, московскіе патріоты старались скрыть отъ бояръ и поляковъ, владѣвшихъ Москвою, всякіе слѣды своего авторства. Они придавали своимъ произведеніямъ форму или подметныхъ посланій отъ безвѣстнаго лица [2]), или же посланій, составленныхъ «общимъ всѣмъ

---

1) Русск. Ист. Библ., XIII, ст. 187 и слѣд. — Журн. Мин. Нар. Просв., 1886, январь, статья «Новая повѣсть о смутномъ времени XVII в.»—С. Платоновъ «Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII в.», стр. 86 и слѣд.

2) Русск. Имп. Библ., XIII, стр. 216—218.

народомъ Московскаго государства»[1]). Къ такому то типу литературныхъ фабрикацій, на нашъ взглядъ, принадлежитъ и Смоленская грамота. Она написана тамъ же, гдѣ и прочія произведенія этого рода,—въ какомъ либо хорошо освѣдомленномъ московскомъ кружкѣ, который держался идей и программы патріарха и считалъ себя въ правѣ всякими средствами возбуждать народное движеніе и поднимать народъ на поляковъ. Отъ такого предположенія насъ не можетъ воздержать то обстоятельство, что самъ патріархъ Гермогенъ распространялъ по областямъ Смоленскую грамоту и другія ей подобныя. Это не значитъ, что онъ участвовалъ лично въ составленіи этихъ сомнительныхъ документовъ. Онъ могъ принимать ихъ вполнѣ добросовѣстно за то, за что они выдавались: не даромъ сказалъ о немъ одинъ его современникъ, что патріархъ былъ «къ злымъ и благимъ не быстро распрозрителенъ».

II.

Въ примѣчаніи 684-омъ къ XII тому «Исторіи» Карамзина графъ Д. Н. Блудовъ помѣстилъ списокъ подорожной 1611 года, найденной «въ бумагахъ покойнаго исторіографа». Эта подорожная очень любопытна, во 1-хъ, тѣмъ, что дана (2 марта 1611 года) *по благословенію патріарха Гермогена* гонцу изъ Устюга въ Чердынь «для всей земли *ратнова* скорова дѣла». Патріаршее «благословеніе» замѣнило въ обычномъ текстѣ подорожной «государевъ царевъ и великаго князя указъ», по которому выдавались казенныя подорожныя въ спокойные годы Московской жизни. Эта замѣна очень знаменательна: она показываетъ, что во главѣ временнаго правительства, которому повиновались тогда русскіе люди, отшатнувшіеся отъ Владислава, формально признавался патріархъ. Это было вполнѣ естественно и вѣроятно, но прямыхъ доказательствъ этого очень мало, и потому ничтожная сама по себѣ подорожная получаетъ извѣстную цѣну. Но ея значеніе не только въ имени патріарха. Подорожная заключаетъ въ себѣ маршрутъ гонца, указывающій направленіе той дороги, по которой ѣздили изъ Москвы черезъ Устюгъ въ Чердынь и далѣе въ Сибирь. Однако это указаніе пути, одно изъ древнѣйшихъ, передано въ текстѣ грамоты, къ сожалѣнію, неисправно. Печатный текстъ подорожной очень точно передаетъ ея рукописный оригиналъ, писанный позднимъ почеркомъ и находящійся въ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки F. IV. 344 (на л. 32). И тамъ, и здѣсь одинаково читается: «отъ Устюга Великаго до Соли Вычегодскіе и

1) А. Э. II, № 176, I.

и до Богоявленскаго яму и до Паледина и до Каи городка и до Гаечь и до Чердыни». Нѣтъ сомнѣнія, что подъ словомъ «Паледина» скрывается правильная форма «Пыелдына», какъ сокращенно называли Пыелдынскій Спасскій погостъ на р. Сысолѣ; а слово «Гаечь» слѣдуетъ читать «Гаенъ» и разумѣть подъ нимъ Гайны или Гаенскій станъ на р. Камѣ. При такихъ исправленіяхъ обнаружится дѣйствительное направленіе дороги—съ устья Вычегды на р. Виледь, на верхнее теченіе Сысолы до Кайгородка и съ Сысолы къ Гайнамъ на Каму [1]). Города Лальскій на р. Лузѣ и Кай на р. Камѣ, черезъ которые обыкновенно ведутъ эту дорогу, остаются какъ будто южнѣе этого пути. Но надо помнить, что этотъ путь велъ на Чердынь. Когда же Сибирская дорога съ Устюга пошла на Соликамскъ, южнѣе Чердыни, тогда значеніе Лальска и Кая должно было вырости и дорога черезъ нихъ пролегла параллельно со старою дорогою на Сольвычегодскъ и Пыелдынъ. Въ XVII вѣкѣ пользовались уже обѣими дорогами одинаково. Мы позволили себѣ указать на эти мелочи потому, что онѣ до сихъ поръ, какъ кажется, не останавливали на себѣ въ полной мѣрѣ вниманія изслѣдователей, и обѣ вѣтви Сибирскаго пути между Устюгомъ и верхнею Камою недостаточно различались.

---

1) А. Э. II, № 50.—Доп. къ А. И., т. IV, № 127; т. X, стр. 434.—А. Дмитріевъ, Пермская Старина, I, стр. 41.—Г. С. Лыткинъ, Зырянскій край. Спб. 1889, стр. 88 (карта).

С. Платоновъ.

Къ надгробнымъ надписямъ.

I.

Давно уже замѣчено, что внимательное изученіе надписей, уже пролившее много свѣта на различные отдѣлы науки о римской древности, должно пролить его и на капитальной важности вопросъ — о составѣ и исторіи римскаго *имени собственнаго* вообще и *cognomen* въ частности (*Huebner*, Röm. Epigr. Iw. Müll. I², p. 653 sqq.; 672, § 35), весьма многочисленной и наиболѣе разнообразной части этого имени. Стоитъ раскрыть index cognominum любого тома Корпуса и глаза невольно разбѣгутся въ этой пестротѣ: есть тутъ и *люди* въ самыхъ разновидныхъ обликахъ, въ любопытнѣйшихъ антитезахъ: Ingens — Homullus, Exspectatus — Fastiditus, Magnus — Pusillus, Albus — Niger, Iuvenis — Senex, Pax — Bellicus, Dexter — Sinister, Primus — Postumus, Nobilis — Plebeius, Urbanus — Rusticus, и т. п., — и *царство животныхъ* отъ громкаго Leo до скромнаго Mus и даже Blatta, и *растенія:* Rosa, Acanthus, и *ископаемыя*: Smaragdus, Margarita, и *царство звуковъ*: Melodia, Harmonia, и т. д. и т. д.; — и въ самыхъ разнообразныхъ *количествахъ* — отъ каноническаго *одного* до 35-ти cognomina для *одного лица!* — Всякій согласится, что даже классификація этого матеріала представитъ не мало трудностей будущему ономатологу, не только детальная разработка, и въ частности вопросъ о внутреннихъ или внѣшнихъ *основаніяхъ* или *поводахъ* къ появленію того или другаго cognomen. Вотъ нѣсколько замѣченныхъ нами частностей, сюда относящихся.

1) Весьма любимое Felix (Felicio, Felicia, Felicitas, Felicianus etc.), допускающее даже степени сравненія (Felicior, C. X, 4300; Felicissimus, ibid. и passim) и массу каламбуровъ въ надгробіяхъ на тему: parentes infe-

lices, потому что схоронили дитя Felicem (C. III, 1655; VI, 16044. 29191; IX, 1724. 1740. 2140; X, 365. 2004. 5555; XIV, 1009 и др.), — встрѣчается иногда какъ имя *мужа и жены* (C. X, 2004, Felix et Felicitas parentes infelices): среди многочисленной familia dominus могъ избрать и поженить именно такую пару. Менѣе удачно сочетались бракомъ Inachus и Io (C. II, 59), миѳологически *отецъ и дочь*.

2) Сродныя или сходныя имена встрѣчаются иногда по *нисходящей линіи* — у отца, сына, внука и т. д. Напр. отецъ Primus, сынъ Secundus, C. VIII, 8643; отецъ Crescentio, сынъ Auxanon (= αὐξάνων), C. XII, 1938; ср. Iusto, Iustissimi abnepoti, C. IX, 1659. Интересна семья C. X, 2872: дѣдъ Rhenus, отецъ Euphrates, внуки Rhenus и Danuvius; или мать Fusca, сынъ Niger, C. II, 781.

3) Довольно любимы такія сочетанія для *братьевъ и сестеръ*. Увѣковѣченные Неаполитанской группой братья Амфіонъ и Зеѳъ дали свои имена нѣсколькимъ парамъ *братьевъ-же*: C. VI, 9199. 10104. 10124. 10819. 11569. 11570. 11571. 29633; IX, 6112; крылатые сыновья Борея, Зетъ и Калаисъ — повторяются на римскомъ надгробіи братьевъ VI, 7426; менѣе затѣйливы имена братьевъ: Geminus и Gemellus (два близнеца), C. VI, 19012; Lupus и Aper, C. XI, 188; любопытны братья Acontius и Sagitta, C. VI, 10545; сестры: Aphrodite и Veneria, C. XI, 2451; братъ Niciates, сестра Nice, C. VI, 15160. Ср. *Buecheler* C. Ep. ad n. 1080.

II.

Точно также всякому бросается въ глаза и давно уже отмѣчена *консервативность* языка латинскихъ надписей вообще, и надгробій въ частности — особенно въ области шаблонныхъ, со временемъ установившихся формулъ и выраженій; ср. *Funck*, formelhafte Wendungen im Inschriftenlatein, въ Вёльфлиновомъ Архивѣ, VII, 585 sqq.: «was ursprünglich zu sinnvollem Ausdrucke der Gedanken geschaffen war, im Laufe der Jahrhunderte zu einer formelhaften Wendung erstarrte, in der jede Spur lebendigen Sinnes geschwunden zu sein scheint». Эта консервативность ведетъ къ нѣкоторымъ любопытнымъ явленіямъ.

1) *Похвальные эпитеты*, весьма щедро расточаемые[1]) особенно въ 1-е вѣка имперіи (*Zimmermann*, der kulturhist. Werth d. röm. Inschr.,

---

1) Напр. C. VIII, 11294: d. m. s. Postumia Matronilla, incomparabilis coniux, mater bona, avia piissima, pudica, religiosa, laboriosa, frugi, efficax, vigilans, sollicita, univira, unicuba, totius industriae et fidei matrona, vixit annis n. LIII, mensibus n. V diebus tribus.

p. 6 sqq.), становятся постепенно constantia et ornantia до такой степени, что упоминаніе напр. какого либо родственника уже влечетъ за собой, какъ нѣчто обязательное, эпитетъ carissimus, optimus, dulcissimus, castissimus и т. п. — особенно же шаблонное bene merenti (B. M.). Такъ для супруги, кромѣ обычныхъ domiseda, lanifica, pudica, casta etc. — въ импер. періодъ весьма обычна прибавка sine ulla querella, sine bile, sine ulla controversia, sine iniuria, sine utriusque offensa, bona concordia и т. п. — о ея совмѣстной жизни. Напрасно поэтому Циммерманнъ удивляется римской надписи C. VI, 29149, гдѣ нѣкій M. Ulpius, воздавъ должное своей супругѣ (titulum posuit Claudiae coniugi carissimae), добавляетъ: in die mortis (eius) gratias maximas egi aput deos et aput homines. — Шаблонъ требовалъ эпитета, истина — выраженія. Со временемъ въ этихъ эпитетахъ какъ будто сглаживаются даже оттѣнки приложимости, и мы находимъ напр. patri obsequenti (C. III, 2485), matri obsequenti (ib. 3184 b.), marito obsequenti (C. V, 1260), patri innocentissimo (C. VI, 2893) и т. п. Естественно, что когда эпитетъ сталъ мертвымъ шаблономъ при имени родственника, то его стали употреблять promiscue — и *о живущихъ* («nach falscher Analogie», *Funck* l. c., p. 586), и такое «самохвальство» лицъ поставившихъ надгробіе своему родственнику — не рѣдкость въ импер. періодъ, напр.

fecit pater piissimus, C. VI, 21323. 22560; carissimus, ib. 23313; X, 26; dulcissimus, VI, 28891; pius, VIII, 12791. 12842. 12846. 12867.

mater pientissima, VI, 23368. 24155. 24852. 25788 a. 26572. 26329 (fecit mater pientissima, dulcissima); VIII, 3612; IX, 2391; X, 2920. 3055 (fecit mater pientissima filio merenti); dulcissima, VI, 26817 (mater dulcissima filio dulcissimo fecit); VIII, 9513; optima, VIII, 3627; pia, ib. 4474. 12824 (mater pia merenti filio fecit). 12849. 12858 (fecit mater pia carissima); cara, ib. 4100.

maritus (vir) pius, VIII, 3613. 4748. 11625; optimus, VI, 23368.

uxor (coniunx) pia, VIII, 4039. 4052. 11624. 11628. 12708. 12990 (uxor piissima fecit); X, 21 (pientissima).

parentes dulcissimi, VI, 23823 (filiae dulcissimae, virgini sanctissimae parentes dulcissimi fecerunt); pientissimi, VI, 25332. 27259; IX, 3184. 4815. 3841 (parentes incomparabili pietate). 2228 (parentes infelicissimi ac pientissimi filio dulcissimo); X, 122.

filius (filia) piissimus, VI, 25880; X, 1740; dulcissimus, VI, 29888; VIII, 11616 (filia et gener pii posuerunt). 12952 (fecit pia filia).

frater (soror) pientissimus, VI, 22417. 23368. 25441; VIII, 11573 (soror pia posuit). 10504 (soror carissima fecit).

nepotes pientissimi, X, 3681.
amicus (amica, amici) carissimus, VI, 28134; 21735 (amica dulcissima).

Любопытна надпись C. V, 6647: d. m. have, Primitiva, benigna, incomparabilis femina. viva mihi posui.

2) Назначеніе фамильной усыпальницы и *для потомства* выражается, какъ извѣстно всего чаще припиской *posterisque*, и рѣже гораздо *et posteris* (C. VI, 13126: et libertis libertabusque et eorum posteris quoque; ib. 21370: et sibi suisque posteris; ibid. 28703: et sibi et suis et posteris eorum; IX, 629; X, 5427: sibi et posteris).

Чрезвычайно частое употребленіе сложенія *posterisque* привело наконецъ къ тому, что оно стало чувствоваться какъ *одно* слово, *одинъ* терминъ, и вотъ мы находимъ довольно рано соединеніе *et posterisque*: X, 1162 (et postereisque, арх.), повторяющееся впослѣдствіи очень нерѣдко, особенно въ надгробіяхъ самого Рима: VI, 10536. 10584. 12660. 12685. 14052. 14097. 14248. 14574. 14782. 15053 (et posterisque suis, et posterisque eius, et posterisque eorum). 15169. 15213. 15422. 15584. 15624. 15755. 15917. 15937. 16091. 16932. 18585. 20711. 20827. 21033. 21520. 21757. 22006. 22882. 22921. 23803. 23838. 23858. 24344. 24598. 26409. 27378 (et suisque et posterisque). 27590. 28742. 28767; IX, 382 (sibi et posterisque suis, libertis et libertabusque; ср. VI, 22866); 1999; X, 173.

И. Холоднякъ.

О городѣ Плотинополѣ.

Императоръ Траянъ построилъ во Ѳракіи два города. Одинъ изъ нихъ онъ назвалъ по своему имени Траянополемъ; мѣстоположеніе его на нижнемъ теченіи рѣки Марицы впервые опредѣлено французскимъ ученымъ Дюмономъ[1]). Другой городъ Траянъ назвалъ въ честь имени своей жены Плотинополемъ.

О Плотинополѣ намъ извѣстно весьма немного. Изъ древнихъ авторовъ упоминаетъ о немъ Птолемей[2]), опредѣляя его положеніе на 42° 40′ широты и 53° 40′ долготы. По указанію Itinerarium Antonini городъ находился на большой дорогѣ изъ Адріанополя въ Траянополь, въ 21 м. отъ перваго города и въ 63 м. отъ послѣдняго[3]). Отъ Плотинополя другая дорога вела въ Ираклію (Перинѳъ) и разстояніе между ними составляло 92 мили[4]). Tabula Peutingeriana показываетъ Плотинополь въ 24 миляхъ отъ Адріанополя[5]). Прокопій перечисляетъ Плотинополь въ числѣ городовъ, возстановленныхъ при Юстиніанѣ[6]). О городѣ упоминаетъ также императоръ Константинъ Багрянородный въ перечнѣ городовъ Ѳракійскихъ[7]). Наконецъ названіе Плотинополя встрѣчается въ древнѣйшихъ епископскихъ спискахъ, какъ мѣсто епископской каѳедры въ зависимости

---

1) Alb. Dumont — Rapport sur un voyage archéologique en Thrace. Paris 1871.

2) Ptolem. ed. C. Müller, Paris 1883, III, 11, 2.: Πλωτινόπολις 53° 40′, 42° 40′.

3) Itiner. Antonini Aug. ed. Parthey et M. Pinder. Berol. 1848, p. 322: Traianopoli Dymis m. pm. XVI. Zerois m. pm. XXIIII. Plotinopoli m. pm. XXIIII. Hadrianopolim m. pm. XXI.

4) Ibid. p. 175: a Plotinopoli Heracleam m. pm. XCII.

5) Tab. Itin. Peuting.: Plotinopoli 24 Hadrianopolim.

6) Procop. Aedif. IV, II, p. 304, 22 Bonn.: πρῶτα μὲν Φιλιππουπόλεως καὶ Πλωτινοπόλεως τά τε ἐνδέοντα καὶ καταπεπονηκότα σπουδῇ πάσῃ ᾠκοδομήσατο ἐπεὶ αὐτὰς ἐπιμαχωτάτας ξυνέβαινεν εἶναι καίπερ ἔθνεσι γειτονούσας βαρβάρων πολλοῖς.

7) Const. Porphyr. De themat. p. 47 Bonn. Πλουτινόπολις.

отъ Эмимонтской или Адріанопольской епархіи, а именно въ Hieroclis Synecdemus[1]), и въ древнѣйшихъ спискахъ Notitiae episcopatuum[2]).

Еще Сократъ называетъ одного епископа Плотинополя — Іерофила[3]). Впослѣдствіи названіе Плотинополя совершенно исчезаетъ. Надо полагать, что городъ довольно рано пересталъ существовать. Изъ новѣйшихъ путешественниковъ и изслѣдователей Пококъ[4]) опредѣляетъ мѣстоположеніе Плотинополя на рѣчкѣ Кызылъ-дере выше Демотики, Шафарикъ[5]) отождествляетъ Плотинополь съ нынѣшнимъ Пловдивомъ на правомъ берегу Марицы, выше Демотики. По мнѣнію Карла Мюллера[6]) Плотинополь находился на правомъ берегу Марицы и тождественъ съ нынѣшнимъ Блудиномъ недалеко отъ Демотики.

Опредѣленіе настоящаго положенія древняго города Плотинополя и составляло одну изъ намѣченныхъ мною задачъ при моей поѣздкѣ по Ѳракіи осенью 1886 г. Изъ Адріанополя я направился прежде всего въ Кулелы-Бургасъ на Марицѣ; однако расположенный здѣсь замокъ оказался постройкой византійской эпохи и никакихъ слѣдовъ древняго города мною здѣсь найдено не было. Мы видѣли изъ Itiner. Antonini, что Плотинополь находился на большой дорогѣ изъ Траянополя въ Адріанополь. Траянополь былъ расположенъ на правомъ берегу Марицы и не можетъ подлежать сомнѣнію, что большая дорога отсюда въ Адріанополь находилась на правомъ берегу Марицы. Это подтвердили мои изслѣдованія и разысканія, а также показанія инженеровъ и лицъ, участвовавшихъ въ постройкѣ дорогъ и желѣзной дороги изъ Кулелы-Бургаса въ Дедагачъ на правомъ берегу Марицы. Слѣды древней римской дороги ясно видны на протяженіи всего праваго берега Марицы, начиная отъ Траянополя и Фереджика. Она пролегала вдоль долины рѣки у подножья горъ — мѣстами еще видна прежняя мостовая, а у Карабунара сохранился древній мостъ почти совсѣмъ погруженный въ землю. У впаденія рѣчки Кызылъ-дере въ Марицу дорога, оставивъ долину этой рѣки, вела вверхъ по теченію рѣчки Кызылъ-дере выше Демотики и оттуда шла въ Адріанополь.

Ближайшимъ мѣстомъ для моихъ изслѣдованій былъ городъ Демо-

---

1) Hierocl. Synecdemus et Notitiae graec. episcop. Ex recogn. Parthey, Berol. 1866, p. 5: Πλουτινούπολις.

2) Ibid. p. 73, 161, 180, 196: ὁ Πλουτινουπόλεως.

3) Socrat. Hist. Eccles. VIII. 36. Migne t. 67, p. 822: Ἱερόφιλος.... μετενέχθη εἰς Πλωτινούπολιν τῆς Θράκης.

4) Pococke III, 3, 4, § 191.

5) *Schafarik* Ansbertus, de expeditione Friderici I. Wiener Jahrbücher der Literatur 1828, Bd. 42, S. 56.

6) Adnotationes ad Cl. Ptolemaei Geographiam, p. 488.

тика. Этотъ городъ расположенъ на рѣчкѣ Кызылъ-дере и занимаетъ второй большой холмъ, считая отъ мѣста впаденія этой рѣчки въ Марицу. По мѣстоположенію своему Демотика во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ древнему Плотинополю. Здѣсь, какъ выяснили мои разысканія, пролегала большая дорога изъ Траянополя въ Адріанополь. По Itiner. Antonini разстояніе его отъ Траянополя составляло 63 мили, а разстояніе его отъ Адріанополя 21 милю, а въ настоящее время разстояніе Демотики отъ Траянополя опредѣляется въ 15 часовъ и отъ Адріанополя въ 5 часовъ. Между тѣмъ отождествленію Демотики и Плотинополя не соотвѣтствуетъ то, что названіе Дидимотиха, какъ самостоятельнаго города, встрѣчается уже въ концѣ VI вѣка у Ѳеофилакта Симокаттскаго[1]), тогда какъ о Плотинополѣ, какъ мы видѣли, упоминаютъ еще Прокопій, Константинъ Багрянородный и епископскіе списки. Къ тому-же по изслѣдованіи мѣста оказалось, что въ нынѣшней Демотикѣ сохранились исключительно почти развалины византійскихъ укрѣпленій, хотя въ основаніи башень восточныхъ и южныхъ входныхъ воротъ и замѣчаются остатки древнѣйшаго періода, заключающіеся въ большихъ 4-угольныхъ обтесанныхъ камняхъ, размѣромъ до 2 метровъ длины и 1 метра толщины, сложенныхъ безъ извести. Въ виду сего по указанію мѣстныхъ жителей я обратилъ вниманіе на ближайшій первый большой холмъ на берегу Кызылъ-дере, считая снизу. Онъ извѣстенъ въ настоящее время подъ названіемъ Ἅγιος Πέτρος и расположенъ недалеко отъ впаденія рѣчки въ Марицу; между нимъ и рѣкой пролегаетъ полотно желѣзной дороги. Холмъ образуетъ на сторонѣ, обращенной къ Кызылъ-дере, крутыя скалы; по направленію къ Демотикѣ онъ имѣетъ крутой обрывъ, а вершина его представляетъ собою естественный акрополь. По народному преданію здѣсь находился древній городъ и здѣсь часто открываются древности. Мои разысканія подтвердили это. На поверхности всего холма земля покрыта мелкими камнями и черепками кирпичей и черепицъ — это несомнѣнный признакъ мѣстонахожденія древняго населеннаго мѣста, въ чемъ я неоднократно имѣлъ случай удостовѣриться во время моихъ путешествій. Затѣмъ на одномъ мѣстѣ холма выкопана часть стѣны, состоящей изъ большихъ 4-угольныхъ обтесанныхъ камней, сложенныхъ безъ извести. Это несомнѣнное доказательство того, что на акрополѣ холма въ древнюю эпоху ранѣе византійскаго періода, находился городъ съ сильными стѣнами. Ниже акрополя ближе къ рѣчкѣ нѣсколько времени до моего прибытія мѣстные жители вырыли три стѣны, состоящія также изъ большихъ 4-угольныхъ обтесанныхъ камней, сложенныхъ очень

---

1) Theoph. Simoc. VI, 5. Bonn. p. 249: Διδυμότοιχος.

правильно безъ извести. Эти 3 стѣны имѣютъ видъ ⊓. Въ пространствѣ между ними каменная лѣстница идетъ внизъ, но къ сожалѣнію часть ея теперь вновь завалена землею. По словамъ мѣстнаго жителя г. Фридриха Карла стѣны и лѣстница были обложены мраморомъ, а внизу находился бассейнъ съ ключемъ. Изъ этого описанія можно придти къ заключенію, что здѣсь находился колодезь или терма.

Работа всего сооруженія несомнѣнно указываетъ на то, что оно относится къ римскому періоду. Наконецъ мѣстные жители, гг. Драгичевичъ и Акетъ, передали мнѣ, что при постройкѣ желѣзнодорожнаго моста, который идетъ черезъ Кызылъ-дере немного ниже холма, на трехъ метрахъ глубины подъ поверхностью земли, на обоихъ берегахъ рѣчки была вырыта древняя каменная обкладка ихъ. Стѣны береговъ состояли также изъ большихъ 4-угольныхъ обтесанныхъ камней, связанныхъ между собой желѣзными скобками. Мѣстный житель докторъ Евстаѳій Кавасила сообщилъ мнѣ также надпись, найденную на этомъ холмѣ, но, къ сожалѣнію болѣе не существующую. Надпись была надгробная изъ трехъ строкъ:

ΘΕΟΙΣΚΑΤΑΧΘΟΝΙΟΙΣΑΡΙΣΤΟΣΛΟΥΠΟΥΤΟΜΝΗΜΕΙ
ΟΝΚΑΤΕΣΚΕΥΑΣΕΝΕΑΥΤΩΚΑΙΤΗΓΥΝΑΙΚΙΑΥΤΟΥΑΙ
ΤΕΜΙΔΩΡΑΒΙΤΑΛΕΙΟΥΕΚΤΩΝΙΔΙΩΝ

Повидимому надпись мнѣ сообщена не совсѣмъ правильно, и ее слѣдуетъ читать такимъ образомъ:

θεοῖς καταχθονίοις Ἄριστος Λούπου τὸ μνημεῖον κατεσκεύασεν ἑαυτῷ καὶ τῇ γυναικὶ αὐτοῦ Ἀρτεμιδώρᾳ Βιταλείου ἐκ τῶν ἰδίων.

На основаніи вышеизложеннаго я прихожу къ нижеслѣдующему заключенію:

1) Существованіе черепковъ, кирпичей и черепицъ на всемъ пространствѣ холма Ἅγιος Πέτρος, а также стѣнъ — явно доказываетъ существованіе тамъ древняго города.

2) Сохранившіеся остатки стѣнъ на вершинѣ холма и близъ рѣчки Кызылъ-дере указываютъ на происхожденіе этихъ построекъ до византійскаго времени, вѣроятнѣе всего въ римскій періодъ.

3) Форма буквъ въ сообщенной мнѣ надписи несомнѣнно указываетъ на II—III вв. по Р. Хр.

4) У города пролегала большая римская дорога изъ Траянополя въ Адріанополь.

5) По указанію Itinerar. Antonini Плотинополь находился на большой дорогѣ изъ Траянополя въ Адріанополь въ 64 миляхъ отъ перваго и въ

21 милѣ отъ второго, а этому соотвѣтствуетъ настоящее разстояніе сосѣдняго города Демотики въ 15 часовъ отъ Траянополя и въ 5 часовъ отъ Адріанополя.

Въ виду сего я считаю не подлежащимъ сомнѣнію, что городъ Плотинополь находился на холмѣ Ἅγιος Πέτρος, у впаденія рѣчки Кызылъ-дере въ Марицу. Обломки его стѣнъ впослѣдствіи были употреблены при сооруженіи стѣнъ и башенъ въ сосѣднемъ византійскомъ городѣ Дидимотихѣ.

В. Регель.

Происхожденіе Гомеровскаго вопроса во французской литературѣ XVII вѣка.

Въ извѣстныхъ «Параллеляхъ между новыми и древними»[1]) автора «Contes de ma mère l'Oye»—Шарля Перро,—одинъ изъ участниковъ діалога — аббатъ, отстаивающій преимущества «новыхъ» передъ «древними», между прочимъ замѣчаетъ: «есть ученые, которые не вѣрятъ въ существованіе Гомера и утверждаютъ, что «Иліада» и «Одиссея» суть ничто иное, какъ сводъ (un amas) небольшихъ поэмъ, собранныхъ вмѣстѣ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ. Что касается самаго имени Гомера, означающаго *слѣпой*, то (нужно принять во вниманіе), что многіе изъ этихъ стихотворцевъ были люди бѣдные и въ большинствѣ случаевъ слѣпые, посему, упомянутыя небольшія поэмы обыкновенно именовались «*пѣснями слѣпыхъ*». — Сообщивъ объ этомъ «мнѣніи нѣкоторыхъ ученыхъ», аббатъ отнюдь не настаиваетъ на немъ при разборѣ Иліады и Одиссеи по содержанію и оцѣнкѣ этихъ произведеній по существу, съ точки зрѣнія эстетической и этической, а ограничивается ссылкой на извѣстнаго аббата Д'Обиньяка, человѣка весьма-де свѣдущаго, который объ этомъ составилъ записку. «Говорятъ впрочемъ, прибавляетъ аббатъ въ діалогѣ о «Параллеляхъ», что въ Германіи, куда быть можетъ проникла записка Д'Обиньяка, заняты разработкой даннаго вопроса». Слова эти, какъ извѣстно, оказались пророческими, хотя мы не имѣемъ указаній, чтобы записка Д'Обиньяка, напечатанная въ Парижѣ лишь много лѣтъ послѣ смерти

---

1) Parallelle des anciens et des modernes en ce qui regarde les arts et les sciences, Dialogues, par Charles Perrault, Paris, 1692. Первый томъ «Параллелей» изданъ въ 1688 г.

автора ея и анонимно, встрѣченная на родинѣ довольно холодно, послужила непосредственнымъ импульсомъ къ разработкѣ въ Германіи Гомеровскаго вопроса въ той новой формулировкѣ, которую ему придалъ въ концѣ XVIII в. знаменитый Фр. А. Вольфъ въ своихъ «Prolegomena ad Homerum»; однако послѣднему пришлось оправдываться отъ упрека, что онъ въ своей теоріи воспроизвелъ «quorundam Gallorum ineptias», а подъ этими «Галлами» слѣдуетъ, по мнѣнію Пьеррона, разумѣть именно Д'Обиньяка († 1677), и его единомышленниковъ во Франціи — Перро и Ла-Моттъ[1]). «Разумѣется есть замѣтная разница (une notable distance) между парадоксомъ Д'Обиньяка, правильно замѣчаетъ Риго[2]), — едва намѣченнымъ, и систематическимъ трактатомъ Вольфа о происхожденіи и развитіи греческой эпопеи. Однако, если сравнить «Conjectures» Д'Обиньяка съ «Параллелями» Перро и «Reflexions critiques sur Longin» Буало, или даже съ «Discours sur l'Iliade» Ла-Мотта, то очевидно, что Д'Обиньякъ еще далѣе отстоитъ отъ своихъ современниковъ и непосредственныхъ преемниковъ, чѣмъ отъ Вольфа и его «Prolegomena» (439), и далѣе: «(Д'Обиньяку) очевидно не достаетъ знаній, чтобы умѣло отстоять свой парадоксъ: онъ болѣе оригиналенъ, чѣмъ уменъ. Тѣмъ не менѣе въ его гипотезѣ легко признать зародышъ гипотезы Вольфа; его «Conjectures» представляются наброскомъ нѣмецкихъ «Prolegomena», и такимъ образомъ еще разъ французская идея, оставленная въ пренебреженіи въ самой Франціи, вернулась къ намъ изъ Германіи за подписью нѣмецкаго ученаго, и мы вѣжливо любовались ею, по прибытіи изъ за Рейна, какъ иностранною, которая просила у насъ гостепріимства» (443—44). Не будемъ здѣсь настаивать на вопросѣ — въ какой мѣрѣ Вольфъ дѣйствительно воспользовался мыслями Д'Обиньяка, и, по выраженію Арно[3]), вмѣсто того, чтобы сознаться въ томъ, чѣмъ онъ обязанъ Д'Обиньяку, предпочелъ про него злословить: сродство теорій нѣ-

---

1) Pierron, L'Iliade d'Homère, texte grec etc. suivi des prolegomènes et des préfaces de Wolf, v. II (1869) p. 511, n. 3. Пьерронъ довольно рѣзко высказывается объ этихъ «предшественникахъ» Вольфа, замѣчая, что: «Wolf qui a traité son sujet en savant consommé, ne veut pas être confondu avec des gens qui parlent de ce qu'ils n'ont pas même pris la peine d'étudier». Фолькманнъ (R. Volkmann, Geschichte und Kritik der Wolfschen Prolegomena zu Homer, Lpzg., 1874) упоминаетъ о Перро и Д'Обиньякѣ («paradoxien französischer Kritiker») съ оговоркой, что чтеніе — «des mit unglaublicher Dreistigkeit und Unwissenheit geschriebenen Machwerks Fr. Hedelin (abbé D'Aubignac)» — чуть было не заставило Вольфа отказаться отъ своихъ занятій Гомеромъ, которые привели его къ сходнымъ результатамъ.

2) H. Rigault, Histoire de la Querelle des anciens et des modernes (Oeuvres Complètes, t. I, 1859).

3) Charles Arnaud, Les Théories dramatiques au XVII-e siecle. Étude sur la vie et les œuvres de l'abbé d'Aubignac. Paris, 1888.

мецкаго ученаго, считающагося по праву родоначальникомъ новѣйшихъ воззрѣній о происхожденіи гомеровскаго эпоса, какимъ бы видоизмѣненіямъ они не подверглись за послѣднее время, и французскаго аббата XVII в., взгляды котораго были встрѣчены съ улыбкой недовѣрія его соотечественниками, болѣе или менѣе несомнѣнно. Насъ теперь занимаетъ лишь вопросъ о томъ, какъ самъ Д'Обиньякъ додумался до своего «парадокса», который, собственно говоря не встрѣтилъ полнаго сочувствія и у Ш. Перро: послѣдній упоминаетъ, какъ мы видѣли объ его теоріяхъ, но не рѣшается выступить ихъ поборникомъ. Съ другой стороны эти взгляды Д'Обиньяка представляются, какъ правильно указалъ Риго, въ рѣзкомъ противорѣчіи съ господствующими воззрѣніями на поэмы Гомера во французской литературѣ XVII вѣка, и мы нѣсколько недоумѣваемъ обобщенію Перро — «il y a des savants»; на основаніи этой фразы можно было бы предполагать, что Д'Обиньякъ не былъ вполнѣ одинокъ со своими «оригинальными» мнѣніями о происхожденіи Гомеровскихъ поэмъ и что гипотеза, имѣющая существенное значеніе для ихъ оцѣнки, о сложеніи народной эпопеи изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, не есть его личный домыселъ. Подтверждаетъ заявленіе Перро слѣдующее замѣчаніе M. de la Valterie въ предисловіи къ его переводу (въ прозѣ) Иліады (1681 г.). Переводчикъ говоритъ, что онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи поэмъ Гомера, такъ какъ если бы пришлось входить въ его разсмотрѣніе: «il aurait mieux aimé désabuser ceux qui croyent que les poêmes d'Homère n'étaient que des pièces détachées et qu'il ne les a pu arranger lui-même dans cet ordre qui fait une de leurs plus grandes beautés. (Ср. Goujet, Bibl. Fr., IV, о переводахъ Гомера). Такимъ образомъ де Ла-Вальтери, хотя и противникъ теоріи Д'Обиньяка, все же подтверждаетъ ея распространенность. Между тѣмъ Буало (Troisième réflexion sur Longin) оспариваетъ Перро, завѣряя, что кромѣ Д'Обиньяка, никто не рѣшился высказывать даннаго «парадокса», да и то Буало сомнѣвается, чтобы молва справедливо приписывала ему составленіе такой «Записки», развѣ что — «dans les dernières années de sa vie, où l'on sçait qu'il estait tombé en une espèce d'enfance»... Кто же эти ученые единомышленники Д'Обиньяка и кто его предшественники? Насколько намъ извѣстно, предшественникомъ Д'Обиньяка прежде всего представляется Ю. Ц. Скалигеръ, выразившій сомнѣнія въ «цѣльности» сложенія Гомеровскихъ поэмъ вѣкомъ раньше[1]). Его «поэтика» напечатан-

1) Ср. Egger, Apperçu des origines de la littérature grecque (въ Mémoires de Littérature ancienne, 1862, стр. 74—75). Croiset (Histoire de la litt. grecque I, 1887, p. 185) ограничивается выпиской изъ Эгжера. Прочіе историки Гомеровскаго вопроса умалчиваютъ о Скалигерѣ.

ная въ 1561 г. дѣйствительно пользовалась большой популярностью въ XVII в. во Франціи и Д'Обиньякъ въ этомъ и другихъ своихъ произведеніяхъ особенно часто на нее ссылается[1]). Но Скалигеръ, затрогивая вопросъ о происхожденіи Гомеровскихъ поэмъ мимоходомъ, могъ подсказать Д'Обиньяку лишь общее основаніе гипотезы, разработанной имъ самостоятельно и даже доведенной до крайности. Прежде чѣмъ касаться вопроса, откуда въ свою очередь Ю. Скалигеръ заимствовалъ идею о «собирательномъ» характерѣ творчества Гомера, напомнимъ основныя положенія гипотезы Д'Обиньяка, дѣйствительно любопытной по оригинальности выводовъ автора, какъ бы ни были его разсужденія въ защиту ихъ парадоксальны, зачастую наивны и почти всегда скудны научными доводами.

Сущность взглядовъ Д'Обиньяка въ его посмертной брошюрѣ «Conjectures académiques ou Dissertation sur l'Iliade, ouvrage posthume, trouvé dans les récherches d'un savant», Paris, François Fournier, 1715, изложена Риго въ упомянутомъ классическомъ трудѣ его — Исторія спора о «древнихъ» и «новыхъ»[2]). Излишне настаивать на слабой сторонѣ аргументацій Д'Обиньяка и историческихъ несообразностяхъ, въ которыя онъ по невѣдѣнію впадалъ; но любопытно отмѣтить, что главнымъ основаніемъ его критики Иліады и Одиссеи служитъ эстетическій критерій, какъ у послѣдователей Вольфа въ XIX в. у Германна, Лахманна и созданной ими школы[3]). Критерій, конечно, чрезвычайно субъективный, но при всей его научной несостоятельности, онъ-то и послужилъ главнымъ поводомъ Д'Обиньяку высказать предположеніе, роднящее его съ теоріей Вольфа: разсматривая Иліаду «au point de vue de l'art du poème épique dans

---

1) «At apud nullum scriptorem Scaligeri auctoritas eminet major quam apud Franciscum D'Aubignac», замѣчаетъ Litilhac въ своей латинской диссертаціи — De J. C. Scaligeri poetice (Paris, 1887). «Non Aristoteles a Francisco D'Aubignac dux electus est, at Scaliger». Ср. того-же автора «Un coup d'état dans la république des lettres.—Jules César Scaliger» въ Nouvelle Revue, 1890, 333 слл. 528 слл.

2) Ср. также у Эгжера, о. с., стр. 80—82. Эгжеръ ограничивается нѣсколькими выписками, не придавая никакого значенія разсужденіямъ Д'Обиньяка. Научнаго значенія они, конечно, не имѣютъ, но любопытны какъ показатель критическаго теченія мысли во французской литературѣ данной эпохи, причемъ эта критика приводила къ обратнымъ результатамъ ожиданій Эгжера. Въ другомъ трудѣ его—L'Hellénisme en France, t. II, стр. 193, Эгжеръ замѣчаетъ: «Qu'on se figure Wolf écrivant à Paris ses Prolegomènes l'année de la naissance de Voltaire au lieu de les ecrire en Allemagne un siècle plus tard. Quelle revolution dans les idées historiques et dans le goût! Не гипотезы Вольфа произвели *«революцію вкуса»*, а сама она обусловлена измѣненіемъ литературнаго вкуса въ XVIII в., доказательствомъ чему служитъ «зарожденіе» Гомеровскаго вопроса въ Англіи въ $1/2$ этого вѣка, параллельно открытію Макферсона и всеобщему увлеченію пѣснями Оссіана (ср. Volkmann, о. с., p. 20 слл.).

3) Ср. Ѳ. Ѳ. Соколова, Гомеровскій вопросъ, въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1868 г. CXL, стр. 360—442 и 834—886.

le bon sens», онъ находитъ многія несообразности въ частностяхъ, излишнія повторенія, «des descriptions superflues ou mal-à-propos» и т. д. Однако, замѣчаетъ Д'Обиньякъ, «il n'en était pas de même dans des ouvrages séparez ou chacun (des poètes) avait suivi son sujet»—и отсюда, по его мнѣнію, вытекаетъ логически выводъ, который онъ высказалъ вначалѣ своего трактата,—что эпопеи Гомера: «ce sont plusieurs petits poèmes separement composez par différens auteurs et enfin assemblez par quelque esprit ingenieux qui s'est avisé d'en faire ce qu'on appelle un centon». Это предположеніе онъ оправдываетъ и толкованіемъ выраженія — рапсодія: «ce terme (rapsodie) ne veut dire autre chose qu'un recueil de chansons cousues, un amas de plusieurs pièces auparavant dispersées et depuis jointes ensemble». Но главнымъ аргументомъ остается у него соображеніе, что — les poésies qui portent le nom d'Homère... à les bien prendre sont toutes remplies de faiblesses et de fautes contre le bon sens». Д'Обиньякъ судитъ о нравахъ Гомеровскихъ героевъ съ точки зрѣнія французской цивилизаціи XVII вѣка, высказывая при этомъ порою по истинѣ курьезнѣйшія замѣчанія. Такъ, напр., по поводу «туалета» Геры (Юноны) Д'Обиньякъ иронически восклицаетъ: «pauvre et miserable déesse de n'avoir pas une femme de chambre pour la servir (стр. 193)»! Гектора онъ упрекаетъ въ подлой трусости (lacheté) за то, что онъ трижды обѣжалъ вокругъ стѣнъ Трои, а Ахиллеса въ непомѣрной жестокости: «si l'on ne veut que des portraits d'hommes faibles, laches, perfides, vivant dans la corruption и т. д. — il ne faut pas se mettre en peine de faire des poèmes et des romans — l'histoire nous en peut fournir assez d'originaux» — сентенціозно замѣчаетъ Д'Обиньякъ и искренно возмущенъ «низменностью» образа дѣйствія героевъ и боговъ въ Иліадѣ; онъ находитъ, что они, вообще, слишкомъ преданы мірскимъ заботамъ, слишкомъ много ѣдятъ (особенно-де боги): «ce qui m'étonne encore dans la vie des heros de l'Iliade c'est de voir Achille faire lui même la cuisine et Patrocle lui servir de premier garçon (стр. 257). Если справедливо мнѣніе, что «ложь идеи постигается тогда, когда она доведена до крайности», то Д'Обиньякъ наглядно доказалъ ошибочность субъективно-эстетическаго критерія въ критикѣ, дойдя самъ до абсурдовъ. За всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя изъ его замѣчаній небезъинтересны, но конечно не по отношенію къ самому Гомеру, а для характеристики воззрѣній XVII в. и своеобразнаго пониманія «классицизма» у сторонниковъ «новыхъ». Интересно и то, что для оцѣнки Иліады въ ея цѣломъ, Д'Обиньякъ неоднократно беретъ мѣриломъ—поэму Тасса, котораго онъ какимъ то образомъ причисляетъ къ «древнимъ», называя на ряду съ Ямвлихомъ и Геліодоромъ (стр. 157, 159). Но ссылки на Тасса носятъ характеръ случай-

ности и Д'Обиньякъ не обнаруживаетъ знакомства съ теоріями объ эпосѣ автора «Освобожденнаго Іерусалима», съ которымъ онъ существенно расходится въ пониманіи и оцѣнкѣ Гомера. Поэму Тасса онъ цитуетъ лишь какъ примѣръ примѣненія пріема «ретроспективныхъ» разсказовъ, вставленныхъ въ повѣствованіе для того, чтобы изложить предшествующія событія, не нарушая принципъ ограниченія времени дѣйствія въ эпопеѣ однимъ годомъ. Такъ, дескать, Гомеръ для того, чтобы изложить *всю* исторію троянской войны — «pour ne pas dementir son art qui doit renfermer l'epopée ou poème epique dans le cours d'une année — il y aurait inséré les avantures les plus eloignées du temps (судъ Париса, похищеніе Елены, жертвоприношеніе Ифигеніи, плѣнъ Бризеиды (par des récits agréables»... «des narrations ingénieusement insérées dans les poèmes pour rappeler les choses passées devant l'esprit du lecteur». Этотъ пріемъ свойственъ авторамъ греческихъ эротическихъ романовъ, изъ которыхъ онъ и былъ заимствованъ французскими и итальянскими романистами XVI—XVII вв. при нѣкоторомъ смѣшеніи формы романа съ эпопеей, смѣшеніи характерномъ для теорій эпоса и эпическихъ произведеній, возникшихъ во Франціи въ XVII в. Въ данномъ случаѣ, отмѣченное Д'Обиньякомъ отсутствіе такихъ вводныхъ разсказовъ у Гомера, служитъ ему лишь доказательствомъ, что Иліада, вопреки ея заглавію и его ожиданіямъ, не даетъ намъ полной картины Троянской войны. Онъ въ затрудненіи назвать идею поэмы и намѣренія автора и приходитъ къ заключенію, что «cet ouvrage n'a point été entrepris par un poète qui ait envisagé un sujet pour le traiter et qu'il en ait fait comme le centre de toutes les lignes qu'il tirait... C'est un recueil de plusieures poésies dont les auteurs avaient chacun leur intention particulière, т. е. — quelques combats et des aventures arrivées devant les murs de Troye, désignées sous le nom d'Iliade parceque la forteresse de cette ville s'appellait Ilion (стр. 124 слл.)».

Итакъ, — отсутствіе цѣльности и единства въ композиціи, отсутствіе общей идеи и ясно намѣченной задачи — вотъ главные «недостатки» произведеній Гомера, которые служатъ д'Обиньяку основаніемъ признавать въ нихъ лишь сводъ отдѣльныхъ пѣсенъ разныхъ авторовъ. При этомъ однако, процессъ «народнаго» или собирательнаго творчества д'Обиньякъ представлялъ себѣ въ обратномъ порядкѣ — т. е. все-же какъ движеніе сверху внизъ, отъ искусственнаго творчества къ народному, а не наоборотъ. Отдѣльныя пѣсни Илліады были, дескать, сочинены — «comme des cantiques différans pour être chantées (les poèsies) dans les cérémonies publiques et servaient en suite au divertissement de tout le monde». И далѣе: «ainsi nous voyons que nos airs de cours, nos vers de ballets et nos chansons les plus agréables

deviennent l'occupation du Pont Noeuf et des carrefours et le divertissement des courtaux de boutiques, après avoir diverti nos courtisans et qui ne laissent pas d'être fort estimées quand nous les voyons dans un corps de poésie donné au public avec quelque soin». Д'Обиньякъ очевидно не сознавалъ самъ значенія высказанной имъ гипотезы: сравнивая уже слишкомъ оригинальнымъ образомъ слоевой составъ Иліады и Одиссеи — съ придворными аріетками и куплетами балетныхъ интермедій, собранными въ какомъ нибудь альманахѣ, онъ обличаетъ такое полное непониманіе значенія народно-эпической поэзіи, что Вольфа по справедливости нельзя упрекнуть въ замалчиваніи гипотезы д'Обиньяка, какъ это дѣлаютъ вышеприведенные французскіе критики, или въ неблагодарности къ своему «предшественнику». Д'Обиньяку, очевидно, не доставало матеріала для наблюденій живого народно-эпическаго творчества и его домыслы врядъ ли самостоятельны. Мы уже назвали Скалигера, какъ вѣроятнаго источника д'Обиньяка, Скалигера, который въ его глазахъ пользовался бо̀льшимъ авторитетомъ, чѣмъ Аристотель. Дѣйствительно, въ разсужденіяхъ и эстетическихъ оцѣнкахъ д'Обиньяка вліяніе Скалигера весьма ощутительно, особенно въ отрицательныхъ отзывахъ о Гомерѣ. Къ послѣднему, какъ извѣстно, Ю. Ц. Скалигеръ относился съ чрезвычайнымъ предубѣжденіемъ, отдавая всѣ преимущества Виргилію, при сравнительной оцѣнкѣ обоихъ поэтовъ. Именно желаніе возвеличить Виргилія и снять съ него упрекъ въ «подражательномъ» искусствѣ послужило поводомъ Скалигеру — какъ бы обмолвиться замѣчаніемъ, что Гомера напрасно считаютъ изобрѣтателемъ содержанія приписываемыхъ ему произведеній (inventor argumenti): онъ излагаетъ лишь то, что слышалъ — ab aniculis, и что задолго до него бродило въ устахъ народа (per ora vulgi sane multo antea ab ipso circumlata)[1]. Признавая такимъ образомъ въ Гомерѣ лишь собирателя народныхъ преданій, Скалигеръ ставитъ ему въ упрекъ недостаточно искусную обработку ихъ, какъ съ точки зрѣнія цѣльности художественной концепціи, такъ и по изображенію слишкомъ грубыхъ и распущенныхъ нравовъ, какъ у боговъ, такъ и у людей (Nam quae ille de suis diis infamia infandaque prodidit? Adulteria, incestus, odia inter se и т. д. и т. д.). Замѣчательно, что Скалигеръ, имѣя въ виду исключительно лишь эстетическую оцѣнку древне-греческаго эпоса, не дѣлаетъ никакихъ даль-

---

1) Jul. Caes. Scaligeri, Poetices libri VII, Ad Sylvium filium, 1561, in fol. Cp. liber quintus qui est criticus, II Graeci cum Latinis: Neque vero obtrectandum nobis cum ab illo (i. e. a Homero) acceperimus *quod ille ab aniculis didicisset*, quae enim vel in Iliade vel in Ulyssea fabulae narrantur cave putes ab ipso excogitata, sed per ora vulgi sane multo antea ab ipso circumlata.

нѣйшихъ выводовъ изъ своего замѣчанія о народномъ происхожденіи Гомеровскихъ поэмъ: его не поразила мысль о законности такого процесса собирательнаго творчества, обусловливающаго народный характеръ эпопеи; онъ говоритъ объ этомъ лишь мимоходомъ и высказываетъ свою гипотезу, какъ мысль не новую, а само собою понятную, не требующую доказательствъ; онъ счелъ своимъ долгомъ лишь напомнить объ ней тѣмъ, которые о ней забыли и соотвѣтственно отдаютъ предпочтеніе Гомеру передъ Виргиліемъ, считая перваго «inventor argumenti», а второго «imitator»: это-де невѣрно, а что касается обработки сюжетовъ, не самостоятельныхъ ни у того, ни у другого изъ поэтовъ, то «quantum a plebeia ineptaque muliercula matrona distat, tantum summus ille vir (Homerus) a divino viro nostro (Virgilio) superatur».

Поэтика Ю. Ц. Скалигера, изданная, какъ указано, въ 1561 г. (черезъ три года послѣ смерти автора), достаточно опредѣляетъ послѣдующее развитіе Гомеровскаго вопроса, до д'Обиньяка включительно — при популярности, которою Скалигеръ пользовался во Франціи. Д'Обиньякъ лишь развилъ его мысли и на основаніи — съ одной стороны критики Гомера по существу (сравнительно съ Виргиліемъ и съ точки зрѣнія своеобразнаго апріорнаго опредѣленія эпической поэмы), съ другой — ссылки на народныя преданія, пришелъ къ вышеизложеннымъ выводамъ, которые имъ формулированы самостоятельно. Однако, д'Обиньякъ, повидимому, не могъ дать себѣ отчета въ значеніи фразы — per ora vulgi....circumlata и принужденъ прибѣгнуть къ несоотвѣтствующимъ сравненіямъ, чтобы пояснить непонятный ему процессъ собирательнаго творчества. Почему же Ю. Ц. Скалигеру, за сто лѣтъ до д'Обиньяка, онъ казался понятнымъ и даже очевиднымъ? Потому, какъ намъ кажется, что въ ту пору, особенно на почвѣ Италіи, народно-поэтическое творчество, перекинувшееся волной изъ Франціи, еще не умерло; потому что ходили еще по деревнямъ и городамъ cantori di piazza — живые носители устной народной поэзіи, народно-эпическихъ преданій, и такимъ образомъ легко было по аналогіи представить себѣ однородныя явленія и въ древней Греціи[1]). Въ XVII в. во Франціи картина совершенно перемѣнилась; о «жонглерахъ», какъ «сказителяхъ» стародавнихъ преданій, и помину не было; литературное творчество приняло исключительно салонный или кабинетный характеръ и въ народной поэзіи видѣли

---

1) Скалигеръ, какъ извѣстно, выходецъ изъ Италіи (уроженецъ окрестностей Вероны, род. 1484 г.) и воспитанникъ Болонскаго Университета. Лишь 28 лѣтъ перешелъ онъ на французскую службу и натурализовался во Франціи, гдѣ, правда, исполнены имъ всѣ его научные труды; но прибылъ онъ во Францію съ извѣстнымъ запасомъ свѣдѣній — научныхъ и житейскихъ, вынесенныхъ изъ Италіи.

лишь то, что протекало въ нее сверху. Но прислушаемся къ раннимъ теоріямъ о происхожденіи эпоса, высказаннымъ въ Италіи еще до выхода въ свѣтъ поэтики Ю. Ц. Скалигера: имѣю въ виду два трактата о происхожденіи «romanzi» (т. е. эпическихъ поэмъ), вышедшіе въ свѣтъ почти одновременно въ $1/2$ XVI в., при чемъ авторы ихъ, извѣстный Джьован-Баттиста Джиральди Чинціо и его ученикъ Дж. Баттиста Пинья, упрекали другъ друга въ плагіатѣ, каждый отстаивая за собой первенство въ собираніи матеріаловъ и разсмотрѣніи вопроса, о которомъ-де еще никто раньше не писалъ [1]).

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе объемистаго эстетическаго трактата Джьован-Баттиста Джиральди — «Разсужденіе о сложеніи *Romanzi*» (а также о комедіяхъ, трагедіяхъ и сатирахъ), и аналогичнаго разсужденія Джьован-Баттиста Пинья — «I Romanzi» (гдѣ говорится о поэзіи и о жизни Аріоста) [2]). Достаточно будетъ напомнить, что они вызваны спорами по оцѣнкѣ эпоса Аріосто, возбуждавшаго оживленныя пренія съ точки зрѣнія двухъ литературныхъ направленій, которыя начали обособляться въ Италіи въ эпоху Возрожденія: съ одной стороны Аріосто представлялся еще преемникомъ старой «романтической» школы, которая примыкала къ наслѣдіямъ средневѣковой старины, не стѣсняясь «ферулами» Аристотелевской поэтики; съ другой — зарождалась новая школа «pur sang» классиковъ, поборникомъ которой выступилъ Триссино, представившій и образцы новаго творчества, согласно требованіямъ «упорядоченной» поэтики [3]). Вышеупомянутый Джіован-Баттиста Пинья, смущенный строгою критикой, которой подверглась поэма Аріоста, съ точки зрѣнія поборниковъ классицизма, обращается въ частномъ письмѣ (въ 1548 г.) къ своему учителю Дж. Джиральди Чинціо — спрашивая его мнѣнія по этому вопросу: «si per potere per l'avvenire rispondere a chi d'esso mi parlerà, si anco per aver con meco uno scudo contra le percosse che cercano dargli molti uomini dei nostri tempi che fanno professione di litteratissimi». Онъ ожидаетъ отвѣта, «любя всѣмъ сердцемъ своего поэта,

---

1) Discorsi di M. Giovambattista Giraldi Cinthio nobile ferrarese et segretario dell'eccelentissimo duca di Ferrara intorno al comporre dei Romanzi, con molti considerazioni intorno ad altre sorti di poesia etc. In Vinecia, appresso Gabriel Giolito de Ferrari et Fratelli 1554. Новое изданіе текста съ рукописными замѣтками Джиральди и перепиской Джиральди съ Пинья, въ Biblioteca Rara, Seritti Estetici di G. Giraldi Cintio, ed. *Giulio Antimaco*, Milano 2 vv. 1864.

2) I Romanzi di Giov. Batt. Pigna, ne'quali della poesia e della vita dell'Ariosto si tratta, Vinegia, 1554,4°. (Экземпляръ въ Парижской Націон. Библ., Y, 4°, 3, anc. fs).

3) Поэма «Italia liberata dai Goti» Ср. Ermanno Ciampolini, Un poema eroico nella prima meta del Cinquecento (Real. Liceo Macchiavelli in Lucca, 1880—81) Объемистая монографія о Триссино Bern. Mersolin, Giangiorgio Trissino etc. вышла вторымъ изданіемъ у Le Monnier, во Флоренціи, 1894.

больше чѣмъ какого бы то ни было греческаго или латинскаго». И Джеральди поддерживаетъ его въ этой привязанности къ Аріосто; онъ самъ сторонникъ самостоятельности новаго «романскаго» творчества, считая излишнимъ требованіе подражать античнымъ образцамъ. Времена и нравы измѣнились, измѣнился языкъ и создались новыя формы поэзіи (altri modi di petiggiare). Развѣ Петрарка слѣдовалъ Горацію или Пиндару въ своихъ стихотвореніяхъ? Нѣтъ, онъ сообразовался съ условіями современнаго ему творчества: «e questo il suo giudizio il fe' riuscir tale e si pregiato, che si ha lasciato a dietro di longa Pindaro ed Orazio, quantunque con altre figure e con altre maniere di versi egli abbia spiegati i suoi concetti». Далѣе Джиральди ссылается на авторитетъ Бембо, и обѣщаетъ со временемъ вернуться къ вопросу, чтобы подробнѣе развить свою точку зрѣнія. Черезъ нѣсколько лѣтъ имъ и обнародованъ «Discorso.... dei Romanzi» (написанъ въ 1549 г. Изд. въ 1554 г.), являющійся результатомъ его размышленій о «новомъ» и «старомъ» творчествѣ. Однако и молодой его ученикъ, повидимому продолжалъ со своей стороны работать надъ тѣмъ-же вопросомъ, и когда Джиральди издалъ свое «Разсужденіе», Пинья упрекнулъ его въ томъ, что онъ воспользовался матерьялами, которые онъ ему сообщалъ и присвоилъ себѣ его трудъ. Джиральди возражалъ на этотъ упрекъ, а Пинья въ свою очередь напечаталъ въ 1554 г. свою брошюру подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Оставляя болѣе или менѣе фантастичныя этимологіи слова «Romanzi» и разныя попутныя разсужденія, которыя насъ теперь не касаются, замѣтимъ, что у обоихъ авторовъ одинаковое стремленіе объяснить происхожденіе эпопеи изъ народно-собирательнаго творчества, свойственнаго-де разнымъ народамъ. Пинья ссылается на примѣръ арабовъ: во время ихъ войнъ, сперва одно какое нибудь сраженье служитъ матеріаломъ для пѣсни, потомъ другое, и такъ постепенно возникаютъ три, четыре пѣсни, которыя «складываются» вмѣстѣ и создаются цѣлые своды (книги), не для *читателей*, а для *слушателей*[1]): словомъ создается устно-собирательная поэзія, предшествовавшая творчеству книжному и искусственному. Правда-де эти своды, къ которыхъ воспѣвались войны арабовъ не только съ испанцами, но и съ другими народами, и новыя войны — «che un mistura fecero nel vero all'hora poco riguardevole; ma dopo talmente acconcia e vaga, che la disunita di piu cose unita parea, e perche d'erranti persone è tutto il poema, egli altressi errante è, in quanto che piglia ed intermitte infinite volte cose infinite e sempre con arte». Происхожденіе рыцарскихъ романовъ или «поэмъ» могло быть однороднымъ т. е. изъ от-

1) Prima... non per li lettori (стр. 45).

дѣльныхъ пѣсенъ, причемъ де обычай пѣвцовъ ходить изъ города въ городъ и пѣть на площадяхъ (эпическія) пѣсни перешелъ на западъ и сперва во Францію изъ Греціи: (Essendo che dalla Grecia in Ponente questo uso passo di gire di citta in citta sur per le piazze a cantar versi alla brigata in un raccolta ed i versi erano di guerra et d'amore et di favole anze rozzamente composte che nò). Однако Пинья не рѣшается высказать предположеніе, что Гомеровскія поэмы возникли такимъ образомъ изъ свода отдѣльныхъ пѣсенъ, бродившихъ въ устной передачѣ. Онъ даже настаиваетъ (во II книгѣ) на различіи между canto epico и Romanzi (gli Epici et i Romanzi con debita ragione diversi siano) съ цѣлью, конечно, выгородить Аріосто отъ примѣненія къ нему критерія оцѣнки по сравненіи съ Гомеромъ. Однако, на самомъ дѣлѣ аналогія рыцарскаго эпоса съ Гомеровскимъ у него проскальзываетъ и онъ, напримѣръ, приравниваетъ — Rinaldo poi Brandimante et altri paladini = Тезею, Язону и другимъ; «Круглый Столъ» ему представляется аналогичнымъ «la Nave degli Argonautici», и разница Romanzi отъ классическихъ эпопей у него сводится лишь къ тому, что: «trattano i Romanzi di paladini erranti (da per se et unitamente), et non d'uno errante-come d'un' errante Ulisse o d'un errante Eneo». Теорію объ эпосѣ съ однимъ или нѣсколькими героями, подробнѣе развитую у Джиральди, мы оставляемъ въ сторонѣ[1]) и ограничиваемся выводомъ, что хотя Пинья не рѣшаетъ прямо *Гомеровскаго* вопроса, но имѣетъ нѣкоторыя представленія о народно-собирательномъ творчествѣ, предшествующемъ сложенію большихъ эпическихъ поэмъ въ переработкѣ извѣстнаго поэта.

Джиральди устанавливаетъ тоже внѣшнее различіе между Romanzi и поэмами Гомера и Виргилія: i soggetti o le materie dei romanzi non sono di quella maniera che sono quelle di Virgilio e di Omero. Perche l'uno e l'altro di questi, nelle sue composizioni si ha preso ad imitare una sola azione di un uomo solo, ed i nostri ne hanno imitate molte, non solo di uno, ma di molti» и т. д. (16). Однако по существу они для него тожественны: опираясь правда на невозможную этимологію слова romanzi — отъ греческаго ῥώμη — сила, крѣпость, онъ объясняетъ «opera di romanzi — che poema e composizione di cavalieri forti» и полагаетъ, что — questo modo di comporre romanzi sia successo appresso nel luogo delle composizioni eroiche dei Greci e dei Latini». Содержаніе и значеніе ихъ однородно, а что касается происхожденія рыцарскаго эпоса, то его родина во Франціи (Джиральди настаиваетъ на изобрѣтенномъ имъ, будто бы греческомъ проис-

1) Ср. Gaspary, Geschichte der Italienischen Literatur.

хожденіи слова, и объясняетъ это заимствованіе тѣмъ обстоятельствомъ, что еще Друиды знали греческій языкъ!); изъ Франціи онъ перешелъ въ Испанію и наконецъ въ Италію. Отдѣльныя пѣсни о важныхъ событіяхъ и дѣяніяхъ героевъ пѣлись на пиршествахъ и въ застольныхъ собраніяхъ: обычай этотъ древній, засвидѣтельствованный у грековъ и латинянъ, и перешедшій потомъ и къ Итальянцамъ; отсюда-де и современный обычай, принятый Итальянскими эпиками, дѣлить поэмы на пѣсни. Джиральди вспоминаетъ современныхъ народныхъ пѣвцовъ — che con la lira in braccio cantano le lor fole e cosi si guadagnano il pane; но этотъ пренебрежительный отзывъ объясняется тѣмъ, что ему нужно снять упрекъ, дѣлаемый противниками Баярда и Аріосто, называющими ихъ искусство годнымъ «для толпы», и онъ спѣшитъ сдѣлать оговорку: образцами Аріосто служили не современныя уличные пѣвцы — non dal cantar di questi plebei che con le loro ciance tendono le reti alle borse di chi li ascolta. — Современные эпическіе поэты придерживаются-де того древняго обычая у Грековъ и Латинянъ, о которомъ была рѣчь, т. е. застольныхъ пѣсенъ — di cantar colla lira ne'conviti e alle mense dei gran maestri i gloriosi fatti e le grandi imprese degli uomini virtuosi e forti (8—9). Однако, отстоявъ «благородство» происхожденія эпическихъ поэмъ, Джиральди возстаетъ противъ исключительно книжнаго характера современнаго искусственнаго творчества: Гомеръ тѣмъ и хорошъ, что вся Греція находила удовольствіе и пользу въ его произведеніяхъ (mirò tanto Omero che accionchè tutta la Grecia pigliasse piacere ed utile de' suoi componimenti); соотвѣтственно-де и современный поэтъ долженъ писать не только для ученыхъ, но и для всѣхъ людей, знающихъ языкъ, на которомъ онъ пишетъ (non pure ai dotti, ma a tutti gli uomini di quella favella nella quale egli scriva). Возвращаясь нѣсколько разъ въ своемъ разсужденіи къ Гомеру и къ сравнительной оцѣнкѣ новаго «романскаго» эпоса съ древнеклассическимъ, Джиральди не возбуждаетъ собственно вопроса о *сложеніи* Гомеровскихъ поэмъ: онъ принимаетъ эти поэмы, какъ данныя, не вникая въ ихъ происхожденіе; онъ признаетъ въ нихъ многіе недостатки, но объясняетъ «грубостью» эпохи, въ которую жилъ и которую изображалъ Гомеръ. Послѣдній для него все-таки — il grande, il divino, padre veramente di tutti i poeti quanto alle materie ed agli ordini (72—73); но тѣмъ не менѣе Гомеръ-де впалъ въ многія ошибки, а затѣмъ — Джиральди вѣритъ въ прогрессъ литературы и отдаетъ преимущество «новымъ» передъ «древними» отстаивая и самостоятельность пріемовъ новаго творчества[1]). Эта сторона разсужденія Джи-

1) Mi sono molte volte riso, пишетъ Джиральди, di alcuni ch'hanno voluto chiamare gli scrittori dei Romanzi sotlo le leggi dell'arte dataci da Aristotele e da Orazio, non conside-

ральди, роднящаго его съ позднѣйшими «прогрессистами» въ пресловутомъ спорѣ о «древнихъ» и о «новыхъ» во Франціи XVII в.—наиболѣе интересная часть его трактата, на которую до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, не было обращено вниманія. Но по вопросу о происхожденіи Гомеровскаго эпоса, ограничившись общими указаніями на тожество происхожденія ново- «романскаго» и древне-классическаго эпоса изъ обычая застольныхъ пѣсенъ, Джиральди не входитъ далѣе въ разсмотрѣніе слоеваго состава большихъ эпическихъ поэмъ, по содержанію. Его упреки Гомеру, какъ указано, сводятся лишь къ критикѣ изображенныхъ имъ нравовъ, къ тому, что его герои недостаточно «облагорожены». Джиральди не первый выступилъ съ такой критикой: древній споръ о сравнительныхъ достоинствахъ Гомера и Виргилія былъ возобновленъ незадолго до него Франческо Флоридо Сабино въ его «Apologia adversus linguae Latinae obtrectatores» (1536) причемъ латинскому поэту отдавались всѣ преимущества по сравненію съ греческимъ[1]). За Флоридо Сабино шелъ Джиральди и наконецъ Скалигеръ. Послѣдній, примыкая къ направленію противниковъ Гомера — развилъ аргументы своихъ предшественниковъ, придалъ имъ болѣе рѣзкую форму — и, быть можетъ, сближеніе новоевропейскаго эпоса съ гомеровскимъ, установленное Джиральди[2]), привело къ дальнѣйшему выводу, что Гомеръ былъ лишь собирателемъ тѣхъ пѣсенныхъ преданій, которыя въ древней Греціи, какъ и въ современной ему Италіи, были достояніемъ уличныхъ пѣвцовъ и «старыхъ нянекъ». Формулировалъ ли Ю. Ц. Скалигеръ этотъ выводъ — гипотезу первымъ, или онъ уже могъ опереться на мнѣніе, высказанное кѣмъ нибудь раньше него,— это вопросъ, на который мы не можемъ съ точностью отвѣтить. Мы имѣли въ виду указать лишь, что въ Италіи еще въ первой половинѣ XVI вѣка существовали нѣкоторыя, хотя бы не вполнѣ проясненныя представленія о народно-собирательномъ творчествѣ, и что къ этимъ теоріямъ о происхожденіи эпоса — догадка Скалигера по отношеніи къ Гомеру примыкала вполнѣ естественно: стоило только «развѣнчать» его, какъ поэта и оставался лишь собиратель, не «inventor», а компиляторъ, который пересказалъ народныя преданія такъ сказать въ «сыромъ видѣ», просто, безъ достаточной

---

rando che nè questi ne quegli conobbe questa lingua, ne questa maniera di comporre (въ указ. изд. Антимако, стр. 50—51, 69 et passim.).

1) Ср. Boivin, Querelle entre les partisans d'Homère et ceux de Virgile, въ Mém. de l'Acad. des Belles-Lettres, t. I. Объ Флоридо Сабино ср. Gaspary, Gesch. der Italien. Literatur, II, p. 403 и Anhang 681.

2) Внѣшнему принципу одного или нѣсколькихъ героевъ—не противорѣчитъ сближеніе по существу.

идеализаціи и «облагороженія» героевъ. Къ такимъ результатамъ приходила отрицательная критика вѣкъ спустя послѣ того какъ, по почину Петрарки и Боккачіо, текстъ Гомера сталъ впервые доступенъ пониманію западно-европейскихъ читателей[1]). Но параллельно этому направленію критики развивалось другое—горячихъ сторонниковъ Гомера и, какъ указано, однимъ изъ наиболѣе видныхъ поборниковъ его выступилъ Триссино, видныхъ—не по личнымъ весьма неглубокимъ дарованіямъ, а по тому вліянію, которое онъ оказалъ на Торквато Тассо[2]).

Триссино не сомнѣвался въ цѣльности Гомеровскаго эпоса, не сомнѣвался и его послѣдователь Торквато Тассъ, который напротивъ того восхищался и простотой сюжета Иліады и Одиссеи и стройной цѣльностью ихъ композиціи. Отнюдь не «Троянская война», справедливо замѣчаетъ Т. Тассъ, является сюжетомъ Иліады — а «гнѣвъ Ахилла», вокругъ котораго группируются всѣ эпизоды поэмы—si che perfettissima d'ogni parte è quella favola, e nel sino della sua testura porta intiera e perfetta cognizione di se stessa; ne conviene accettare altronde estrinseche cose, che la sua intelligenza ci facilitano (27, ср. также 117). Сюжетъ Одиссеи онъ пересказываетъ въ нѣсколькихъ словахъ, настаивая опять таки на простотѣ плана и цѣльности композиціи (163). Быть можетъ Тассъ заблуждался, не замѣчая слоевого состава Гомеровскихъ поэмъ и нѣкоторой «неорганичности» тѣхъ эпизодовъ, которые современными критиками считаются позднѣйшаго происхожденія; но этому «заблужденію» мы обязаны стройностью композиціи «Освобожденнаго Іерусалима», а «прозорливости» Скалигера и другихъ поборниковъ новаго «искусственнаго эпоса» — мертворожденными теоріями эпическаго творчества, которыми такъ изобилуетъ Французская литература XVII вѣка. Поэма Тасса вызвала, вслѣдъ за ея появленіемъ, такую же оживленную полемику по вопросамъ теоріи и исторіи эпоса въ концѣ XVI в. какъ и «Неистовый Роландъ» въ первой половинѣ того же столѣтія. Мы не имѣемъ возможности вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе всѣхъ статей появившихся въ 80-хъ годахъ XVI в. по вопросамъ

---

1) Переводъ Леонтія Пилата, начатый въ 1360 г., законченъ около 1365 г. Ср. De-Nolhac, Petrarque et l'Humanisme, 1892 (Bibl. de l'École des hautes Études, LXCI).

2) Ср. Чьямполини, о. с. Торквато Тассъ въ своей поэтикѣ (Discorsi dell' Arte poetica ed in particolare sopro il poema eroico, изд. C. Guasti, Firenze, Le Monnier, 1875) свидѣтельствуетъ о маломъ успѣхѣ поэмы Триссино—mentovato da pocchi, letto da pocchissimi, prezzato quasi da nessuno, muto nel teatro del mondo e morto alla luce degli uomini, sepolte a pena nelle librarie e nello studio d'alcun letterato se ne rimane (стр. 30). Тѣмъ не менѣе Тассъ лично очень высоко цѣнилъ поэму Триссино и вмѣняетъ автору въ заслугу, что онъ — fu il primo che ci diede alcuna luce del modo di poetare tenuto da'Greci ed arrichi questa lingua di nobilissimi componimenti.

эпоса[1]). Ограничимся слѣдующей выпиской, любезно доставленной намъ проф. Піо Райна (во Флоренціи) въ частномъ письмѣ, изъ діалога «Caraffa»[2]) гдѣ одинъ изъ выведенныхъ участниковъ бесѣды — Джіован-Баттиста Аттендоло говоритъ: «Hor posti questi fondamenti, la voce romanzo, la quale per aventura hebbe l'origin' sua di rithmo voce greco, et da cui senza dubbio si formo la voce rima, altro significare non dovrebbe che canto di rime: ma l'uso la prende per canzone di canta in banca; il cui mestiero, come che vilissimo sia, non e che in banca cantar non si posson' versi et opere Eroiche, et di tutti perfittione, poi che si legge di Omero che per sostegno della sua vita andava intorno cantando in banca per le piazze i versi della sua Iliade et Odissea, novelle o forse favole udite da lui raccontar dalle antiche femine del suo paese». Это выраженіе «dalle antiche femine» соотвѣтствуетъ Скалигерову замѣчанію «de aniculis» и, быть можетъ, заимствовано изъ его поэтики; однако оно относится, повидимому, къ favole и novelle на ряду, дескать, съ Иліадой и Одиссеей, которыя принадлежатъ все же къ высшему виду героической поэзіи. Интересно здѣсь во всякомъ случаѣ упоминаніе о народныхъ пѣвцахъ, которые, какъ бы въ настоящее время ихъ «ремесло» ни казалось низменнымъ (vilissimo), выступали также носителями эпическихъ преданій, какъ и въ древности рапсоды и самъ Гомеръ; интересно сознаніе общенія и близости народнаго и искусственнаго творчества, съ теченіями сверху внизъ и обратно. Въ сущности и Тассъ, по справедливому замѣчанію Чіамполини (о. с.), принимаясь за свою поэму, думалъ, что поступалъ также какъ Гомеръ по отношенію къ своимъ народнымъ преданіямъ; онъ становился въ положеніе, аналогичное «a quella dei rapsodi e dei cantori, i quali rallegravano le mense dei grandi e commovevano le moltitudine celebrando i fatti gloriosi degli eroi nazionali». Разница его отношенія къ Иліадѣ и Одиссеѣ отъ того, которое было усвоено представителями отрицательной критики, заключалась не столько въ различномъ пониманіи *происхожденія* Гомеровскаго эпоса, а въ оцѣнкѣ его композиціи, т. е. Тассъ, слѣдуя Ари-

1) См. Controversie sulla Gerusalemme Liberata, въ XVIII—XXIV томахъ изданія: Opere di Torquato Tasso, poste in miglior ordine, ricorrette ed illustrate da prof. G. Rosini, Pisa, Nicolo Capurro, 1821—32 (въ 33 томахъ). Споръ возбужденъ Пилигрино, написавшимъ діалогъ подъ названіемъ «Il Caraffa» (въ 1584 г.), въ которомъ при сравнительной оцѣнкѣ Аріосто и Тасса, послѣднему отдавалось предпочтеніе. Вызовъ Пилигрино принялъ Сальвіати, отвѣтившій отъ имени членовъ кружка, изъ котораго впослѣдствіи образовалась Academia della Crusca». — Послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ брошюръ по вопросамъ теоріи эпоса; въ спорѣ принялъ участіе и извѣстный Alessandro Tassoni. Размолвка Сальвіати съ Пилигрино не помѣшала послѣднему быть принятымъ впослѣдствіи въ число членовъ Академіи della Crusca.

2) Вышеуказаннаго Пеллегрино: «Il Caraffa ovvero dell' epico poesia, dialogo di Cammillo Pellegrino». За неимѣніемъ въ С.-Петербургѣ вышеуказаннаго изданія Тасса—Капурро, гдѣ помѣщена и вся полемика по поводу «Освобожденнаго Іерусалима», мы принуждены ограничиваться нѣсколькими выписками, сдѣланными нами въ заграничныхъ библіотекахъ, и цитатою, сообщенною проф. Піо Райна.

«романтическій» характеръ героевъ этихъ романовъ служилъ мѣриломъ и для оцѣнки Гомера: «nous avons pris dans quelques romans, читаемъ мы у Буавэна, o. c., 74, et dans plusieurs de nos poètes modernes une fausse idée des héros qui nous le represente comme un personnage sans passion et sans aucune faiblesse humaine, au lieu que le poète grec s'est contenté de representer la nature et une nature franche qui était encore fort peu alterée par la dissimulation et par tous les artifices que la suite des temps a fait naitre». И далѣе: «le dessein d'Homère n'a jamais été d'ailleurs d'enseigner la vertu sublime... mais de bien peindre les actions des grands hommes». Возвращеніе къ простотѣ и правдѣ, къ своего рода «натурализму» въ литературѣ, при художественной стройности композиціи — таковы требованія поборниковъ «классицизма», продолжавшихъ видѣть въ Гомерѣ великаго учителя художественной правды изображенія, а въ его произведеніяхъ — образцы достойные подражанія. Такъ думалъ Т. Тассъ, такъ думали вѣкомъ позже во Франціи поборники классицизма, т. е. Расинъ, Буало и др. Д. Обиньякъ же, какъ мы видѣли, примыкая къ направленію, родоначальниками котораго въ Италіи были Флоридо Сабино, затѣмъ Джиральди и Пинья, далѣе Ю. Ц. Скалигеръ, съ его послѣдователями во Франціи — Буаробером, Демарэ де Сенъ-Сорлэномъ, отчасти Перро[1]) и др., примѣняли къ оцѣнкѣ Гомера современный критерій съ точки зрѣнія теорій героико-галантнаго романа, смѣшиваемаго съ эпосомъ. Мы приходимъ къ нѣсколько странному выводу: тѣ, которые съ нашей

---

au XVI sc. 1893. Въ XVII в. Le Bossu, какъ указано, старается встать на историческую точку зрѣнія для оцѣнки Гомера и опровергаетъ произвольныя сужденія Скалигера. Однако, его собственное опредѣленіе эпопеи основано на морализующей тенденціи (l'epopée est un discours inventé avec art pour former les moeurs par des instructions deguisées sous les allegories d'une action importante и пр.), отъ которой освободилъ эпопею Буало, впавшій самъ въ другую крайность—слишкомъ формальнаго опредѣленія даннаго рода поэзіи. Какъ извѣстно, Буало, лишь черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ написалъ своего «Lutrin», чтобы доказать, что можно написать эпическую поэму безъ предвзятой тенденціи, согласился придать эпитетъ «героико-комическій» произведенію, которое по существу представляется лишь шуткой. Ср. по различнымъ толкованіямъ теоріи эпоса старинный сводъ l'abbé d'Iraill, Querelles littéraires, Paris, 1761, v. II, III. Въ началѣ XVIII в. l'abbé du Pons (Dissertation sur le poème épique 1717) уже категорически заявляетъ, что нѣтъ никакого «sujet d'instruction» ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссеѣ, ни даже въ Энеидѣ.

1) Уже аббатъ Д'Ирайль (въ Querelles littéraires), подводя итогъ аргументовъ, приводимыхъ за и противъ Гомера у разныхъ писателей XVII и нач. XVIII в., правильно замѣчаетъ, что «les *modernes* furent ceux qui se declarèrent le plus fortement pour l'antiquité». Заглавіе діалоговъ Перро и названіе—querelle des anciens et des modernes—усвоенное Риго, послужило поводомъ, по своей двусмысленности, къ неправильному толкованію значенія «moderne» въ XVII вѣкѣ, и обусловило пародоксальный тезисъ Дешанеля — «du romantisme des classiques», при чемъ романтизмъ здѣсь употребленъ въ значеніи «новаторства».

точки зрѣнія глубже и правильнѣе понимали художественное значеніе Гомеровскихъ поэмъ, въ исторической перспективѣ оцѣнки, считали Гомера великимъ поэтомъ и словно игнорировали вопросъ о слоевомъ составѣ приписываемыхъ ему произведеній; наоборотъ, тѣ критики, которые изобличаютъ наибольшую близорукость и «субъективизмъ» сужденій, возбудили вопросъ, которому въ наши дни суждено было принять столь грандіозные размѣры и, за отстраненіемъ крайностей и парадоксовъ д'Обиньяка, высказали мнѣніе, встрѣтившее многихъ сторонниковъ въ XIX вѣкѣ. Однако, по существу оба мнѣнія, т. е. о Гомерѣ, какъ о самостоятельномъ поэтѣ и о приписываемыхъ ему эпопеяхъ, какъ о сводѣ народно-эпическихъ преданій, за долго до него бродившихъ въ устной пѣсенной передачѣ, какъ указано, не вполнѣ исключаютъ другъ друга: если для насъ теперь составной характеръ[1]) матеріала, изъ котораго возникли Иліада и Одиссея внѣ сомнѣнія, и въ его раннемъ признаніи — заслуга, хотя бы и безсознательная, Скалигера и д'Обиньяка, то съ другой стороны — развѣ не вернулось большинство современныхъ «гомеристовъ» къ гипотезѣ о личномъ авторѣ — діаскевастѣ Иліады и Одиссеи, и не опирается ли эта гипотеза на тѣхъ же соображеніяхъ, которыя были угаданы вдохновеннымъ пѣвцомъ «Освобжденнаго Іерусалима», вѣрившимъ въ реальное существованія «творца» Иліады и Одиссеи?

1) Говоримъ — «составной», а не «слоевой», ибо до послѣдняго Д'Обиньякъ не додумался; впервые Вико выяснилъ, что составные элементы Гомеровскихъ поэмъ принадлежатъ разнымъ эпохамъ и соотвѣтственно въ этихъ поэмахъ должны быть выведены «наслоенія».

Ѳ. Батюшковъ.

Естествовѣдные элементы психологіи Декарта.

Послѣ Аристотеля, которому принадлежитъ безспорное право на имя родоначальника естественнонаучной психологіи, — Декартъ является первымъ психологомъ-натуралистомъ, первымъ, преслѣдовавшимъ научное изслѣдованіе психическихъ явленій по образцу изслѣдованія явленій міра физическаго.

Уже по основному воззрѣнію своему на цѣль и задачу психологіи какъ науки Декартъ стоитъ на чисто естествовѣдной почвѣ. Подъ вліяніемъ естественныхъ наукъ, Декартъ выясняетъ и опредѣляетъ въ теоріи то, что слѣдуетъ считать научнымъ, и какая цѣль и задача науки вообще. Узнать и изучить въ мірѣ необходимое и постоянное, прослѣдить генезисъ явленій и опредѣлить ихъ причины — вотъ цѣль и задача науки вообще. Сообразно съ этимъ общимъ теоретическимъ понятіемъ о наукѣ вообще, Декартъ предпринимаетъ попытку сдѣлать наукою и психологію, т. е. и въ области психическихъ явленій стремится изучить необходимое и постоянное и прослѣдить причины и развитіе этихъ явленій, — словомъ, преслѣдуетъ въ психологіи ту же самую цѣль, какую вообще преслѣдуетъ естествознаніе. И эта точка зрѣнія на основную задачу психологіи важна какъ теоретическое признаніе, что психологія должна идти путемъ положительнаго изслѣдованія.

Къ заслугамъ Декарта въ дѣлѣ развитія естественнонаучной психологіи слѣдуетъ прежде всего отнести разграниченіе собственно психическихъ явленій отъ явленій физіологическихъ. У Аристотеля, разсматривавшаго душу какъ начало жизни вообще, область психическихъ явленій отождествлялась съ областью явленій біологическихъ, — и это воззрѣніе

было преобладающимъ до времени Декарта. Въ противоположность этому отождествленію духовнаго и жизненнаго началъ, — Декартъ первый ясно установилъ чисто психологическій критерій для душевной жизни: избѣгая слова «душа» (anima) изъ-за его традиціонной двусмысленности, онъ для обозначенія предмета психологіи употреблялъ слово «сознаніе» (mens), — и тѣмъ укрѣпилъ въ психологіи мнѣніе, что отличительный признакъ всякаго духовнаго явленія состоитъ въ сознаніи, которое и служитъ поэтому границею между психологическими и физіологическими процессами. Правда, подъ вліяніемъ своихъ метафизическихъ воззрѣній на духовную субстанцію, Декартъ слишкомъ съуживалъ область сознательныхъ состояній. Какъ извѣстно, онъ не только въ животныхъ отказывался признавать одухотворенныхъ существъ, считая ихъ лишь за простыя машины, — но и въ человѣкѣ цѣлый рядъ психическихъ въ сущности состояній относилъ къ числу физіологическихъ отправленій. Перечисляя въ «Трактатѣ о человѣкѣ» жизненныя функціи, относящіяся къ отправленіямъ тѣла, Декартъ называетъ: «пищевареніе, сердцебіеніе, питаніе и ростъ членовъ, дыханіе, пробужденіе и сонъ, воспріятіе свѣта, звука, запаха, тепла и другихъ качествъ чрезъ органы чувствъ, впечатлѣніе ихъ идей въ органѣ общаго чувства и воображенія, воспоминаніе и удержаніе этихъ идей въ памяти, внутреннія движенія стремленій и страстей, наконецъ внѣшнія движенія всѣхъ членовъ». Изъ этого перечня видно, что Декартъ исключалъ изъ круга психическихъ явленій и относилъ къ числу явленій физіологическихъ не только чувственныя воспріятія, но и интеллектуальные процессы памяти и воображенія, всю область аффективныхъ и часть волевыхъ состояній. Но это ошибочное стѣсненіе границъ психическаго міра послужило на пользу психологіи, давъ возможность самому Декарту примѣнить естественнонаучные пріемы къ объясненію такихъ душевныхъ явленій, къ которымъ, при иной точкѣ зрѣнія, они не были бы имъ приложены.

Разграничивъ психическія явленія отъ явленій физіологическихъ, Декартъ вполнѣ опредѣленно требуетъ, чтобы при изученіи первыхъ служило необходимымъ основаніемъ знакомство съ послѣдними. Попытка примѣнить данныя современной ему физіологіи къ объясненію психическихъ явленій составляетъ самую существенную заслугу Декарта какъ психолога-натуралиста.

Стремленіе построить психологію на физіологической основѣ вытекало у Декарта изъ его методологическихъ воззрѣній. Декартъ искалъ связи и зависимости между науками сообразно простотѣ и сложности изучаемыхъ ими предметовъ. По идеѣ Декарта, нужно изучать науки въ такомъ порядкѣ, чтобы науки, изслѣдующія простѣйшія явленія, были изучаемы

прежде; отъ этихъ переходить къ другимъ по степени сложности явленій. Поэтому, въ частности, знаніе тѣла должно предшествовать знанію души, дабы знать, что принадлежитъ тѣлу и физической природѣ человѣка и что относится къ душѣ: есть явленія, которыя нѣкоторыми считаются душевными явленіями, между тѣмъ какъ они суть сложныя физическія явленія,— таковы, напримѣръ, ощущенія и движенія животныхъ. Начертывая въ «Трактатѣ о методѣ», послѣдовательность и зависимость другъ отъ друга явленій природы, начиная съ простѣйшихъ и восходя къ сложнымъ, — Декартъ говоритъ: «Послѣ описанія неодушевленныхъ тѣлъ и растеній я перешелъ къ животнымъ и въ частности къ человѣку. Здѣсь я желалъ объяснить движеніе сердца и артерій, по которому, какъ первому и болѣе простому изъ того, что мы наблюдаемъ въ животныхъ, легко можно судить о томъ, что нужно думать обо всемъ прочемъ. Далѣе я показалъ, каково должно быть строеніе нервовъ и мускуловъ человѣческаго тѣла, чтобы животные духи, находящіеся внутри, могли двигать членами на подобіе того, какъ головы тотчасъ по отнятіи отъ туловища шевелятся и кусаютъ землю, не смотря на то, что онѣ не имѣютъ болѣе души; каковы, далѣе, должны происходить въ мозгу перемѣны, чтобы произвести сонъ, бодрствованіе и сновидѣнія,— какимъ образомъ свѣтъ, звукъ, запахъ, вкусъ, теплота и всѣ другія качества внѣшнихъ предметовъ могутъ напечатлѣвать различныя идеи чрезъ чувства; какимъ образомъ голодъ, жажда и другія внутреннія страсти могутъ вызвать ихъ; я показалъ также то, что нужно понимать подъ общимъ чувствомъ, гдѣ воспринимаются идеи,— подъ памятью, которая сохраняетъ ихъ; подъ фантазіею, которая можетъ различно измѣнять ихъ, слагать изъ нихъ новыя идеи, а также при помощи ихъ размѣщать животныхъ духовъ въ мускулахъ и производить движенія тѣлесныхъ членовъ, насколько тѣла наши могутъ двигаться безъ участія воли. Послѣ всего этого я описалъ разумную душу».

Посильно выполняя поставленную себѣ задачу, Декартъ пользуется всѣми тѣми данными, которыя давала современная ему физіологія. Въ современной Декарту физіологіи нервной системы пользовалась широкимъ признаніемъ издавна предложенная гипотеза о существующей въ нервахъ весьма тонкой жидкости; стремленіе примѣнить эту гипотезу къ объясненію психическихъ явленій и послужило Декарту основаніемъ къ построенію своей извѣстной гипотезы животныхъ духовъ, предложенной имъ для объясненія дѣйствій мозга и нервовъ, которыя связаны непосредственно съ происхожденіемъ ощущеній, идей и мускульныхъ движеній. И хотя объясненія Декарта по содержанію своему представляются маловажными въ научномъ отношеніи, такъ какъ физіологическія построенія его эпохи были

еще слишкомъ наивны и произвольны, тѣмъ не менѣе они представляютъ собою опытъ, имѣющій важное значеніе съ общей точки зрѣнія, какъ стремленіе найти и опредѣлить физическій эквивалентъ психическихъ явленій. Гипотеза животныхъ духовъ приходится старшею сестрою цѣлому ряду позднѣйшихъ теорій, стремившихся къ разрѣшенію той же задачи, каковы, напримѣръ, теорія вибрацій, господствовавшая къ XVIII в., или новѣйшія ученія: Бэна — о нервныхъ токахъ, Фехнера — о психо-физическихъ движеніяхъ, Фохта—о мыслительныхъ функціяхъ головного мозга и т. п. И нельзя не признать, что задача найти физическій эквивалентъ душевныхъ явленій въ высшей степени заманчива для психолога, такъ какъ съ разрѣшеніемъ ея психологическія изслѣдованія значительно упростились бы и явилась бы возможность возвести психологію на степень точной науки.

Примѣняя законы нервной физіологіи къ объясненію душевныхъ явленій Декартъ въ широкихъ размѣрахъ пользовался принципами механики. Ему принадлежитъ честь установленія понятія о вполнѣ самодостаточномъ нервномъ механизмѣ, способномъ порождать сложные и явно психическіе акты. Во всей полнотѣ это понятіе было приложено Декартомъ къ міру животныхъ. Вопреки довольно распространенному въ его время воззрѣнію, что животныя часто отличаются большею разумностью чѣмъ люди, Декартъ отважился на парадоксальное утвержденіе, что животныя суть простыя машины, — оживленныя, но не одушевленныя тѣла, — которымъ недостаетъ сознательнаго познаванія и стремленія, хотя у нихъ и есть тѣнь послѣднихъ. Но распространить этотъ взглядъ на весь психическій міръ человѣка Декартъ не рѣшился и призналъ высшіе психическіе акты человѣка результатомъ дѣятельности разумной души. Что же касается низшихъ отправленій человѣческой психики, равно какъ и всѣхъ отправленій человѣческаго тѣла, то необходимость механическаго воззрѣнія на нихъ указывается Декартомъ вполнѣ опредѣленно. «Я желаю,— говоритъ онъ, перечисливъ функціи тѣла, къ которымъ относилъ, какъ мы видѣли, и нѣкоторыя психическія отправленія,—чтобы вы разсуждали такъ, что эти функціи совершенно естественно происходятъ въ этой машинѣ (т. е. тѣлѣ) въ силу расположенія ея органовъ; онѣ ни болѣе, ни менѣе какъ движенія часовъ или другого автомата съ противовѣсомъ и колесами; вообще не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ признавать въ тѣлесной машинѣ никакой другой души,— растительной или животной, — никакого другого начала движенія и жизни, кромѣ крови и духовъ, дѣйствующихъ чрезъ теплоту огня, который постоянно горитъ въ нашемъ сердцѣ». «Всѣ движенія, — говоритъ Декартъ въ другомъ мѣстѣ, — которыя у насъ бываютъ, когда наша воля ничего не

приноситъ къ нимъ отъ себя (напр. дыханіе, прогулка и наконецъ всѣ дѣйствія, которыя у насъ общи съ животными), зависятъ исключительно отъ устройства нашихъ членовъ и отъ движенія, которое естественно совершается въ мозгу, нервахъ и мускулахъ духами возбужденными теплотою сердца, подобно тому какъ движеніе автомата производится при помощи одной рукоятки и благодаря устройству его колесъ». Основаніемъ къ такому объясненію для Декарта послужилъ фактъ непроизвольнаго миганія, наступающаго при приближеніи къ глазу какого нибудь посторонняго предмета. «Когда — говоритъ Декартъ — кто нибудь неожиданно протянетъ руку по направленію къ нашимъ глазамъ, какъ-бы намѣреваясь ударить насъ, то хотя мы знаемъ, что онъ нашъ другъ и дѣлаетъ это для шутки и не причинитъ намъ никакого вреда, тѣмъ не менѣе мы едва-ли можемъ удержаться отъ того, чтобы не закрыть глазъ». «Это показываетъ, — продолжаетъ Декартъ, — что закрывать глаза не дѣло нашей души, если это происходитъ противъ нашей воли, къ которой одной можетъ относиться дѣйствіе такого рода, но что машина нашего тѣла такъ устроена, что движеніе руки по направленію къ нашимъ глазамъ возбуждаетъ другое движеніе въ нашемъ мозгу, которое вводятъ животные духи въ мускулы, дѣлающіе напоръ на вѣки». Въ этомъ объясненіи нельзя не видѣть зародыша современнаго ученія о рефлексахъ.

Къ заслугамъ же Декарта слѣдуетъ отнести и то, что онъ довольно сильно поколебалъ старую теорію противоположности между мозгомъ и сердцемъ въ параллель противоположности между разсудкомъ и чувствованіемъ. Декартъ перенесъ чувствованія, какъ и всѣ другія явленія сознанія, въ мозгъ, и этимъ далъ толчекъ къ ученію о мозговой локализаціи психическихъ функцій. Уже ближайшій ученикъ Декарта, Виллисъ, — знаменитый анатомъ и врачъ XVII ст., съ именемъ котораго связаны великіе успѣхи въ анатоміи нервной системы, — предложилъ размѣщеніе душевныхъ способностей по различнымъ отдѣламъ головного мозга; такъ онъ помѣщалъ воображеніе въ мозолистомъ тѣлѣ, память — въ складкахъ полушарій, а воспріятіе — въ полосатомъ тѣлѣ. Достаточно вспомнить, какую роль играетъ въ современной психологіи и физіологіи ученіе о локализаціи, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этой заслуги Декарта.

Закончу указаніемъ на слѣдующее обстоятельство. Проникнутая естественнымъ духомъ психологія Декарта стоитъ, во многихъ отношеніяхъ, въ противорѣчіи съ основными положеніями его метафизики. Это противорѣчіе особенно рѣзко сказывается въ вопросѣ о взаимодѣйствіи души съ тѣломъ. Какъ психологъ — натуралистъ Декартъ говоритъ о взаимодѣйствіи души и тѣла такъ, какъ будто это взаимодѣйствіе очевидно: онъ

принимаетъ, что душа соединена со всѣми частями тѣла, что спеціально дѣятельность ея проявляется въ шишковидной железѣ и что при посредствѣ этой железы и при посредствѣ животныхъ духовъ душа и тѣло вліяютъ одно на другое. Но какъ метафизикъ, Декартъ, настаиваетъ на совершенной противоположности духа и тѣла, на полномъ отсутствіи между ними всякаго непосредственнаго взаимодѣйствія. Съ другой стороны, метафизическія тенденціи заставляютъ Декарта высказывать положенія, идущія въ разрѣзъ съ общимъ духомъ естествознанія. Только въ угоду метафизикѣ могъ Декартъ держаться, напримѣръ, ученія о прирожденномъ знаніи. Признаніе въ человѣческомъ духѣ прирожденнаго запаса самоочевидныхъ истинъ, совершенно независимыхъ отъ опыта и потому обладающихъ непосредственною и безусловною достовѣрностью, было необходимо метафизикамъ, такъ какъ давало имъ исходныя положенія для ихъ умозрительныхъ построеній. Но оно въ то же время шло въ разрѣзъ съ принципами положительнаго, естествовѣднаго знанія, такъ какъ изъ него логически слѣдовало отрицательное отношеніе къ индуктивнымъ обобщеніямъ, опирающимся на чувственной основѣ. И если-бы не вліяніе метафизики, — Декартъ, вѣроятно, провелъ бы въ своей психологіи болѣе согласную съ духомъ естествовѣдѣнія сенсуалистическую теорію знанія, подобно тому какъ сдѣлалъ это его современникъ Гоббезъ, у него же усвоившій механическій принципъ объясненія явленій природы, но только не раздѣлявшій его метафизическихъ тенденцій.

Л. Рутковскій.

Къ исторіи литературныхъ заимствованій въ польской литературѣ XVI ст.

Marcellus Palingenius Stellatus и Николай Рей.

Среди латинскихъ произведеній XVI ст. особенною распространенностью пользовалась дидактическая поэма италіанскаго гуманиста, неизвѣстнаго ближе даже по имени, издавшаго свое произведеніе Zodiacus Vitae подъ псевдонимомъ Marcellus Palingenius Stellatus. Въ польскихъ библіотекахъ старинныя изданія Зодіака встрѣчаются въ большомъ количествѣ, а въ половинѣ XVI ст. (1558 г.) это произведеніе было почти цѣликомъ введено польскимъ писателемъ Николаемъ Реемъ въ его обширную поэму (*12,000* стиховъ) подъ заглавіемъ Wizerunk własny żywota człowieka poczciwego. Рей не указалъ на свой источникъ, но его современникъ Янъ Кохановскій въ одной изъ своихъ элегій говоритъ объ этомъ заимствованіи, какъ о фактѣ вполнѣ извѣстномъ: — «Palingenii exemplum Musamque secutus Quid deceat caneret, dedeceatque viros (El. II. 13)». Полное заглавіе этого произведенія по изданію XVI ст. безъ года: Marcelli Palingenii Stellati Poetae doctissimi Zodiacus vitae hoc est de hominis vita studio ac moribus optime instituendis. Libri XII. Opus mire eruditum, planeque philosophicum, ac diligentissime in studiorum usum denuo excusum. Это одно изъ выдающихся дидактическихъ произведеній гуманистической литературы XVI ст. Въ немъ авторъ соединяетъ съ высшими вопросами о добродѣтели, безсмертіи души, разсказы о разныхъ отношеніяхъ изъ повседневной жизни и съ этой стороны является нравоописательнымъ произведеніемъ, не лишеннымъ спеціальнаго интереса. На Зодіакъ въ исторіи литературы и культуры давно обращено вниманіе, но особаго о немъ из-

слѣдованія нѣтъ. Болѣе подробныя данныя о Зодіакѣ и его авторѣ имѣются въ сочиненіяхъ общаго характера; изъ нихъ слѣдуетъ указать на слѣдующія:

Lilii Gregorii Giraldi Ferrariensis Dialogi duo de poetis nostrorum temporum. Florentiae MDCI; Lib. II, p. 94—95.

Bayle. Dictionaire historique et critique. 3-me ed. Rotherdame 1720. T. 3, p. 2159 s. v. Palingenius.

Tiraboschi Girolamo. Storia della Letteratura Italiana. T. VII, parte III. Modena 1779, p. 257, c. XLIII.

Ersch u. Gruber. Allgemeine Encyklopädie. Dritte Section. Zehnter Theil. Leipzig 1838 s. v. Palingenius.

Jo. Alberti Fabricii. Bibl. Latina mediae et infimae aetatis, aucta a Jo. Dominico Mansi. Florentiae 1858. T. V, p. 22.

Michaud. Biographie Universelle. T. 26.

Изданій Зодіака очень много; мнѣ лично извѣстны экземпляры слѣдующихъ изданій XVI ст.: 1537 Basileae; 1552 Ibidem ap. Nic. Brilingerum; 1556 Lugduni ap. Jo. Tornaesium; 1559 Ibidem; 1563 Ibidem; 1574 Basileae; 1584 Lugduni; 1589 Ibidem; 1598 Amsterdami.

Въ XVII и XVIII ст. онъ переиздавался неоднократно, а въ XIX два раза (1833, 1871 гг.) въ библіотекѣ Tauchnitz'a.

Въ XVI ст. былъ сдѣланъ англійскій переводъ (1561 г.), есть французскія и нѣмецкія передѣлки.

Объ авторѣ Зодіака, кромѣ разныхъ догадокъ, ничего опредѣленнаго неизвѣстно. Изъ самой поэмы, о которой авторъ говоритъ, что это opus multos per annos elaboratum, дѣйствительно убѣждаемся, что на ея написаніе потребовалось не мало времени.

Въ гл. VIII онъ говоритъ, что ему придется замолчать, пока не минуютъ эти тяжелыя времена — unde suos queritur direptos Roma penates (1005), т. е. извѣстное разграбленіе Рима (sacco di Roma) съ 6-го мая 1527 г. по февраль 1528 г. Заканчивая гл. IX поэтъ говоритъ, что Меркурій «me vexit per media in terras, quo Thuscus tempore Clemens intra Felsineos habitans cum Caesare muros, Florentinam urbem longa obsidione premebat» (1010), т. е. во время пребыванія папы Климента VIII съ императоромъ въ Болоніи съ 5-го ноября 1529 г. по апрѣль 1530 г.

Польскій писатель Николай Рей (1505—1569 гг.) воспользовался Зодіакомъ для своего произведенія Wizerunk и дѣйствительно, выражаясь словами Кохановскаго — exemplum musamque Palingenii secutus [1]).

1) Объ этомъ подробнѣе—Tyszyński. Bibl. Warsz. 1868. T. 2, стр. 41—56, 260—276 и у меня при изданіи Wizerunk'a Варшава. 1889, стр. I—XVI.

Внѣшняя форма аллегорическо-дидактической поэмы несомнѣнно заимствована Реемъ изъ Зодіака. Раздѣленіе на 12 главъ взято оттуда же, въ остальномъ же конструкція обоихъ произведеній сильно отличается. Палингеній, по образцу всѣхъ ложно классиковъ, начинаетъ съ обращенія къ Фебу, къ Музѣ, а потомъ уже къ князю Феррарскому, и наконецъ, по образцу Овидія, говоритъ: scribere fert animus multa et diversa. Рѣшившись писать о томъ, quaecunque videntur prodesse ac sanctos mortalibus addere mores, онъ намѣренъ отправиться туда, куда направитъ его попутный вѣтеръ, дабы разсмотрѣть всѣ мѣста.

Первая глава, по словамъ автора, составляетъ—«прелюдію» ко всему произведенію, но въ ней уже намѣчена программа дальнѣйшаго изслѣдованія: отвѣтить на вопросъ—лучше ли быть добрымъ или ученымъ—и въ отвѣтѣ показать, что счастливѣе тотъ, кто *probus atque doctus*. Эта глава у Палингенія названа знакомъ Зодіака — Aries (овенъ) и говоритъ, что aries iam vult properanti cedere Tauro, т. е. наступаетъ уже конецъ апрѣля (27-ое апрѣля).

У Рея глава эта названа именемъ Иппократа, который, по словамъ поэта, изучалъ человѣческую природу и отыскивалъ причину всего не только въ мірѣ матеріальномъ, но и въ духовномъ, — причина зла кроется въ плохомъ воспитаніи. Онъ наставлялъ своихъ учениковъ, что благо составляетъ добродѣтель, украшенная умомъ. Одинъ изъ нихъ, наслушавшись учителя, рѣшился узнать, что такое добродѣтель и какова истинная наука. Такимъ образомъ конструкція этой главы не имѣетъ ничего общаго съ Зодіакомъ. Однако идеи и мысли, а иногда ходъ разсужденія и способъ доказательства не могутъ считаться у Рея самостоятельными.

Такъ, авторъ Зодіака доказываетъ, что — non melior, non virginibus magis apta Camoenis Materies, quam quae tractat de moribus, ulla est. — Рей это передѣлалъ въ положеніе, что почтенные наши предки минувшихъ временъ болѣе всего наслаждались твореніями, которыя міру показывали его обязанности, потому что всегда богатъ, кто породнится съ добродѣтелью. Будь онъ на столько глупъ, что роднымъ дядей могъ бы считать осла, пусть будетъ лѣнтяй, но при ея помощи можетъ выйти истиннымъ Эвріаломъ; пусть будетъ пьяница, а добродѣтель сдѣлаетъ изъ него почетнаго мужа. Тупость, боязнь, — все пройдетъ и увидишь, какъ изъ ничтожества произойдетъ Гекторъ. Все это находимъ у Палингенія: Non melior, non virginibus magis apta Camoenis Materies, quam quae tractat de moribus, ulla est. Haec hominem reddit sanum, ingenioque valentem, Sit quamvis hebes et stolidi cognatus aselli, Impius et recti contemtor, turpiter et qui Luxuriam sequitur... mendax, vafer, atque bibendi Consultus, demum vitio

quocunque laborans: Haec poterit sola perversae crimina mentis Exuere, atque viam vitae reperire salubrem. Efficit haec claros homines et honoribus aptos, Qui sibimet, domuique suae, patriaeque decenter Consulere, ac dubiis rebus succurrere norint (74—87).

Рей далѣе говоритъ — что хорошо, когда природа украситъ кому внѣшность и ростъ, когда красивое лицо играетъ румянцемъ съ бѣлизною, притомъ глаза имѣютъ красивое выраженіе; походка, внѣшній видъ и фигура и все прочее вещи хорошія—но все это безъ добродѣтели ягоды на шиповникѣ.

Все это навѣяно Зодіакомъ: Non tantum facies roseo niveoque colore Mista placet, pulchrique oculi, pulchrique capilli, Singulaque aethereas imitantia membra figuras: Quantum compositi mores, et splendor honestae Mentis, quam vitio virtus seclusit ab omni (88—92).

Оба поэта доказываютъ, что праведный человѣкъ имѣетъ всегда спокойную совѣсть:

Quid quod iustitiae cultor morumque bonorum Laetus agit, speratque Deos sibi profore semper? Nec curat, si quis secreta in aure loquatur, Nec trepidat regis vel iudicis ora vocatus; Contra, qui malus est, formidat semper, apertum Ne fiat facinus, quod clam commisit, et ictus Fulmineos, tonitru audito, sibi conscius horret (93—99).

Рей тоже, но въ обратномъ порядкѣ доказываетъ:

У кого не достанетъ добродѣтели, тотъ безпокоенъ, онъ торчитъ точно дикій вепрь безъ памяти, подслушиваетъ всюду, гдѣ, кто перешептывается, не говорятъ ли о немъ, посматривая на всѣ стороны, кусаетъ себѣ губы. Честное сердце всегда спокойно, его не пугаетъ какая угодно погода, онъ не боится никого, ни судей, ни судебныхъ приставовъ. Его не тронетъ ни громъ, ни молнія и онъ знаетъ, что онъ весь подъ защитою у Бога.

Затѣмъ Палингеній указываетъ на вредъ произведеній съ миѳологическимъ содержаніемъ, описывающихъ легкіе нравы юношей разсказывающихъ о томъ, какъ Concumbunt, rapiunt pueros, vitiantque puellas—in coelo est meretrix, in coelo est turpis adulter. — И къ такимъ поэтамъ обращается съ вопросомъ: Dicite, quid tantum noctesque diesque laborem Fertis?... O stulta, o putida certe scriptorum turba. И заключаетъ — Ergo sic scribere oportet, Ut quicquam inde boni valeant haurire legentes, Ne frustra tempus sese trivisse querantur, Fallaces nugas et inania monstra legendo.

Отсюда заимствовалъ и Рей свое разсужденіе о безполезности такихъ разсказовъ, какъ объ опасностяхъ между Сциллой и Харибдой, о томъ какъ Венера соблазняла, какъ Купидонъ стрѣлялъ въ глупыхъ мужиковъ, какъ

Геркулесъ убивалъ гидру, когда простой мужикъ сумѣетъ убить выдру.— Все это не нужно; нужны такія сочиненія, которыя учатъ добродѣтели и благонравію. Всякій поэтому долженъ знать, что на свѣтѣ необходимы— полезное, пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ честное, но это послѣднее самое важное.

Тоже говоритъ и Палингеній: Atqui scire opus est, triplex genus esse bonorum, Utile, delectans maiusque ambobus honestum. Horum aliquod, vel plura, ferat quodcunque poema; Sic tamen, ut metae nunquam frangantur honesti (143—146).

Чтеніе такихъ книгъ безполезно и для людей высшаго слоя, которымъ нечего дѣлать.

Пожалуй, говоритъ Рей, скажутъ, что это могутъ читать почтенные мужи, когда нечего имъ дѣлать, для отдыха послѣ тяжелыхъ трудовъ?— И рѣшаетъ, что и для нихъ полезнѣе прочесть то, что укажетъ имъ, какъ исполнять свои обязанности.

Палингеній буквально ставитъ такой же вопросъ:

Dicet forte aliquis: delectant talia Magnum saepe virum?—и даетъ на это отрицательный отвѣтъ. Возставъ противъ обсценной литературы, Палингеній обращается къ тѣмъ: Vos moneo, quorum est fidei commissa iuventus, Et quorum est teneras puerorum fingere mentes, Ceu molles digito ceras: haec scripta perosi Deteriora, aliis incumbite et illa docete, Arida quae non sint et non indigna referri (201—205).—и указываетъ на необходимость полезныхъ наукъ и чтенія. Отсюда Рей заимствовалъ свое сравненіе молодой головы съ воскомъ и подобно Палингенію требуетъ выбора въ чтеніи и приходитъ къ выводу, что умъ безъ добродѣтели очень опасенъ, и что самое лучшее — это умъ, соединенный съ добродѣтелью.

Это находитъ и Палингеній: Divina quidem res doctrina — но illum Felicem magis esse reor,—qui probus atque doctus.

Одного, однако, ума и добродѣтели мало, они должны быть украшены наукой; кто свой умъ обогатитъ наукой, тотъ легко достигнетъ предназначенной цѣли — говоритъ Рей; туже мысль находимъ и у Палингенія— Mens caeca est sine lumine doctrinarum, — но у него мы не находимъ понятія вводимаго Реемъ — о томъ, что умъ нашъ рождается похожимъ на чистую доску (tabula rasa) и что ему необходимо постоянное упражненіе.

Мнѣніемъ о необходимости соединить умъ съ добродѣтелью и упражнять науками кончаютъ оба поэта первую главу.

Первая глава у обоихъ является введеніемъ, постановкою вопроса; теперь оба должны показать, что такое добродѣтель и какъ и чѣмъ слѣдуетъ упражнять (обогащать) умъ.

Вторая глава у обоихъ поэтовъ посвящена разсмотрѣнію вопроса о томъ, что такое summum bonum, что такое истинное счастье и оба приходятъ къ выводу — что Divitiae pereunt — robur, honores, cuncta cadunt: virtus aeterna in tempora durat. — Felix qui didicit contentus esse parvo. Рей это объясняетъ по своему: Счастливъ тотъ, кто довольствуется тѣмъ, чѣмъ его надѣлила судьба; и умъ, соединенный съ добродѣтелью, всѣмъ пользуется умѣренно; Рей даже совѣтуетъ умѣренно оказывать помощь нуждающимся.

При разсмотрѣніи разныхъ сторонъ жизни Рей во многомъ и здѣсь пользовался Зодіакомъ.

Такъ причины роскоши, богатства, обжорства, во многихъ подробностяхъ очень интересныя—въ общемъ оказываются заимствованными.

Самымъ, однако, близкимъ къ Зодіаку мѣстомъ въ Wiz. является глава III. Названы онѣ у обоихъ поэтовъ различно—въ Зодіакѣ Gemini—у Рея Эпикуръ. Эпикуръ является и у Палингенія и можетъ быть эта глава навела Рея на мысль назвать всѣ главы Wiz. именами мудрецовъ древности. Здѣсь же у Рея является Minerwa, которая обѣщаетъ послать юношѣ сына своего Ratio—у Палингенія Arete, которая обѣщаетъ поэту послать aliquem, quo caetera disces. Въ IV главѣ у него появляется Thimalphes filius virtutis.

Кто истинно счастливый человѣкъ, спрашиваетъ Палингеній и отвѣчаетъ: *нето*—и только Богъ—solus felix, solusque beatus. Если же никого нельзя назвать на землѣ счастливымъ, то мы должны узнать — quo modo possimus saltem miseri minus esse—Si non felices, saltem minus infelices Quo fieri pacto liceat nobis. [Это тотъ же выводъ, къ какому пришелъ впослѣдствіи Карамзинъ:—Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другого—вотъ благо; одному лучше нежели другому—вотъ счастіе].

Палингеній такое счастье по сравненію видитъ—въ полной свободѣ, умѣренной жизни и въ неподчиненіи никому:

O bona libertas, pretio pretiosior omni! O summum primumque decus: qua prorsus adempta Nil gratum, nil dulce viris, Et vivere mors est! Ast pauper nocte atque die securus ubique, Et quo fert animus, graditur, sive ire per urbem... sive extra moenia mavult Per cultos hortos, per florida prata vagari... Nil prohibet, solus vadit, non indiget ullo servorum strepitu, et comitantum nube clientum: Et quoties stimulis agitur famis et sitis, ore Haud dubio, tutusque dapes ac pocula sumit. Vilibus exiguisque cibis vescuntur in altis Liberae aves melius silvis: et dulcius escam Quaesitam in campis, multoque labore paratam Accipiunt, quam si cavea teneantur eburna, Aut in gemmato atque aurato carcere clausae Pinguescant epulis

regalibus, uberibusque. Saepe igitur miser atque infelix est etiam rex (V, 381—400).

Рей въ той же главѣ разсуждаетъ о тѣхъ же вопросахъ, но онъ не можетъ выдержать строгой логической системы Палингенія; говоритъ о величіи Божіемъ, о ничтожествѣ человѣка, о треволненіяхъ богача, и приходитъ къ выводу, что «счастливо жить—это значитъ довольствоваться тѣмъ, что Господь по своей милости даетъ», и затѣмъ, подобно Палингенію, восклицаетъ «О достойная свобода, ты выше всѣхъ святостей, ты одна доставляешь истинныя радости. Истинное счастье—довольствоваться умѣреннымъ и пользоваться досугомъ въ полной свободѣ.

Тутъ Рей припоминаетъ отъ себя, какъ хорошо Горацій прославилъ умѣренность.

Говоря объ истинномъ счастіи, оба поэта переходятъ къ вопросу о женитьбѣ.—Разсматриваютъ вопросъ—an coelibe vita coniugium melius?—даютъ высказаться разнымъ мнѣніямъ и приходятъ къ выводу о необходимости жениться. Эти разсужденія даютъ обоимъ поэтамъ возможность изобразить немало жанровыхъ картинокъ—объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, о безпутной жизни, о монахахъ, докторахъ, прислугѣ и т. д.

Какъ мужъ долженъ наставлять жену:

Si tamen (ut fieri contingit) coniuge prava Moeres, deceptus fato et Junone sinistra: Hanc blande prius admoneas, placidisque frequenter Castiges verbis... Hoc si non prodest, tunc utere amaro: Succense, inclama... Quod si minus ista sufficiunt, nec verba timet, tu verbera misce, Tergaque tunc duro resonent pulsata bacillo (V, 568—579).

Это длинное разсужденіе Рей заключилъ въ двухъ стихахъ:—слѣдуетъ наставлять ее сначала нѣжными словами, потомъ строгими, а наконецъ тѣмъ, что ударяетъ по бокамъ.

Какъ все это близко къ русскому Домострою:

«Жену наказывати всякимъ разсужденіемъ и учити; пользовати страхомъ—и за великое дѣло ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа».

Взглядъ Рея на *истинное благородство* очень важенъ не только въ развитіи его личнаго взгляда на сословныя отношенія, но и на теченія въ этомъ отношеніи во всей польской литературѣ. Для пониманія этого вопроса слѣдуетъ помнить, что польское слово *szlachectwo*—не значитъ только—дворянство,—не обозначаетъ опредѣленнаго сословія, но имѣетъ и отвлеченное значеніе—благородство,—generositas Горація и позднѣйшее—nobilitas.

Невѣрное, поэтому, объясненіе даютъ изслѣдователи (нп. Макушевъ), оставляя польское слово шляхетство безъ перевода. Непонятно поэтому для

Грамматикъ боязно блюдетъ законы языка, за то какъ легкомысленно онъ смотритъ на вѣчные законы Божіи... Ариѳметикъ и геометръ хотятъ все вычислить, все измѣрить, но не въ силахъ справиться съ своей душой... Астрономы вычисляютъ по звѣздамъ, что совершится съ городами и царствами, пренебрегая тѣмъ, что съ ними самими происходитъ въ обыденной жизни; они предвидятъ затменія солнца и луны, но не признаютъ затменія своего собственнаго духа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это предчувствіе того, что 100 лѣтъ послѣ Wiz. привелъ въ систему Амосъ Коменскій. Неправильно поступаютъ, говорилъ К., начиная обученіе какого либо языка грамматикою, вмѣсто того, чтобы начинать его по сочиненіямъ какого нибудь образцоваго автора или по толково и надлежаще составленнымъ словарямъ.

Онъ же вооружался противъ классиковъ за ихъ безнравственность: чтеніе Теренція и Плавта вслѣдствіе ихъ нецѣломудреннаго содержанія опасно для нравственности юношества.... Цѣликомъ могутъ быть даны въ руки юношества, уже твердаго въ христіанской вѣрѣ, (по Ком.) только лишь сочиненія Сенеки, Эпиктета и Платона.

Вмѣстѣ съ Эразмомъ Рей говоритъ, что воспитатель долженъ помнить, что передъ нимъ гибкая на всѣ стороны трость, мягкій воскъ, сырая глина. — Что при воспитаніи особенно слѣдуетъ печься о благочестіи. — Напрасно томить учениковъ по нѣскольку лѣтъ сряду грамматическими правилами, тогда какъ источникъ знанія языка пріобрѣтается лучше всего хорошимъ выборомъ разговоровъ и ревностнымъ чтеніемъ хорошихъ книгъ.

Здѣсь не простаковщина, какъ думаетъ Макушевъ, а скорѣе вліяніе кальвинизма, который отличался пренебреженіемъ и прямою иногда враждебностью къ свѣтской литературѣ и наукѣ. Рей впрочемъ, не дошелъ еще до той крайности въ реакціи противъ развитія свѣтской культуры, до какой доходилъ тогда кальвинизмъ, въ которомъ развивались принципы, противоположные гуманистическому индивидуализму и секуляризаціи мысли и жизни. Рей не объявляетъ войны разуму, но только подчиняетъ его контролю совѣсти — добродѣтели.

Всѣ главы Wiz. въ томъ или другомъ порядкѣ находятся подъ сильнымъ вліяніемъ Зодіака.

Сопоставляя обѣ поэмы, мы за общими мѣстами усматриваемъ крупную характерную разницу между ними.

Зодіакъ—это строго логическое сухое разсужденіе въ стихахъ, очень звучныхъ и не безъобразныхъ картинахъ, но произведеніе несомнѣнно написанное ученымъ гуманистомъ и для ученыхъ читателей. Не то мы усматриваемъ у Рея. Въ немъ виденъ насквозь практическій умъ, желающій

дать популярное изложеніе практической житейской мудрости, а не—строго философской системы.

Когда Палингеній витаетъ въ абстрактныхъ разсужденіяхъ, Рей даетъ картины мірской жизни и въ этой жизни ищетъ подтвержденія теоретическимъ положеніямъ.

Передѣлка Зодіака въ популярно-дидактическую поэму—самое замѣчательное явленіе въ дѣятельности Рея. Въ Wiz. Рей воспользовался для своихъ потребностей Зодіакомъ, но подъ его напоромъ ничего не потерялъ изъ своей прежней самостоятельности. Сохранить свою индивидуальность помогло Рею хотя поверхностное знакомство съ исторіей философіи (что видно изъ его болѣе раннихъ произведеній), а также начинавшій уже проявляться въ польской литературѣ критицизмъ (Гурницкій).

Рей передѣлалъ дидактическую поэму Палингенія оригинальнымъ образомъ — давъ ему форму странствованія юноши — точно нѣкоего Телемака — по разнымъ менторамъ, который такимъ образомъ знакомится практически съ разными ученіями.

Это какъ бы практическій курсъ философіи. Видно въ немъ, какъ Рей, изучая произведеніе италіанскаго автора, припоминалъ, что зналъ изъ древней философіи и называлъ именами философовъ разныя главы своего произведенія, потому что ему казалось, что этотъ философъ занимался такимъ вопросомъ, о которомъ будетъ рѣчь въ подлежащей главѣ.

Діогеномъ назвалъ потому, что этотъ философъ презрѣлъ богатство; Эпикуромъ—ту главу, въ которой Палингеній нападаетъ на эпикуреизмъ возрожденія, потому что этотъ философъ полагалъ истинное счастье въ роскоши. — Такимъ образомъ, теоретически, это довольно странная передѣлка, гдѣ роль философовъ играютъ мудрецы, не причисленные исторіей къ философамъ, и ихъ ученіе охарактеризовано на основаніи иногда очень случайныхъ сходствъ, а иногда и произвольно:—Ѳалесъ Милетскій является представителемъ фатализма, Анаксагоръ разсуждаетъ о супружествѣ и приличномъ поведеніи въ обществѣ.

Итакъ подъ вліяніемъ Палингенія Рей сильно измѣнился, но не передѣлалъ совсѣмъ своей натуры. Теперь онъ дѣлается гуманистомъ, поборникомъ гуманитарнаго образованія, но безъ древнихъ языковъ. Познакомившись съ западными идеями, онъ не уничтожилъ въ себѣ національнаго чувства, а остался до конца жизни народнымъ поэтомъ. Въ этомъ отношеніи Рей представляетъ любопытное явленіе. Знакомство съ гуманизмомъ, съ латинскимъ языкомъ и латинскими поэтами—не сдѣлало его классикомъ и не сдѣлало его сторонникомъ той западноевропейской жизни.

Онъ возстаетъ противъ поэтовъ, развращающихъ нравы, и рядомъ

съ Овидіемъ за одно достается Горацію и Вергилію и всѣмъ не названнымъ ближе поэтамъ, пишущимъ obscoena. За то исторія, географія, философія, естествознаніе въ немъ имѣютъ горячаго поборника.

Не давая опредѣленной программы, Рей своимъ произведеніемъ пошатнулъ основанія новолатинской поэзіи—Кржицкіе, Яницкіе отживаютъ свой вѣкъ и Кохановскій, Сарбевскій—это эпигоны космополитизма.

Уже по Wizerunku видно то направленіе, которое приметъ польскій гуманизмъ и уже чувствуется скорое появленіе Дворянина Гурницкаго.

Wizerunk на гуманистической почвѣ является и протестомъ противъ изнѣженности, нравственнаго упадка и соблазна. На основаніи лучшаго примѣненія къ жизни древней литературы и культуры Рей старался противопоставить культу страстей, культъ нравственности и совѣсти. Въ этомъ произведеніи Рей старался убѣдить читателя и провести въ общество понятіе о томъ, что наборъ разныхъ свѣдѣній по всевозможнымъ отраслямъ знанія, не украшенный добродѣтелью, является мѣднымъ звономъ, предназначеннымъ оглушить душу человѣка. Онъ хотѣлъ, чтобы его воспитанный человѣкъ при посредствѣ знанія ясно созналъ обязанности относительно общества и государства. Поэтому то цѣль знанія — принести пользу и удовольствіе. — И вотъ мы видимъ въ Wiz., какъ на умъ Рея подѣйствовали два направленія — теоретическое и практическое.

С. Пташицкій.

Къ рукописному преданію «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» Прокопія Кесарійскаго.

Въ своей статьѣ о «рукописяхъ Прокопія» (SBer. d. Münchener Akad. 1895, p. 128) I. Гаури, производя сравнительную оцѣнку значенія обоихъ разрядовъ рукописей «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» для критики текста, отдаетъ предпочтеніе флорентійско-парижскому преданію (*y*) предъ ватиканскимъ (*z*), объявляя первое «болѣе важнымъ» и болѣе близкимъ къ ихъ общему архетипу. Въ рецензіи на изданіе Компаретти мы уже имѣли случай констатировать, что единственный аргументъ, приведенный Гаури въ подтвержденіе его взгляда, оказывается и крайне страннымъ, и болѣе чѣмъ шаткимъ (*Ж.М.Н.П.*, 1895, ноябрь, крит., стр. 132 и сл.); тамъ же мы упомянули, что достаточно даже бѣгло перелистовать первый томъ изданія Компаретти, чтобы убѣдиться въ полномъ превосходствѣ ватиканскаго преданія, и это убѣжденіе въ настоящее время незыблемо укоренилось въ насъ на почвѣ непосредственнаго ознакомленія со всѣми деталями обоихъ преданій, о которыхъ даетъ лишь весьма отдаленное и смутное понятіе farrago Comparettiana. Считаемъ не лишнимъ упомянуть, что къ разбору интересующаго насъ вопроса намъ удалось привлечь между прочимъ *десять новыхъ рукописей, имѣющихъ значеніе для критики текста, но страннымъ образомъ оставшихся неизвѣстными какъ Гаури, такъ и Компаретти, а именно: Vaticanus gr. 73 (палимпсестъ, X вѣка); Ambrosianus N 135 sup.; Angelicus 25*; *Bruxellenses 11301—16* и *11317—21; Monacenses 267* и *185; Vaticanus gr. 1353; Vat. Ottob. 192; Paris. suppl. gr. 607 A (s. X)*[1]).

1) Съ *восемью* другими рукописями, также оставшимися неизвѣстными какъ Гаури, такъ и Компаретти, мы, къ сожалѣнію, еще не успѣли ознакомиться: это— *Parisini 1038*,

Этотъ-то новый рукописный матеріалъ, въ связи съ детальнымъ пересмотромъ прежняго, позволяетъ намъ установить внѣ всякихъ сомнѣній одинъ новый и весьма любопытный фактъ, дающій окончательное рѣшеніе вопроса, которое преданіе ближе къ архетипу. Этимъ фактомъ является *значительная интерполированность флорентійской рукописи L* (= *Laurent. 69,8*).

Надо замѣтить, что отъ интерполяцій не былъ свободенъ и общій архетипъ обоихъ преданій (достаточно указать на фразу Γερμανὸν δὲ τὸν ἀνεψιὸν — κηδεστὴν Ἰωάννην, попавшую въ конецъ VII книги Ὑπὲρ τῶν πολέμων изъ константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων, ср. напр. *Ambrosian. N 135 sup.* fol. 527ʳ); не вполнѣ свободенъ отъ дальнѣйшихъ интерполяцій и *V* (= Vatic. 1690), но всѣ эти интерполяціи какъ въ количественномъ такъ и въ качественномъ отношеніи рѣшительно меркнутъ предъ плодами дѣятельности интерполятора *L*.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ вторaго тома изданія Компаретти (Roma 1896).

368,12 между τινάς и τὰ ἐν Καπύῃ *L* вставляетъ τωτίλας τῶν παραυτῷ δοκίμους τετρακοσίους ἠθέλησε, не понявъ контекста и заимствуя цифру изъ 369, 3 (гдѣ мы предложили бы читать τούτους δὴ (δὲ *VL*) τοὺς βαρβάρους τετρ. ὄντας).

145, 9 ἐν αἷς (γνώμαις) καὶ τόδε ἐς τὸν λόγον ἦλθεν, ὡς οὐ πρότερόν ποτε Ῥωμαίων βασιλεὺς τοῖς ἐν τῇ ἑσπερίᾳ βαρβάροις πολεμεῖν ἴσχυσε, πλήν γε δὴ ὅτι αἱ σπονδαὶ ἐς Πέρσας γεγένηνται αὐτῷ τε καὶ τοῖς ἐν τῇ ἕῳ βασιλεῦσι. Такова вулгата, восходящая къ *L*. При помощи *N* (= Ambros. N 135 sup.) и *V* мы возстановляемъ это мѣсто такъ: ... ὡς οὔποτε πρότερον (ἕως οὗ πρότ. ποτε *V*, не безъ интерполяціи) ὁ (*om. V*) Ῥωμαίων βασιλεὺς... ἴσχυσε, πλήν γε δὴ ὅτε οἱ (такъ *N*; ὅτι αἱ *V*) σπονδαὶ ἐς Πέρσας γεγένηνται, — выбрасывая вслѣдъ за *NV* интерполяцію αὐτῷ—βασιλεῦσι.

187, 2 κοινωνεῖν τῶν πάντων [διὰ τὴν παρ' αὐτῶν βοήθειαν ἐσομένην] ὑμῖν ἀξιοῦσιν. Въ *V*, равно какъ и въ *B* (= Bruxell. 11301—16) и въ *C* (= Monac. 267) нѣтъ словъ, заключенныхъ нами въ скобки, и это преданіе совершенно правильно: принимая во вниманіе, что въ *L* κοινωνεῖν искажено въ κρεῖττω νῦν, казалось бы, не трудно сообразить, что τὴν — ἐσομένην есть не что иное, какъ интерполяція, но издатели этого не поняли: Компаретти слѣдуетъ Мальтрэ, который, принимая κοινωνεῖν изъ *V*, встав-

---

1810, 1601 и 2022; Matritensis gr. 116; Escurialenses R. III, 14 и *R. III, 13; Basileensis D. IV, 6.* Думаемъ, однако, что и изъ этихъ рукописей, по крайней мѣрѣ, парижскія и мадридская не лишены значенія для критики текста.

ляетъ διά передъ τὴν, а Диндорфъ подобно Гёшелю всецѣло слѣдуетъ *L*. — Эта интерполяція повлекла въ *L* за собою и другую, не менѣе радушно принятую всѣми издателями:

187, 3 ἢν δὲ καὶ τούτου παρ' ὑμῶν τύχωσιν, [ὥστε ξυνελθεῖν Γότθους τῷ Φράγγων στρατῷ], κτλ. Словъ, заключенныхъ нами въ скобки, нѣтъ въ *VBC*; ихъ мы выбрасываемъ, какъ несомнѣнную интерполяцію *L*.

257, 6 καὶ πάντα ὅσα ἔν γε Ἰταλιώταις ὀχυρώματά ἐστιν, εἴ τῳ καὶ ταῦτα οὐκ ἀχρεῖα παντάπασιν εἶναι δοκεῖ τοῖς ἐς πόλεμον καθισταμένοις ἐφόδια. Такъ слѣдуетъ читать это мѣсто вслѣдъ за *Γ* (= Vatic. 73); *V* даетъ οὕτω вм. εἴ τῳ, а *L*, которому слѣдуютъ всѣ издатели, вм. ἐστιν, εἴ τῳ, даетъ ὄντα τυγχάνει и затѣмъ, по понятной причинѣ, вставляетъ γὰρ послѣ ταῦτα.

334, 13 Πελάγιος αὐτῷ ἐς ὄψιν ἦλθε τὰ Χριστιανῶν (такъ *ΓV*, τὰ τοῦ χριστοῦ *L*) λόγια ἐν ταῖς χερσὶ φέρων ταύτῃ τε τὴν ἱκετείαν προτεινόμενος «Φείδου τῶν σῶν, ὦ δέσποτα», εἶπε. Вмѣсто ταύτῃ, сохранившагося въ *Γ* (ταύτηι), *VL* даютъ παντί, и это искаженіе вѣрнаго чтенія повлекло за собою въ *L* интерполяціонную вставку τρόπω послѣ τε, перешедшую во всѣ изданія, хотя это παντὶ τρόπῳ здѣсь совсѣмъ неумѣстно.

Одною изъ наиболѣе яркихъ иллюстрацій развязности, съ какою интерполяторъ *L* обращался съ текстомъ архетипа, является слѣдующее мѣсто: 414, 5 Λαγγοβάρδαι δὲ οὐκ ἂν οἰόμενοι Γήπαισιν ἀξιόμαχοι κατὰ μόνας αὐτοὶ ἔσεσθαι... Ῥωμαίους ἔγνωσαν ἐς ξυμμαχίαν ἐπαγαγέσθαι. πέμψαντες οὖν παρὰ βασιλέα Ἰουστινιανὸν πρέσβεις στράτευμα σφίσιν ἐδέοντο πέμψαι. ὅπερ ἐπε Γήπαιδες ἔγνωσαν, πέμπουσι καὶ αὐτοὶ ἐς Βυζάντιον πρέσβεις ὑπὲρ τῶν αὐτῶν δεησομένους. Такъ возстановляемъ это мѣсто мы на основаніи *N* и *W* (= Vatic. 152; эта рукопись замѣняетъ здѣсь *V*), именно прибавляя изъ *N* слова στράτευμα—πρέσβεις, пропущенныя въ *WL* (механическая причина пропуска—πρέσβεις—легко понятна), и изъ *NW* ὑπὲρ — δεησομένους, которыхъ нѣтъ въ *L*. Что же дѣлаетъ интерполяторъ *L*?—Онъ во 1-хъ вставляетъ между ἐπαγαγέσθαι и πέμψαντες фразу: Γήπαιδές τε ὡς ἔνσπονδοι ἢ ξυνάρασθαι Ῥωμαίους τοῦ ἀγῶνος αὐτοῖς δέον ἔγνωσαν δεηθῆναι καὶ τὸν πόλεμον ξυνδιενεγκεῖν ἀξιῶσαι ἢ ἀμφοτέροις ἐκποδὼν στῆναι καὶ μηδετέρῳ ἔθνει προσβοηθεῖν, — очевидно, составленную на основаніи 422, 6 и 423, 8, но выдающую свое происхожденіе между прочимъ двойною тавтологіей. Во 2-хъ, послѣ (перваго) πρέσβεις дополняетъ ἑκάτεροι τὴν ἐκεῖθεν ἐκαραδόκουν βοήθειαν, не замѣчая, что эта фраза не совсѣмъ вяжется съ его же первой вставкой. Всѣ издатели слѣдуютъ чтенію *L*.

Полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно для окончательнаго провала мнѣнія Гаури.

Sublimen.

Это загадочное слово, не утратившее своей загадочности и послѣ специальной статьи о немъ W. Heraeus'а (*Philol.* 1896, p. 197—212, ср. Hülsen *Philol.* 1897, p. 385 ss.), на нашъ взглядъ, объясняется какъ (онарѣчившееся?) *sublimei* (resp. *sublime*) *in*. По поводу post-positio предлога ср. Schmalz въ Müller's *Handbuch* II[2], p. 453 § 152, 1.

М. Крашенинниковъ.

ΑΚΟΗΣ ΚΡΕΙΣΣΩΝ.

(Къ Θеодору Петрскому и къ Θукидиду).

Θеодоръ Петрскій, въ своемъ похвальномъ словѣ палестинскому киновіарху Θеодосію, по поводу одного чудеснаго событія въ жизни святаго восклицаетъ[1]): ταῦτα τῆς πρὸς θεὸν παρρησίας τοῦ δικαίου τὰ γνωρίσματα, οὗτοι τοῦ τὴν εὐαγγελικὴν γῆν ἄριστα γεωργήσαντος οἱ καρποὶ τὸν πολυπλασιασμὸν εἰς ἑκατοντάδα δεξάμενοι· διὰ ταῦτα λαμπρὸς καὶ ἀκοῇ θαυμαστὸς καὶ κρεῖσσον ἀκοῆς εἰς πεῖραν ἐρχόμενος. Смыслъ послѣднихъ словъ κρεῖσσον ἀκοῆς и т. д. не ясенъ. Въ рукописи «Общества Любителей Древней Письменности» F. VII, XVI в., л. 193², фраза διὰ ταῦτα — ἐρχόμενος, какъ любезно сообщилъ намъ Х. М. Лопаревъ, переведена такъ: «того ради свѣтлѣ и слоух8 чюдно на большее слышанïе въ иск8съ приходитъ». Переводъ этотъ мало вразумителенъ, чему однако тѣмъ менѣе приходится удивляться, что самъ маститый издатель греческаго текста не справился съ этимъ мѣстомъ. Вмѣсто κρεῖσσον должно быть κρείσσων. Θеодоръ Петрскій конецъ приведенной нами тирады позаимствовалъ, не очень кстати, изъ знаменитаго Периклова эпитафія (Θукид. II, 41, 3): μόνη γὰρ τῶν νῦν (ἡ πόλις, Аθины) ἀκοῆς κρείσσων ἐς πεῖραν ἔρχεται. Можно спросить, не читалъ ли Θеодоръ въ своемъ экземплярѣ Θукидида κρεῖσσον, а не κρείσσων; но отвѣтъ будетъ отрицательный, ибо въ другомъ мѣстѣ того же похвальнаго слова, гдѣ авторъ, хотя и не столь откровенно и не столь широко, воспользовался тою-же реминисценціей, нарѣчіе κρεῖσσον уже по строенію фразы невозможно, какъ то признаетъ и Узенеръ (стр. 14, 4 слл.): κἀκεῖ δὲ τῆς περὶ

1) Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros und Kyrillos, herausg. v. H. Usener, Leipzig 1890, стр. 32, 5 слл.

αὐτὸν φήμης κρείσσων (рсь κρεῖσσον, испр. Узенеръ) φανεὶς καὶ λαμπρὸς ὡς ἐν Ὀλυμπίοις κηρυχθείς и т. д.[1]).

Мы сказали, что Θеодоръ не совсѣмъ кстати пользуется ученою реминисценціею. Можетъ быть, мы въ этомъ отношеніи заблуждаемся. Насъ болѣе интересуетъ вопросъ, какимъ образомъ ученый агіографъ VI в. понималъ эту crux interpretum Θукидидова текста. Судя по стр. 14, 4 сл.; онъ понималъ слова ἀκοῆς κρείσσων такъ же, какъ и большинство новыхъ ученыхъ, — на нашъ взглядъ, невѣрно, что̀ мы и постараемся доказать, разсмотрѣвъ кстати и другія предложенныя толкованія.

Крюгеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Θукидида, толкуетъ слова ἀκοῆς κρείσσων такимъ образомъ: «ausgezeichneter als irgend eine von der die Ueberlieferung meldet», и присовокупляетъ: denn von dieser (т. е. о преданіи) wird ἀκοή vorzugsweise gebraucht, wie I, 4, 1. 20, 1. 73, 2. Согласно этому толкованію, Θ. говоритъ: «Аθины, изъ нынѣшнихъ государствъ однѣ, превосходятъ все, о чемъ гласитъ преданіе». Прежде всего, позволяемъ себѣ сомнѣваться въ томъ, чтобъ древній ораторъ (или историкъ въ рѣчи) выразилъ богатое содержаніемъ и подчеркнутое понятіе «все, о чемъ гласитъ преданіе» однимъ, не очень звучнымъ словомъ ἀκοῆς. Далѣе, Аθины сравниваются тутъ собственно съ современными государствами (μόνη τῶν νῦν), а критеріемъ при сравненіи служитъ, по разбираемому толкованію, превосходство надъ тѣми государствами, о коихъ «гласитъ преданіе», т. е., стало быть, надъ прежними, отжившими. Критерій нѣсколько неопредѣленный и во всякомъ случаѣ странный. Если Периклъ желалъ выразить лишь ту мысль, что Аθины превосходятъ все, что есть и что было когда либо, то онъ, надо полагать, такъ бы и сказалъ, тѣмъ болѣе, что мысль и въ риторическомъ отношеніи отъ этого не пострадала бы. И означаетъ ли ἀκοή по преимуществу «преданіе»? Можетъ ли оно означать «преданіе» въ требуемомъ смыслѣ? Ἀκοή по преимуществу означаетъ «слухъ» въ субъективномъ смыслѣ, какъ напр. въ первомъ изъ цитуемыхъ Крюгеромъ мѣстъ (I, 4, 1 παλαίτατος ὧν ἀκοῇ ἴσμεν) и во множествѣ другихъ. Это слово можетъ обозначать и нѣчто слышанное, но, сколько намъ извѣстно, только отдѣльный слухъ (I, 20, 1 и 73, 2 стоитъ множ. число αἱ ἀκοαί); оно, по видимому, никогда не относится къ «преданію», въ смыслѣ совокупности слуховъ, извѣстій, дошедшихъ до насъ отъ старины.

Нѣкоторые ученые, впрочемъ немногіе[2]), переводятъ ἀκοῆς κρείσσων

---

1) У Крумбахера, Studien zu den Legenden des heil. Theodosios (Sitzungsberichte d. philos.-philol. u. histor. Classe Мюнхенской Академіи за 1892 г., стр. 220 и слл.), пѣтъ варіантовъ къ приведеннымъ нами двумъ мѣстамъ Θеодора.

2) Быть можетъ, слѣдуя схоліасту: ὑπὲρ ἀκοὴν ἀνθρώπου (вѣроятно, ἀνθρώπων).

famam superans, разумѣя подъ ἀκοῆς славу, молву о человѣческихъ дѣяніяхъ вообще и сравнивая κρεῖσσον λόγου у Θукидида (II, 50, 1) и Ксенофонта (Mem. III, 11, 1) и λόγου μέζων у Геродота (II, 35. 148 и т. д.). Предметъ или дѣло можетъ быть ни съ чѣмъ не сравнимымъ, превосходящимъ всякое описаніе; но какъ можно превосходить славу, и притомъ не свою или чужую славу, а славу вообще, это не столь понятно. Подобныя гиперболы не смущаютъ насъ въ литературѣ позднѣйшаго времени, напр. въ былинѣ о Дигенисѣ (Les exploits de Basile Digénis Akritas... par E. Legrand, P. 1892, ch. VI 302 сл.):

ὄντως εἴδομεν, λέγοντες, ἔργα νικῶντα φήμην
καὶ τὴν σὴν ὑπεράνθρωπον μεγίστην εὐσπλαγχνίαν.

Встрѣчаются такія гиперболы и гораздо раньше; но очень трудно повѣрить, чтобы Периклъ или Θукидидъ могъ говорить о «сверхъестественной» славѣ Аθинъ. Во всякомъ случаѣ, мы не будемъ безъ нужды навязывать имъ что либо подобное.

Обыкновенно слова μόνη τῶν νῦν ἀκοῆς κρείσσων ἐς πεῖραν ἔρχεται толкуются такъ: оно (аθинское государство), изъ нынѣшнихъ государствъ одно, превосходя *свою* славу (т. е. будучи въ самомъ дѣлѣ еще могущественнѣе, чѣмъ его считаютъ), идетъ на испытаніе. Изъ переводчиковъ приведемъ Гейльмана-Гютлинга (Unsere Republik allein unter den jetzt existirenden tritt hin zur Prüfung und erscheint grösser als das Gerücht sie schildert) и Θ. Г. Мищенка (Изъ нынѣшнихъ государствъ только наше выдерживаетъ испытаніе и возносится надъ собственною славою). Крюгеръ по этому поводу замѣчаетъ: «glänzender als ihr Ruf» zu erklären hätte schon das Fehlen des Artikels abhalten sollen. Противники отвѣчаютъ ссылкою на грамматику того же Крюгера, § 50, 3, прим. 4 и 5. Крюгеръ могъ бы возразить, что, согласно оспариваемому имъ толкованію, рѣчь идетъ вѣдь о славѣ Аθинъ не безотносительно, а въ отличіе отъ славы другихъ современныхъ государствъ. Но пусть этотъ вопросъ останется открытымъ; Крюгеръ не даромъ намекнулъ (schon) на другія неудобства этого толкованія: 1) превосходить свою славу тѣмъ легче, чѣмъ незначительнѣе или чѣмъ хуже эта слава[1]); 2) если бы Периклъ желалъ сказать: какъ ни велика слава Аθинъ, въ дѣйствительности Аθины еще пре-

---

1) Бюхманъ, Geflügelte Worte стр. 216 (изд. 1892 г.), приводитъ ἀκοῆς κρείσσων по поводу цитатъ изъ Beaumarchais: Et si je vaux mieux qu'elle (т. е. que ma réputation)? и изъ Шиллера: Und ich kann sagen, ich bin besser, als mein Ruf (Марія Стюартъ). Впрочемъ, Бюхманъ прибавляетъ, что у Θукидида должно разумѣть «*noch* besser».

восходятъ ее,— то это былъ бы комплиментъ дешевый и пошлый, въ духѣ не Перикла Θукидидовскаго, qui nil molitur inepte, а какого-нибудь заурядпаго панегирическаго краснобая, въ родѣ напр. тѣхъ господъ, надъ которыми такъ мило иронизируетъ Сократъ въ Менексенѣ; 3) мысль, что Аѳины пользуются репутаціей, которая, какъ она ни прекрасна, всетаки ниже ихъ заслугъ, въ данной связи совершенно неумѣстна. «Однимъ словомъ», говоритъ ораторъ въ началѣ главы, переходя вмѣстѣ съ тѣмъ къ заключенію своего чудеснаго и глубоко продуманнаго гимна на Аѳины, «какъ все государство наше есть просвѣщеніе Эллады (Ἑλλάδος παίδευσις) [1]), такъ и каждая отдѣльная личность у насъ достигаетъ наиболѣе разносторонняго и полнаго развитія своихъ силъ и способностей. Это не пустыя слова, не бахвальство по поводу даннаго случая, а сущая правда, *какъ то доказываетъ значеніе* (δύναμις), *пріобрѣтенное нашимъ государствомъ благодаря этимъ свойствамъ*». Затѣмъ слѣдуетъ развитіе этой мысли, начинающееся именно словами: μόνη γὰρ τῶν νῦν ἀκοῆς κρείσσων ἐς πεῖραν ἔρχεται. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о какомъ нибудь недочетѣ τῆς ἀκοῆς? Желая показать, каково значеніе, *пріобрѣтенное* Аѳинами, ораторъ не начнетъ же съ того, что престижъ ихъ, дескать, могъ бы быть и больше. Далѣе излагаются признаки чрезвычайнаго престижа и значенія Аѳинъ, безъ всякаго намека на то, что Аѳины заслуживали бы еще бóльшаго.

Въ одномъ отношеніи разсмотрѣнное сейчасъ толкованіе мѣста, при всѣхъ его несообразностяхъ, лучше Крюгерова, именно если принять во вниманіе слова ἐς πεῖραν ἔρχεται. Между ἀκοή (слухъ, молва, слава, не о давно прошедшемъ) и πεῖρα, какъ между δόξα и πεῖρα, есть извѣстное соотношеніе; ср. IV, 81, 2 τῶν μὲν πείρᾳ αἰσθομένων, τῶν δὲ ἀκοῇ νομισάντων, и VI, 11, 4: τὰ γὰρ διὰ πλείστου πάντες ἴσμεν θαυμαζόμενα καὶ τὰ πεῖραν ἥκιστα τῆς δόξης δόντα. «Слава», какъ добрая, такъ и дурная, можетъ быть результатомъ «испытанія» (ср. напр. V, 28, 2: κατὰ γὰρ τὸν χρόνον τοῦτον ἥ τε Λακεδαίμων μάλιστα δὴ κακῶς ἤκουσε καὶ ὑπερώφθη διὰ τὰς ξυμφοράς, οἵ τε Ἀργεῖοι ἄριστα ἔσχον τοῖς πᾶσιν κτλ.); съ другой стороны, «испытаніе» служитъ повѣркой «славы». Но если значеніе (человѣка или государства) уже въ достаточной мѣрѣ опредѣлилось, тогда и «испытаніе» къ этому,

---

1) Именно просвѣщеніе, образованіе (cultus, humanitas) Эллады, а не *школа* Эллады, какъ принято переводить. Школой Эллады Аѳины въ ту пору еще не были; ею онѣ стали нѣсколько позднѣе, и первый такъ назвалъ ихъ, полвѣка спустя, Исократъ. Какъ явствуетъ изъ сравненія съ непосредственно слѣдующими словами, Периклъ хочетъ сказать, что нигдѣ во всей Элладѣ греческая культура не проявляется столь ярко, полно и всестороннe, какъ въ Аѳинахъ. Παίδευσις у Θукидида = παιδεία, какъ, напр., πρέσβευσις (I, 73, 1) = πρεσβεία. Еще древніе замѣтили, что Θукидидъ особенно охотно пользуется именами сущ. на — σις.

въ сущности, ничего не прибавитъ и ничего не убавитъ; такой человѣкъ, такое государство и будетъ ἀκοῆς κρείσσων, *выше отзывовъ, толковъ о немъ*, выше хвалы и порицанія; ср. II, 60, 5 φιλόπολίς τε καὶ χρημάτων κρείσσων, о Периклѣ (и III, 84, 2 ἀκρατὴς μὲν ὀργῆς οὖσα, κρείσσων δὲ τοῦ δικαίου, о человѣческой природѣ). По совершенно вѣрному и ничуть не «панегирическому» взгляду Перикла, Аѳины уже въ то время могли, подобно музѣ Пушкина, «обиды не страшиться, не требовать вѣнца»; ихъ историческая роль, выражаясь привычнымъ намъ языкомъ, на всегда установилась, къ чему бы впослѣдствіи ни привела только что начатая великая борьба со Спартою. Теперь вполнѣ понятно, почему Аѳины сравниваются только съ αἱ νῦν (πόλεις): все прошедшее, тѣмъ самымъ, ἀκοῆς κρεῖσσον, каково бы оно ни было.

В. Ернштедтъ.

Нѣсколько словъ о живописномъ элементѣ въ рельефной скульптурѣ грековъ.

Какъ выпуклое изображеніе на плоскости, рельефъ стоитъ по срединѣ между живописью и скульптурой, между плоскимъ и совершенно круглымъ изображеніемъ, между картиной и статуей. Обыкновенно его причисляютъ къ произведеніямъ скульптуры, но въ то-же время очень часто говорятъ о живописномъ пониманіи и обработкѣ рельефовъ. Правда, понятіе «живописно» въ обычной рѣчи очень неопредѣленно и растяжимо; это слово часто значитъ то-же, что «декоративно», еще чаще отождествляется оно со словомъ «красиво» (какъ напр. въ выраженіяхъ: «живописная группировка», «живописная постановка» и т. п.), иногда употребляютъ его въ смыслѣ «понятно, наглядно», но въ данномъ случаѣ выраженіе «живописное пониманіе» надо понимать какъ нѣчто противуположное «скульптурному пониманію», «скульптурной обработкѣ», существенно отличное. Такимъ образомъ въ рельефѣ мы видимъ часто соединеніе двухъ различныхъ началъ, и только полное примиреніе ихъ дѣлаетъ рельефъ совершеннымъ. Выяснить вопросъ о живописномъ элементѣ въ рельефѣ, о допустимости его, о нормальности его тамъ присутствія съ точки зрѣнія греческаго пониманія — вотъ задача нашей нынѣшней статьи, задача, которую мы надѣемся разрѣшить, на сколько это позволяютъ время и мѣсто, путемъ историческаго сопоставленія наиболѣе интересныхъ и цѣнныхъ въ этомъ отношеніи памятниковъ.

Въ вопросѣ о происхожденіи рельефа мы вполнѣ примыкаемъ къ теоріи, развитой А. Конце въ его докладѣ Берлинской Академіи Наукъ[1]), и

1) A. Conze. Ueber das Relief bei den Griechen. Sitzungsberichte d. K. Preuss. Akad. der Wissenschaft zu Berlin. 1882, S. 63.

въ своемъ трудѣ «Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ» имѣли случай подкрѣпить эту теорію нѣсколькими примѣрами болѣе ранней поры, чѣмъ приведенные Конце. Для насъ несомнѣнно, что въ началѣ своего существованія рельефъ не былъ чѣмъ-либо обособленнымъ отъ живописи, а только отдѣльною, особою формою проявленія ея; изображенія въ немъ не подымались надъ фономъ, а только отдѣлялись отъ него углубленной линіей и для ясности этихъ изображеній рельефъ столько-же нуждался въ краскахъ, сколько и живопись, на первыхъ порахъ часто прибѣгавшая къ выцарапыванію контуровъ. Постепенно, мало по малу изображенія на барельефахъ поднялись надъ фономъ путемъ углубленія послѣдняго, но тѣмъ не менѣе, какъ думаетъ Конце, сохранилась на всегда связь между живописью и рельефомъ. На первыхъ порахъ развитія мы находимъ рельефы, въ которыхъ внѣшніе контуры нѣсколько расширены во внѣшнюю сторону и такимъ образомъ кругомъ фигуры получается какъ бы углубленный фонъ, надъ которымъ подымается сама фигура, мало по малу получающая моделировку въ своей поверхности и такимъ образомъ выпукло выступающая изъ плоскости фона. Съ этого момента устанавливается существенное различіе между рельефомъ и живописью или рисункомъ: въ то время какъ въ рисункѣ выпуклость, рельефность изображенія достигается путемъ свѣто-тѣни, въ рельефѣ выпуклость эта существуетъ реально, сама по себѣ, и свѣтъ и тѣни получаются отъ того, какъ ломится свѣтъ на этой выпуклой фигурѣ. Вмѣстѣ съ этимъ измѣняется положеніе дѣла съ раскраской изображенія: въ то время какъ въ картинѣ краски налагаются въ различныхъ тонахъ въ связи съ освѣщеніемъ того или другаго мѣста фигуры, въ рельефѣ краски накладываются сплошь въ одномъ тонѣ, и освѣщеніе или тѣнь даннаго мѣста выпуклой фигуры даетъ краскѣ тотъ или иной тонъ. Съ этого момента, словомъ, устанавливается то различіе между рельефомъ и картиной, которое Гаукъ[1]) выражаетъ въ положеніи: «живопись имѣетъ свѣтъ и тѣни въ себѣ самой, пластика получаетъ ихъ извнѣ».

На первыхъ шагахъ развитія рельефа строго наблюдаются въ исполненіи его нѣкоторые общіе пріемы: фигуры ставятся въ одинъ рядъ, на сколько возможно, отдѣльно одно отъ другой и непремѣнно въ профиль, наоборотъ избѣгается скопленіе фигуръ, постановка ихъ одна за другой, пересѣченіе одной фигуры другою. Эти же условія можемъ мы замѣтить и на первыхъ произведеніяхъ греческой живописи. Эти условія долѣе удерживаются скульптурой, чѣмъ живописью, болѣе присущи первой, чѣмъ второй, и по-

---

1) Guido Hauck. Die Grenzen zwischen Malerei und Plastik und die Gesetze des Reliefs. Preuss. Jahrbücher 1885 (56), 3.

тому въ этотъ моментъ развитія рельефа и живописи можно скорѣе говорить о скульптурности живописныхъ композицій, чѣмъ о живописности рельефныхъ. Вопросъ о возможности другой композиціи возникаетъ тогда только, когда фонъ углубляется, фигуры выступаютъ рельефнѣе, и глубина рельефа можетъ допустить уже не одинъ, а нѣсколько плановъ. Являясь нормальнымъ шагомъ въ развитіи пластики, въ то-же время этотъ моментъ развитія рельефной скульптуры вновь проявляетъ элементы общіе съ живописью, и опять представляется возможнымъ говорить о живописномъ элементѣ въ рельефѣ. Такую группировку предметовъ въ нѣсколькихъ планахъ на рельефахъ мы встрѣчаемъ довольно рано, еще въ тѣ времена, когда края фигуръ такъ рѣзко уходятъ къ фону, что напоминаютъ какъ бы только углубленіе контуровъ. Попытку къ введенію второго плана мы находимъ хотя бы на древнѣйшемъ поросовомъ фронтонномъ рельефѣ Акрополя, изображающемъ борьбу Геракла съ Гидрой[1]) и относящемся къ началу VI вѣка, или на надгробныхъ рельефахъ спартанскихъ[2]): на первомъ мы находимъ пару лошадей, стоящихъ одна за другою, во вторыхъ двѣ сидящихъ другъ за другомъ на креслахъ фигуры, при чемъ еще въ передней фигурѣ иногда голова поставлена en face. Еще живописнѣе композиція фриза сифнійской сокровищницы, найденнаго въ Дельфахъ въ послѣдніе года и изданнаго въ нѣсколькихъ частяхъ въ Gazette des Beaux Arts, 1895 (v. XIII), стр. 321 (виньетка и геліогравюрная таблица). Если живописный элементъ въ первомъ рисункѣ видимъ мы въ постановкѣ лошадей колесницы Аѳины, то во второмъ рисункѣ живописное изобиліе плановъ лишаетъ свободы и ясности композицію этого куска рельефа, лишаетъ его необходимаго для скульптуры спокойствія. Эти послѣднія дельфійскія скульптуры принадлежатъ уже концу VI или началу V вѣка. Уклоненіе отъ строгихъ пріемовъ рельефной пластики въ сторону живописи находимъ мы и въ лучшемъ памятникѣ рельефной пластики періода полнаго развитія скульптуры,—во фризѣ Парѳенона. Тамъ встрѣчаемъ мы нѣсколько фигуръ не въ профиль, а en trois quarts и даже en face, причемъ ноги у нѣкоторыхъ фигуръ перекрещены и ступня изображена въ сильномъ ракурсѣ. Еще рѣзче это выступаетъ во фризѣ такъ называемаго Тезейона, гдѣ часто наблюдаются фигуры въ ракурсахъ, при чемъ особенно смѣло и въ тоже время удачно передано перспективное сокращеніе въ фигурахъ двухъ упавшихъ воиновъ[3]). На сколько въ это время уже силенъ этотъ живописный

---

1) 'Εφ. ἀρχ. 1884, πίν. VII. — Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ, рис. 3, стр. 39.
2) Ath. Mitt. II (1877), Tafel XX, XXII, XXIII.
3) Overbeck, Geschichte der griech. Plastik³. I, Fig. 77 u. 78.

элементъ въ скульптурѣ вообще, а не только рельефной, можетъ свидѣтельствовать намъ западный фронтонъ Олимпійскаго храма Зевса, гдѣ фигуры кентавровъ въ двухъ случаяхъ переданы въ такомъ ракурсѣ, что для помѣщенія ихъ не нашлось мѣста въ глубинѣ фронтона, а вмѣсто цѣлой фигуры художнику пришлось ограничиться только передней половиной ихъ, тогда какъ заднія части кентавра исчезаютъ въ фонѣ фронтона, какъ будто предъ нами рельефное, а не статуарное произведеніе. Этотъ примѣръ живописной постановки фигуръ во фронтоны крайне интересенъ для насъ, такъ какъ убѣждаетъ насъ во вліяніи живописи и рельефной скульптуры и на статуарныя произведенія и заставляетъ присоединиться всецѣло къ теоріи Конце развитія рельефной пластики и отказаться отъ той поправки, которую вслѣдъ за Кёппомъ внесли мы въ эту теорію по отношенію къ высокому рельефу. Если бы высокій рельефъ происходилъ изъ постановки статуй предъ фономъ и закрѣпленія этихъ статуй, нельзя было бы объяснить этихъ полуфигуръ, которыя легко объясняются, наоборотъ, если мы признаемъ эти статуарныя фронтоны за воспроизведеніе высокаго рельефа.

Совершенно вѣрно Гаукъ[1]) говоритъ, что въ греческомъ искусствѣ, а слѣдовательно и въ рельефахъ греческихъ все настроеніе сцены сосредоточивается и передается только въ самихъ дѣйствующихъ лицахъ безъ всякаго содѣйствія силѣ впечатлѣнія со стороны обстановки. Фигуры въ греческомъ рельефѣ выступаютъ изъ гладкаго фона, а если для пониманія сцены обстановка крайне необходима, то удовлетворяются бѣднымъ намекомъ въ формѣ единичнаго дерева, рыбы у ногъ или чего-нибудь подобнаго. Такая бѣдность или, вѣрнѣе сказать, такое почти полное отсутствіе ландшафтныхъ аксессуаровъ объясняется не отсутствіемъ у грека любви къ природѣ, на которую указываетъ несомнѣнно хотя бы то одно обстоятельство, что всю природу грекъ населяетъ человѣкоподобными существами, олицетворяетъ ее, а преимущественно тѣмъ примѣненіемъ, которое находитъ себѣ рельефъ въ греческомъ искусствѣ. Преимущественное назначеніе его декоративное, и только въ немногихъ случаяхъ имѣетъ онъ самостоятельное значеніе, какъ надгробный памятникъ или какъ обѣтный даръ, но въ этихъ послѣднихъ случаяхъ специфическое назначеніе крайне ограничиваетъ выборъ сюжетовъ. Являясь въ связи архитектурныхъ членовъ постройки, рельефъ долженъ возможно меньше нарушать гармонію цѣлаго и не можетъ допустить ландшафтнаго или архитектурнаго элемента содержанія. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ нѣкоторые рельефы

---

1) Die Grenzen zwischen Malerei und Plastik und die Gesetze des Reliefs. Preuss. Jahrbücher, 1885 (56), 5.

въ Малой Азіи, гдѣ были сильны еще традиціи восточнаго искусства, проникающія и въ область рельефной пластики. Тамъ въ одномъ изъ малыхъ фризовъ монумента Нереидъ въ Ксанѳѣ въ Ликіи находимъ мы въ изображеніяхъ событій жизни правителя Ксанѳа Перикла воиновъ, сражающихся предъ городскими стѣнами, на которыхъ виднѣются защитники города[1]) или подымающихся по лѣстницѣ на городскія стѣны[2]). Тамъ же въ Малой Азіи около мѣстечка Гёльбаши-Триса находимъ надгробное сооруженіе, ἡρῷον, украшенное рельефами, и въ этихъ рельефахъ опять-таки видимъ изображеніе осады города: правителей, со стѣнъ наблюдающихъ за ходомъ битвы, воиновъ, защищающихъ городскія стѣны, съ одной стороны и воиновъ, подбирающихся къ стѣнамъ его или врывающихся въ городскія ворота, съ другой[3]). Все это, конечно, совершенно ново для греческаго искусства, чуждо ему, и можетъ быть объяснено только силой художественныхъ традицій восточныхъ, долго жившихъ въ Малой Азіи и сохранившихся тамъ еще и въ V—IV вѣкахъ, къ которымъ должны мы относить только что упомянутые малоазіатскіе памятники. Эти традиціи оставили, очевидно, свое вліяніе на исполнителей этихъ скульптуръ малоазійскихъ іонянъ. Существованіе архитектурнаго элемента въ греческихъ рельефныхъ изображеніяхъ Малой Азіи, ясно обнаруживающихъ вліяніе восточныхъ традицій, заставляетъ насъ здѣсь упомянуть о томъ, что восточному искусству рядомъ съ такими архитектурными мотивами не чужды были и часто ландшафтные, какъ мы можемъ это видѣть на цѣломъ родѣ ассирійскихъ памятниковъ; въ греческомъ искусствѣ такихъ мотивовъ до сихъ поръ мы указать не можемъ, но вѣдь и только что упомянутые нами памятники открыты сравнительно недавно, да и вообще Малая Азія мало еще изслѣдована.

Время исполненія памятниковъ Нереидъ и Гёльбаши недалеко отъ того времени, когда Александръ Македонскій, воспитанникъ греческой цивилизаціи, мечтаетъ о всемірномъ владычествѣ, несетъ свои знамена далеко на востокъ и вмѣстѣ со знаменами своими разноситъ и греческую культуру, путемъ распространенія ея и сліяніемъ ея съ культурой восточной пытаясь достигнуть мирнаго сліянія покоренныхъ народовъ съ греками. Всемірная монархія Александра не осуществилась, покоренныя имъ страны послѣ его смерти распались на отдѣльныя государства, но знакомство съ востокомъ не прошло безслѣдно для греческой культуры, не могло не отразиться на ней и самое измѣненіе условій жизни. Исчезли древніе

1) M. Collignon. Histoire de la sculpture grecque II, 1897, fig. 106.
2) Ibidem, II, fig. 105.
3) Ibidem, II, fig. 100, 101.

культурные центры, культурная жизнь сосредоточивается нынѣ въ столицахъ новыхъ повелителей, стремящихся превзойти одинъ другого роскошью, богатствомъ, культурностью своего двора, своей обстановки. На службу этихъ повелителей несутъ свое искусство художники, имѣя задачей быстрое, а потому далеко не совершенное, но за то дорогое по матеріалу исполненіе построекъ и разныхъ памятниковъ искусства для этихъ повелителей. Знакомство съ востокомъ, съ его роскошью и манерою украшенія дворцовъ царскихъ не могло, конечно, не отразиться и на манерѣ отдѣлки дворцовъ этихъ новыхъ повелителей, заимствовавшихъ какъ форму самодержавія, такъ и обстановку его съ востока. Подъ вліяніемъ знакомства съ дворцами Персіи появляется инкрустація стѣнъ разноцвѣтными каменными плитами и металлическая облицовка стѣнъ, колонъ и потолковъ въ дворцахъ греко-македонскихъ владыкъ. Весьма естественно, что съ замѣной такою облицовкою прежней штукатурки должны были замѣнить и писанныяна штукатуркѣ картины какими-либо другими украшеніями и, конечно, естественнѣе всего рельефами. Не связанные болѣе условіями украшенія преимущественно храмовъ, рельефы измѣняютъ характеръ своего содержанія и композиціи и значительную роль отводятъ архитектурнымъ и особенно ландшафтнымъ мотивамъ. Одной изъ любимыхъ темъ эллинистической поэзіи является изображеніе обыкновеннаго сельскаго и пастушескаго быта, жизни на лонѣ природы, и это, конечно, имѣетъ свое объясненіе въ пресыщеніи городскою, придворной жизнью, потребностью отдыха отъ этой искусственной жизни, полной тяжелыхъ формальностей, церемоніала, въ болѣе спокойной, простой обстановкѣ сельской жизни, въ наслажденіи красотою природы. Эти же темы встрѣчаемъ мы въ современныхъ рельефахъ, изъ которыхъ нѣкоторые какъ бы являются точными воспроизведеніями сценокъ изъ идиллій Ѳеокрита. Если для этихъ картинокъ берутся миѳологическіе сюжеты, если въ нихъ изображаются миѳическіе герои, то всегда въ такихъ моментахъ ихъ жизни, которые допускаютъ изображеніе въ возможно простой, мирной обстановкѣ, напримѣръ хотя бы изображеніе Персея, поящаго своего Пегаса[1]). Всѣ эти рельефы, не связанные болѣе условіями декоративности, представляютъ нѣчто законченное сами въ себѣ, и, благодаря глубинѣ фона, допускаютъ много плановъ и поэтому возможность нѣкоторой перспективности, хотя бы только въ постепенномъ сокращеніи предметовъ. Эта глубина фона или вѣрнѣе высота рельефа указываетъ на то вліяніе, подъ которымъ создаются такіе мраморные рельефы-картины съ богатымъ ландшафтнымъ или архитектурнымъ фономъ. Это вліяніе металлической техники,

1) Th. Schreiber. Die Hellenistischen Reliefbilder, III A.

допускающей въ рельефныхъ изображеніяхъ большее разнообразіе высоты разныхъ частей рельефа, такъ какъ нѣтъ въ ней того конечнаго предѣла, который въ мраморномъ рельефѣ представляетъ верхняя поверхность плиты. Большій рельефъ даетъ больше свободы въ распредѣленіи свѣта и тѣней, даетъ больше средствъ къ живописному впечатлѣнію которое оставляютъ послѣ себя всѣ рельефы эллинистической эпохи. Шрейберу[1]) удалось доказать возможность датированія цѣлаго ряда рельефныхъ памятниковъ этого характера[2]) эллинистическимъ періодомъ, а мѣстомъ возникновенія этихъ рельефовъ, какъ неоспоримо обнаруживающихъ даже при исполненіи изъ мрамора вліяніе металлической техники, признать Александрію, особенно славившуюся своею металлическою работой, торевтикой. Оттуда эта манера рельефной пластики довольно быстро распространяется по прибрежью Средиземнаго моря, и мы встрѣчаемся съ этимъ характеромъ рельефной пластики хотя бы въ Пергамѣ въ маломъ фризѣ алтаря съ сюжетомъ изъ исторіи Телефа. Живописный элементъ, выражающійся въ ландшафтномъ фонѣ очень силенъ уже въ этомъ рельефѣ, и то обстоятельство, что этотъ ландшафтный элементъ служитъ часто прямо фономъ, на которомъ выступаетъ фигура[3]), ясно указываетъ, что пергамскій рельефъ не представляетъ первой ступени развитія этого характера; ему предшествуютъ тѣ рельефы, въ которыхъ ландшафтная обстановка окружаетъ фигуры, оставляя для нихъ гладкій фонъ, какъ бы внутренность пещеры[4]). Эта живописная обстановка въ эллинистическую эпоху не ограничивается только рельефною пластикою, но тоже стремленіе наблюдается и въ статуарныхъ произведеніяхъ, хотя бы въ фарнезскомъ быкѣ, гдѣ кромѣ общей композиціи, проникнутой живописной тенденціей, живописный характеръ имѣетъ еще и украшеніе основанія группы сценами сельской пастушеской жизни, и въ композиціи знаменитой группы Ніобидъ, расположенной на холмистой мѣстности и допускающей чисто живописную, а не скульптурную трактовку фигуръ, съ опущеніемъ частей тѣла, скрытыхъ за возвышеніями почвы. Можно установить довольно тѣсную связь въ это время между скульптурою, особенно рельефною, и живописью и общность темъ обѣихъ этихъ отраслей искусства, при чемъ иногда едва ли можетъ быть сомнѣніе въ существованіи генетической связи между нѣкоторыми рельефами и картинами, сохранившимися въ литературныхъ описаніяхъ или въ помпеянскихъ копіяхъ.

---

1) Oinie und Paris. Arch. Zeitung. 1880, 145—158. — Die Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani. Leipzig. 1888.

2) Schreiber. Die Hellenistischen Reliefbilder. XI Lief.

3) Joh. Overbeck. Geschichte der griech. Plastik⁴. Fig. 201 a.

4) Schreiber. Die Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani. Taf. I, II.

Сомнѣваются и спорятъ только о первенствѣ того или другого, и если Мильхгёферъ[1]), напримѣръ, старается доказать зависимость нѣкоторыхъ скульптурныхъ произведеній отъ извѣстныхъ по описанію древнихъ писателей или по помпеянскимъ повтореніямъ картинъ, то съ другой стороны Шрейберъ[2]) не безосновательно указываетъ на то, что можно въ извѣстныхъ случаяхъ несомнѣнно показать зависимость картины отъ скульптурнаго произведенія, но почти ни одного раза нельзя было указать обратнаго. Мы не въ состояніи здѣсь вдаваться въ разборъ этихъ мнѣній, такъ какъ это увлекло бы насъ за предѣлы нашей статьи, а ограничимся только признаніемъ общности цѣлаго ряда мотивовъ, пріемовъ и сюжетовъ скульптуры въ живописи эллинистическаго періода. Несомнѣнно, что въ эту эпоху опять-таки близко сходятся между собою живопись и рельефъ, такъ близко стоявшіе при своемъ возникновеніи. Рельефы въ греческомъ искусствѣ все болѣе и болѣе дѣлаются живописными по своей композиціи, особенно въ эллинистическій періодъ, и такими ихъ наслѣдуетъ отъ греческаго искусства римскій міръ, которому на этомъ пути почти не представлялось возможности создать чего-либо новаго, какъ предполагалъ было Филиппи[3]). И здѣсь римское искусство только училось у греческаго, но ничего не вносило своего, новаго.

Можно конечно, спорить относительно того, представляетъ ли это измѣненіе характера рельефной скульптуры въ греческомъ искусствѣ упадокъ искусства, какъ думаетъ Гаукъ и многіе другіе, или это естественный конецъ того пути, по которому шла рельефная скульптура все время своего развитія, какъ думаютъ Конце и Люке[4]). Мнѣ кажется нормальнымъ ходомъ развитія всякаго явленія тотъ, въ которомъ наблюдается послѣдовательность, а наша статья хотя въ бѣдномъ и недостаточно обставленномъ видѣ указываетъ такую послѣдовательность въ ходѣ развитія рельефной скульптуры въ Греціи, гдѣ въ началѣ и концѣ своего развитія рельефъ стоитъ рядомъ съ живописью.

---

1) Die Befreiung des Prometheus. Ein Fund aus Pergamon. 42 Programm zum Winckelmannsfeste. Berlin. 1882.

2) Die Wiener Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani.

3) Ad. Philippi. Ueber die römischen Triumphalreliefe und ihre Stellung in der Kunstgeschichte. 1872.

4) H. Lücke. Das Malerische in der Plastik. Grenzbote 1895, 336.

А. Павловскій.

Слово X вѣка
о томъ, какъ чтился образъ Спаса на Убрусѣ въ Эдессѣ.

Издаваемый ниже текстъ списанъ съ рукописи XI в., принадлежавшей нѣкогда Кикскому монастырю на Кипрѣ, а нынѣ хранящейся въ Парижѣ въ Національной Библіотекѣ [1]); онъ помѣщенъ тамъ между сказаніями о другихъ чудотворныхъ иконахъ, а непосредственно передъ нимъ находится другая статья объ Эдесскомъ же образѣ, подъ заглавіемъ: Διήγησις θαυμαστὴ καὶ ψυχωφελὴς ἀπὸ διαφόρων ἀθροισθεῖσα ἱστοριῶν περὶ τῆς πρὸς Αὔγαρον ἀποσταλείσης ἀχειροποιήτου θείας εἰκόνος Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν καὶ ὡς ἐξ Ἐδέσσης μετεκομίσθη πρὸς τὴν πανευδαίμονα ταύτην καὶ βασιλίδα τῶν πόλεων Κωνσταντινούπολιν.

Эта, безъимянная въ этой рк., статья оказывается однако тою же самой, которая давно уже издана была [2]) подъ именемъ Константина Багрянороднаго и которая весьма извѣстна, какъ наиболѣе пространное сказаніе о св. Убрусѣ и лучшій источникъ для исторіи перенесенія его въ 944 году изъ Эдессы въ Константинополь; но текстъ ея въ этой рк. представляетъ, помимо отсутствія имени автора, еще то существенное отличіе отъ изданнаго, что здѣсь у нея отсутствуетъ все заключеніе (= гл. XXXI изданнаго текста), но этимъ самымъ заключеніемъ кончается слѣдующая въ рк. далѣе анонимная же статья о томъ, какъ чтился св. Убрусъ въ Эдессѣ.

---

1) Anciens Fonds Grecs. № 1474, листы 225—227 об. Содержаніе всей рк. см. въ Catalogus codicum hagiographicorum graecorum Bibliothecae Nationalis Parisiensis edd. Hagiographi Bollandiani et Henricus Omont. 1896, стр. 154—155.

2) По гречески съ заглавіемъ Κωνσταντίνου ἐν Χριστῷ βασιλέως Ῥωμαίων τοῦ Πορφυρογεννήτου διήγησις ἀπὸ διαφόρων ἀθροισθεῖσα ἱστοριῶν и т. д. сходно съ выписаннымъ выше— издана она была впервые Combefis'омъ: Originum rerumque Constantinopolitanum manipulus. Parisiis. 1664 стр. 75 слл. = Migne. т. 113, стр. 424 слл.

Первая изданная статья съ именемъ Константина Багрянороднаго встрѣчается въ рк. довольно часто[1]), но всегда одиноко: безъ второй статьи, вторая же, издаваемая нынѣ, оказалась — правда послѣ весьма краткихъ поисковъ — лишь въ одной вѣнской рк. (указанной въ Bibliotheca hagiographica Graeca edd. Hagiographi Bollandiani 1895, стр. 56), да въ одной рк. библіотеки Лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ[2]), причемъ и въ парижской рк. № 1474 и въ вѣнской (Hist. Gr. 45 (olim. XIV) см. Lambecii... commentariorum... lib. VIII ed. Kollari, стр. 214 и 412[3]) и, повидимому, въ аѳонской, эта статья стоитъ непосредственно послѣ анонимнаго сказанія объ Эдесскомъ образѣ и перенесеніи его въ Царьградъ, которое отличается отъ изданнаго подъ именемъ Константина Багрянороднаго, отсутствіемъ риторическаго заключенія, кончающаго здѣсь вторую статью о томъ, какъ чтился образъ въ Эдессѣ, являющуюся такимъ образомъ какъ бы дополненіемъ первой, а, что она и написана была какъ таковое, это ясно говорится въ началѣ ея.

Такимъ образомъ оказывается, что сказаніе объ Эдесскомъ образѣ, приписываемое иногда Константину Багрянородному, передается рукописями въ двухъ видахъ: а) изрѣдка анонимно безъ риторическаго заключенія, но вмѣстѣ съ другою дополнительной статьей о томъ, какъ чтился образъ въ Эдессѣ, которая и кончается этимъ заключеніемъ, и б) обыкновенно съ именемъ Константина Багрянороднаго, безъ второй статьи, но съ риторическимъ заключеніемъ, взятымъ изъ нея.

Отсюда естественно является предположеніе, что разница эта произошла вслѣдствіе 1) опущенія въ рукописяхъ второго рода статьи о почитаніи св. Убруса въ Эдессѣ, 2) присоединенія къ сказанію риторическаго заклю-

---

1) Напр. въ Парижской національной библіотекѣ еще въ шести ркк. см. Catalogus codd. hagiographicorum — №№ Anc. F. Gr. 1176 XIIв; 1475 XIв; 1527 XIIв; 1528 XIIв; 1548 XIIв. и Coisl. 307 XVIв; въ Московской Синодальной библіотекѣ въ двухъ ркк. XI в. Въ славянскомъ переводѣ внесена она въ Великія Четьи Минеи 16 августа съ именемъ Константина Багрянороднаго.

2) Συναξαριστής... Νικοδήμου ἁγιορείτου изданіе Σεργίου Χ. Ραφτάνη· Ζάκυνθος. ΑΩΞΗ. III, стр. 255, пр. 1: Σημείωσαι, ὅτι Κωνσταντῖνος Λάσκαρις [?!] ὁ βασιλεὺς γράφει τὴν διήγησιν περὶ τοῦ Μανδηλίου τούτου... ἧς ἡ ἀρχὴ «Οὐκ ἄρα μόνον αὐτὸς ἀκατάληπτος ἦν» (σώζεται ἐν τῇ μεγίστῃ Λαύρᾳ, ἐν τῇ μονῇ τοῦ Βατοπαιδίου καὶ ἐν τῇ τῶν Ἰβήρων). Εὑρίσκεται δὲ ἐν τῇ Λαύρᾳ καὶ ἕτερος λόγος περὶ τῆς αὐτῆς ὑποθέσεως, οὗ ἡ ἀρχή. «Περὶ τῆς ἐν Ἐδέσσῃ ἀχειροποιήτου καὶ θείας μορφῆς Χριστοῦ»: вѣроятно оно слѣдуетъ за вышеупомянутымъ.

3) Заглавіе сказанія въ вѣнской рк. отлично отъ парижской, а именно (l. c. стр. 411): λόγος ἱστορικὸς διήγησιν ἔχων περὶ τῆς ἀχειροποιήτου μορφῆς τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὸ διὰ τίνος καὶ πότε, καὶ διὰ ποίαν αἰτίαν ἀπεστάλη πρὸς Ἄγβαρον καὶ ὅπως θείᾳ προμηθείᾳ διεκομίσθη καὶ ἀπεδόθη πρὸς τὴν θεοφύλακτον καὶ βασιλίδα τῶν πόλεων. Рукопись куплена была Бусбекомъ въ Константинополѣ. Рк. эта — X в. (см. Lipsius. Acta Apostolorum Apocrypha. I, ст. CVI), а потому должна быть основаніемъ для новаго изданія сказанія.

ченія опущенной статьи и 3) надписанія надъ сказаніемъ имени Константина Багрянороднаго. Виновникомъ передѣлки этой оказывается никто иной, какъ самъ Симеонъ Метафрастъ, какъ это явствуетъ изъ того обстоятельства, что сказаніе въ передѣланномъ видѣ: съ именемъ Константина Багрянороднаго и риторическимъ заключеніемъ, стоитъ въ рк. 1063 года Московской Синодальной Библіотеки, составлявшей, какъ говоритъ приписъ въ концѣ ея, послѣдній изъ десяти томовъ «метафразъ Логоѳета», подъ которымъ естественнѣе всего разумѣть извѣстнаго Симеона [1]), Метафраста и Логоѳета.

Въ разсматриваемой передѣлкѣ сказаній объ Убрусѣ работа Метафраста была не сложна: единственнымъ добавленіемъ его было надписаніе имени Константина Багрянороднаго надъ анонимнымъ прежде сказаніемъ, основаніемъ для чего было, очевидно, начало слѣдующей, выкинутой имъ статьи, гдѣ ясно, — хотя и довольно нескладно, — говорится, что сказаніе написано было для Константина Багрянороднаго и имъ опубликовано (τῷ χριστιανικῷ παραδέδωκε πολιτεύματι), изъ чего однако еще не слѣдовало бы выводить, что императоръ, заказавшій статью, былъ авторъ ея. Рѣшить опредѣленно, — почему именно выкинулъ Метафрастъ слѣдовавшую за первымъ сказаніемъ дополнительную статью о томъ, какъ чтился св. Убрусъ въ Эдессѣ, — едва ли возможно: вѣроятно, однако, что она не казалась ему ни интересной, ни назидательной. Напротивъ того риторическое ея заключеніе, пришедшееся, очевидно, ему по вкусу, присоединено было цѣликомъ къ первому сказанію, вѣроятно, потому, что оно показалось Метафрасту куцымъ, такъ какъ, дѣйствительно, простой конецъ его (глава XXX изданнаго текста) не соотвѣтствуетъ длинному и риторическому началу. Къ сожалѣнію, имѣя въ рукахъ парижскую рукопись № 1474, мы не подозрѣвали еще о томъ, что первое сказаніе помѣщено тутъ въ редакціи болѣе древней, чѣмъ изданная, а потому полнаго сличенія его съ изданнымъ текстомъ и не сдѣлали, а между тѣмъ при такомъ сличеніи могъ бы рѣшиться и поставленный бар. В. Р. Розеномъ (Имп. Василій Болгаробойца стр. 398) вопросъ объ интерполяціи этого сказанія упоминаніями наряду съ Убрусомъ и письмомъ Авгаря и Христа, которыя въ дѣйствительности перенесены были въ Царьградъ лишь въ 1031 году: въ Московской рк. вставки эти уже находятся, но считать виновникомъ ихъ Симеона Метафраста невозможно, т. к.

---

1) См. Арх. Владимира. Систематическое описаніе рукописей московской синодальной (патріаршей) библіотеки. Часть I. Рукописи греческія. Москва. 1894. № 382, стр. 573—574. О рк. этой см. изслѣдованіе пр. В. Гр. Васильевскаго. Синодальный кодексъ Метафраста. Ж. М. Н. Пр. Часть CCCXI, 1897, № 6, Отд. 2, стр. 332 слл. О сказаніи объ Убрусѣ см. стр. 399—401.

послѣднимъ царемъ, которому онъ служилъ, называется Василій († 1025.) (см. В. Г. Васильевскаго l. c., стр. 346), а кромѣ того едва ли онъ могъ бы отнести къ 944 г. современное и потому памятное ему событіе. Не имѣя такимъ образомъ матеріала для полнаго сужденія объ указанныхъ двухъ редакціяхъ этого извѣстнаго сказанія о св. Убрусѣ и перенесеніи его въ Царьградъ, удовольствуемся тѣмъ, что намъ удалось показать значеніе для рѣшенія этого вопроса рукописей парижской № 1474 и вѣнской № 45, и обратимся къ издаваемой ниже второй статьѣ «о томъ, какъ чтился св. Убрусъ въ Эдессѣ», которая сохранилась до насъ лишь въ этихъ рукописяхъ минологія, содержащихъ тексты, нетронутые еще рукою Метафраста, что́ и даетъ имъ важное значеніе и для другихъ агіографическихъ разысканій.

Происхожденіе издаваемой здѣсь и, насколько намъ извѣстно, впервые[1]) статьи объ обрядахъ, связанныхъ съ почитаніемъ св. Убруса въ Эдессѣ до перенесенія его въ Царьградъ, ясно объяснено въ началѣ ея: Константинъ Багрянородный, не уговлетворяясь первымъ пространнымъ, составленнымъ по его повелѣнію, сказаніемъ о св. Убрусѣ и перенесеніи его въ Царствующій Градъ, «расширилъ изысканія», какъ выражается авторъ, результатомъ чего и явилась издаваемая статья о почитаніи св. Убруса въ Эдессѣ: очевидно, этотъ именно вопросъ и былъ поставленъ императоромъ. Неизвѣстный отвѣтившій на него авторъ, очевидно, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ книжниковъ и писателей, которые исполняли для императора и другія обширныя литературныя работы, пользовался для исполненія предложенной ему задачи, конечно, того же рода источниками, какъ и составитель перваго сказанія: т. е. книгами и разсказами Эдессянъ или бывавшихъ въ Эдессѣ лицъ. Намъ кажется, что изложенныя въ издаваемой статьѣ свѣдѣнія получены скорѣе изъ устныхъ разсказовъ, а не изъ письменныхъ источниковъ, т. к. если бы авторъ имѣлъ подъ руками какой либо чинъ службы Нерукотворному Образу подобный тому, какой сложенъ былъ для него въ Константинополѣ[2]), то мы имѣли бы гораздо больше обрядовыхъ подробностей, чѣмъ сообщаетъ издаваемая статья. Судя по риторическому ея заключенію, обращенному непосредственно къ Нерукотво-

---

1) Изъ вѣнской рк. въ Commentationes—Lambecii ed. Kollari VIII, стр. 417—419, напечатано лишь начало статьи (до словъ προυτίθετο μὲν θρόνος). Среди ряда статей объ Убрусѣ, помѣщенныхъ въ Великихъ Четьихъ Минеяхъ, судя по заглавіямъ ихъ, перевода издаваемой статьи нѣтъ.

2) Въ Минеѣ Служебной Авг. 16. Въ одной рк. XII в. Синодальной библіотеки помѣщена служба, отличающаяся отъ печатной, см. арх. Владимира l. c. стр. 412 № 298. Ср. арх. Сергія. Полный мѣсяцесловъ Востока I, стр. 128.

ренному Образу и призывающему благословенія на царя и сына его, статью эту можно, кажется, считать словомъ, произнесеннымъ, или предназначеннымъ для произнесенія, предъ самимъ св. Убрусомъ въ присутствіи царствующихъ лицъ; указаніе же въ томъ же заключеніи на то, что царь великолѣпно празднуетъ память прибытія св. Убруса, точно опредѣляетъ и день произнесенія слова 16-мъ августа. Что же касается года, то таковымъ можно считать 945-ый, когда Константинъ Багрянородный, вступивъ «на отцовскій и дѣдовскій престолъ», — какъ отмѣчаетъ это заключеніе, — праздновалъ первую годовщину перенесенія св. Убруса въ Царьградъ[1]). Правда, заключеніе не говоритъ, что годовщина эта была первою, но такое предположеніе кажется намъ наиболѣе естественнымъ и вѣроятнымъ въ виду самой темы слова: собираясь торжественно праздновать первую годовщину прибытія въ Царствующій Градъ святыни, почитавшейся дотолѣ непреоборимымъ палладіемъ Эдессы, любознательный Константинъ естественно поинтересовался узнать, какими торжествами и обрядами чтили св. Убрусъ Эдессяне; мало того, возможно даже, что затребованныя имъ свѣдѣнія имѣли и нѣкоторое практическое значеніе для установленія чина цареградскаго празднованія.

Мы не можемъ разбирать издаваемое слово съ литературной или филологической стороны, не имѣя на то достаточной компетенціи, для подробнаго же историко-археологическаго разсмотрѣнія сообщаемыхъ словомъ подробностей объ Эдесскихъ обрядахъ у насъ нѣтъ теперь, къ сожалѣнію, ни времени, ни мѣста. Поэтому мы ограничиваемся лишь нѣсколькими подстрочными примѣчаніями къ издаваемому ниже тексту слова; въ дополненіе къ тексту Парижской рк. (Anc. fonds gr. № 1474) — (означаемой нами черезъ *P.*), указываемъ еще разночтенія вѣнской рк. (Cod. hist. Gr. 45)—(V.), насколько сдѣлано изъ нея выписокъ у Ламбеція и Коллара, а для заключенія и XXXI главы сказанія, изданнаго Combefis'омъ,—(*C*).

---

1) Такъ опредѣлено время перваго сказанія еще у Ламбеція и Коллара l. c. VIII стр. 416; относительно Слова они говорятъ лишь, что авторъ его также жилъ при Константинѣ Багрянородномъ (ib. 412). Alf. Rambaud (L'empire grec au X siècle, стр. 105—111) на основаніи этого заключенія опредѣлялъ 945 годомъ время изданнаго съ этимъ заключеніемъ «сказанія», не зная, что заключеніе это первоначально принадлежало не ему, а издаваемому нынѣ слову. Теперь же время сказанія надо полагать, очевидно, нѣсколько раньше, но въ виду того, что и въ вѣнской рк. находится разсказъ о пророчествѣ бѣсноватого объ единодержавіи Константина (гл. XXVII), ясно, что и это сказаніе если не написано цѣликомъ, то окончено было уже послѣ ссылки дѣтей Романа Лекапина; заказано же Константиномъ оно было, конечно, ранѣе, можетъ быть даже еще тогда, когда Убрусъ находился на пути къ Царьграду.

Περὶ τῆς ἁγίας καὶ ἀχειροποιήτου θείας εἰκόνος Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ [V. deest] Θεοῦ ἡμῶν, ὅπως ἐτιμᾶτο ἐν Ἐδέσσῃ τῇ πόλει παρὰ τῶν ἐν αὐτῇ κατοικούντων.

Περὶ τῆς ἐν Ἐδέσσῃ ἀχειροποιήτου καὶ θείας μορφῆς Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν πολλαὶ μὲν καὶ διάφοροι δόξαι ἕως ἡμῖν πεφοιτήκασιν[1]), ὅπως τε τὸ καταρχὰς ἀπεικόνιστο[2]) καὶ τίνος αἰτήσεως [V. αἰτησαντος] καὶ τίνων διακομισάντων [V. διακονησάντων] καὶ πῶς μὲν ἀπολιόρκητος[3]) ἡ πόλις ἐν ᾗπερ ἀπέκειτο τὸ [V. deest] ἐφυλάττετο, πῶς δὲ καὶ κατὰ καιροὺς [V. κατακαιροὺς]

---

1) Ихъ излагаетъ подробно изданное подъ именемъ Константина Багрянороднаго сказаніе, о которомъ см. выше. Кромѣ него есть еще одно неизданное греческое слово объ образѣ этомъ Григорія діакона и рефендарія Великой Церкви (св. Софіи) извѣстное намъ лишь по цитатѣ Аллація de Symeonum scriptis diatriba стр. 105: λόγος, ὅτι νόμοις ἐγκωμίων οὐχ ὑπόκειται τὸ παράδοξον καὶ ὅτι πατριάρχαι τρεῖς (т. е. Соборное посланіе 836 г. ср. «сказаніе» гл. XVIII) ἀνεξετάξαντο ἐκμαγεῖον εἶναι Χριστοῦ, ὅπερ ἀπὸ τὰ Ἔδεσσα μετὰ ἐννεακόσια ἔτη καὶ ἐννέα καὶ δέκα μετηγάγετο σπουδῇ βασιλέως ἐν ἔτει ,ςυνβ΄. По началу его: Παράδοξος ἡ πανήγυρις, ὅτι καὶ τὸ ὑπὲρ οὗ συγκεκρότηται, — очевидно, что оно написано было также на праздникъ 16-го августа, но время жизни Григорія—не извѣстно (см. Krumbacher, Gesch. d. byz. Litteratur. 1897, стр. 176. 10); среди статей 16 августа Великихъ Четьихъ Миней перевода его не оказывается; къ сожалѣнію и другія четыре находящіяся тамъ слова о перенесеніи образа въ Царьградъ—не изданы. Прочія извѣстія объ Эдесскомъ образѣ собраны въ изслѣдованіяхъ о немъ: А. Катанскаго Сказанія о нерукотворномъ образѣ Спасителя восточныя и западныя, въ Христіанскомъ Чтеніи за 1878 годъ т. III, 471—516; у Garrucci, Storia dell'arte cristiana т. I, 406—409 и III, 5—12; Tixeront. Les origines de l'église d'Edesse et la légende d'Abgar. Paris. 1888, стр. 52—62, 102 и 120—124. Rambaud. L'empire Grec au X s. стр. 107 сл. Бар. В. Р. Розенъ. Имп. Василій Болгаробойца, стр. 392 слл. и др. Упоминаемой арх. Сергіемъ (Полн. Мѣсяцесловъ Востока. II. Зам. 246) книги З. М[серіанца]. Подробное сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа. Москва. 1865 — найти намъ не удалось.

2) Древнѣйшее упоминаніе иконы въ сирійскомъ «Ученіи Аддая», относимомъ Tixeront'омъ (l. c. 134) къ концу IV или началу V вѣка и во всякомъ случаѣ древнѣйшемъ чѣмъ VI вѣкъ, вѣкъ рукописей, приписываетъ исполненіе портрета Христа посланцу Авгаря, Анану: Tixeront, l. c стр. 35. The Doctrine of Addai, the Apostle, transl. by G. Philipps. London. 1876, стр. 5: Hannan took and painted a likeness of Jesus with choice paints and when Abgar saw the likeness he received it with great joy and placed it with great honour in one of his palacial houses. Разсказъ же о нерукотворности образа является впервые въ Апокрифическихъ Дѣяніяхъ ап. Θаддея (Acta apostolorum apocrypha edd. Lipsius et Bonnet. I стр. 274 слл.) и принятъ уже былъ въ концѣ VI в. Евагріемъ, а затѣмъ варіируется на разные лады, представляя явное сходство со сказаніями о Камуліанскомъ образѣ и Платѣ Вероники. О происхожденіи св. Убруса «сказаніе» говоритъ въ главахъ VIII и XI.

3) См. сказаніе гл. XV, XVI, XVII, и XIX. Первоначально хранителемъ Эдессы считалось письмо Христа Авгарю, а не образъ: въ древнѣйшемъ же текстѣ письма, у Евсевія, нѣтъ и заключительнаго обѣщанія: — «и благословенъ будетъ городъ твой и врагъ никогда не овладѣетъ имъ»,— которое является въ сирійскомъ «Ученіи Аддая» (Tixeront, стр. 35). И въ концѣ IV вѣка спасеніе города отъ какого то персидскаго нашествія приписывали чудотворному дѣйствію письма (по разсказу извѣстной паломницы. См. Прав. Палестинскій Сборникъ, Вып. 20, стр. 29). Duval (см. пр. 7) относитъ однако паломничество это къ VI вѣку. Вмѣсто письма икона является впервые у Евагрія (см. пр. 10).

παρὰ πιστῶν ἀνδρῶν ἀποκρυπτομένη θαυματουργοῦσα πάλιν ἀνεκαλύπτετο[4]), ἅπερ οὐ παρέργως τῷ θειοτάτῳ καὶ μεγάλῳ ἡμῶν βασιλεῖ Κωνσταντίνῳ τῷ πορφυρογεννήτῳ φιλοπονηθέντα καὶ συλλεγέντα[5]) καὶ βίβλοις [P. βίβλους, V. βιβλοις] ἐναπογραφέντα [fol. 225 v.] εἰς προσθήκην ἐπαινετῆς πράξεως μετὰ τῶν ἄλλων αὐτοῦ μεγίστων [P. μεγίστου, V. μεγίστων] κατορθωμάτων τῷ χριστιανικῷ παραδέδωκε πολιτεύματι. Καλῶς γε περὶ τούτου διανοηθεὶς καὶ περὶ τῶν μεγίστων θεοπνευμάτως [V. θεοπνεύστως] καὶ ὑψηλῶς λογισάμενος, αλλ' ἐπειδὴ οὐ μέχρι τούτου ἔστη, παρεξέτεινε δὲ τὰ τῆς ἐρεύνης καὶ μεθ' ὁποίας τιμῆς παρὰ τοῦ [V. παρ' αὐτοῦ] ἐν Ἐδέσσῃ χριστωνύμου λαοῦ ἤγετο ἡ παροῦσα δηλώσει διήγησις. Λέγεται γάρ [V. deest] τι τοιοῦτον περὶ αὐτῆς. ὡς τῇ πρωτερευούσῃ Κυριακῇ τῆς πρώτης τῶν ἁγίων νηστειῶν ἑβδομάδος[6]) τοῦ τῆς πόλεως ἀρχιερέως μετὰ παντὸς τοῦ ἱερατικοῦ καταλόγου καὶ τοῦ πολιτικοῦ λαοῦ ἐν τῷ τῆς ἐκκλησίας[7]) σκευοφυλακίῳ συναθροιζομένου προυτίθετο μὲν θρόνος,

---

4) См. сказаніе гл. XV и XVII. Это сказаніе о чудесномъ обрѣтеніи св. Убруса и кирпича съ его отпечаткомъ (ἁγ. Κέραμος) надъ воротами Эдессы въ 544 г., во время осады города Персами, является впервые въ апокрифическихъ дѣяніяхъ ап. Θаддея (l. c. стр. 275), да и то въ позднѣйшей вставкѣ. Оно не было извѣстно, повидимому, Евагрію, и опровергается упоминаніемъ образа въ Ученіи Аддая: согласно этой позднѣйшей легендѣ въ это время (см. выше пр. 2) онъ долженъ былъ бы находиться въ забвеніи въ заложенной аркѣ.

5) Ср. заглавіе естественно-историческаго сборника: Συλλογὴ τῆς περὶ ζώων ἱστορίας..., Κωνσταντίνῳ τῷ μεγάλῳ βασιλεῖ καὶ αὐτοκράτορι φιλοπονηθεῖσα.

6) Т. е. въ Воскресенье Православія, когда празднуется возстановленіе почитанія свв. иконъ; въ многочисленныхъ словахъ, написанныхъ по этому поводу послѣ 842 г., какъ и въ болѣе древнихъ писаніяхъ VIII—IX в. въ защиту свв. иконъ, часто упоминается и Эдесскій образъ. Можно, кажется, предполагать, что процессія въ этотъ день въ Эдессѣ установлена была по этому же поводу, т. е. лишь послѣ 842 года.

7) Что св. Убрусъ хранился въ церкви, подтверждаетъ и Яхъя Антіохійскій (Розенъ, l. c. стр. 394). Естественно предполагать, что церковь эта была главная церковь города, и такое предположеніе подтверждается свидѣтельствомъ Масуди: Les prairies d'or, texte et traduction par C. Barbier de Meynard. II, p. 331: On lui (Юстиніану) doit l'église de Roha, une des merveilles du monde et qui est citée parmi les temples célèbres. Dans cette église on conservait un linge très vénéré des Chrétiens parcequ'il avait servi à essuyer Jésus le Nazaréen, quand il sortit des eaux du baptême. Ce linge conservé avec soin fut ensuite déposé dans l'église de Roha... Прокопій говоря о возстановленіи Юстиніаномъ въ Эдессѣ церкви, пострадавшей отъ наводненія 525 г. (de aed. II. 7) не называетъ имени ея, почему и можно думать, что онъ имѣетъ въ виду главную церковь города, исторія которой извѣстна изъ авторитетныхъ сирійскихъ источниковъ (см. L. Hallier Untersuchungen über die Edessenische Chronik стр. 9, 61 сл., 93 сл., 103, 112, 129, 141 и др. и исторію Эдессы R. Duval'я въ Journal Asiatique XVIII, 1890, стр. 93, 95, 101 сл., 403, XIX. 1891, 55, 77), но они молчатъ объ Юстиніанѣ: быть можетъ, Прокопій и преувеличилъ значеніе реставраціонныхъ работъ Юстиніана, что же касается Масуди и иныхъ позднѣйшихъ арабскихъ писателей (см. Duval'я, XVIII, 102), то возможно, что утвержденія эти основаны лишь, на обычномъ отнесеніи Юстиніану всѣхъ крупныхъ построекъ. Во второй половинѣ VI в. построена была «новая церковь», очевидно также большая и съ этихъ поръ главную церковь называютъ «старой», она же (?) въ 628 г. названа св. Софіей; въ 679 и 718 гг. разрушали ее землетрясенія, а въ 825 передъ нею въ «тетрапилѣ» выстроена была мечеть и нѣкоторыя части разрушены были мусульманами. Поэтому, гдѣ находился св. Убрусъ въ послѣднее время пребыванія его въ Эдессѣ, рѣшить

ἐπετίθετο δὲ ἐπ' αὐτῷ ἡ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ τιμία καὶ ἀχειροποίητος εἰκὼν [8]), ὀθόνῃ πανταχόθεν περικαλυπτομένη λευκῇ. τέσσαρες δὲ τῶν ἐπισκόπων, εἰ τύχοιεν παρεῖναι, εἴτε πρεσβύτεροι μετέωρον τὸν θρόνον αἴροντες ἐξίασι τοῦ σκευοφυλακίου τοῦ μὲν ἀρχιερέως προπορευομένου καὶ ταῖς χερσὶ τὸ τοῦ σταυροῦ σημεῖον ἐπιφερομένου· καθ' ἑκάτερα δὲ τούτου σκήπτροις [9]) χρυσοῖς ἡ μιμὴ ἀφωσίωτο [Ρ. ἀφοσίωτο] καὶ ἀπὸ τούτων ῥιπίδες λειτουργικαὶ δυοκαίδεκα στοιχηδὸν διετάττοντο καὶ μετὰ ταύτας θυμιατήρια μετὰ ἀρωμάτων τοσαῦτα καὶ σὺν αὐτοῖς λαμπάδες ἰσάριθμοι. τοῦ ἀρχιερέως κατά τινας τόπους ἀφωρισμένους ἐν τῇ τοιαύτῃ προόδῳ τρίτον ἱσταμένου καὶ τὸν λαὸν τῷ τύπῳ τοῦ σταυροῦ ἐπισφραγίζοντος καὶ πάλιν τῆς πορείας ἀπαρχομένου οὕτως τοίνυν τῆς ἱερᾶς ταύτης προπομπῆς ἐπιτελουμένης μέχρι τοῦ θυσιαστηρίου κατελάμβανον τοῦ συνεπομένου λαοῦ (fol. 226) τὸ κύριε ἐλέησον ἐπιφθεγγομένου. εἴσω δὲ τῶν ἀδύτων τῆς θείας καὶ ἀχράντου εἰκόνος ἀποτεθείσης καὶ αὖθις ὁ ἀρχιερεὺς μεθ' οὗπερ ἐν χερσὶ κατεῖχε τιμίου σταυροῦ τὸ τοῦ λαοῦ ἐπεσφράγιζε πλῆθος κατά τε ἀνατολὰς καὶ δεξιὰ καὶ εὐώνυμα. ἐντεῦθεν αὐτὴν μεταφέροντες μεθ' οὗπερ ἐπωχεῖτο θρόνου ἐν τῇ πρὸς ἀνατολὰς τῆς ἱερᾶς τραπέζης ἑτέρᾳ βραχυτέρᾳ μὲν ὑψηλοτέρᾳ δὲ προσπεπηγμένῃ τραπέζῃ προσανετίθεσαν. Καὶ δὴ τῆς ἱερᾶς μυσταγωγίας ἐπιτελουμένης καὶ τῶν θείων μυστηρίων πάντων ἀξιουμένων ἐξῆν μόνῳ τῷ ἀρχιερεῖ τῇ ἁγίᾳ καὶ ἀχράντῳ εἰκόνι προσεγγίζοντι προσκυνεῖν τε καὶ ἀσπάζεσθαι καὶ μετὰ τοῦτο αἴρειν ἀπ' αὐτῆς τὴν ἐπικειμένην λευκὴν ὀθόνην καὶ πορφυρίζουσαν ἑτέραν περιτιθέναι. ἐντεῦθεν ὁ θειότατος οὑτοσὶ θρόνος ὑπὸ τῶν αὐτῶν ἱερέων αὖθις αἰρόμενος μετὰ τῆς ὁμοίας προπομπῆς καὶ προόδου ἐν τῷ ἱερῷ ἀπεκομίζετο σκευοφυλακίῳ. εἶθ' οὕτως τῇ μέσῃ ἑβδομάδι τῶν ἁγίων νηστειῶν ἐν τῇ τετάρτῃ τῶν ἡμερῶν συγκεχώρητο μόνῳ τῷ ἀρχιερεῖ εἰσιέναι τι καὶ τὴν θήκην ἐν ἧπερ ἐπέκειτο διανοίγειν καὶ σπόγγῳ ἀνεπάφῳ διαβρόχῳ ὕδατι ταύτην ἀπομάττειν καὶ τὸ ἐκ τοῦ σπόγγου ἀποθλιβόμενον διδόναι παντὶ

мы не можемъ, т. к. большую церковь якобы Юстиніана одни (Duval) отождествляютъ съ нынѣшней мечетью Халиль эр-Рахманъ, а другіе (Sachau) съ Улу-Джами: первая замѣнила «старую» церковь, вторая—«новую». Искать же отвѣта надо въ самой Урфѣ.

8) Во время торжественнаго вноса св. Убруса въ Царьградъ его и тамъ поставили временно на царскій тронъ, — не въ воспроизведеніе ли этого Эдесскаго обряда? — Сказаніе гл. XXX:... ἐν τῷ κατ' ἐπωνυμίαν τρικλινίῳ χρυσῷ ἐπὶ τοῦ βασιλείου θρόνου, ἐν ᾧ περὶ τῶν μεγίστων χρηματίζειν εἰώθασι, τὴν θείαν εἰκόνα τέως ἱδρύουσιν, ἁγιασθῆναι πάντως καὶ τὴν ἀνακτορικὴν καθέδραν, καὶ δικαιοσύνης ὁμοῦ καὶ χρηστότητος ἐπιεικῶς μεταδοῦναι τοῖς ἐπὶ ταύτης ἐφεζομένοις οὐκ ἀπεικότως πιστεύσαντες.

9) О ношеніи въ церковныхъ и иныхъ процессіяхъ въ Царьградѣ скиптровъ см. Д. Ѳ. Бѣляева. Byzantina. II, стр. 70 прим., объясненіе же имъ скиптровъ, какъ знаменъ, не совсѣмъ вѣроятно. Въ одномъ литургическомъ толкованіи (Ѳеодора еп. Андидскаго (в. XI-ый) Patr. Gr. 140, ср. 441) упоминаются при великомъ входѣ не только рипиды и скиптры, но даже мечи: καὶ τὰ σκῆπτρα καὶ τὰς ῥομφαίας ἃς τὸ παλαιὸν ἔφερον, ὡς σύμβολα βασιλείας ἐπιφέρουσι οἱ διάκονοι, καὶ τὰ ῥιπίδια εἰς τύπον εἰσὶ τῶν χερουβίμ (ср. ниже прим. 12).

τῷ λαῷ, ἐξ οὗπερ τὰς ὄψεις ἐπιχριόμενοι τοῦ ἐκεῖθεν ἁγιασμοῦ ἐνεπίμπλαντο [10]). ἀλλ' ἡ μὲν τοιαύτη προπομπή τε καὶ τελετὴ κατὰ μόνας τὰς τῶν ἁγίων νηστειῶν ἐτελεῖτο ἡμέρας, ἅτε δὴ τῇ ἐγκρατείᾳ τῶν πολλῶν κεκαθαρμένων καὶ τὸ τῆς ψυχᾶς διορατικὸν τηλαυγέστερον κεκτημένων τῆς ἐκ τῶν παθῶν ἐπιπροσθούσης ἀχλύος καὶ διὰ τοῦτο χερσὶν ἀσπίλοις τῶν τιμίων ἐφαπτομένων καὶ ἱερῶς ταῖς ἱεραῖς καὶ θείαις ἡγουμένων προσιέναι τελεταρχίαις. κατὰ δὲ τὰς ἄλλας τοῦ ἐνιαυσιαίου κύκλου (fol. 226 v.) ἡμέρας τῆς μὲν τοιαύτης ἀπείχοντο τελετῆς, ὅτι μὴ θέμις πυκνότερον προσιέναι τοῖς ἀπροσίτοις ὡς μὴ τῷ ῥάστῳ τῆς ἐγγύτητος καταχαυνωθῆναι τὸ τῆς πίστεως εὔτονον. Καὶ ἐπειδὴ θυρίσιν ἡ παλαιὰ τῆς θείας μορφῆς περιεστέλλετο θήκη [11]), ὡς μὴ θεατὴν εἶναι πᾶσιν ὅτε καὶ

---

10) Чудотворная сила воды, касавшейся образа, признавалась въ концѣ VI вѣка, какъ можно заключать изъ разсказа Евагрія о чудѣ, спасшемъ Эдессу отъ Персовъ: Patr. Gr. 86.2 стр. 2748—49:... τὴν παναγίαν εἰκόνα κατὰ τὴν εἰργασμένην σφίσιν ἐσαγαγόντες διώρυγα ὕδατί τε ἐπικλύσαντες ἀπ' αὐτοῦ κατὰ τῆς πυρᾶς καὶ τῶν ξύλων ἀφεῖσαν. Καὶ παραυτίκα τῆς θείας δυνάμεως τῇ πίστει τῶν δεδρακότων ἐπιφοιτησάσης ὅπερ ἦν ἐκείνοις πρῴην ἀδύνατον, ἐξηνύετο, παραυτίκα γὰρ ἐξεδέξαντο τὴν φλόγα τὰ ξύλα.... Можно даже, кажется, предполагать, чта самый разсказъ этотъ, столь характерно расходящійся съ исторіей того же событія у Прокопія, возникъ изъ отождествленія преданія о той древней осадѣ, когда городъ спасло письмо Христа (см. прим. 3), съ осадою 544 года, при чемъ согласно съ развитіемъ почитанія св. Убруса, спасителемъ города является уже не письмо, а Нерукотворенный образъ; разсматриваемая же подробность о чудотворномъ дѣйствіи воды, стекшей съ образа, позволяетъ, кажется, предполагать существованіе и во время Евагрія описываемыхъ «словомъ» X вѣка обрядовъ омовенія образа и раздачи народу воды, почитавшейся цѣлебною. Въ Hierolexicon sive Sacrum Dictionarium Dominici Macri Melitensis. ed. 8-a Venetiis 1788 s. v. Acheropiton (т. I, стр. 19) читаемъ: In vigilia... Assumptionis Deiparae ejusdem Redemptoris Iconem [in Sancta Sanctorum см: о ней Garrucci l. c. III, стр. 9 сл.] herba, ocymo et aqua ad pedes lavabat Pontifex, ac illum processionaliter ad basilicam Mariae Majoris propriis suis manibus deferebat. Qui coeremoniae usus, usque ad B. Pii Papae V tempora (ut Sebastianus Fabrinus in tractatu de Jubilaeo Anni Sancti 1600 c. 18. testatur) duravit. Хотя Нерукотворный образъ Латерана копируетъ вовсе не св. Убрусъ, но, не входя въ далекія изысканія объ описываемомъ обрядѣ, можно, кажется, предполагать, что основаніемъ ему было знакомство съ издаваемымъ словомъ, а т. к. латеранскій образъ изображаетъ Христа во весь ростъ, то естественно было омывать ему лишь ноги. Отдаленнымъ отголоскомъ того же вѣрованія въ чудотворную силу воды, касавшейся св. Убруса, о которомъ свидѣтельствуетъ издаваемое слово, является сказаніе современныхъ намъ злополучныхъ Армянъ Урфы о находящемся близъ города «колодцѣ Убруса» (Джебъ-эль-Мендиль): Авгарь—согласно этой версіи—изцѣлился отъ проказы водою, наполнившей колодезь, въ которомъ спрятанъ былъ св. Убрусъ (см. V. Cuinet, La Turquie d'Asie. II, стр. 258 сл.). Въ описаніи современной (1879 г.) Урфы Sachau (Reise in Syrien und Mesopotamien. стрр. 189—210) о колодцѣ этомъ не упоминаетъ; обѣ большія мечети (см. пр. 7) оказались для «гяура» недоступными и ему пришлось ограничиться лишь кормленіемъ священныхъ рыбъ, — упоминаемыхъ еще паломницею IV в., см. пр. 3,—въ «прудѣ Авраама», на берегу котораго стояла по мнѣнію Duval'я (l. c. XVIII, стр. 93) главная церковь Эдессы. Обильнымъ ключамъ, образующимъ этотъ и другой близь лежащій прудъ, городъ обязанъ какъ возникновеніемъ на этомъ именно мѣстѣ, такъ и древнимъ прозвищемъ Каллирои; ключевая вода, имѣющая столь важное значеніе въ жизни и исторіи города, естественно получила соотвѣтственную роль и въ смѣнявшихъ другъ друга религіозныхъ вѣрованіяхъ Эдессянъ.

11) Кіотъ этотъ мы должны себѣ представлять, какъ оклады многочисленныхъ древнихъ иконъ, въ видѣ триптиха, состоящаго изъ широкой задней доски и двухъ узкихъ ство-

ἡνίκα βούλοιντο, ἐν δυσὶ ταύταις τῆς ἑβδομάδος ἡμέραις τετράδι τέ φημι καὶ παρασκευῇ διὰ τῶν πεπερονημένων λεπτοτάτων σιδήρων, ἃ παρ' ἐκείνοις σκῆπτρα ὠνόμαστο, τῶν τοιούτων θυρίδων ἀναπεπταμένων ἐβλέπετο μὲν παρὰ παντὸς τοῦ συνεληλυθότος πλήθους καὶ ταῖς εὐχαῖς ἕκαστος ἐξιλεοῦτο τὴν ἐκείνης ἀκατάληπτον δύναμιν. οὐ μὴν δὲ ἠφίετό τινι προσεγγίσαι ἀλλ' ουδὲ χειλέων ἢ ὄμμασι τοῦ ἱεροῦ προσψαῦσαι μορφώματος, ὡς ἐντεῦθεν τοῦ θείου φόβου τὴν πίστιν αὔξοντος φοβερωτέραν πρὸς τὸν τιμώμενον τιμὴν ἀποδείκνυσθαι. οὕτως μὲν οὖν ἐτελεῖτο ἡ τῆς ἁγίας καὶ ἀχειροποιήτου εἰκόνος τοῦ Χριστοῦ πρόοδος καὶ τοιαύτη προπομπὴ καὶ λαμπροφορία κατεφαιδρύνετο οὐκ οἴδαμεν δὲ οἷστισι τρόποις καὶ αἰτίαις [12]). ὅσον δ' οὖν καταλαβεῖν δυνατὸν διὰ μὲν τοῦ θρόνου τὴν πάντων ἐξουσίαν τῆς θεότητος αἰνιττόμενοι, διὰ δὲ τῶν σκήπτρων τὸ τῆς βασιλείας μέγεθος ὑπογράφοντες, καὶ ταῖς μὲν ῥιπίσι τὴν τῶν ἑξαπτερύγων καὶ πολυομμάτων πρὸς τὸ θεῖον αἰδῶ καὶ τιμὴν ὑπεμφαίνοντες, τοῖς δὲ ἀρώμασι καὶ θυμιατηρίοις τὴν τοῦ κενωθέντος δι' ἡμᾶς μύρου μυστικὴν καὶ ὑπὲρ ἔννοιαν εὐωδίαν ὑποχαράττοντες, αἱ λαμπάδες τὴν ἐν φωτὶ ἀϊδίῳ καὶ ἀπροσίτῳ κατοικίαν αἰνιττόμενοι, ἡ πρὸς τὸν ναὸν εἴσοδος τὴν εἰς τόνδε τὸν κόσμον (fol. 227) αὐτοῦ παρουσίαν, τίς δὲ καὶ ἡ ἔνδον τῶν ἀθεάτων ἀπόθεσις καὶ ἡ μυστικὴ τελετή; τὴν καθ' ἡμᾶς ὑπὲρ ἡμῖν θυσίαν αὐτοῦ ὑποφαίνουσι καὶ τὸ τοῦ πάθους καὶ τοῦ θανάτου ἑκούσιον, τί δὲ καὶ οἱ ἱερεῖς; πρὸς ὁμοίωσιν τῶν ἀγγελικῶν ἐκλαμβάνονται τάξεων ἐν οἷς ἐποχούμενος δημιουργὸς [13]) τῶν ὅλων ἀνακηρύττεται, τὰς δ' ἐπικειμένας διττὰς ὀθόνας οὕτως ὑποληπτέον· διὰ μὲν τῆς λευκῆς, εἴτε τὸ καθαρὸν καὶ σαφὲς καὶ πᾶσι κατάδηλον ὡς εἴη Θεὸς τοῦδε τοῦ παντὸς παραγωγεύς τε καὶ συνοχεὺς καὶ ἀεὶ ὢν καὶ ὡσαύτως ἔχων ἀεὶ τοῦτο γὰρ καινῶς ἀνωμολόγηται, εἴτε τὸ μέγα καὶ ὑπέρφωτον ἐκεῖνο φῶς ὅπερ καὶ ὡς ἱμάτιον ἀναβάλλεται καὶ κατοικεῖν ἐν αὐτῷ κηρύττεται καὶ φῶς εἶναι κόσμου πι-

---

рокъ спереди. О немъ упоминаетъ «слово» нѣсколько выше, а «сказаніе» во главѣ XXVII. Очевидно тотъ старый кіотъ найденъ былъ благочестивыми царями недостойнымъ святости образа и замѣненъ новымъ, драгоцѣннѣйшимъ, ранѣе произнесенія слова (т. е. 945 г.?) Относительно самаго образа сказаніе сообщаетъ слѣдующія подробности: льняная ткань (гл. I) съ изображеніемъ (очевидно въ натуральную величину) лика Христа, наклеена была на доску, а древній золотой окладъ (быть можетъ только рамка) имѣлъ надпись ΧΕ Ο ΘС Ο ЄΙϹ ϹЄ ЄΛΠΙΖΩΝ ΟΥΚ ΑΠΟΤΥΓΧΑΝЄΙ ΠΟΤЄ (гл. XV), повторяемую одною монетой, приписываемой Іоанну Цимисхію (Garrucci, l. c. I, стр. 409).

12) Конечно происхожденіе описанныхъ словомъ обрядовъ изъяснить было бы весьма трудно; тщательное реальное изслѣдованіе о нихъ довело бы насъ до обрядовъ языческаго идолослуженія. Символическое же толкованіе, предлагаемое авторомъ слова, написано по образцу литургическихъ толкованій, съ которыми и представляетъ мѣстами значительное сходство, см. о нихъ статью Н. Θ. Красносельцева, О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ въ IV томѣ Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ и ср. пр. 9.

13) Очевидно имѣются въ виду многочисленныя изображенія Христа въ ореолѣ, несомомъ четырьмя ангелами.

στεύεται καὶ φῶς εἰς τὸν κόσμον ἐληλυθέναι δείκνυται, διὰ δὲ τῆς πορφυριζούσης τὸ ἀκατάληπτον οἶμαι καὶ ἀθέατον τῆς ἀνεκφράστου οὐσίας τό τε τῆς ἀκαταληψίας σκότος ὅπερ καὶ ἀποκρυφὴν αὐτοῦ ἔθετο διεῖργον τὴν γεννητὴν φύσιν τῆς ἀγεννήτου καὶ ὑπὲρ ἔννοιαν, καὶ δέ γε ἀπὸ τοῦ ἱεροῦ θυσιαστηρίου πρὸς τὸν τοῦ σκευοφυλακίου οἶκον ὑποστροφὴ καὶ μετάστασις ἡ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τῆς αὐτοῦ οἰκονομίας πρὸς οὐρανοὺς ἀνύψωσις καὶ ἀνάβασις ἣν μετὰ τῆς αὐτῆς τιμῆς καὶ λαμπροφορίας ἀποθειάζουσι τῷ δεσπότῃ κατὰ τὸ δυνατὸν τὸ σέβος καὶ τὴν τιμὴν ἀπονέμοντες. ἡ μὲν οὖν τῆς ἱερᾶς ἐκείνης καὶ θείας εἰκόνος πολυειδὴς προπομπὴ καὶ προέλευσις τοιούτοις προχαττομένη αἰνίγμασι τοιαύτας ἔσχε καὶ τὰς τῆς ἀληθείας ἐκβάσεις. εἰ δέ τινες μυστικώτερον τούτων καὶ ὑψηλότερον νενοήκασιν ἀλλ' ἡμῖν γε τέως ἡ κατὰ δύναμιν ἐγχείρησις ἐπαρκέσει πρὸς ἀποδοχὴν τοῦ πονήματος. Ἀλλ' ὦ θεῖον καὶ [C. deest] ἄχραντον [C. deest] (fol. 227 v.) ὁμοίωμα τοῦ ἀπαραλλάκτου τοῦ πατρὸς ὁμοιώματος, ὦ χαρακτὴρ τοῦ χαρακτῆρος τῆς πατρικῆς ὑποστάσεως, ὦ σεπτὴ καὶ πάντιμε σφραγὶς τοῦ ἀρχετύπου κάλλους τοῦ [C. deest] Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὡς γὰρ ἐμψύχῳ σοι πιστῶς διαλέγομαι. σῶζε καὶ φρούρει ἀεὶ τὸν εὐσεβῶς καὶ πρᾴως ἡμῶν βασιλεύοντα καὶ τὴν τῆς σῆς ἐπιδημίας ἀνάμνησιν λαμπρῶς ἑορτάζοντα ὃν τῇ παρουσίᾳ σου ἐπὶ τὸν παππῷον καὶ πατρῷον θρόνον ἀνύψωσας. φύλαττε τὸν τούτου βλαστὸν εἰς διαδοχὴν τοῦ γένους καὶ τῶν σκήπτρων ἀνώλεθρον. βράβευε τῇ πολιτείᾳ εἰρηναίαν κατάστασιν, τὴν βασιλίδα ταύτην [P. τῇ βασιλίδι ταύτῃ, C. τὴν βασιλίδα ταύτην] τῶν πόλεων ἀπολιόρκητον διατήρησον καὶ δὸς ἡμᾶς εὐαρεστοῦντας τῷ ἀρχετύπῳ σου κάλλει [C. deest] Χριστῷ τῷ Θεῷ ἡμῶν ἐν τῇ ἐπουρανίῳ εἰσδεχθῆναι βασιλείᾳ αὐτοῦ δοξολογοῦντας ἀσιγήτως [C. deest] καὶ ἀνυμνοῦντας αὐτόν, ὅτι αὐτῷ εἰ [C. πρέπει] δόξα [C. δόξα καὶ ἡ προσκύνησις] εἰς τὸν αἰῶνα [C. τοὺς αἰῶνας] τῶν αἰώνων. ἀμήν.

Я. И. Смирновъ.

Богъ Панъ.

Уже Велькеръ въ своей Griechische Götterlehre (1857. Bd. I, 454—457) высказалъ по нашему мнѣнію правильный взглядъ на Пана, какъ на божество родственное Геліосу-Аполлону и имъ потомъ отчасти вытѣсненное, сопоставляя между прочимъ эпитеты Аполлона Παιάν и Παιάων съ именемъ Πάν, указывая и на общій имъ обоимъ эпитетъ Λύκειος, Λύκαιος. Мнѣніе Велькера принято и Иммерваромъ[1]), который впрочемъ не касается именъ. Но вообще этотъ взглядъ не привился въ наукѣ. Преллеръ[2]) выводилъ сущность Пана изъ значенія его какъ бога покровителя стадъ; и въ послѣдней переработкѣ книги Преллера Робертъ[3]) сохраняетъ тотъ-же взглядъ, признавая между прочимъ и значеніе Пана какъ бога свѣта, но лишь какъ второстепенное, выводимое изъ основнаго значенія бога пастуха. Рошеръ въ своей книгѣ о Селенѣ, въ экскурсѣ о Панѣ[4]) силится провести будто-бы новую мысль, что всѣ функціи этого козлоногаго бога сводятся къ основному значенію его какъ «божественнаго или демоническаго типа древнегреческихъ пастуховъ овецъ и козъ».

Что касается до сближенія именъ Πάν съ Παιάν Παιάων, Παιήων, то оно въ послѣднее время оставлено безъ вниманія. Этимологи, Курціусъ, Ваничекъ, производятъ, какъ и Преллеръ, Πάν изъ Πάων, отъ основы *pa-* = пасти, кормить; Παιάν, Παιήων отъ другихъ и даже разныхъ основъ (напр. Ваничекъ первое отъ *pa-*, *pan-* прославлять, второе отъ *pav-* прекращать). Однако тождество названій гимновъ παιάν и παιήων (у Гомера)

1) W. Immerwahr. Die Kulte und Mythen Arkadiens. Bd. I, Lpz. 1891, 203—206.

2) Griechische Mythologie, Bd. I, Berl. 1854.

3) 4-te Aufl. 1894, 738 sqq.

4) Ueber Selene und Verwandtes. Lpz. 1890, 149 sqq.

на Гиметтѣ. Можетъ быть остатокъ культа того же бога-козла подъ названіемъ Κριός имѣемъ мы и въ димѣ Κριώα на склонахъ третьей большой горы Аттики Пентеликона. Пространство, обнимающее эти три горы, такъ называемая Діакрія, составляло царство Лика, сына Пандіона[1]). Здѣсь еще въ димѣ Φλύα впослѣдствіе были владѣнія рода Ликомидовъ[2]). Царство Лика заканчивалось въ сторону Аѳинъ горою Ликабеттомъ, у подошвы которой была роща Λυκεῖον, посвященная этому старому богу.

Еще далеко за предѣлами исторической Греціи мы находимъ слѣды почитанія Пана и Лика, именно въ одноплеменныхъ, несомнѣнно, древнѣйшимъ обитателямъ Греціи такъ называемыхъ Ѳракійскихъ племенахъ Македоніи, жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ горою Πάγγαιον: Παίονες или Παίωνες, Παναῖοι въ окрестностяхъ Амфиполя (Thuc. II, 101) и Ἠδωνοί съ ихъ божествомъ Ликургомъ. Сюда же нужно, вѣроятно, отнести и Ликійцевъ Малой Азіи.

Но почему Аполлонъ, занявшій мѣсто Пана, присоединивъ къ себѣ его имя въ видѣ Παιάν, получилъ значеніе бога цѣлителя? Думается, что старый богъ Панъ былъ божествомъ всемогущимъ, между прочимъ и врачующимъ; новое божество Аполлонъ, отняло у него главныя функціи, а другія можетъ быть разобрали другія божества. Сила цѣлебная, какъ наименѣе тѣсно связанная съ природою новыхъ божествъ, дольше всего оставалась за старымъ Паномъ, пока, наконецъ, не была тоже присоединена вмѣстѣ съ именемъ къ главному похитителю его власти Аполлону, или же къ какому-нибудь другому божеству, успѣвшему пріобрѣсти значеніе цѣлителя (напримѣръ Асклепію).

---

1) Πὰν-Δίων какъ Ζεὺς Παιάν на Родосѣ, Πάν и Ζεύς на Ликеѣ; Πανδία, дочь Зевса и Селены — Луна.

2) Λυκομίδαι, но м. б. и Λυκομῆδαι отъ Λύκος и Μήδη = Μήδεια—луна. Впрочемъ о почитаніи въ родѣ Ликомидовъ или въ димѣ Фліи кого-нибудь изъ старыхъ боговъ, родственныхъ Пану или Лику, мы ничего не знаемъ.

Р. Леперъ.

CORRIGENDA.

страница	*строка*	*напечатано:*	*слѣдуетъ:*
30	5 снизу	жуткой	жесткой
34	12 »	sancto fides	sancta fides
39	5 сверху	undo	unda
—	8 »	flectus	fletus
45	10 снизу	Вѣнской	Ягеллонской
46	10 »	musali	musaei
50	2 »	и во	и что во
58	1 сверху	-ωι	-οι
71	17 »	Πλονοῦ	Πλυνοῦ
76	14 »	πόλεν	πόλιν
77	1 »	Δάρθανον	Δάρδανον
78	3 снизу	1;	7;
80	21 сверху	Τημενίων	Τημενείων
109	8 »	скита	склона
111	6 снизу	1859	1895
113	17 сверху	Аристогоромъ	Аристагоромъ
114	11 »	στεφάνω	χρυσῷ στεφάνῳ
—	14 »	ἀποδιός	ἀποδούς
117	2 »	нормальныхъ	моральныхъ
148	23 »	Дедагачъ	Дедеагачъ
155	13 снизу	pu arranger	pas arrangées
—	2 »	сомнѣнія	сомнѣніе
156	прим. 1	Litilhac	Lintilhac
157	2 сверху	on	ou
158	10 »	avantures	aventures
160	6 снизу	cantori	cantari
161	1 сверху	протекало	проникало
—	прим. 3	Mersolin	Morsolin
162	5 сверху	petiggiare	poetiggiare
163	5 »	anze	anzi
164	прим. 1	sotlo	sotto
166	» 2	sopro	sopra
—	» »	sepolte	sepolto
167	7 сверху	coma	come
169	4 снизу	Дасне	Дасье
191	1 »	—	*добавить:* Vaticano-Palatini 410 и 413, и прим. 1:—*съ десятью.*

Stanford University Libraries
3 6105 020 567 199

